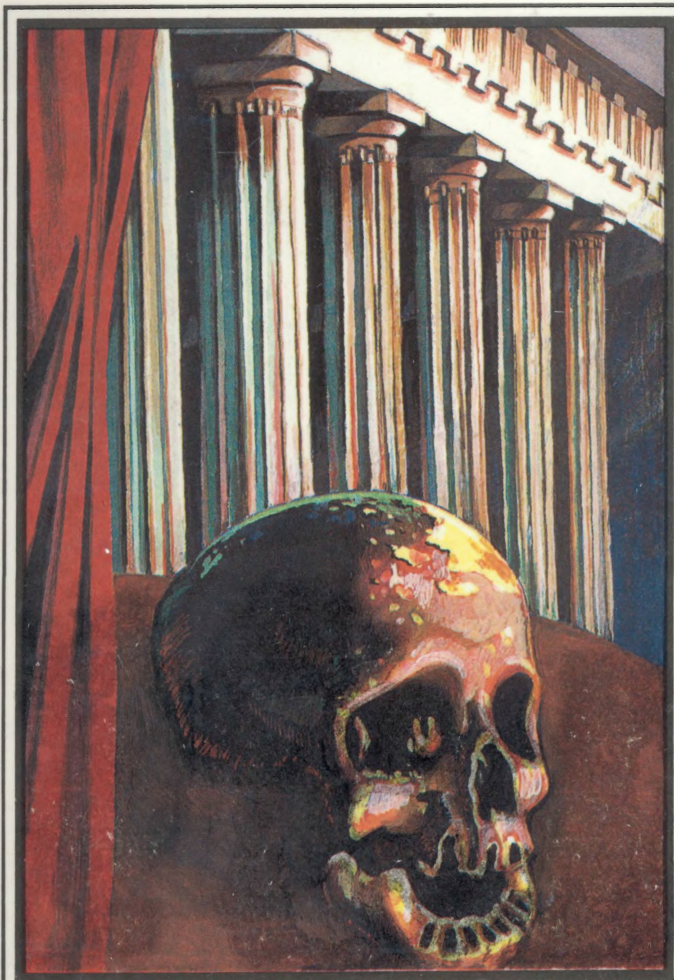

МИРЫ РОБЕРТА ХАЙНЛАЙНА

МИРЫ РОБЕРТА ХАЙНЛАЙНА

23

**ИЗДАТЕЛЬСКАЯ
ФИРМА
«ПОЛЯРИС»**

WORLDS OF ROBERT A. HEINLEIN

Volume twenty three

**THE PAST THROUGH
TOMORROW**

МИРЫ РОБЕРТА ХАЙНЛАЙНА

Книга двадцать третья

ИСТОРИЯ БУДУЩЕГО

**Издательская фирма «Полярис»
1994**

**ББК 84.7США
Х19**

**The Past Through Tomorrow.
Putnam, New York, 1967
Copyright © 1967 by Robert A. Heinlein**

© 1994 Издательская фирма «Полярис»,
оформление, составление

© 1992 Издательская фирма «Полярис»,
название серии

**Издание подготовлено при участии
издательства «TERRA FANTASTICA»,
г. Санкт-Петербург**

**Выпуск издания осуществлен
при участии издательства «ФОЛИО»,
г. Харьков**

**Перепечатка отдельных рассказов и
всего издания в целом запрещена без
разрешения издателя и переводчика. Вся-
кое коммерческое использование данного
издания возможно исключительно с пись-
менного разрешения издателя.**

**X 4703040100—080 Без объявл.
94**

ISBN 5-88132-084-0

ИСТОРИЯ БУДУЩЕГО

1951—2600 г.г. н.э.

ФАКТЫ	ФАКТЫ СОЦИОЛОГИИ	ПРИМЕЧАНИЯ
Трансатланти- ческие ракет- ные перелеты	«БЕЗУМНЫЕ ГОДЫ» Забастовка 1966 г. «ЛОЖНЫЙ РАССВЕТ», 1960—70 гг. Первый полет на Луну, 1978 г.	Значительные технические до- стижения этого периода сопро- вождаются постепенным падени- ем нравов, распадом привычно- го жизненного уклада и общественных институтов и за- канчиваются массовым психи- змом в шестидесятые годы. На- ступают «смутные времена».
Межконтинен- тальная ракетная служба	Основание Луна-Сити Космический предупредительный акт Лунная корпорация Харримана ПЕРИОД ИМПЕРСКОЙ ЭКС- ПЛУАТАЦИИ, 1970—2020 г.г. Революция в Лиге-Америке Межпланетные исследования и разработки Американо-Австралоазиатский аппалос	«Смутные времена» сменяет пе- риод реконструкции. Финансо- вые заявления Вурхиса дали временную экономическую ста- бильность и возможность пере- ориентации. Это завершилось открытием новых рубежей и возвратом к экономической си- туации XIX века.
Бактериофаги Транспортный модуль и боевой модуль	Рост религиозного фанатизма Новый «крестовый поход» Восстание и независимость колонистов Венеры Религиозная диктатура в США	Три революции завершили ко- роткий период межпланетного империализма: в Антарктике, в США и на Венере. Космиче- ские перелеты прекратились до 2072 г.
Коммерческая стереооптика		В этот период не велось почти никаких исследований и техни- ческие достижения незначитель- ны. Крайний пуританизм. Неко- торые аспекты психофизиологии и психометрии, массовая психо- логия, социальное управление разработаны классом священни- ков
Ракетные пушки Синтетическая пицца Управление погодой Волновая металлика «Барьер»	ПЕРВАЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ, 2075 г. и далее	Восстановление гражданской свободы. Возрождение научных исследований. Возобновление космических полетов. Вторично заложен Луна-Сити. Наука соци- альных отношений, основанная на главных отрицательных по- ложениях семантики. Застой в гносеологии. Ковенант.
Микротехноло- гия Элементы 98-416 Парастетиче- ская техника		Начало консолидации Солнеч- ной системы.
Работы над за- медлением жизненных процессов в организме Исследования по симбиотике Долголетие		Первая попытка межзвездных исследований. Гражданские беспорядки, за которыми следует конец юности человечества и затухание первой полноценной культуры.

ИСПЫТАНИЕ КОСМОСОМ

Наверное, нам вообще не стоило соваться в космос. Есть две вещи, которых каждый человек боится с самого рождения, — шум и высота. А космос находится настолько высоко, что непонятно, зачем человек в здравом уме забирается туда, откуда, если ему не повезет, он будет падать... и падать... и падать. Впрочем, все астронавты сумасшедшие. Это известно.

Он решил, что врачи были к нему добры.

— Вам повезло. Вы не должны забывать об этом, старина. Вы еще молоды, а пенсия у вас такая, что о будущем можно не беспокоиться. Руки и ноги у вас целы, и вообще вы в прекрасной форме.

— Прекрасной! — В голос его непроизвольно закралась нотка презрения к самому себе.

— Но это на самом деле так, — продолжал мягко настаивать главный психиатр. — То, что с вами произошло, не причинило вам никакого вреда, если не считать того, что в космос вы больше не полетите. Честно говоря, я не могу назвать акрофобию неврозом — боязнь высоты вполне естественна. Вам не повезло, но если учесть, что вы пережили, то можно утверждать, что никаких отклонений у вас нет.

Одного напоминания об этом хватило, чтобы его снова начало трясти. Он закрыл глаза и увидел кружа-

«Ordeal in Space»

© И. Оранский, перевод, 1993.

щиеся внизу звезды. Он падал, и падение это было бесконечным. Из забытья его вывел голос психиатра:

— Успокойтесь, старина. Вы на Земле.

— Извините.

— Не за что. А теперь скажите, что вы собираетесь делать дальше?

— Не знаю. Видимо, буду искать работу.

— Компания обеспечит вас работой, вы это знаете.

Он покачал головой:

— Я не хочу слоняться по космопорту.

Он представил себе, как будет ходить здесь в рубашке с маленьким значком, показывающим, что когда-то он был человеком; откликаться на уважительное обращение «капитан», доказывать, что своим прошлым он заслужил право на отдых в помещении для пилотов, замечать, как смолкает при его появлении разговор на профессиональные темы, думать о том, что говорят о нем за его спиной... Нет, спасибо!

— Я думаю, вы приняли мудрое решение. Лучше покончить с прошлым раз и навсегда, по крайней мере, до тех пор, пока вы не начнете чувствовать себя лучше.

— Вы думаете, этот день когда-нибудь наступит?

Психиатр поджал губы.

— Возможно. У вас чисто функциональное расстройство, травм нет.

— Но вы уверены, что этот день придет?

— Я этого не говорил. Признаться, я просто ничего не могу сказать по этому поводу. Мы до сих пор очень мало знаем об этом заболевании.

— Понятно. Ну, я, пожалуй, пойду.

Психиатр поднялся с кресла и сунул ему свою руку.

— Позвоните, если вам что-либо потребуется. И, во всяком случае, не пропадайте навсегда.

— Спасибо.

— С вами будет все в порядке. Я в этом убежден.

Глядя в спину удаляющегося пациента, врач покачал головой. Походка этого человека уже ничем не напоминала легкую, уверенную поступь астронавта.

В то время лишь небольшая часть Нью-Йорка находилась под землей, но он, выйдя от врача, и не собирався подниматься наверх — подземка домчала его до

гостиницы для холостяков. Он отыскал комнату, на двери которой светила надпись «Свободно», опустил в прорезь монету, забросил внутрь свою спортивную сумку с пожитками и вышел. Монитор на подземном перекрестке выдал ему адрес ближайшего бюро по трудоустройству. Добравшись до места, он уселся за стол для собеседований, дал компьютеру снять отпечатки пальцев и начал заполнять анкеты. У него появилось ощущение, что он вернулся в прошлое: последний раз он искал работу еще до того, как поступил в школу астронавтов.

Графу «фамилия» он оставил пустой и, заполнив всю анкету, продолжал раздумывать. Известностью он был сыт по горло, ему не хотелось, чтобы его узнавали и вокруг него поднимался ажиотаж, — больше всего он не хотел, чтобы ему рассказывали, какой он герой. Наконец, он впечатал в пустую графу слова «Уильям Сондерс» и бросил листки в предназначенную для них щель. Он докуривал уже третью сигарету и потянулся за следующей, когда перед ним зажегся экран.

— Мистер Сондерс, — произнесла симпатичная брюнетка. — Пройдите, пожалуйста, комната семнадцать.

Когда он вошел, брюнетка указала ему на кресло и предложила сигарету.

— Устраивайтесь поудобнее, мистер Сондерс. Меня зовут мисс Джойс. Я бы хотела поговорить о вашем заявлении.

Он уселся и молча ждал продолжения.

Увидев, что он не расположен говорить, брюнетка добавила:

— Вы называли себя мистером Сондерсом, но судя по вашим отпечаткам, у вас другое имя. Мы знаем, кто вы на самом деле.

— Не сомневаюсь.

— Я понимаю, что раз вы называли себя мистером Сондерсом, мистер...

— Сондерс.

— ...мистер Сондерс... Это заставило меня покопаться в вашем досье. — Она достала катушку с микрофильмом, повернув ее так, чтобы он смог разглядеть на ней свое имя. — Теперь я о вас знаю больше, чем

вы сочли нужным напечатать в анкете. У вас хороший послужной список, мистер Сондерс.

— Благодарю.

— Но я не смогу воспользоваться им, чтобы подыскать вам работу. Я даже не имею права упоминать о нем, если вы будете настаивать, что ваша фамилия Сондерс.

— Моя фамилия Сондерс. — Голос его был спокойным и невозмутимым.

— Вы поступаете опрометчиво, мистер Сондерс. Существует много ситуаций, в которых престиж имени может быть совершенно законно использован для того, чтобы клиент получал гораздо более высокую ставку, чем...

— Мне это неинтересно.

Она посмотрела на него внимательно и решила не продолжать.

— Как хотите. Загляните в комнату «Б», там вы сможете пройти классификационные и профессиональные тесты.

— Благодарю.

— Если вы передумаете, мистер Сондерс, мы будем рады пересмотреть ваш вопрос. Сюда, пожалуйста.

Через три дня он уже работал в небольшой фирме по выпуску систем связи. Проверял электронное оборудование. Это была монотонная, спокойная работа, занимающая все его мысли, и к тому же легкая для человека с его опытом и квалификацией. К концу трехмесячного испытательного срока он был переведен на более высокую должность.

Он устроил себе хорошо изолированное от внешнего мира логово, работал, спал, ел, иногда проводил вечер в библиотеке или Ассоциации молодых христиан, и никогда, ни при каких обстоятельствах не выходил под открытое небо и не поднимался на высоту даже театрального балкона.

Он старался вычеркнуть прошлое из памяти, но воспоминания все еще были свежи, и он нередко грезил наяву: он снова видел остроконечные звезды над замороженным Марсом, шумную ночную жизнь венериан-

ской столицы, раздутый красный Юпитер, его гигантское обрюзгшее тело, сплющенное у полюсов и заполнявшее собой все небо над космопортом Ганимеда.

А иногда он снова испытывал сладкое спокойствие длинных вахт во время межзвездных перелетов. Но эти воспоминания были опасны, они грозили поколебать с трудом обретенное душевное равновесие. Он слишком легко соскальзывал из настоящего в прошлое и внезапно обнаруживал, что висит, цепляясь изо всех сил за стальные бока «Валькирии» — пальцы немеют и разжимаются, а под ним бездонный колодец космоса. Тогда он возвращался в настоящее, приходил в себя, трясясь от волнения и судорожно сжимая в руках инструмент.

Когда это в первый раз произошло с ним во время работы, он заметил, что один из его коллег, Джо Талли, смотрит на него с явным любопытством.

— Что с тобой, Билл? — поинтересовался Джо. — Похмелье?

— Да нет, — с трудом вымолвил он. — Обычная простуда.

— Ты бы лучше принял таблетку. Пойдем, уже время ленча.

Талли пошел к лифту, у которого толпился народ. Большинство работников фирмы, даже женщины, предпочитали спускаться на специальных парашютах, но Талли всегда пользовался лифтом. Тот, кто называл себя Сондерсом, разумеется, избегал спуска на парашюте, это сближало его с Талли, и за ленчем они сидели за одним столом. Он знал, что парашют безопасен, что даже если вдруг отключится энергия, его застопорит на уровне следующего этажа и спускающийся избежит даже малейших неудобств, но он не мог заставить себя шагнуть с платформы в пустоту.

Талли во всеуслышание заявлял, что после такого спуска у него болит спина, но наедине он признался Сондерсу, что просто не доверяет автоматике. Сондерс понимающе кивнул и промолчал. Его тянуло к Талли. Впервые в начале новой жизни он не чувствовал необходимости быть настороже с другим человеком и начал считать Талли своим другом. Ему даже захотелось рассказать Талли всю правду о себе. И он рассказал бы,

если бы был уверен, что Джо не начнет относиться к нему как к герою. Честно говоря, он в общем-то ничего не имел против роли героя. Еще ребенком — когда он бродил вокруг космопортов, обдумывая, как попасть на борт корабля, и прогуливая уроки ради того, чтобы наблюдать за взлетами, — он мечтал о том, что в один прекрасный день станет героем, героем космоса, возвращающимся на Землю с триумфом. Но его мучило то, что сейчас он не походил на того героя, которым мечтал быть когда-то: герой не должен избегать распахнутых окон, бояться пройти через площадь под открытым небом и наглухо замыкаться в себе при одной мысли о бесконечном космосе.

Талли пригласил его к себе домой на обед. Ему хотелось пойти, но он попробовал уклониться от приглашения, когда узнал, где живет Талли: в Шелтон Хоумс, как сказал ему Джо, имея в виду одну из этих огромных коробок-муравейников, пришедших на смену уютным домам.

— Слишком долго возвращаться, — с сомнением ответил Сондерс, проигрывая в уме, как по дороге избежать того, чего он боялся.

— Тебе не придется возвращаться, — заверил его Талли. — У нас есть комната для гостей. Ну давай, приезжай. Моя старушка отлично готовит, потому-то я с ней и живу.

— Хорошо, — согласился он. — Спасибо, Джо. — Он решил, что от станции подземки ему останется каких-нибудь полкилометра, а там можно взять такси и задернуть шторы на окнах.

Талли встретил его в прихожей и шепотом извинился:

— Хотел пригласить для тебя девушку, Билл. А вместо этого к нам заявился шурин, полное ничтожество. Прости.

— Да брось, Джо. Я рад, что пришел.

Он действительно был этому рад. Правда, известие о том, что Джо живет на тридцать пятом этаже, поначалу встревожило его, но вскоре он с облегчением обнаружил, что не чувствует высоты. В квартире горел свет, окна были закрыты, пол под ногами был твердым и

прочным. Он чувствовал себя здесь в тепле и безопасности. К его удивлению, выяснилось, что миссис Талли действительно хорошая хозяйка, — как и все холостяки, он не доверял домашней кухне. Ощущение того, что он дома, ему рады и ничто не угрожает, смыло внутреннюю напряженность, и он даже умудрялся пропускать мимо ушей большую часть агрессивных и самоуверенных сентенций шурина.

После обеда он расслабился в мягком кресле с бокалом пива в руке и принялся смотреть видео. Показывали музыкальную комедию, и впервые за несколько месяцев он от души посмеялся. После комедии началась религиозная программа, выступление Национального кафедрального хора — ему нравилось так вот сидеть, прислушиваясь то к телевизору, то к разговору.

Хор уже допел «Молитву о путешествующих» до середины, когда он наконец осознал, что они поют:

Услышь, мы молимся Тебе
За тех, кто нынче в море.
О Ты, правитель всех и вся,
Тебе покорен всяк,
До звезд простерлась власть Твоя,
Ты всем внушаешь страх,
Но будь же милостив.
Но будь Ты милосерден к тем,
Кто в космосе сейчас летит,
В бездонной пустоте.

Он хотел сразу же выключить телевизор, но не смог — он должен был дослушать это до конца, хотя слова пронзали его сердце и заставляли чувствовать себя вечным изгнанником, страдающим от невыносимой тоски по дому. Еще в школе астронавтов при исполнении этого гимна на глаза его наворачивались слезы, и сейчас он наклонил голову, чтобы никто не увидел мокрых дорожек на его щеках.

Когда хор пропел «аминь», он быстро переключил телевизор на другую, любую другую, программу и склонился над пультом, делая вид, что изучает его. Когда он повернулся к остальным, внешне он был абсолютно спокоен, но ему казалось, что все видят комок боли, набухающий и ворочающийся в его груди.

Шурин все еще шумел.

— Мы должны присоединить их, — доказывал он, — и только так! Договор трех планет — вздор! Как они смеют указывать нам, что мы можем и чего не можем делать на Марсе?

— Но, Эд, — примиряюще произнес Талли, — ведь это их планета, не так ли? Они были там первыми.

Эд не обратил на его слова никакого внимания.

— Разве мы спрашивали индейцев, нравится ли им наше присутствие в Северной Америке? Никто не имеет права цепляться за то, чем он не способен распоряжаться как следует. Если правильно использовать Марс...

— Это твои собственные теории, Эд?

— Это были бы не теории, если бы наше правительство не было таким бесхребетным и нерешительным. Конечно, для них важнее всего права аборигенов. Какие могут быть права у сборища дегенератов?

Сондерс вдруг поймал себя на том, что сравнивает Эда Шульца с Кнатом Суутом, единственным марсианином, которого он близко знал. Интеллигентным Кнатом, который по земным меркам был уже стариком, а среди марсиан считался юношей. Кнат... Да, Кнат часами мог сидеть рядом с другом или хорошим знакомым, не говоря ни слова, потому что слова были не нужны. Марсиане называли это «расти вместе» — так «росла вместе» вся их раса, и до появления землян они не нуждались в правительстве.

Сондерс однажды спросил друга, почему он практически ни к чему не стремится и довольствуется столь малым. Прошло больше часа, и Сондерс уже начал сожалеть о своем любопытстве, когда Кнат наконец ответил:

— Мои отцы трудились, а я устал.

Сондерс поднял голову и посмотрел шурину в глаза:

— Они не дегенераты.

— Неужто? Можно подумать, что ты специалист в этом вопросе.

— Марсиане не дегенераты, они просто устали, — твердо повторил Сондерс.

Талли ухмыльнулся. Шурин, заметив его ухмылку, помрачнел.

— Откуда ты знаешь? Ты что, бывал на Марсе?

Сондерс спохватился, что утратил бдительность.

— А ты бывал? — осторожно спросил он.

— Это к делу не относится. Лучшие умы соглашались, что...

Разговор перестал занимать Билла, и он решил больше не возражать, только с облегчением вздохнул, когда Талли заметил, что всем им утром рано вставать и, наверное, пора уже готовиться ко сну. Билл сказал миссис Талли «спокойной ночи», поблагодарил ее за чудесный обед и отправился за Талли в гостевую комнату.

— Эд — наш семейный позор, единственный способ избавиться от него — уйти спать, — извинился Талли. — Живи у нас сколько захочешь. — Он подошел к окну и открыл его. — Здесь тебе будет хорошо спаться. Мы живем достаточно высоко, и воздух у нас действительно чистый. — Он высунул голову в окно и несколько раз глубоко вдохнул. — Ничто не заменит свежий воздух, — добавил он, отойдя от окна. — В душе я до сих пор остаюсь деревенским парнем. Что с тобой, Билл?

— Ничего. Абсолютно ничего.

— Мне показалось, что ты побледнел. Ну ладно, спокойного сна. Кровать разбудит тебя в семь. Ты сможешь хорошо выспаться.

— Спасибо, Джо. Спокойной ночи. — Как только Талли вышел из комнаты, он собрался с силами, подошел к окну и закрыл его. Затем, обливаясь потом, включил вентиляцию и опустился на край кровати.

Билл долго сидел так, выкуривая сигарету за сигаретой. Он понял, что ошибся, полагая, будто обрел внутреннее спокойствие. Впереди его ждали стыд за самого себя и мучительная, непроходящая душевная боль. Теперь он всегда будет пасовать перед такими ничтожествами, как Эд Шульц, — лучше бы он вообще не вышел живым из той передрыги. Наконец он достал из кармана упаковку снотворного и лег, проглотив сразу пять таблеток. Потом заставил себя встать, чуть приоткрыть окно и подумал, хорошо бы выключить автоматiku: пусть свет горит и когда он заснет.

Вскоре пришел сон. Он снова был в космосе — на самом деле он никогда с ним и не расставался. Он был

счастлив, как человек, который проснулся и обнаружил, что все дурное, что с ним происходило, было лишь страшным сном.

Его разбудил плач. Сначала Билл испытал лишь легкое беспокойство, но затем почувствовал, что нужно что-то предпринять. Именно из-за этого плача ему начал сниться момент падения. Но для него это был не сон, а реальность. Биллу снилось, что его руки цепляются за скобы, скользят, соскальзывают, а под ногами нет ничего, лишь черная пустота космоса...

Он проснулся, судорожно ловя ртом воздух, и увидел, что лежит на кровати в квартире Джо Талли, а в комнате горит яркий свет. Но плач ему не приснился — он продолжался.

Билл потряс головой, затем прислушался. Он понял: это была кошка, вернее, котенок. Билл сел на кровати, следовало проверить, в чем дело, даже не будь он астронавтом, для которого симпатия к кошкам была традиционной. Тем более, что он сам любил их не по традиции. Кошки, опрятные и выносливые, терпеливые, хорошо переносящие перегрузки, пушистые и ласковые кошки просто нравились ему. Он встал, оглядевшись, убедился, что в комнате котенка нет, и на слух определил, что звук доносится через слегка приоткрытое окно. Билл замер от испуга и попытался собраться с мыслями. Он говорил себе, что от него ничего больше не требуется, звук, вероятно, доносится из соседнего окна. Но сам чувствовал фальшь этих заверений — звук был слишком близко. Каким-то загадочным образом котенок очутился прямо за окном, на высоте тридцати пяти этажей.

Билл снова сел и достал сигарету, но она сломалась в его дрожащих пальцах. Он уронил ее на пол, встал и сделал шесть напряженных шагов к окну — он шел так, словно его сильно толкали в спину. Затем опустился на колени, широко распахнул окно и, крепко зажмурив глаза, ухватился за подоконник.

Через некоторое время его перестало трясти. Билл открыл глаза, задохнулся и вновь зажмурился, потом снова открыл их, стараясь не смотреть на землю и звезды. Он был почти уверен, что котенок сидит на балконе прямо за окном, — это было единственное

разумное объяснение. Но оказалось, что балкона нет, нет ничего, где, по логике вещей, мог находиться котенок.

А мяуканье становилось все громче. Казалось, оно доносится прямо из-под его ног. Все еще держась за подоконник, Билл медленно опустил голову и заставил себя взглянуть вниз. Там метра на полтора ниже подоконника здание облегал узкий карниз. На нем сидел несчастный, жалкий котенок. Он посмотрел на человека и мяукнул.

Билл понимал, что если он ухватится одной рукой за подоконник, то сможет достать котенка, высунувшись по пояс из окна. Он прикинул, не позвать ли Талли, но решил, что не стоит. Талли был ниже его ростом и наверняка не смог бы достать котенка таким образом. К тому же спасать котенка надо было срочно, пока этот пушистый, безмозглый дурачок не свалился вниз.

Билл решил попробовать. Высунувшись, он левой рукой ухватился за подоконник и вытянул вниз правую. Затем открыл глаза и увидел, что до котенка остается каких-то двадцать-тридцать сантиметров. Котенок, увидев руку, с любопытством принохался. Билл тянулся до тех пор, пока не захрустели кости. Котенок быстро отскочил от тянущихся к нему пальцев на несколько метров, затем уселся и принялся умываться. Всклипывая от волнения, Билл опустился на пол прямо у окна.

— Я не могу, — прошептал он. — Я не могу сделать это еще раз...

Космический корабль «Валькирия» находился в двухстах сорока девяти днях полета от земного космопорта «Луна» и приближался к порту «Марс» на Деймосе, одном из спутников Марса. Уильям Коул, старший офицер связи и второй пилот, сладко спал, когда помощник начал трясти его.

— Эй, Билл! Проснись — у нас беда!

— Что? В чем дело? — Он уже тянулся к одежде. — В чем дело, Том?

Через пятнадцать минут Билл уже знал, что его помощник не преувеличивал: главный радиолокатор вышел из строя. Том Сэндбург обнаружил это во время

очередной проверки, когда Марс уже находился в пределах досягаемости локатора. Капитан выслушал доклад и пожал плечами:

— Исправьте, и побыстрее. Без локатора нам не обойтись.

Билл Коул покачал головой:

— Внутренние системы в порядке, капитан, похоже, у него отломалась антенна.

— Это невозможно. Это мог сделать только метеорит, но защитная система корабля подала бы сигнал.

— Могло произойти все, что угодно, капитан. Мог износиться металл, и она просто отвалилась. Так или иначе, антенну надо менять. Прекратите вращение корабля, я вылезу и установлю новую. Я смогу это сделать, как только корабль начнет сбрасывать обороты.

Для своего времени «Валькирия» была великолепным кораблем. Ее построили задолго до того, как родилась идея создания искусственного гравитационного поля. Тем не менее для удобства пассажиров здесь применялась антигравитация. «Валькирия» постоянно вращалась вокруг своей оси, как пуля, выпущенная из винтовки. В результате угловое ускорение — его почему-то называют центробежной силой — давало пассажирам возможность спокойно стоять или лежать в гамаках. Вращение начиналось, когда отключались ракетные ускорители, выводившие корабль на орбиту, а заканчивалось при посадке. Все это достигалось с помощью обратного вращения маховика, установленного по центру корабля.

Капитан выглядел обеспокоенным.

— Я начал сбрасывать обороты, но мы не можем долго ждать. Перестройте локатор для пилотирования.

Коул начал было объяснять, почему радиолокатор не может быть использован для работы в малом радиусе, но затем замолчал.

— Это невозможно, сэр. Технически невозможно.

— Когда я был в вашем возрасте, для меня не существовало ничего невозможного! Что ж, найдите другой выход из положения. Я не могу сажать корабль вслепую. Даже если мне дадут за это медаль Харримана.

Коул какое-то мгновение колебался, прежде чем ответить.

— Мне придется самому выйти в космос и заменить антенну. Ничего другого я предложить не могу.

Капитан отвернулся, сжав зубы.

— Готовьте запасную антенну. И поторопитесь.

Когда Коул с инструментами и запасной антенной появился в отсеке, через который нужно было выходить в космос, он увидел там капитана. К его удивлению, тот был в скафандре.

— Объясните мне, что надо делать, — приказал он.

— Неужели вы собираетесь справиться с этим сами?

Капитан молча кивнул.

Билл посмотрел на талию капитана, точнее, на то место, где она должна была находиться. И подумал, что капитану лет тридцать пять, не меньше.

— Боюсь, я не смогу четко все объяснить. Я рассчитывал сделать это своими руками.

— Я никогда никому не поручал заданий, которых не могу выполнить сам. Объясните.

— Извините, сэр, вы можете подтянуться на одной руке?

— При чем здесь это?

— У нас на борту сорок восемь пассажиров...

— Хватит слов!

Билл и Сэндбург, оба в скафандрах, помогли капитану вылезти в космос. Там, за стеной отсека, была бездонная, испещренная звездами пустота. Корабль все еще вращался, и любое движение наружу означало движение вниз, туда, в миллионы миль пустоты. Естественно, они пристегнули к поясу капитана трос, и все-таки у Билла упало сердце, когда он увидел, как капитан растворяется в бездонной черной дыре. Трос, намотанный на барабан, пополз вперед, но через пару метров остановился. Прошло несколько минут, трос не шелохнулся, и Билл наклонился к Сэндбургу, упершись шлемом в его шлем:

— Подержи меня за ноги. Я выгляну наружу.

Он повис вниз головой и огляделся. Капитан неподвижно висел на руках, держась за вмонтированную в корпус скобу, так и не приблизившись к антенне. Билл дал Сэндбургу знак втащить его обратно и встал на ноги.

— Я пошел.

Повиснув на двух руках и раскачиваясь, он без особых усилий приближался к капитану. «Валькирия» была настоящим межпланетным кораблем, и, в отличие от других кораблей, на ее корпусе были скобы, предназначенные для удобства портовых ремонтников. Оказавшись рядом с капитаном, Билл, ухватившись за скобу, на которой тот висел, помог ему перейти на следующую — ближе к отсеку. Пять минут спустя Сэндбург втаскивал капитана в отсек, а за ним карабкался Билл. Он отстегнул запасную антенну и инструмент от скафандра капитана и пристегнул к своему. А затем снова пополз навстречу космосу, не дожидаясь, пока капитан придет в себя настолько, что начнет возражать, если, конечно, он все еще собирался возражать.

Добраться до антенны, раскачиваясь от скобы к скобе, было не так уж сложно, хотя под ногами у него была бездна. Скафандр несколько замедлял его движение — перчатки были слишком неуклюжими, — но он привык к скафандрам. Он был в восторге, оттого что пришел на помощь капитану, и не переставал думать об этом. Его немного беспокоило, что вращение усиливалось, — отсек был расположен ближе к оси вращения, чем антенна, и он чувствовал, как растет его вес. Установить запасную антенну оказалось сложным делом. Она была нормального размера и весила немного, но оказалось, что выполнить задачу просто нереально. Одной рукой он держался за скобу, другой придерживал антенну, а гаечный ключ держать было нечем. Как бы он ни старался, у него ничего не получалось, не хватало одной руки.

Наконец он принял решение и дернул за страховочный трос, давая Сэндбургу сигнал ослабить его. Затем отстегнул карабин от пояса и, держась одной рукой, второй дважды обмотал трос вокруг скобы и завязал узлом, оставив висеть свободный конец двухметровой длины, и прикрепил карабин ко второй скобе. Получилась петля, нечто вроде веревочного сиденья, которое выдерживало его вес, пока он вставлял запасную антенну на место. Теперь дело пошло.

Он почти закончил работу. Ему оставалось затянуть дальний от него болт. Антенна уже была закреплена в

двух местах и действовала. Он решил, что для выполнения последней задачи ему хватит одной руки. Он приподнялся со своего импровизированного сиденья и, раскачиваясь, как обезьяна, оказался с другой стороны антенны.

Когда и с этим было практически покончено, ключ вырвался из его рук и полетел вниз, вниз, вниз... У него закружилась голова, пока он смотрел на сверкающий на солнце ключ, постепенно теряющийся в черной космической мгле. До этого он был слишком занят, чтобы смотреть вниз.

По его спине пробежала дрожь.

— Слава Богу, что я все закончил, — сказал он себе. — Чтобы подобрать ключ, пришлось бы слишком далеко идти.

Он решил вернуться на то место, где находился прежде. И обнаружил, что не может этого сделать. Добираясь сюда, он раскачался, держась за трос. Теперь трос висел на другой стороне и дотянуться до него он не мог. Возвращение было невозможно.

Он висел, держась обеими руками за скобу, и уговаривал себя не поддаваться панике. Не может быть, что не окажется выхода. Если добраться до отсека по противоположной стороне корабля? Но там корпус «Валькирии» был гладким, на протяжении двух метров там не было ни одной скобы. Даже если бы он не устал — а ему пришлось признать, что он устал и замерз, — даже если бы он был полон сил, вернуться на прежнее место хватило бы ловкости разве что шимпанзе.

Он еще раз посмотрел вниз и сразу же пожалел об этом. Под ним были звезды, бесконечные звезды в бесконечной глубине. Он попытался забраться на скобу, стараясь закинуть на нее ноги. Это была тщетная и ненужная попытка, отнявшая у него много сил. Он подавил охвативший его страх и снова повис на руках.

С закрытыми глазами висеть было легче. Но время от времени он все же открывал их и вглядывался в то, что его окружало. Мимо проплыла Большая Медведица, за ней — Орион. Он пытался считать минуты по количеству вращений корабля, но обнаружил, что не может быстро соображать, и опять закрыл глаза.

Руки начинали неметь и замерзать. Он решил повисеть на одной руке, чтобы вторая набралась сил. Он отпустил левую руку, почувствовал резкие уколы — начало восстанавливаться кровообращение — и постучал ею по телу. Потом решил, что пора дать передышку правой руке. Но, потянувшись к скобе левой рукой, он не смог до нее достать. У него уже не было сил на отчаянный рывок, он не мог подтянуться и схватить скобу второй рукой. Правую руку он уже не чувствовал. Он видел, как она скользит по скобе, соскальзывает с нее... Потом он почувствовал, что напряжение спало, и понял, что летит вниз... вниз. И заметил отдающийся от него корабль.

Когда он пришел в себя, то увидел склонившегося над ним капитана.

— Лежи спокойно, Билл.

— Где...

— Все нормально. Когда ты упал, патруль с Деймоса был уже около корабля. Их приборы зафиксировали твое падение, и они тебя подобрали. Насколько мне известно, такое — первый случай в истории. А теперь лежи спокойно. Ты болен, Билл, — ты провисел там более двух часов.

До него снова донеслось мяуканье, на этот раз оно казалось громче. Билл встал на колени и перегнулся через подоконник. Котенок сидел на прежнем месте. Билл высунулся чуть дальше, помня о том, что смотреть надо только на котенка и никуда больше.

— Кис-кис! — позвал он. — Эй, кис-кис! Сюда, давай сюда!

Котенок перестал умыться, вид у него был озадаченный.

— Давай, котя, — мягко повторил Билл. Он оторвал одну руку от подоконника и поманил котенка пальцем. Тот подошел чуть ближе и снова сел. — Котик, — умоляющим голосом позвал Билл и вытянул руку как можно дальше. Пушистый комок тут же отступил назад.

Билл убрал руку и начал обдумывать ситуацию. Все его попытки оказались напрасными. Вот если бы перелезть через подоконник и встать на карниз, держась за оконную раму... Он знал, что опасности в этом нет никакой — если только не смотреть вниз!

Он встал коленями на подоконник, спиной к улице, и, держась за него обеими руками, спустил вниз ноги, не отрывая взгляда от края кровати. Казалось, карниз переместился. Билл никак не мог нащупать его и уже решил, что промахнулся, когда наконец коснулся его пальцами ног. Карниз был сантиметров пятнадцать шириной. Он глубоко вздохнул.

Оторвав правую руку от подоконника, он повернулся и посмотрел на котенка. Того явно заинтересовало происходящее, но подходить ближе он не собирался. Билл решил, что сможет сделать несколько шагов по карнизу, держась одной рукой за оконную раму, а другой поймать котенка.

Он сделал несколько медленных, неуклюжих шагов, как ребенок, только начавший ходить. Слегка согнув колени и наклонившись вперед, он готов был схватить котенка. Котенок понюхал протянутые к нему пальцы и отскочил назад. Одна лапка соскользнула с карниза, но он тут же восстановил равновесие.

— Дурачок, — укоризненно сказал Билл, — хочешь шмякнуться своей пушистой башконкой об асфальт? Пошевели мозгами, если они у тебя есть, — добавил он. Положение выглядело безвыходным; теперь, как бы он ни тянулся, он не мог достать котенка, не отпуская окно. Он несколько раз позвал его без особой надежды и задумался, как быть дальше.

Он мог вернуться обратно в квартиру. Он мог постоять здесь всю ночь в надежде, что котенок подойдет ближе. Или мог оторваться от окна и поймать его. Карниз был достаточно широк и спокойно выдерживал его вес. Если он прижмется к стене, то сможет держаться за нее левой рукой. Он начал медленно продвигаться вперед, держась за окно до тех пор, пока оно не ушло из-под пальцев, и перемещался так медленно, что ему показалось, будто он стоит на месте. Затем, когда его левая рука коснулась стены, он сделал ошибку, на мгновение посмотрев вниз, на сверкающую далеко под

ним мостовую. Он быстро перевел глаза на стену и начал смотреть на точку, находившуюся на уровне глаз чуть впереди. Он все еще был на карнизе!

Котенок оставался на старом месте. Билл сделал шаг правой ногой и согнул колени. Его правая рука опустилась позади котенка. Он сделал резкое размашистое движение, словно ловил муху, и котенок оказался у него в руке — царапающийся и кусающийся комочек.

На секунду он замер, не обращая внимания на сопротивление котенка, и, вытянув руки вдоль стены, пошел назад. Он не видел, куда идет, так как не мог повернуть голову, в противном случае ему грозила потеря равновесия. Путь обратно казался бесконечно долгим, куда более долгим, чем путь сюда, но наконец кончики его пальцев коснулись рамы. Еще несколько секунд, и он, перегнувшись через подоконник, взобрался на него, присел передохнуть и перевел дыхание.

— Да, — сказал он громко, — однако тут тесновато. Ты, дружок, создаешь серьезную угрозу уличному движению.

Билл посмотрел на мостовую, до нее было далеко, и выглядела она довольно неприветливо. Он перевел взгляд на звезды. Их яркое мерцание показалось ему очень красивым. Котенок устроился поудобнее у него на коленях и замурлыкал. Билл рассеянно погладил его и потянулся за сигаретой. Он подумал, что завтра явится в космопорт и пройдет медицинские тесты, в том числе и психометрические. Он почесал котенка за ухом.

— Ну что, пушастый, — сказал он, — отправимся-ка мы с тобой в долгое-долгое путешествие.

ЗЕЛЕННЫЕ ХОЛМЫ ЗЕМЛИ

Это история о Райслинге, Слепом Певце Космических Дорог... Разве что — неофициальная версия.

В школе вы пели его слова:

«А под последнюю посадку,
Судьба, мне шарик мой пошли.
Дай приласкать усталым взглядом
Зеленые холмы Земли».

Возможно, что пели вы по-французски или по-немецки. А может, это был эсперанто, и над вашей головой рябило радужное знамя Терры.

Какой язык — не важно... Но что точно — земной язык. Никто не переводил «Зеленые холмы» на шепелявую венерианскую речь; ни один марсианин не каркал и не вышепывал их в длинных сухих коридорах. Эти стихи — наши. Мы, с Земли, экспортировали все — от голливудских «мурашек по коже» до синтетических актиноидов, но «Холмы» принадлежали исключительно Терре, ее сыновьям и дочерям, где бы они ни находились.

Все слышали множество историй про Райслинга. Может, вы даже из тех, кто снискал степени или шумно приветствовал ученую оценку его опубликованных сборников, таких, как «Песни космических дорог»,

«The Green Hills of Earth»

© Ян Юа, перевод, 1993.

«Большой канал и другие поэмы», «Выше и дальше» и «Кораблю — взлет!»

Но хотя вы еще со школы пели его песни и читали его стихи, ставлю один к одному, что никогда вы не слышали таких, как «С той поры, как Чпок-Толкач повстречал мою кузину», «Моя рыжая мочалка из ангаров Венусбурга», «Покрепче, шкипер, держи штаны» или «Мой скафандр для двоих».

Вряд ли стоит цитировать эти вирши в семейном журнале.

Репутацию Райслингу спасли осторожный литературный душеприказчик и удивительное везение: никто никогда не брал у него интервью. «Песни космических дорог» появились через неделю после его смерти, и когда они стали бестселлером, то официальную историю свинтили из того, что о нем хоть кто-нибудь помнил, плюс знойные рекламные тексты издательств.

В итоге классический портрет Райслинга достоверен примерно так же, как томагавк Джорджа Вашингтона или лепешки короля Альфреда.

Честно говоря, у вас не возникло бы желания пригласить его к себе в гости: в обществе он был несъедобен. У него была хроническая солнечная чесотка, и он непрерывно скребся, ничем не преумножая и без того более чем неприметную красоту.

Портрет работы Ван дер Воорта для харримановского юбилейного издания Райслинговых сочинений представляет человека высокой трагедии: суровый рот, невидящие глаза под черной шелковой повязкой. Да не был он никогда суровым! Рот его всегда был распахнут: поющий, ухмыляющийся, пьющий или жрущий. Повязкой служила любая тряпка, обычно грязная. С тех пор как Райслинг потерял зрение, он все меньше и меньше заботился об опрятности собственной персоны.

«Шумный» Райслинг был джетменом второго класса — с глазами не хуже ваших, — когда имел неосторожность наняться на круговой рейс к астероидам в окрестностях старика Джови на КК «Тетеревятник». В те дни наемные экипажи не отягощались ничем; обще-

ство Ллойда расхохоталось бы вам в лицо при упоминании о страховке космонавта. Об Актах по космической безопасности и не слыхивали, а Компания отвечала лишь за оплату — если и когда. Так что половина кораблей, ушедших из Луна-Сити, так и не вернулась. Космонавты не ведали осторожности; и охотнее всего подряжались за акции, причем любой из них держал бы пари, что сможет сигануть с двухсотого этажа Харримановской башни и благополучно приземлиться, если вы, конечно, предложите три к двум и позволите нацепить резиновые каблуки.

Джетмены были самыми беспечными из всей корабельной братии, но и самыми вредными. По сравнению с ними мастера, радисты и астрогаторы (в те дни еще не было ни суперов, ни стюардов) были изнеженными вегетарианцами. Джетмены знали слишком много. Многие доверяли способностям капитана благополучно опустить корабль на землю; джетмены знали, что это искусство бесполезно против слепых и припадочных дьяволов, закованных в двигатели.

«Тетеревятник» был первым из харримановских кораблей, переведенных с химического топлива на ядерный привод... вернее, первым, который не взорвался при этом. Райслинг хорошо знал этот корабль — это была старая лоханка, приписанная к Луна-Сити и курсировавшая по маршруту от орбитальной станции Нью-Йорк-Верх к Лейпорту и обратно — пока ее не перепали для глубокого космоса. Райслинг работал на ней и на маршруте Луна-Сити, и во время первого глубокого рейса к Сухим Водам на Марс и — ко всеобщему изумлению — обратно.

К тому времени, как он нанялся на юпитерианский крутовой рейс, ему следовало бы стать главным инженером, но после Суховодного пионерского его вышибли, внеся в черный список, и высадили в Луна-Сити за то, что вместо слежения за приборами он провел время, сочиняя припев и несколько строф. Песенка была препакостная: «Шкипер — отец своему экипажу» с буйно-непечатным последним куплетом.

Черный список его не волновал. В Луна-Сити у китайского бармена он выиграл аккордеон, смошенничав на один палец, и продолжал существовать дальше пением для шахтеров за выпивку и чаевые, пока быст-

рый расход космонавтов не заставил местного агента Компании дать ему еще один шанс. Год-другой он подержал нос в чистоте на Лунном маршруте, вернулся в глубокий космос, помог Венусбургу приобрести зрелую репутацию, давал представления на пляжах Большого Канала, когда в древней марсианской столице возникла вторая колония, ну и отморозил уши и пальцы ног во втором рейсе на Титан.

В те дни все делалось быстро. Раз уж двигатели на ядерном приводе пришлось ко двору какому-то количеству кораблей, выход из системы Луна—Терра зависел лишь от наличия экипажа. Джетмен был редкой птицей: защита урезалась до минимума, чтобы сэкономить на весе, и женатые мужчины нечасто имели желание рисковать на радиоактивной сковородке. Райслинг в папаше не собирался, так что в золотые деньки бума заявок на него всегда был спрос. Он пересек и перепересек систему, распевая вирши, кипящие у него в голове, и подыгрывая себе на аккордеоне.

Мастер «Тетеревятника» его знал: капитан Хикс был астрогатором во время первого рейса Райслинга на этом корабле.

— Добро пожаловать домой, Шумный, — приветствовал он Райслинга. — Ты трезв или мне самому расписаться в книге?

— Шкипер, как можно надраться местным клопомором?

Он расписался и пошел вниз, волоча аккордеон.

Десятью минутами позже он вернулся.

— Капитан, — заявил он мрачно, — барахлит второй двигатель. Кадмиевые поглотители покорежены.

— При чем здесь я? Скажи цифу.

— Я сказал, но он уверяет, что все будет о'кей. Он ошибается.

Капитан указал на книгу.

— Вычеркивай свое имя и вали отсюда. Через тридцать минут мы поднимаем корабль.

Райслинг посмотрел на него, пожал плечами и снова пошел вниз.

До спутников Юпитера пилить долго; керогаз класса «ястреб», прежде чем выйти в свободный полет, обыч-

но продувается три вахты. Райслинг держал вторую. Глушение реактора в те времена производилось вручную с помощью масштабного верньера и монитора контроля опасности. Когда прибор засветился красным, Райслинг попытался подкорректировать реактор — безуспешно.

Джетмены не ждут — потому они и джетмены. Он раздраил заглушку и взялся выуживать «горячие» стержни щипцами. Погас свет, Райслинг продолжал работу. Джетмен обязан знать машинное отделение, как язык знает зубы.

Райслинг мельком глянул поверх свинцового щита в тот момент, когда погас свет. Голубое радиационное свечение ему ничуть не помогало; он отдернул голову и продолжал удить на ощупь.

Закончив работу, он воззвал в переговорную трубу:

— Второй двигатель накрылся. И, жопы куриные, дайте сюда свет!

Свет там был — аварийная цепь, — но не для него. Голубой радиационный мираж был последним, на что отреагировал его зрительный нерв.

Пока Пространство и Время, крутясь, ставят

звездный балет,

Слезы преодоленных мук серебряный сеют свет.

И Башни Истины, как всегда, охраняют Большой канал,

Никто отраженья хрупкие их не тронул, не запятнал.

Народа уставшего плоть и мысль сгинули без следа,

Хрустальные слезы бывших богов вдаль унесла вода,

И в сердце Марса не стало сил, и хладен простор небес,

И воздух недвижимый пророчит смерть тем,

кто еще не исчез...

Но Шпили и Башни в честь Красоты слагают

свой мадригал,

Придут времена, и вернется она сюда, на Большой канал!

Из сборника «Большой канал», с разрешения «Люкс Транскрипшин, Лтд», Лондон и Луна-Сити.

На обратной петле Райслинга высадили на Марс в Сухих Водах, ребята пустили шляпу по кругу, а шкипер сделал взнос в размере двухнедельного заработка. Вот

и все. *Финиш*. Еще один космический боз, которому не посчастливилось рассчитаться сразу, когда сбежала удача. Один зимний месяц — или около того — он пересидел в Куда-Дальше? с изыскателями и археологами и, вероятно, смог бы остаться навсегда в обмен на песни и игру на аккордеоне. Но космонавты умирают, если сидят на месте; он заполучил место в краулере до Сухих Вод, а оттуда — в Марсополис.

Во времена расцвета столица была хороша; заводы окаймляли Большой канал по обоим берегам и мутили древние воды мерзостью отходов. И так было до тех пор, пока Трехпланетный договор не запретил разрушение древних руин во благо коммерции; но половина стройных сказочных башен была скрыта, а оставшиеся приспособлены под герметичные жилища землян.

А Райслинг так и не увидел этих перемен, и никто не сказал ему о них; когда он вновь «увидел» Марсополис, он представил его прежним, таким, каким город был до того, как его рационализировали для бизнеса. Память у Райслинга была хорошей. Он стоял на прибрежной эспланаде, где предавались праздному покою великие Марсианской Древности, и видел, как красота эспланады разворачивается перед его слепыми глазами — льдисто-голубая равнина воды, не движимая прибоем, не тронутая бризом, безмятежно отражающая резкие яркие звезды марсианского неба, а за водой — кружево опор и летящие башни гения, слишком нежного для нашей гроыхающей, тяжелой планеты.

В результате возник «Большой канал».

Неуловимая перемена в миропонимании, давшая ему возможность видеть красоту Марсополиса — где красоты больше не было, — повлияла и на всю его жизнь. Все женщины стали для него прекрасными. Он знал их по голосам и подгонял внешность под звук. Ведь гадок душой тот, кто заговорит со слепым иначе, чем ласково и дружелюбно; сварливые брюзги, не дающие мира мужьям, даже те просветляли голоса для Райслинга.

Это населило его мир красивыми женщинами и милосердными мужчинами. «Прохождение темной звезды», «Волосы Вероники», «Смертельная песня вудсовского кольта» и прочие любовные баллады были прямым

следствием того, что его помыслы не были запятнаны липовыми мишурными истинами. Это делало его пробы зрелыми, превращало вирши в стихи, а иногда даже в поэзию.

Теперь у него была масса времени для размышлений, времени, чтобы точнее подбирать слова и трепать стихи до тех пор, пока они как следует не сплуются у него в голове. Монотонный ритм «Реактивной песни» пришел к нему не когда он сам был джетменом, а позже, когда он путешествовал на попутках с Марса на Венеру и просиживал вахту со старым корабельным товарищем.

Когда все чисто, сдан отчет, вопросов больше нет,
Когда задраен шлюз, когда нам дан зеленый свет,
Зарплата — в норме, Бог — в душе, дорога —
в никуда,

Когда кивает капитан, и грянул взлет, тогда
Верь двигателям!

Слушай рев,

Познай крушение основ.

Почуй на твердой койке,

Что потроха все — в стойке,

Познай безумной дрожи власть,

Познай ракеты боль и страсть.

Познай экстаз ее! Отпад!

Стальные конусы торчат,

В них — двигатели!

В барах Венусбурга он пел новые песни и кое-что из старых. Кто-нибудь пускал по кругу шапку; она возвращалась с обычной выручкой менестреля, удвоенной или утроенной в знак признания доблести духа, скрытого за повязкой на глазах.

Это была легкая жизнь. Любой космопорт был ему домом, любой корабль — личным экипажем. Ни одному шкиперу не приходило в голову отказаться поднять на борт лишнюю массу слепого Райслинга и помятого ящика с аккордеоном; Райслинг мотался от Венусбурга до Лейпорта, Сухих Вод, Нью-Шанхая и обратно, когда скулеж начинал доставать его.

Он никогда не приближался к Земле ближе орбитальной станции Нью-Йорк-Верх. Даже подписывая

контракт на «Песни космических дорог», он сотворил свою закорючку в пассажирском лайнере где-то между Луна-Сити и Ганимедом. Горовиц, первый его издатель, проводил на борту второй медовый месяц и услышал пение Райслинга на корабельной вечеринке. Горовиц на слух узнавал достойное для издательского дела; полный состав «Песен» был напет прямо на пленку в радиорубке того же корабля, прежде чем Горовиц позволил Райслингу исчезнуть с горизонта. Следующие три тома были выжаты из Райслинга в Венусбурге, куда Горовиц заслал своего агента, чтобы держал Райслинга под градусом, пока тот не спел все, что вспомнил.

«Взлет!» — не совсем подлинный Райслинг. Многие, без сомнения, принадлежит Райслингу, а «Реактивная песня» несомненно его, но большую часть стихов собрали после его смерти у людей, которые знали его во времена странствий.

«Зеленые холмы Земли» рождались двадцать лет. Самый ранний известный нам вариант был сочинен на Венере во время запоя с кем-то из подконтрактных приятелей еще до того, как Райслинг ослеп. В основном стихи были про то, что намеревались наемные работяги сотворить на Земле, если и когда они ухитрятся оплатить все роскошества и позволят себе все же уехать домой. Некоторые строфы были вульгарны, некоторые — нет, но припев был явно тот же, что и в «Зеленых холмах».

Мы точно знаем, откуда и когда пришла окончательная версия «Зеленых холмов».

Это произошло на Венере, на корабле с острова Эллис, предназначенном для прямого прыжка к Великим Озерам, Илинойс. Кораблем был старый «Сокол» — самый юный в классе «ястреб» и первый примененный Харримановским Трестом для новой политики транспортного обслуживания пассажиров экстра-класса на трассах с движением по расписанию между земными городами и любой колонией.

Райслинг решил прокатиться на нем верхом до Земли. Может, его собственная песня влезла ему под шкуру... а может, он просто возжаждал увидеть еще разок родное плато Озарк.

Компания больше не закрывала глаза на безбилетников; Райслинг это знал, но ему никогда не приходило в голову, что правила могут относиться к нему самому. Он старел — для космонавта, — но это никак не могло сказаться на его привилегиях. Они были непреходящи — просто Райслинг знал, что он — одна из достопримечательностей космоса наряду с кометой Галлея, Кольцами и грядой Брюстера. Он зашел через люк для экипажа, спустился на нижнюю палубу и устроил себе логово на первой же пустой противоперегрузочной койке.

Там его и обнаружил капитан, делавший на последней минуте обход корабля.

— Что это ты здесь делаешь? — спросил он.

— Тащусь на Землю, капитан, — Райслингу не требовались глаза, чтобы различить четыре капитанские нашивки.

— Но только не на этом корабле — ты знаешь правила. Живо сворачивайся и катись отсюда. Мы поднимаем корабль.

Капитан был молод; он всплыл уже после активной зоны Райслинговой жизни, но Райслинг знал этот тип — пять лет в Харриман-Холле с курсантской практикой на одном-единственном рейсе вместо крепкого опыта на рейсах в Системе. Двое мужчин не имели ничего общего ни по происхождению, ни по духу: космос менялся.

— Ну, капитан, вы же не поскупитесь на путешествие домой для старого человека.

Офицер замешкался — несколько человек экипажа остановились послушать.

— Я не могу этого сделать. «Меры Космической Безопасности, статья шестая: никому не следует выходить в космос, кроме имеющих на то разрешение членов экипажа зафрахтованного корабля или оплативших проезд пассажиров данного корабля в соответствии с уставом, вытекающим из данных правил». Вставай и выметайся.

Райслинг развалился на койке, заложив руки за голову.

— Меня вынуждают уйти, но будь я проклят, если пойду сам. Несите.

— Мичман! Уберите этого человека.

Корабельный полицейский уставился на верхнюю распорку.

— Не могу сделать это должным образом, капитан. Я потянул плечо.

Прочие члены экипажа, присутствовавшие мгновением раньше, слились по цвету с переборкой.

— Ладно, позовите рабочую команду!

— Ай-ай, сэр, — полицейский тоже ушел.

Вновь заговорил Райслинг:

— Послушай, шкипер... давай без каких-то там обид. У тебя есть лазейка, если хочешь отвезти меня, — статья «Космонавт, терпящий бедствие».

— «Космонавт, терпящий бедствие», мой Бог! Ты — не космонавт, терпящий бедствие, ты — космический вымогатель. Я знаю тебя; ты годами шатался по Системе. Ладно, на моем корабле это не пройдет. Эта статья предназначается, чтобы помочь в трудную минуту людям, которые потеряли свои корабли, а не позволять кому-либо свободно болтаться по космосу.

— Капитан, ты хочешь сказать, что я не потерял свой корабль? После последнего путешествия по найму я так и не побывал на Земле. Закон гласит, что я имею право на обратный рейс.

— Сколько лет назад это было? Ты потерял свой шанс.

— Разве? В законе нет ни слова о том, когда человек воспользуется обратным рейсом, закон говорит просто: человек его получит. Пойди, шкипер, взгляни. Если я ошибся, я не только выйду на своих двоих, но еще извинюсь смиренно перед всем экипажем. Валяй — смотри. По-спортивному.

Райслинг готов был к эху свирепого взгляда, но шкипер лишь отвернулся и выдавился из отсека. Райслинг знал, что использовал слепоту, чтобы поставить капитана в безвыходное положение, но это его не смущало — скорее уж Райслинг наслаждался.

Десятью минутами позже прозвучала сирена, по бычьему рогу переговоров он услышал приказы для внешних постов. Когда мягкий вздох шлюзов и легкий звон в ушах дали ему знать, что отрыв от земли неми-

нуем, он встал и пошаркал вниз, в машинное отделение, так как хотел быть поближе к двигателям, когда те рванут. На корабле класса «ястреб» провожатый ему не требовался.

Неприятности начались во время второй вахты. Райслинг развалился в инспекторском кресле, поигрывая клавишами аккордеона и пытаясь разродиться новой версией «Зеленых холмов».

Глстнуть бы воздуха без нормы
Там, где родился я на свет...

...и та-ра-ра-ра-ра «Земли» — как надо не паковалось. Он попробовал еще раз.

Пускай меня излечат ветры,
Те, что обвили, облегли
Грудь милой матери-планеты,
Прохладные холмы Земли.

Уже лучше, подумал он.

— Как тебе это нравится, Арчи? — спросил он сквозь приглушенный рев двигателей.

— Ничего себе. Давай-ка травы целиком.

Арчи Макдугал, старший джетмен, был старым другом по космосу и барам одновременно; много лет и миллионов миль назад он ходил в подручных у Райслинга.

Райслинг сделал ему одолжение песней, затем сказал:

— Вам, салагам, сладко живется. Все автоматическое. Когда я крутил такой красоте хвост, спать не приходилось.

— Да и нам, салагам, пока не удастся.

Они поболтали на профессиональные темы; и Макдугал показал дампинг прямого действия, заменивший ручные верньеры, которыми пользовался Райслинг. Райслинг щупал рычаги и задавал вопросы, пока не ознакомился с новой установкой. У него все еще оставалась самонадеянная уверенность, что он по-прежнему джетмен, а его нынешнее занятие трубадура — просто уловка во время одного из пустяковых недоразумений с Компанией, мол, с кем не бывает.

— Вижу, что у тебя все еще стоят старые ручные дампинг-блины, — заметил он, порхая ловкими пальцами по приборам.

— Все, кроме приводов. Я их отсоединил: они заслоняли шкалы.

— Тебе следует держать их в готовности. Может пригодиться.

— Ну, не знаю. Я думаю...

Райслинг так никогда и не узнал, что думал Макдугал, ибо в этот миг на волю вырвалась неприятность. Макдугал поймал ее сразу и непосредственно: радиоактивный пучок сжег его на месте.

Райслинг почуял, что случилось. Сработали въевшиеся рефлексы прежнего образа жизни. Он захлопнул заглушку и одновременно дал аварийный сигнал на контрольный пульт. Затем Райслинг вспомнил о свинченных приводах. Ему пришлось долго шарить по углам, пока он не нашел их. В то же время он пытался выжать максимум пользы из радиационных экранов. Его волновало только, где лежат приводы. Все остальное здесь было для него на свету, как в любом другом месте; он знал каждую пипку, каждый рычаг так же, как знал клавиши своего аккордеона.

— Машинное! Машинное! Что за тревога?

— Не входить! — крикнул Райслинг. — Здесь «горячо».

Это «горячо», подобное солнцу пустыни, он чувствовал лицом и костями.

После проклятий на все дурные головы за неудачу с гаечным ключом, который был ему нужен, он поставил приводы на место. Затем предпринял попытку исправить положение вручную. Работа была долгая и деликатная. Но вскоре он понял, что следует развалить двигатель, реактор и — все.

Первым делом он доложил:

— Контроль!

— Контроль, айе!

— Развалить третий двигатель — авария.

— Это Макдугал?

— Макдугал мертв. Райслинг на вахте. Оставайтесь на связи.

Ответа не было; шкипер мог быть ошарашен, но не мог вмешаться в аврал машинного отделения. Он должен был считаться с кораблем, пассажирами и экипажем. Двери пришлось оставить закрытыми.

Должно быть, еще больше капитан удивился тому, что Райслинг послал на запись. Вот что это было:

Мы на гнилой Венере пухли,
Где тошнотворен каждый вздох,
Где падалью смердели джунгли
И гибелью сочился мох.

Во время работы Райслинг переписал всю Солнечную систему: «...острые, яркие скалы Луны... радужные кольца Сатурна... морозные ночи Титана...», все это пока открывал и разваливал двигатель, и пока удил его начисто. Завершил он дополнительным припевом:

Пылинку в небе мы отыщем,
Глядишь — и в списки занесли.
Вернуться бы к людским жилищам
На ласковых холмах Земли...

...затем в рассеянности вспомнил, что хотел присоединить исправленный первый куплет:

А в небесах полно работы,
И ждут, и манят нас они.
Готовность! Старт! И пропасть взлета!
Внизу — увядшие огни.
В путь, сыновья великой Терры.
Могучий двигатель ревет.
Отринув страх, не зная меры,
Вперед и ввысь! И вновь — вперед!

Теперь корабль был в безопасности и мог спокойно дохромать до дома без одного двигателя. Относительно себя Райслинг не был так уверен. «Ожог» кажется острым, думал он. Райслинг не мог видеть яркий розоватый туман, клубящийся в отсеке, но знал, что он есть. Райслинг продолжил реанимацию продуванием воздуха через внешний клапан, и повторил это несколько раз, стараясь понизить уровень радиации так, чтобы его смог выдержать человек в соответствующих доспехах.

Занимаясь этим, он послал еще один припев, последний кусочек подлинного Райслинга, который когда-либо мог быть:

А под последнюю посадку,
Судьба, мне шарик мой пошли.
Дай приласкать усталым взглядом
Зеленые холмы Земли.

ЛОГИКА ИМПЕРИИ

— Не будь таким сентиментальным болваном, Сэм!

— Сентиментальный я или нет, — упорствовал Сэм, — но когда я вижу рабство, я понимаю, что это — рабство. А на Венере царит самое настоящее рабство!

Хамфри Уингейт фыркнул:

— Просто смешно! Служащие Компании работают по законным, добровольно заключенным контрактам.

Сэм Джонс удивленно поднял брови:

— В самом деле? Что же это за контракт, на основании которого человека бросают в тюрьму, если он уходит с работы?

— Неверно! Каждый рабочий имеет право уволиться после обычного двухнедельного предупреждения, — уж мне ли не знать! Я...

— Да, да, — устало согласился Джонс. — Ты юрист. Тебе все известно насчет контрактов. Одна беда с тобой, придурком тупоголовым. Ты не понимаешь ровно ничего, кроме юридической фразеологии. Свободный контракт — черта с два! А то, о чем говорю я, — факты, а не казуистика. Мне безразлично, что написано в контракте, но фактически люди там — рабы!

Уингейт осушил свой бокал и поставил его на стол.

— Значит, по-твоему, я тупоголовый придурок? Ну что ж, я скажу тебе, Сэм Хьюстон Джонс, кто ты

«Logic of Empire»

© М. Ермашева, перевод, 1993.

такой: недоделанный салонный — даже не «красный» — «розовый»! Тебе никогда в жизни не приходилось зарабатывать на хлеб, и ты находишь просто ужасным, что другому приходится это делать. Нет, погоди минутку, — продолжал он, увидев, что Джонс порывается что-то сказать, — послушай меня. Работники Компании на Венере гораздо лучше устроены, чем большинство людей их класса здесь, на Земле. Им обеспечена работа, питание, жилье. Если они заболевают, им оказывается медицинская помощь. Но беда в том, что эти люди не хотят работать...

— А кто хочет работать?

— Не смешно. Если бы они не были связаны довольно жестким контрактом, ничто не помешало бы им бросить хорошую работу, как только она им надоест, и потребовать от Компании бесплатного проезда обратно на Землю. Так вот, хоть это и не приходит тебе в голову, в твою благородную, склонную к благотворительности милосердную голову, но Компания имеет обязательства по отношению к своим акционерам — к тебе, в частности! — и не может позволить себе гонять туда и обратно межпланетный транспорт для людей, считающих, что мир обязан их содержать.

— Ты убил меня своим сарказмом, дружище, — проговорил Джонс, сделав гримасу. — Я стыжусь того, что я акционер.

— Тогда почему же ты не продашь свои акции?

На лице Джонса отразилось негодование.

— Какое же это разрешение вопроса? Ты думаешь, что, спустив свои акции, я могу снять с себя ответственность за то, что мне известно о Венере?

— Да ну их к черту! — воскликнул Уингейт. — Пей!

— Ладно, — согласился Джонс. Это был его первый вечер после возвращения из учебного полета в качестве офицера запаса; теперь надо было наверстывать упущенное.

«Скверно, — подумал Уингейт, — что этот полет привел его именно на Венеру...»

— Вставайте! Вставайте! Поднимайтесь! Па-а-дъем, бездельники! Выкатывайтесь отсюда! Пошевеливайтесь!

Уингейту показалось, что этот хриплый голос пропиливает насквозь его больную голову. Едва он открыл глаза, как его ослепил резкий свет, и он тут же зажмурился. Но голос не собирался оставлять его в покое:

— Десять минут до завтрака, — дребезжал он. — Идите, получайте свой завтрак, не то мы его выкинем!

Уингейт опять открыл глаза и, напрягая всю силу воли, заставил себя поглядеть вокруг. На уровне его глаз двигались ноги, большей частью в джинсах, но иногда и голые — то была отталкивающая, обросшая волосами нагота. Неразбериха мужских голосов, в которой он мог уловить отдельные слова, но не фразы, сопровождалась неотвязным аккомпанементом металлических звуков, приглушенных, но проникающих повсюду: шррг, шррг, бомм! Шррг, шррг, бомм! Каждое такое «бомм» ударяло по его трещавшей от боли голове. Но еще сильнее бил по его нервам другой шум — монотонное жужжание и шипение; он не мог определить, откуда идет этот шум.

Воздух был насыщен запахом человеческих тел, скученных на слишком тесном пространстве. Запах не был настолько отчетлив, чтобы назвать его зловонием, и в воздухе было достаточно кислорода. В помещении ощущался теплый, слегка отдающий мускусом запах тел, все еще согретых постелью, — не грязных, но и не свежевывмытых. Это было угнетающе и неаппетитно, а в его нынешнем состоянии почти тошнотворно.

Уингейт мало-помалу начал осматриваться: он находился в каком-то помещении вроде казармы. Там было полно народу — мужчин, которые вставали, шлепали ногами по полу, одевались. Уингейт лежал на нижней, первой из четырех узких коек, громоздившихся у стены. Сквозь просветы между ног, двигавшихся мимо его лица, он мог видеть такие же этажи коек вдоль стен, от пола до потолка. Кто-то присел на край койки и, натягивая носки, прижался широкой задницей к его ногам. Уингейт подтянул ноги. Незнакомец повернул к нему лицо.

— Присел на тебя малость, приятель? Извини. — Затем добродушно добавил: — Лучше выматывайся отсюда. Старшина будет орать, чтобы все койки были

подняты. — Он широко зевнул и встал, уже позабыв об Уингейте и его делах.

— Погодите минутку! — быстро окликнул его Уингейт.

— А?

— Где я? В тюрьме?

Незнакомец с беззлобным интересом пристально посмотрел в налитые кровью глаза Уингейта, на его отекавшее, неумытое лицо.

— Эх, парень-парень, ты, видно, здорово набрался на свои подъемные!

— Подъемные? О чем вы, черт возьми, толкуете?

— Господи, да ты что, честно не знаешь, где находишься?

— Нет.

— Да ведь... — У него, казалось, не было большой охоты говорить о вещах само собой разумеющихся, однако по лицу Уингейта видно было, что тот действительно ничего не знает. — Что ж, ты на «Вечерней Звезде» летишь на Венеру.

Несколько минут спустя незнакомец тронул его за рукав.

— Не огорчайся так, приятель. Не о чем переживать.

Уингейт отнял руки от лица и прижал их к вискам.

— Не может быть, — сказал он, обращаясь больше к себе, чем к кому-либо другому, — не может быть...

— Кончай! Пошли завтракать.

— Я не хочу есть.

— Да пошли ты все это подальше. Я понимаю, как-то тебе сейчас... Со мной тоже такое бывало. Все же поесть надо.

Пододошедший старшина корабельной полиции разрешил спор, ткнув Уингейта дубинкой в бок.

— Что здесь, по-твоему, лазарет или салон первого класса? Подними-ка койку на крюки!

— Потихе, начальник, — примирительно сказал новый знакомый Уингейта, — нашему приятелю сегодня не по себе.

Он одной рукой стащил Уингейта с койки и поставил на ноги, а другой поднял койку вверх, плотно прижав

ее к стене; крюки щелкнули, и койка закрепилась вдоль стены.

— Ему будет еще больше не по себе, если он вздумает нарушать заведенный порядок, — предупредил унтер-офицер и прошел дальше.

Уингейт неподвижно стоял босиком на плитах холодного пола; его охватило ощущение беспомощности и нерешительности, которое усиливалось оттого, что он был в одном нижнем белье. Его покровитель внимательно разглядывал эту жалкую фигуру.

— Ты забыл свой мешок. Вот... — Он просунул руку в углубление между нижней койкой и стеной и вытащил оттуда плоский полиэтиленовый пакет. Словом печать, он вынул содержимое — рабочий комбинезон из джинсовой ткани. Уингейт с благодарностью надел его. — После завтрака добейся у надсмотрщика пары башмаков, — добавил его новый друг. — А сейчас нам надо поесть.

Когда они подходили к камбузу, последний из очереди как раз отошел от окошка и оно захлопнулось. Товарищ Уингейта застучал в него кулаком:

— Откройте!

Окошко с шумом распахнулось.

— Добавок нет! — изрекла появившаяся в просвете физиономия.

Незнакомец просунул в окошко руку, чтобы оно снова не захлопнулось.

— Мы не хотим добавки, приятель, — сказал он, — мы еще не начинали.

— Так чего же вы, черт подери, не можете придти вовремя? — заворчал человек в камбузе. Все же он кинул на широкий подоконник два порционных пакета.

Незнакомец передал Уингейту один пакет и присел прямо на пол, прислонясь спиной к переборке камбуза.

— Как тебя зовут? — спросил он, раскрывая свой картонный пакет. — Меня — Хартли, Большеротый Хартли.

— А меня — Хамфри Уингейт.

— Ладно, Хамф. Рад познакомиться. Так что это за спектакль ты мне тут устроил? — Он подхватил ложкой огромный кусок яичницы и отпил глоток кофе из уголка бумажного пакетика.

— Меня, наверно, напоили и втащили на корабль, — сказал Уингейт, и лицо его исказилось от тревоги. Он попытался выпить кофе, подражая Хартли, но коричневая жидкость вылилась ему на лицо.

— Эй, это не дело! — воскликнул Хартли. — Сунь уголок в рот и не нажимай, а только соси. Вот так! — Он продемонстрировал свой метод. — Твоя версия звучит для меня не очень убедительно. Компании не приходится вербовать людей обманным путем, когда целые толпы ждут очереди, чтобы завербоваться. Что же случилось? Может, вспомнишь?

Уингейт попытался это сделать.

— Последнее, что я помню, — проговорил он, — это ссору с водителем из-за проездной платы.

Хартли кивнул:

— Они всегда мошенничают. Думаешь, он тебя огушил?

— Ну нет... вряд ли. Чувствую я себя вроде неплохо, если бы не проклятое похмелье...

— Пройдет. Можешь радоваться, что «Вечерняя Звезда» — корабль с большой силой тяжести, а не траекторная штука. Вот где бы ты был по-настоящему болен, уж поверь мне.

— Что это значит?

— А то, что на таком корабле то ускоряют, то замедляют скорость полета. Им приходится это делать, потому что это пассажирский корабль. Если бы нас послали на транспортном, было бы совсем другое дело. Вами просто-напросто выстреливают, и вы летите по траектории без силы тяжести весь остальной путь. Вот там новичкам достается! — Он ухмыльнулся.

Уингейт был не в состоянии распространяться насчет каких-нибудь других тяжелых испытаний, кроме тех, что выпали на его долю в данный момент.

— Совершенно не могу себе представить, как я сюда попал, — повторил он. — Вы не думаете, что они могли втащить меня на борт по ошибке, принимая за кого-то другого?

— Не могу сказать. Послушай, ты не собираешься кончать свой завтрак?

— Мне хватит.

Хартли воспринял эти слова как приглашение и быстро управился с порцией Уингейта. Потом он встал, скомкал оба картонных пакета и, бросив их в мусоропровод, сказал:

— Что же ты теперь намерен делать?

— Что я намерен делать? — На лице Уингейта появилось выражение решимости. — Я собираюсь отправиться прямо к капитану и потребовать у него объяснений — вот что я намерен делать!

— Я действовал бы осторожнее, Хамф, — заметил Хартли с сомнением в голосе.

— К черту осторожность! — Уингейт быстро вскочил. — Ох, моя голова!

Чтобы отделаться от него, старшина направил Хамфа к своему начальнику. Хартли ждал вместе с Уингейтом за дверью каюты, чтобы составить ему компанию.

— Постарайся уладить дело как можно скорее, — посоветовал он.

— Почему?

— Мы через несколько часов сядем на Луне, чтобы запастись горючим. Эта остановка будет твоим последним шансом выбраться отсюда, если ты, конечно, не захочешь идти обратно пешком.

— Я не подумал об этом, — обрадовался Уингейт. — Я считал, что мне при всех условиях придется проделать весь круговой рейс.

— Это вполне возможно; но ты через одну-две недели мог бы пересечь на Луне на «Утреннюю Звезду». Если они допустили ошибку, им придется вернуть тебя обратно на Землю.

— Это уж я устрою, — с воодушевлением сказал Уингейт. — Я пойду в Луна-Сити прямо в банк и поручу снести с моим банком, чтобы получить аккредитив и купить билет на рейс Луна—Земля.

В обращении Хартли произошла еще уловимая перемена. Он никогда в жизни не получал в банке аккредитив. Может быть, такому человеку, как его новый знакомый, действительно достаточно пойти к капитану, чтобы добиться своего!

Полицейский офицер слушал историю Уингейта с явным нетерпением и скоро прервал его, чтобы просмотреть список эмигрантов. Проведя пальцем по всему списку до буквы «У», он указал на соответствующую строчку. Уингейт прочитал ее, чувствуя, как у него холодеет сердце. Тут стояло его имя, правильно написанное.

— А теперь мотай отсюда, — приказал офицер, — и не отнимай у меня время.

Но Уингейт был тверд.

— Этот вопрос отнюдь не вашей компетенции. Я требую, чтобы вы провели меня к капитану.

— Да вы... — Один момент Уингейту казалось, что этот человек его ударит. Он решил предостеречь его.

— Будьте осторожны. Вы, видимо, являетесь жертвой непреднамеренной ошибки, но перед законом ваша позиция будет весьма шаткой, если вы будете игнорировать статьи космического права, на основании которого этот корабль лицензирован. Не думаю, что ваш капитан очень обрадуется, когда ему придется давать объяснения по поводу ваших действий в федеральном суде.

Было ясно, что он разозлил этого полицейского. Но человек не становится офицером, если он подвергает риску своих начальников. По лицу офицера заходили желваки, и он молча нажал кнопку. Появился младший старшина.

— Проводите этого человека к администратору. — Он повернулся спиной к Уингейту в знак того, что аудиенция окончена, и стал набирать номер по внутреннему телефону.

Уингейта быстро пропустили к администратору, который одновременно являлся коммерческим агентом Компании.

— Что произошло? — спросил администратор. — Если у вас есть жалоба, почему вы не можете подать ее в обычном порядке на утреннем приеме?

Уингейт объяснил свое дело, насколько мог ясно и убедительно.

— Итак, — сказал он в заключение, — я хочу, чтобы меня высадили в Луна-Сити. У меня нет никакой охоты доставлять Компании какие-либо неприятности

из-за того, что, несомненно, явилось следствием моей собственной непредумышленной ошибки. Тем более — я вынужден это признать — возлияния в этот вечер были довольно обильны, и, возможно, в какой-то степени я сам был виной недоразумения.

Рассеянню выслушавший его администратор ничего не ответил. Он стал рыться в возвышавшейся на одном конце стола груде папок, вынул одну и раскрыл. Перед ним лежала пачка официальных бумаг стандартного размера, скрепленных в верхнем углу. Несколько минут он лениво изучал их. Уингейт ждал. Астматическое дыхание администратора с шумом вырывалось из его легких, и он то и дело постукивал ногтями по зубам. Уингейт подумал, что если этот человек еще хоть раз протянет руку ко рту, он, Уингейт, завопит и начнет швырять вещи на пол. В этот момент администратор бросил ему через стол папку.

— Взгляните сюда, — сказал он.

Уингейт увидел, что одна из бумаг — это контракт между Хамфри Уингейтом и Компанией по эксплуатации Венеры сроком на шесть лет, оформленный по всем правилам.

— Это ваша подпись? — спросил администратор.

Профессиональная осторожность Уингейта сослужила ему хорошую службу. Желая выиграть время, он тщательно изучал подпись и старался овладеть собой.

— Что ж, — сказал он наконец. — Я согласен, что эта подпись очень похожа на мою, но я не признаю, что это — моя подпись. Я не графолог.

Администратор раздраженно отмахнулся:

— У меня нет времени препираться с вами. Давайте проверим отпечаток пальца. Вот! — Он кинул через стол полоску бумаги для оттиска.

Уингейт хотел было воспользоваться своим законным правом и отказаться... Нет, ему это только повредило бы. Терять было нечего — на контракте не могло быть отпечатка его пальца. Если только не...

Но все было правильно. Даже своим неопытным глазом он видел, что оттиски одинаковы. Он поборол охватившую его панику. Может быть, все это кошмар, вызванный его вчерашним спором с Джонсом? А если не кошмар, а явь, то не мистификация ли это, которую

он должен раскрыть?.. Но людей его положения не мистифицируют, вся эта история слишком смехотворна. Он осторожно подбирает слова:

— Я не хочу оспаривать вашу позицию, дорогой сэр. Некоторым образом мы оба, вы и я, стали жертвами достойной сожаления шутки. Вряд ли надо доказывать, что у человека в бессознательном состоянии, в каком я, очевидно, вчера находился, могли взять отпечаток пальца без его ведома. С первого взгляда контракт действителен, и я, конечно, признаю вашу добросовестность в этом деле. Но фактически у документа не хватает одного необходимого для всякого контракта элемента.

— Какого?

— Намерения обеих сторон войти в договорные отношения. Невзирая на подпись и отпечаток пальца, фактом является то, что у меня не было намерения заключить договор, и это легко может быть доказано другими фактами. Я преуспевающий адвокат с хорошей практикой, как покажут уплачиваемые мною налоги. Бессмысленно предполагать — и ни один суд этому не поверит, — что я добровольно отказался от моей привычной жизни ради шести лет работы по контракту со значительно меньшим доходом.

— Ах, так, значит, вы адвокат? Тогда если и было жульничество — то с вашей стороны. Почему вы выдаете себя здесь за радиотехника?

При этой неожиданной фланговой атаке Уингейтом снова овладела паника. Он в самом деле был специалистом по радио — это было его хобби, но как они об этом узнали? «Молчи! — сказал он себе. — Не признавай ничего!»

— Все это вздор, — запротестовал он. — Я требую, чтобы меня пропустили к капитану! Я могу расторгнуть этот договор в течение десяти минут!

Администратор немного выждал, прежде чем ответить.

— Вы кончили?

— Да.

— Очень хорошо. Теперь буду говорить я. Послушайте меня, господин космический адвокат. Проект этого контракта составлен хитрейшими юридическими

умами на двух планетах. При этом особенно учитывалось, что контракты будут подписывать лодыри, которые сначала пропьют свои подъемные, а затем решат, что вовсе не желают работать на Венере. Этот контракт предупреждает всякие возможные протесты, и он так хорошо продуман, что его не расторгнет сам дьявол. Ваши басни уличного адвоката в данном случае слушает тоже не дурачок. Вы говорите с человеком, который знает — юридически, — на каком он свете. А насчет свидания с капитаном, — если вы думаете, что командиру такого корабля больше нечего делать, как слушать горячечный бред самозванного профессионального болтуна, то вы очень ошибаетесь! Возвращайтесь-ка в казарму!

Уингейт хотел что-то сказать, но потом раздумал и повернулся, чтобы идти. Ему нужно было поразмыслить обо всем этом. Администратор остановил его:

— Постойте. Вот копия вашего контракта. — Он кинул бумаги, и тонкие белые листы рассыпались по полу. Уингейт подобрал их и молча вышел.

Хартли ждал его в коридоре.

— Как дела, Хамф?

— Неважно. Я не хочу об этом говорить. Мне надо подумать.

Не говоря ни слова, они возвращались той же дорогой, которой пришли, и вскоре подошли к трапу, который вел на нижние палубы космического корабля. В этот момент по нему поднимался какой-то человек. Уингейт отметил это без всякого интереса.

Потом он еще раз поднял глаза. Внезапно нелепые события этого дня сплелись в единую цепь, и он, обрадованный, закричал:

— Сэм! Ах ты, старый пьянчуга! Я должен был догадаться, что это твоя проделка!

Все теперь ясно. Сэм инсценировал все это похищение и, напоив Хамфри, отправил его в полет. Шкипер был, вероятно, его приятель — какой-нибудь офицер запаса, и они вдвоем состряпали это дело. Разумеется, это была грубая шутка, но он был слишком счастлив, чтобы сердиться. Джонс все равно заплатит ему за

свои штучки — как-нибудь на обратном пути из Луна-Сити.

Тут только он заметил, что Джонс оставался серьезным.

Более того, он был одет в такой же синий комбинезон, какой был на завербованных рабочих.

— Хамф, — сказал он, — ты все еще пьян?

— Я? Нет. В чем де...

— Неужели ты не понимаешь, что мы попали в переделку?

— Ах черт, Сэм, шутка шуткой, но теперь уж хватит! Я понимаю, говорю тебе. Я не сержусь, это было здорово разыграно!

— Разыграно? — проговорил Джонс с горечью. — Или ты тоже меня разыгрывал, когда уговаривал завербоваться?

— Я уговаривал *тебя* завербоваться?

— Да, конечно. Ты был так чертовски уверен, что знаешь, о чем говоришь. Ты утверждал, что мы можем завербоваться, провести месяц или около того на Венере и вернуться домой. Ты хотел держать со мной пари, и вот мы поехали в доки и нанялись. Нам это показалось блестящей идеей — единственным способом разрешить наш спор.

Уингейт тихо свистнул.

— Будь я... Сэм! Я ни черта не помню. Я, должно быть, изрядно выпил, прежде чем потерял сознание.

— Да, очевидно так. Жаль, что ты не потерял сознание раньше. Но я не виню тебя. Не насильно же ты меня тащил. Во всяком случае, я сейчас пойду, чтобы попытаться поправить дело.

— Погоди-ка, послушай раньше, что случилось со мной. Ах да, Сэм, это Большеротый Хартли. Хороший парень!

Хартли стоял рядом в нерешительном ожидании; он шагнул вперед и поздоровался.

Уингейт рассказал Джонсу обо всем и добавил:

— Так что, как видишь, тебе вряд ли окажут радушный прием. Я, вероятно, уже все испортил. Но нам обязательно удастся расторгнуть контракт, как только мы сможем добиться разбора дела, если сошлемся на время заключения договора. Мы завербовались менее

чем за двенадцать часов до отбытия корабля. Это противоречит Космическому предохранительному акту.

— Да, да, я понимаю. Луна находится в своей последней четверти. Они, наверное, стартуют вскоре после полуночи, чтобы воспользоваться благоприятным положением Земли. Интересно, который был час, когда мы завербовались?

Уингейт достал копию своего контракта. Нотариальная печать указывала время одиннадцать часов тридцать две минуты.

— Слава богу! — крикнул он. — Я знал, что тут где-нибудь окажется ошибка. Контракт недействителен — сразу видно. Это докажет бортовой журнал.

Джонс внимательно изучал бумагу.

— Взгляни еще раз, — сказал он. — Печать показывает одиннадцать, только утра, а не вечера.

— Но это невозможно, — запротестовал Уингейт.

— Да, конечно. Однако это — официальная отметка. Очевидно, их версия будет такова, что мы завербовались утром, нам выдали подъемные и мы устроили великолепный кутеж, после чего нас потащили на борт. Я как будто припоминаю, что у нас были хлопоты с вербовщиком, который не хотел нас нанимать. Возможно, мы уговорили его, отдав ему свои подъемные.

— Но ведь мы нанимались не утром. Это неправда, и я могу это доказать!

— Разумеется, ты можешь это доказать, но *как ты можешь это доказать прежде, чем вернешься на Землю?*

— Вот таково положение, — заключил Джонс после нескольких минут довольно бесплодной дискуссии. — Нет никакого смысла пытаться расторгнуть наши контракты, во всяком случае здесь: нас просто высмеют. Единственное, что остается, — это сделать попытку столкнуться при помощи денег. Только таким образом нам, мне кажется, удастся выбраться отсюда в Луна-Сити — внести деньги в банк Компании, и к тому же много денег!

— Сколько?

— Тысяч двадцать по меньшей мере...

— Но это несправедливо!

— Перестань, пожалуйста, толковать о справедливости. Неужели ты не можешь понять, что они взяли

нас за то место, где волосы короткие и курчавые? Тут не будет никакого судебного решения. Куш должен быть достаточно велик, чтобы побудить второстепенного служащего Компании пойти на риск и сделать то, что не предусмотрено регламентом.

— Но я не могу найти такую сумму.

— Об этом не беспокойся. Я беру все на себя.

Уингейт хотел было возразить, но передумал. Бывают моменты, когда очень удобно иметь богатого друга.

— Я должен дать радиogramму сестре, — продолжал Джонс, — чтобы она все устроила.

— Почему сестре, а не вашей фирме?

— Потому что надо действовать быстро. Юристы, ведущие дела нашей семьи, всячески будут добиваться подтверждения. Они пошлют радиogramму капитану с запросом, действительно ли у него на борту находится Сэм Хьюстон Джонс, а капитан ответит «нет», так как я завербовался под именем Сэм Джонс. У меня была глупая мысль: как бы не попасть в «Радионовости» и не повредить интересам семьи.

— Ты не можешь осуждать ваших юристов, — возразил Уингейт из чувства профессиональной солидарности, — они распоряжаются чужими деньгами.

— Я не осуждаю их, но я хочу, чтобы были приняты срочные меры, а сестра сделает все. Она по тексту радиogramмы поймет, что это я. Единственная трудность — добиться у администратора разрешения ее послать.

Джонс ушел, чтобы выполнить свое намерение. Хартли ждал вместе с Уингейтом — для компании, а также из понятного интереса к таким необычным событиям. Когда Джонс наконец возвратился, его лицо выражало нескрываемую досаду. При взгляде на него Уингейтом внезапно овладело мрачное предчувствие.

— Тебе не удалось послать радиogramму? Он не разрешил?

— Нет, все-таки разрешил, — ответил Джонс, — но этот администратор... ну и крепкий же орешек!

Даже без воя сирены Уингейт почувствовал бы, что они снижаются над Луна-Сити. Сила тяжести на поверхности Луны составляет всего одну шестую по сравнению с земной, и это уменьшение немедленно сказалось

на его расстроенном желудке. Хорошо еще, что он мало ел. Хартли и Джонс привыкли к космическому пространству и легко переносили такие изменения скорости. Странно, как мало сочувствия испытывают те, кто не подвержен космической болезни, к тем, кто от нее страдает. Трудно сказать, почему зрелище человека, мучимого рвотой, задыхающегося, со слезящимися глазами, извивающегося от боли в желудке, кажется чуть ли не забавным, но это так. Болезнь эта делит все человечество на две прямо противоположные непримиримые группы — высокомерно презрительных с одной стороны и беспомощно жаждущих кровавой мести с другой.

Ни у Хартли, ни у Джонса не было врожденного садизма, который так часто проявляется в подобных случаях, — как у того остряка, который предлагал солонину в качестве лекарства. Но сами они не страдали, и поэтому давно уже забыли о своем собственном мучительном опыте и просто не в состоянии были понять, что Уингейт буквально переживает «участь горше смерти». Даже значительно горше, ибо мучение это длилось целую вечность: настолько искажено чувство времени у тех, кто страдает от космической и морской болезни, а также (как я слышал) у курильщиков гашиша.

В действительности же остановка на Луне длилась менее четырех часов. Лишь к концу стоянки Уингейт овладел собой настолько, что у него снова возник интерес к радиোগрамме Джонса. К тому же Джонс заверил его, что в Луна-Сити он сможет провести время до отправки обратно на Землю в отеле, снабженном центрифугой.

Но ответ на радиограмму запаздывал. Джонс ожидал вестей от сестры в течение часа — возможно, еще до того, как «Вечерняя Звезда» приземлится в доках Луна-Сити. По мере того как проходили часы, он стал получать из радиокаюты все менее дружелюбные ответы на свои вопросы. В семнадцатый раз обозленный техник резко предложил ему проваливать. Вслед за тем Джонс вдруг услышал предупредительный гудок к взлету корабля; он вернулся и сообщил Уингейту, что его план, очевидно, рухнул.

— У нас, правда, еще в запасе десять минут, — произнес он с полной безнадежностью. — Если радиодиаграмма придет до того, как нам дадут старт, капитан сможет высадить нас в последнюю минуту. Но похоже на то, что нет больше никаких шансов.

— Десять минут... — произнес Уингейт. — А мы не могли бы как-нибудь выбраться наружу и бежать?

Джонс, казалось, уже был доведен до белого каления.

— А тебе уже случалось когда-нибудь бегать в безвоздушном пространстве?

Во время перелета от Луна-Сити до Венеры Уингейт был слишком занят, чтобы особенно предаваться беспокоейству. Он многому научился по части мытья уборных и проводил десять часов в день, совершенствуясь в своей новой профессии. Полицейские злопамятны.

Вскоре после того, как «Вечерняя Звезда» покинула Луна-Сити, она вышла за пределы, в которых возможна радиосвязь с Землей. Оставалось только ждать прибытия в Адонис — порт Северной полярной колонии на Венере. Там Компания имела достаточно мощную радиостанцию, чтобы поддерживать непрерывную связь с Землей, за исключением шестидесяти дней прохождения Венеры по ту сторону Солнца и более короткого периода солнечных помех при ее прохождении между Землей и Солнцем.

— На Венере нас, наверно, будет ждать приказ об освобождении, — заверил Джонс Уингейта, — и мы тут же возвратимся с обратным рейсом «Вечерней Звезды», но уже в каюте первого класса. В самом худшем случае нам придется ждать «Утреннюю Звезду». Это будет не так плохо, раз мне переведут деньги: мы сможем их потратить в Венусбурге.

— Ты, наверно, был там во время своего учебного полета? — спросил Уингейт, и в его голосе послышалось любопытство. Он не был сибаритом, но скандальная репутация самого ужасного или самого блестящего — в зависимости от взглядов ценителя — увеселительного центра на трех планетах была достаточно

велика, чтобы поразить воображение даже менее падкого на удовольствия человека.

— Нет, к сожалению! — возразил Джонс. — Я все время находился на досмотре корпуса корабля. Кто-то из наших ребят туда ездил... Ну и ну! — Он тихо свистнул и покачал головой.

Но оказалось, что никто не ожидал их прибытия и не было никакой радиограммы. Снова стояли они возле помещения связи, пока им грубо не приказали вернуться в свои помещения и готовиться к высадке, «и живее!»

— Увидимся в приемочном бараке, Хамф! — были последние слова Джонса, и он убежал в свое помещение.

Полицейский, в распоряжении которого находились Хартли и Уингейт, выстроил своих подчиненных в нестройную колонну по два. Неприятно резкий металлический голос из громкоговорителя передал приказ. Их повели по центральному проходу вниз, через все четыре палубы, к нижним пассажирским воротам. Они прошли через воздушную камеру и сошли с корабля, но не на открытый воздух Венеры, а в туннель из листового металла, ведущий в какое-то здание, которое находилось на расстоянии примерно пятидесяти ярдов.

Воздух в туннеле был едким — здесь распыляли обеззараживающие средства, — но Уингейту он казался свежим и живительным после спертых воздуха на корабле. Этот воздух да еще составляющая пять шестых от земной сила тяжести на Венере, достаточно высокая, чтобы не тошнило, и достаточно низкая, чтобы вызвать чувство легкости и силы, вместе вселяли в него неразумный оптимизм и создавали бодрое настроение.

Туннель вел в довольно просторное помещение без окон, но ярко и ровно освещенное из скрытого источника. В нем не было никакой мебели.

— Кома-а-нда, стой! — крикнул полицейский и передал бумаги худощавому, похожему на конторщика человеку, стоявшему у внутренней двери. Человек взглянул на бумаги, сосчитал людей, одну бумагу подписал, вернул ее старшине, и тот ушел через туннель обратно на корабль.

Похожий на конторщика человек повернулся к иммигрантам. На нем, как заметил Уингейт, были надеты одни короткие трусы, не шире повязки, а все тело и даже ноги были покрыты сильным загаром.

— Ну, вот что, — сказал он мягким голосом, — скиньте одежду и бросьте ее в тот ящик! — Он указал на приспособление, вделанное в одну из стен.

— Зачем? — спросил Уингейт. Он сказал это без всякого вызова, но не сделал никакого движения, чтобы повиноваться.

— Ну-ну, — обратился к нему конторщик, все еще мягко, но с ноткой раздражения в голосе. — Давайте не будем спорить. Это для вашей же безопасности. Мы не можем себе позволить импортировать болезни.

Уингейт сдержался, чтобы не ответить резко, и дернул молнию своего комбинезона. Несколько человек, ожидавших, чем кончится спор, последовали его примеру. Комбинезоны, башмаки, белье, носки — все было брошено в ящик.

— Следуйте за мной! — приказал их новый хозяин.

В следующем помещении их встретили четыре человека в резиновых перчатках, вооруженные электрическими ножницами. Началась стрижка. Уингейт снова хотел запротестовать, но решил, что игра не стоит свеч. Он лишь подумал: «Неужели и женщины вынуждены подвергаться таким жестким карантинным мерам? Как это, должно быть, обидно — пожертвовать красивой копной волос, которую растили лет двадцать».

Затем их повели под душ. Завеса из теплой водяной пыли совершенно закрывала проход через комнату. Уингейт с удовольствием устремился к воде: с тех пор как он покинул Землю, ему впервые удалось сносно помыться. Было вдоволь жидкого зеленого мыла, и оно хорошо пенилось. Подюжины слугителей, одетых столь же скудно, как и их проводник, стояли у дальнего конца водяной стены и следили за тем, чтобы люди оставались под душем положенное время и хорошо помылись. В некоторых случаях они делали весьма интимные замечания. У каждого слугителя к поясу был прикреплен красный крест на белом поле, подтверждающий его официальное положение.

В коридоре Уингейт и остальные попали в поток горячего воздуха и быстро обсохли.

— Остановитесь! — Уингейт подчинился, и обратившийся к нему санитар со скучающим видом приложил к верхней части его руки тампон, от которого он почувствовал холод, затем поцарапал это место. — Это все, следуйте дальше! — Уингейт присоединился к очереди у одного из столов. То же самое было проделано с другой его рукой. К тому времени, когда он подошел к дальнему концу помещения, его руки были покрыты маленькими красными царапинами, более двадцати на каждой.

— Что все это значит? — спросил он последнего санитаря, который сосчитал царапины и отметил его имя на листе.

— Анализы... чтобы установить вашу сопротивляемость и иммунитет.

— Сопротивляемость чему?

— Всему. Как земным болезням, так и здешним. Здешние — это по большей части грибковые заболевания. Проходите, вы задерживаете очередь!

Позднее Уингейт узнал об этом подробнее. Для того чтобы житель Земли приспособился к условиям жизни на Венере, требовалось от двух до трех недель. Без иммунитета к болезням этой планеты было бы просто смертельно подвергать кожу, и особенно слизистые оболочки, действию прожорливых невидимых паразитов, которыми кишит поверхность Венеры.

Беспрестанная борьба за существование, которая повсюду является главным условием развития, на Венере особенно интенсивна. Это — следствие усиленного обмена веществ во влажных испарениях ее джунглей. Болезни, вызываемые на Земле патогенными микробами, были почти ликвидированы обычным бактериофагом. Здесь, на Венере, где болезни были примерно те же, с некоторыми отличиями, тот же бактериофаг оказался способным на видоизменение, сделавшее его и здесь столь же сильнодействующим средством. Но, кроме микробов, оставались еще и голодные грибковые паразиты.

Представьте себе худшие из грибковых заболеваний кожи, которые вы когда-либо встречали, — стригущий

лишай, чесотку, паршу, бластимикоз, споротрихоз. Добавьте к этому ваше представление о плесени, о влажной гнили, о поганках, произрастающих на тухлятине. Затем представьте всех этих паразитов в их ускоренном движении: нарисуйте себе картину, как они кишат прямо у вас на глазах и атакуют вас — подмышки, глазные яблоки, мягкие влажные ткани вашего рта, как они устремляются в ваши легкие...

Первая экспедиция на Венеру целиком погибла. Со второй приехал врач, у которого хватило предусмотрительности запастись довольно большим, как ему казалось, запасом салициловой кислоты и ртутного салицилата, а также маленьким ультрафиолетовым излучателем. Трое из участников этой экспедиции вернулись.

Широкая колонизация требует приспособления к окружающей среде, умения защищаться от нее. Луна-Сити, на первый взгляд, может служить отрицанием этой аксиомы, но так только кажется. «Лунатики» всецело зависят от воздушного котла, вмещающего лишь пространство их герметически закупоренного города. Однако Луна-Сити не является самоснабжающейся колонией. Это всего-навсего аванпост, обсерватория, место для разработки недр, станция для снабжения горючим.

Венера — колония. Колонисты дышат воздухом Венеры, едят ее продукты, подвергают свою кожу действию ее климата и себя — всем опасностям, таящимся в ее природе. При этом обитатели Земли могут жить только в холодных полярных районах Венеры, где климат напоминает джунгли Амазонки в жаркий день во время сезона дождей. Здесь они босиком шлепают по болотам, не избегая главных опасностей новой среды. К этому их и готовят.

Уингейт съел свой обед — пищу вполне удовлетворительную, но плохо сервированную и безвкусную, если не считать венерианской дыни. За съеденную им порцию в чикагском ресторане для гурманов содрали бы сумму, на которую целое семейство среднего достатка могло питаться неделю. Устроившись на ночь в

отведенном ему месте, он попытался разыскать Сэма Хьюстона Джонса, но не мог найти никаких следов, и никто из завербованных не мог припомнить, чтобы его видели. Один из служащих карантина посоветовал Уингейту разузнать о своем друге у агента Компании. Уингейт так и сделал — в своей обаятельной манере, к которой он всегда прибегал, имея дело с мелкими служащими.

— Приходите завтра утром. Будут вывешены списки.

— Благодарю вас, сэр. Извините, что потревожил вас, но я не могу найти моего друга и беспокоюсь, не заболел ли он или не случилось ли с ним чего-нибудь. Не могли бы вы мне сказать, нет ли его в списке больных.

— Что же... подождите минутку, — служащий стал водить пальцем по своим записям. — Хм... вы говорите, он был на «Вечерней Звезде»?

— Да, сэр.

— Нет, он не... Мм, нет... О да, вот он! Он здесь не сходил.

— Что вы сказали?

— Его отправили на «Вечерней Звезде» дальше, в Новый Окленд на Южном полюсе. Он был нанят как помощник машиниста. Если бы вы мне это сказали, я бы сразу сообразил. Все рабочие-металлисты из этой партии посланы на новую Южную электростанцию.

Через минуту Уингейт достаточно овладел собой, чтобы произнести:

— Очень благодарен за вашу любезность.

— Пожалуйста, пожалуйста. — Служащий отвернулся.

— Колония Южного полюса! — пробормотал Уингейт. — Колония Южного полюса...

Его единственный друг — на расстоянии двенадцати тысяч миль. Теперь Уингейт почувствовал себя совершенно одиноким — одиноким, обманутым, покинутым. За время, прошедшее между его пробуждением на борту корабля и встречей с Джонсом, у него не было возможности ясно оценить свое тяжелое положение. Он еще сохранял высокомерие светского челове-

ка, инстинктивное убеждение в том, что все это не-серьезно: такие вещи просто не случаются с людьми, во всяком случае с людьми его круга.

Но с тех пор его человеческое достоинство было столько раз оскорблено и унижено (особенно пострадался полицейский офицер), что он уже не был так уверен в том, что застрахован от несправедливости или произвола. Постриженный и вымытый помимо своей воли, лишенный своей одежды и облаченный в какую-то набедренную повязку, увезенный за миллионы миль от привычной социальной среды, вынужденный подчиняться приказам людей, равнодушных к его чувствам и заявляющих свои права на его личность и поступки, и вот теперь, отрезанный от общения с единственным человеком, на поддержку которого он мог рассчитывать, — Уингейт понял наконец с отчетливостью, от которой похолодел, что с ним, с ним, Хамфри Бентоном Уингейтом, преуспевающим адвокатом и членом всех юридических клубов, теперь может случиться все, что угодно.

— Уингейт!

— Это тебя. Проходи, не заставляй себя ждать!

Уингейта протолкнули в пролет двери, и он оказался в переполненном помещении. Более тридцати человек сидело у стен. У стола, рядом с дверью, расположился служащий, занятый своими бумагами. В центре, возле невысокой, ярко освещенной трибуны, стоял человек с чрезвычайно бойкими манерами. Служащий у двери поднял глаза и бросил Уингейту:

— Поднимитесь туда, чтобы все могли вас видеть! — Он указал на трибуну.

Уингейт, мигая от яркого света, двинулся вперед и выполнил то, что ему велели.

— Контракт номер 482-23-06, — прочитал служащий, — завербованный Хамфри Уингейт, сроком на шесть лет, радиотехник, разряд заработной платы шесть-Д, контракт представляется для найма.

Три недели понадобилось им, чтобы сделать его пригодным к работе. Три недели — и ни слова от

Джонса. Уингейт не подхватил никаких болезней при контакте с венерианским воздухом и теперь должен был вступить в активный период своего принудительно-го труда.

— Ну вот, патроны, прошу вас, — заговорил бойкий человек, — у нас есть работник, подающий исключительно большие надежды. Я едва решаюсь сказать вам, какие оценки он получил за свои способности, приспособляемость и общие знания. Скажу только, что администрация предлагает за него тысячу долларов. Но было бы неразумно использовать такого человека для обычной административной работы, когда мы так нуждаемся в хороших рабочих, чтобы вырвать богатства из дебрей и недр. Смею предсказать, что счастливый покупатель, который приобретет себе этого рабочего, уже через месяц поставит его руководителем работ. Но осмотрите его сами, поговорите с ним и решайте!

Служащий что-то шепнул ему. Он кивнул и продолжал:

— Меня просят уведомить вас, джентльмены и патроны, что работник сделал обычное законное предупреждение за две недели о своем увольнении, — разумеется, если он покроет все расходы!

Он весело засмеялся и многозначительно подмигнул, как будто за его замечанием крылась необыкновенно удачная шутка. Никто не обратил внимания на его сообщение, один лишь Уингейт с отвращением оценил характер остроты. Он предупредил о своем желании уволиться на другой же день после того, как узнал, что Джонс направлен в колонию Южного полюса. Но Уингейт тут же обнаружил, что хотя теоретически он имел право уйти с работы, но фактически это лишь давало ему право умереть с голоду на Венере, если он не отработает свои подъемные и проезд в оба конца.

Несколько человек собрались вокруг трибуны, внимательно рассматривая и обсуждая его: «Не особенно мускулист...», «У меня нет особой охоты предлагать цену за этих шибко умных молодчиков, они смутяны...», «Да, но тупой не оправдывает своих харчей...», «А что он умеет делать? Погляжу-ка его анкету...» Покупатели направились к столу служащего и стали

рассматривать результаты многочисленных анализов и исследований, которым подвергался Уингейт во время своего карантина. Только один из них, с маленькими блестящими глазками, остался возле трибуны. Он боком придвинулся к Уингейту, поставил одну ногу на подмости, приблизил к нему свою физиономию и заговорил доверительным тоном:

— Меня не интересуют те дутые рекламные листы, парень. Расскажи мне о себе сам.

— Мне нечего добавить.

— Говори смелее. Тебе у меня понравится. Совсем как дома. Я бесплатно вожу своих парней в Венусбург. Есть у вас опыт в общении с неграми?

— Нет.

— Ну, здешние туземцы, собственно, не негры, это только так говорится. Похоже, ты смог бы стать бригадиром. Приходилось раньше?

— Немного.

— Ладно... может быть, ты слишком скромный. Я люблю, когда человек держит язык за зубами. Я никогда не позволяю моему надсмотрщику применять плетку.

— Еще бы, — перебил его другой патрон, подойдя к трибуне, — это вы оставляете для себя, Ригсби!

— А вы не лезьте не в свое дело, Ван Хайзен!

Ван Хайзен, пожилой коренастый человек, не обратил на его слова никакого внимания и заговорил с Уингейтом:

— Ты предупредил о своем увольнении. Почему?

— Все это было ошибкой. Я был пьян.

— А пока — будешь ты честно работать?

Уингейт задумался.

— Да, — сказал он наконец.

Ван Хайзен кивнул, тяжелой походкой отошел к своему стулу и осторожно опустил на него свое массивное тело, подтянув штаны, такие же, как у рабочих.

Когда все расселись, агент весело объявил:

— Ну вот, джентльмены: если вы готовы, давайте послушаем первое предложение по этому контракту. Я был бы рад, если бы сам мог сделать на него заявку — на должность моего помощника, честное слово! Так вот... я не слышу предложений...

— Шестьсот!

— Прошу вас, патроны! Разве вы не слышали, что я упомянул о предложении в тысячу?

— Я не подумал, что вы сказали это серьезно. Он какой-то сонный.

Агент Компании поднял брови.

— Извините, мне придется попросить работника сойти с трибуны.

Но прежде чем Уингейт успел сойти, другой голос произнес:

— Тысяча!

— Ну вот так-то лучше! — воскликнул агент. — Я должен был знать, что вы, джентльмены, не допустите, чтобы от вас ускользнула такая возможность. Но этого еще мало. Слышу ли я тысячу сто? Давайте, патроны, ведь не можете вы наживать свои богатства без рабочих! Слышу ли я...

— Тысяча сто!

— Тысяча сто от патрона Ригсби! Ну и дешевка это была бы — за такую цену! Сомневаюсь, однако, чтобы он вам достался. Слышу ли я тысячу двести?

Грузный коренастый человек поднял большой палец.

— Тысяча двести от патрона Ван Хайзена. Я вижу, что сделал ошибку и только отнимаю у вас время; интервалы должны быть не менее двухсот. Слышу ли я тысячу четыреста? Слышу ли я тысячу четыреста? Идет раз за тысячу двести... идет два...

— Тысяча четыреста! — бросил Ригсби мрачно.

— Тысяча семьсот! — сразу же добавил Ван Хайзен.

— Тысяча восемьсот! — сердито отрезал Ригсби.

— Нет, — протянул агент. — Интервалы не менее двухсот! Прошу вас!

— Ладно, проклятье, тысяча девятьсот.

— Я слышу тысячу девятьсот. Это число трудно написать. Кто даст две тысячи сто?

Ван Хайзен снова поднял палец.

— Значит — две тысячи сто! Наживать деньги стоит денег! Что я слышу? Что я слышу? — Он сделал паузу. — Идет за две тысячи сто — раз... идет за две

тысячи сто — два... Вы так легко отказываетесь, патрон Ригсби?

— Ван Хайзен... — остальное было произнесено слишком невнятно, чтобы можно было разобрать.

— Еще один шанс, джентльмены! Идет... идет... Пошел! — Он громко хлопнул ладонями. — Продан Ван Хайзену за две тысячи сто! Поздравляем, сэр, с удачной покупкой!

Уингейт направился вслед за своим новым хозяином к дальней двери. В проходе их остановил Ригсби:

— Ладно, Ван, вы позабавились! Согласен скостить ваши убытки на две тысячи.

— Прочь с дороги!

— Не будьте идиотом. Он для вас не подарок. Вы не умеете заставлять людей потеть, а я умею!

Ван Хайзен, не слушая его, быстро прошел мимо. Уингейт последовал за ним в теплую зимнюю изморось, к стоянке, где параллельными рядами выстроились стальные «крокодилы». Ван Хайзен остановился возле тридцатифутового «ремингтона».

— Влезайте!

Длинный, похожий на ящик корпус машины-амфибии был нагружен до самой ватерлинии запасами, приобретенными Ван Хайзенем на базе. Человек шесть лежало, растянувшись на брезенте, который покрывал груз. Один из них уставился на Уингейта, затем перемахнул через борт.

— Хамф! О, Хамф!

Это был Хартли. Уингейт сам удивился радости, охватившей его при этой встрече. Он схватил руку Большеротого и обменялся с ним обычными ласковыми ругательствами.

— Ребята! — крикнул Хартли, — познакомьтесь с Хамфом Уингейтом. Это — замечательный малый. Хамф, познакомься с компанией. Вот Джимми — позади тебя. Он крутит эту баранку.

Названный им парень весело кивнул Уингейту и, пройдя вперед, сел на место водителя. По знаку Ван Хайзена, втиснувшего свои телеса в маленькую кормовую кабину, он повернул руль, и «крокодил» пополз, шлепая по грязи и лязгая звеньями своих гусениц.

Трое из шести рабочих были старожилы, в том числе и Джимми, водитель. Они привезли с фермы на рынок продукты и теперь увозили закупленные припасы. Ван Хайзен приобрел контракты еще на двух рабочих, кроме Уингейта и Большеротого Хартли. Уингейт узнал этих людей, так как встречал их на «Вечерней Звезде» и в карантине. Они выглядели несколько удрученными, и Уингейту это было понятно. Но люди с фермы как будто чувствовали себя отлично. Они, очевидно, смотрели на поездку с грузом в город и обратно как на прогулку и лежали, непринужденно болтая и знакомясь с приезжими.

Нескромных вопросов они не задавали. Никто не расспрашивает вновь прибывшего на Венеру, кем он был до того, как попал на борт корабля, если он сам не заговорит об этом. Это было не принято.

Как только они выбрались из предместья Адониса, машина скатилась по склону на пологий берег и бревном шлепнулась в воду. Ван Хайзен поднял окошко в перегородке, отделявшей кабину от трюма, и заорал:

— *Dumkopf!* Сколько раз я говорил тебе: спускайся на воду потихоньку!

— Извините, хозяин, я проглядел, — ответил Джимми.

— Ты не зевай, а то я найду себе другого крокодила! — и Ван Хайзен захлопнул окошко.

Джимми оглянулся вокруг и подмигнул другим работникам. Он был занят по горло: болото, которое они пересекали, выглядело, как твердая почва, — так густо оно поросло буйной растительностью. «Крокодил» теперь был на плаву, широкие звенья гусениц действовали, как гребные колеса. Клинообразный нос судна раздвигал в стороны кустарники и болотную траву, ломал и перемалывал деревца. По временам гусеницы врезались в грунт, и тогда «крокодил», переползая через отмель, снова превращался в сухопутный транспорт. Тонкие, нервные руки Джимми твердо держали руль, он огибал большие деревья, но при этом выбирал самый короткий и прямой путь, внимательно следя за местностью и за судовым компасом.

Вскоре беседа стала затихать, и один из рабочих фермы затянул песню. У него был недурной тенор, и

мало-помалу к нему присоединились и другие. Уингейт заметил, что и он, запоминая слова, подтягивает певцу. Они спели «Расчетную книжку» и «С тех пор как надсмотрщик увидел мою кузину», затем грустную песенку под названием «Они нашли его в зарослях». Но потом последовала легкая песенка «Ночью, когда прекратился дождь» — бесконечная вереница строф, рассказывающих о различных и маловероятных событиях, происшедших по этому случаю («Заказал надсмотрщик всем по стакану...»).

За «Рыжую мочалку из ангаров Венусбурга» Джимми наградили аплодисментами. Все восторженно подхватило припев. Уингейт нашел эту песенку невозможно вульгарной. Однако у него не было времени задуматься над этим, запели другую песню, которая вытеснила из его головы все предыдущие.

Ее начал тенор — мягко и протяжно. Другие пели припев, пока запевала отдыхал, — все, кроме Уингейта, он сидел глубоко задумавшись. Три строки второго куплета вместо тенора пел хор.

Ты тиснул палец и подписал свое имя.

(Уходи, уходи!)

Тебе подъемные уплатят, а ты стыд заглуши.

(Будь проклят этот день, будь он проклят!)

Тебя на ферму пошлют на острове Эллис,

Ты увидишь, что стало с нашим братом, рабом
на шесть лет.

Они не выплатили подъемных, и снова их запрягли!

(Чтоб остались тут, чтоб остались!)

Но я расплачусь и скоплю деньги на обратный путь!

(Ты так говоришь, ты так говоришь!)

И тогда, увидите, я отправлюсь на Землю!

(Настанет тот день, настанет!)

О, мы все это слышали тысячу и один раз!

Мы не скажем и теперь: «Лжешь!» Мы хотели бы,
чтобы так случилось.

Но мы снова увидим тебя в Венусбурге, где ты

платишь за свои удовольствия!

(Очень медленно.) И никогда ты не выплатишь

подъемных в этой петле!

(Уходи!)

Уингейт был подавлен. На него подействовали и песня, и тепловатый мелкий дождик, его угнетал непривлекательный ландшафт, низко нависший белый туман — то, что Венера неизменно предлагает вам вместо открытого неба. Он отодвинулся в дальний угол трюма и сидел один, пока Джимми не крикнул: «Свет впереди!»

Уингейт высунулся за борт и с любопытством посмотрел в направлении своего нового жилища.

Прошел месяц, а от Сэма Хьюстона Джонса — ни слова! Венера уже повернулась один раз вокруг своей оси; за двухнедельной зимой последовало такое же короткое лето, ничем не отличающееся от зимы, только разве дождь лил немного сильнее и было несколько жарче. Теперь снова была зима. На ферме Ван Хайзена, расположенной вблизи полюса, как и на большей части обитаемой территории Венеры, никогда не наступала полная тьма. Слой облаков высотой в несколько миль смягчает свет солнца, низко нависающего над планетой в течение длинного дня, и ослабляет жару. Во время двухнедельных периодов, называемых «ночью» или «зимой», рассеянный свет создает впечатление нескончаемых сумерек.

Месяц — и ни слова. Месяц — и ни солнца, ни луны, ни звезд, ни зари. Никогда здесь не бывает ни свежего, живительного дуновения утреннего ветерка, ни радостной игры полуденного солнца, ни желанных вечерних теней — абсолютно ничего, чтобы отличить один знойный, душливый час от другого. Одна только тяжелая монотонность сна, труда, еды и снова сна — ничего, кроме разрывающей сердце тоски по прохладному голубому небу далекой Земли.

Обычай требовал, чтобы новички ставили угощение старожилам. Уингейт заказал для надсмотрщика водки, называемой рира, и когда он в первый раз расписался в своей расчетной книжке, то обнаружил, что этот товарищеский жест стоил ему дополнительного четырехмесячного пребывания, прежде чем он законным образом сможет покинуть свою «работу». После этого он решил

никогда больше не заказывать риры и отказался от короткого отпуска в Венусбург, поклявшись сберечь каждый грош, чтобы расплатиться за свои подъемные и проезд.

Но вскоре Уингейт понял, что рира, слабый алкогольный напиток, — это не порок, не роскошь, а необходимость. Для жизни человека на Венере она была так же нужна, как и ультрафиолетовые лучи, применяемые во всех осветительных системах колонии. Рира вызывала не опьянение, а душевную легкость, освобождение от тревог, и без нее он не мог уснуть. Три ночи самобичеваний и мучений, три дня он чувствовал себя изнуренным и ни на что не способным, ловя на себе суровый взгляд надсмотрщика, — и на четвертый день он вместе с другими заказал себе бутылку, с тупой болью сознавая, что цена этой бутылки еще на полдня сокращает его микроскопическое продвижение к свободе.

Уингейт не был допущен к работе на радиостанции: у Ван Хайзена уже был радист. Хотя Уингейт и значился в списках как помощник радиста, его отправили на болото. Перечитывая свой контракт, он обнаружил пункт, предоставляющий его хозяину право так поступить, и даже признал половиной своего ума — юридической и правоведческой половиной, — что этот пункт вполне резонный, правильный и даже справедливый.

Он отправился на болото. Вскоре он научился обольщением и запугиванием заставлять хрупкий туземный народец, существ-амфибий, собирать урожай луковиц подводных растений — *Hyacinthus veneris johnsoni* — болотных корнеплодов Венеры. Научился подкупом приобретать сотрудничество их матриархов, обещая им премии в виде «тигарек». Это был термин, обозначавший не только сигареты, но и вообще табак — единица обмена в торговых сделках с туземцами.

Он работал также в сарае, где очищали луковицы, и научился, хоть медленно и неловко, срезать верхнюю пористую кожуру с ядра луковицы размером в горошину. Только это ядро имело коммерческую ценность, и его следовало вынимать в целости, не повредив и не порезав. Руки Уингейта огрубели от сока, запах вызы-

вал у него кашель и жег глаза, но это было приятнее, чем работать на топях, так как здесь он находился среди женщин. Женщины работали быстрее, чем мужчины, и их маленькие пальцы более умело очищали нежные ядра. Мужчины привлекались к этой работе только при обильном урожае, когда требовались дополнительные рабочие руки.

Уингейт научился своему новому ремеслу у работавшей в сарае по-матерински ласковой старой женщины, которую звали Хэйзл. Работая, она ни на минуту не умолкала, а ее искривленные пальцы спокойно, без всякого напряжения делали свое дело. Уингейт закрывал глаза и представлял себе, что вернулся на Землю, что он снова мальчик и слоняется по кухне у бабушки, в то время как она шелушит горох и что-то непрерывно рассказывает.

— Не выматывайся, парень, — сказала ему Хэйзл, — делай свое дело, и пусть дьяволу будет стыдно, грядет Великий день!

— Какой Великий день, Хэйзл?

— День, когда ангелы Господни поднимутся и поразят силы зла. День, когда князь тьмы будет сброшен в преисподнюю и Пророк примет власть над детьми неба. Так что ты не тревожься. Неважно, где ты будешь, когда придет Великий день, — важно только, чтобы на тебя снизошла благодать.

— А ты уверена, Хэйзл, что мы доживем до этого дня?

Она оглянулась вокруг, затем с таинственным видом прошептала:

— Этот день почти наступил. Уже теперь Пророк шествует по стране, собирая свои силы. Со светлой фермерской земли долины Миссисипи придет человек, известный в этом мире, — она зашептала еще тише, — под именем *Негемиа Скаггер*!

Уингейт надеялся, что ему удалось скрыть, как он поражен и как все это его рассмешило. Он вспомнил это имя. Какой-то пустозвон-евангелист из лесной глуши, там, на Земле, — мелкое ничтожество, мишень для веселых шуток местных газетчиков!

К их скамье подошел надсмотрщик:

— Работайте, работайте, вы! Здорово отстаете!

Уингейт поспешил повиноваться, но Хэйз пришла ему на помощь:

— Оставь его, Джо Томпсон. Требуется время, чтобы научиться этому делу.

— Ладно, мать, — ответил надсмотрщик с усмешкой, — ты заставляй его трудиться, слышишь?

— Хорошо, лучше позаботься о других. Эта скамья выполнит свою норму.

Уингейта два дня подряд штрафовали за порчу ядер. Хэйз теперь давала ему в долг часть того, что очищала сама. Надсмотрщик это знал, но все ее любили, даже надсмотрщики, а они, как известно, никого не любят, даже самих себя.

Уингейт стоял возле ворот огороженного участка, где находился барак для холостяков. Оставалось пятнадцать минут до вечерней переключки, он вышел: его влекло подсознательное стремление отделаться от клаустрофобии — болезни, владевшей им все время пребывания на Венере. Но ничто не помогало. Здесь некуда было выходить на «открытый воздух» — заросли заполняли всю расчищенную территорию; свинцовые облака низко нависали над головой, и влажный зной сдавливал обнаженную грудь. Все же здесь было лучше, чем в бараке, хоть там имелись влагопоглощающие установки.

Он еще не получил своей вечерней порции риры и поэтому был угнетен и расстроен. Однако сохранившееся еще у него чувство собственного достоинства позволяло ему хоть на несколько минут предаваться своим мыслям, прежде чем уступить веселящему наркотику. «Я погиб, — подумал он. — Еще через пару месяцев я буду пользоваться каждым случаем, чтобы попасть в Венусбург. Или еще хуже: сделаю заявку на жилье для семейного и обреку себя и своих малышей на вечное прозябание».

Когда Уингейт прибыл сюда, женщины-работницы, одинаково тупоумные, с похожими одно на другое лицами, казались ему совершенно непривлекательны-

ми. Теперь он с ужасом обнаружил, что не был больше столь разборчив. Он даже начал шепелявить, как другие, бессознательно подражая туземцам-амфибиям.

Он уже раньше заметил, что иммигрантов можно разделить примерно на две категории: одни — это дети природы, другие — надломленные. К первым относятся люди без воображения и умственно малоразвитые. Вероятно, они и там, на Земле, не знали ничего лучшего — жизнь в колониях казалась им не рабством, а свободой от ответственности: обеспеченное существование и возможность время от времени покурить. Другие — это изгои, те, кто некогда занимали какое-то положение, но из-за свойств своего характера или вследствие несчастного случая лишились места в обществе. Возможно, они слышали от судьбы: «Исполнение приговора будет приостановлено, если поедете в колонии».

Охваченный внезапной паникой, Уингейт понял, что теперь его собственное положение определяется почти так же и он становится одним из надломленных. Его жизнь на Земле рисовалась ему как в тумане, вот уже три дня он не мог заставить себя написать еще одно письмо Джонсу. Он провел всю последнюю смену в размышлениях о том, не взять ли ему несколько дней отпуска для поездки в Венусбург. «Сознайся, — сказал он себе, — ты уже скользишь вниз, твой ум ищет успокоения в рабской психологии. Освобождение из своего бедственного положения ты полностью свалил на Джонса, но откуда ты знаешь, что он может тебе помочь? А вдруг его уже нет в живых?» Из глубин своей памяти он выловил фразу, которую когда-то вычитал у одного философа: «Раб никто не освободит, кроме него самого».

«Ладно, ладно, возьми себя в руки, старина. Держись крепко. Больше ни капли риры! Хотя нет, это непрактично: человек не может не спать. Ладно, — но тогда никакой риры до выключения света в бараке: сохрани ясный ум и по вечерам строй планы освобождения. Держи ухо остро, узнавай все, что можешь, находи друзей и жди, когда подвернется случай».

Сквозь мрак он увидел приближающуюся к воротам человеческую фигуру. Это была женщина. Одна из иммигранток? Нет. Это была Аннек Ван Хайзен, дочь патрона.

Аннек была крепкая, рослая белокурая девушка с печальными глазами. Он много раз видел, как она разглядывала рабочих, возвращающихся в свои бараки, или бродила в одиночестве на расчищенном от зарослей участке перед фермой. Аннек была не уродлива, но и не привлекательна. Чтобы украсить ее крупную фигуру, требовалось нечто иное, чем набедренная повязка, которую носили все колонисты, — наиболее подходящую в этом климате одежду.

Аннек остановилась перед ним, дернула молнию мешочка, заменявшего ей карман, и вынула пачку сигарет.

— Я нашла их тут, рядом. Это вы, наверное, потеряли?

Он знал, что Аннек лжет, она ничего не поднимала с того момента, как он увидел ее издали, и сорт сигарет был такой, какой курили на Земле, здесь их имели только патроны, ни один завербованный не мог их себе позволить. Что было у нее на уме?

Уингейт заметил, как она волнуется, как часто дышит, и со смущением понял, что девушка пытается сделать ему подарок. Почему?

Уингейт не был высокого мнения о своей внешности или обаянии, да и не имел для этого никаких оснований. Но он не понимал, что среди иммигрантов он выделялся, как павлин на птичьем дворе. Все же он должен был признать, что Аннек находила его привлекательным; не могло быть другого объяснения ее выдумке, ее трогательному маленькому подарку.

Первым движением Уингейта было резко ее осадить. Он ничего не хотел от нее и был возмущен этим вторжением в его уединение. Он сознавал также, что это может осложнить его положение, даже сделать его опасным. Нарушение местных обычаев — а тут было именно такое нарушение — поставило бы под угрозу всю социальную и экономическую жизнь в колониях. С точки зрения патронов, сношения с завербованными

были невозможны в такой же мере, как и с амфибии-образными туземцами. Связь между рабочим и женщиной из касты патронов легко могла бы разбудить старого судью Линча.

Но у Уингейта не хватило духу быть грубым с Аннек. Он увидел слепое восхищение в ее глазах, было бы бессердечно оттолкнуть девушку. Кроме того, в манерах Аннек не было ничего вызывающего, не было и робости. Ее обращение было по-детски наивным и непосредственным. Уингейт вспомнил о своем намерении найти друзей; здесь ему предлагалась дружба, правда, опасная дружба, но она могла бы оказаться полезной для него, для его освобождения. На какой-то момент он почувствовал стыд от того, что как бы взвешивал, насколько полезен для него этот беззащитный ребенок. Но Уингейт подавил это чувство, говоря себе, что ведь он не причинит ей зла. Во всяком случае, не надо забывать старой поговорки о мстительности отвергнутой женщины!

— Да, возможно, я и потерял их, — сказал он. Затем добавил: — Это — мои любимые сигареты.

— Разве? — воскликнула она со счастливой улыбкой. — Тогда возьмите их, пожалуйста!

— Спасибо. А вы не выкурите со мной одну? Хотя нет, это, наверно, не годится: ваш отец будет недоволен, что вы здесь задерживаетесь.

— О, он сидит за своими расчетами. Я посмотрела, прежде чем выйти, — ответила Аннек и, казалось, не заметила, что сама раскрыла свой маленький обман. — Но вы курите, я... я вообще почти не курю.

— Может быть, вы предпочитаете пенковую трубку, как ваш отец?

Она смеялась дольше, чем того заслуживала его плоская остроумия. Они продолжали пустую болтовню: урожай созревает хорошо, погода как будто прохладнее, чем на прошлой неделе, нет ничего приятнее, чем подышать немного свежим воздухом после ужина.

— А вы когда-нибудь гуляете после ужина? — спросила Аннек.

Уингейт не стал объяснять, что за долгий день на болоте он слишком устает, а только подтвердил, что гуляет.

— Я тоже, — выпалила Аннек. — Очень часто... возле водонапорной башни.

Уингейт посмотрел на нее.

— Разве? Я это запомню. — Сигнал к перекличке дал ему желанный повод распрощаться. «Еще три минуты, — подумал он, — и мне пришлось бы назначить ей свидание».

На следующий день Уингейта снова послали на болото: горячка с очисткой луковиц в сарае уже прошла. «Крокодил» с трудом продвигался вперед, высаживая на каждом участке одного или нескольких рабочих. На борту оставалось четверо — Уингейт, Большеротый, водитель Джимми и надсмотрщик. Снова остановились, и из воды с трех сторон показались плоские светлоглазые головы амфибиеобразных туземцев.

— Вот, Большеротый, — сказал надсмотрщик, — это твой участок. Полезай за борт!

Большеротый посмотрел вокруг.

— А где мой ялик?

Колонисты пользовались маленькими яликами из дюралюминия, чтобы собирать в них урожай. Но на борту «крокодила» не осталось ни одного ялика.

— Он тебе не понадобится. Ты будешь очищать это поле для посева.

— Это-то ладно. Все же я никого тут не вижу и не вижу поблизости твердой почвы.

Ялики служили для двух целей, когда человек работал отдельно от других людей с Земли и на некотором расстоянии от надежной сухой почвы: он становился для него спасательной лодкой, если «крокодил», который должен был его забрать, выходил из строя, или же служил островком, если по какой-либо причине приходилось сесть или лечь, будучи на посту. Старожилы рассказывали мрачные истории о людях, которые простаивали по колено в воде в течение двадцати четырех, сорока восьми, семидесяти двух часов, а затем тонули, лишившись рассудка только от усталости.

— Сухое место есть вон там! — Надсмотрщик указал рукой в направлении группы деревьев на расстоянии, может быть, четверти мили.

— Возможно, это и так, — ответил Большеротый спокойно. — Поехали, посмотрим. — Он взглянул на Джимми, который повернулся к надсмотрщику в ожидании приказаний.

— Проклятье! Не спорь со мной! Перелезай за борт!

— Нет, — сказал Большеротый. — Не раньше, чем я увижу что-нибудь получше, чем два фута ила, где мне придется сидеть на корточках!

Маленький водяной народец с живым интересом следил за спором. Одни шепелявили и прищелкивали на своем языке, а те, кто немного понимал речь колонистов, по-видимому, давали подробные — несомненно искаженные — объяснения своим менее образованным собратьям. Это еще больше обозлило и без того взбешенного надсмотрщика.

— В последний раз говорю: выходи!

— Итак, — сказал Большеротый, поудобнее размещая свое большое тело на полу судна, — я рад, что мы покончили с этим вопросом.

Уингейт стоял позади надсмотрщика, и это, вероятно, спасло Большеротого Хартли по меньшей мере от хорошей шишки. Уингейт схватил надсмотрщика за руку, когда тот замахнулся. Одновременно на него бросился и Хартли, все трое сцепились и несколько секунд боролись на дне «крокодила».

Хартли сидел на груди у надсмотрщика, в то время как Уингейт вырывал дубинку из сжатых пальцев его правой руки.

— Счастье, что вы увидели, как он выхватил эту штуку, Хамф, — проговорил Большеротый. — А то мне сейчас потребовалась бы уйма аспирина.

— Да, я тоже так думаю, — ответил Уингейт и отшвырнул оружие далеко в болото. За ним немедленно нырнули туземцы. — Мне кажется, теперь ты можешь его отпустить.

Надсмотрщик, быстро вскочив на ноги, ничего не сказал и повернулся к крокодильщику, спокойно оставшемуся все время на своем месте у руля.

— Почему ты, черт тебя подери, не помог мне?

— Я полагал, что вы сами сможете постоять за себя, хозяин, — ответил Джимми уклончиво.

Уингейт и Хартли были оставлены работать помощниками тех, кто был высажен на другие участки. Надсмотрщик не обращал на них внимания и отдал только короткий приказ высадить их. Но когда они, вернувшись в барак, умывались перед ужином, им велели явиться в Большой дом.

Их ввели в кабинет патрона, и они увидели, что надсмотрщик уже там. Он самодовольно ухмылялся, в то время как выражение лица Ван Хайзена было самое мрачное.

— Что я слышу о вас обоих? — налетел он на Уингейта и Хартли. — Отказываетесь работать, набрасываетесь на десятника — видит Бог, я покажу вам, где раки зимуют!

— Позвольте, патрон Ван Хайзен, — начал Уингейт тихо, почувствовав себя вдруг в привычной атмосфере судебного разбирательства. — Никто не отказывается от исполнения своих обязанностей. Хартли только протестовал против того, что его заставляли выполнять опасную работу, не обеспечив разумных мер безопасности. Что же касается драки, то это десятник напал на нас. Мы действовали с целью самозащиты и остановились, как только обезоружили его.

Надсмотрщик наклонился к Ван Хайзену и шепнул ему что-то на ухо. Патрон казался еще более рассерженным, чем раньше.

— Вы вели себя так на виду у туземцев! У туземцев! Вам известен закон колоний? Я мог бы послать вас за это на рудники!

— Нет, — возразил Уингейт. — Это десятник вел себя так в присутствии туземцев. Наша роль была пассивной. Мы лишь оборонялись.

— Вы называете нападение на десятника пассивной ролью? Ну так вот, слушайте меня. Ваше дело — работать. Дело десятника — указывать вам, где и как работать. Он не такой болван, чтобы пускать на ветер деньги, которые я в вас вложил. Только он один может судить о том, опасна ли работа, а не вы!

Надсмотрщик снова шепнул ему что-то на ухо. Ван Хайзен покачал головой. Десятник настаивал, но патрон прервал его нетерпеливым жестом и снова повернулся к обоим рабочим.

— Вы не получите сегодня ни ужина, ни риры. Завтра увидим, как будете себя вести.

— Но, патрон Ван Хайз...

— Все. Идите в свой барак.

Когда огни были погашены и Уингейт прополз на свою койку, он обнаружил, что кто-то спрятал в ней еду. Он с благодарностью съел все, размышляя о том, кто бы это мог сделать. Он был сыт, но без риры все же не мог уснуть. Уставившись в гнетущую тьму барака, Уингейт обдумывал свое положение. Оно и до этого было почти невыносимо, теперь же мстительный и всесильный надсмотрщик превратит его жизнь в сущий ад. Уингейт уже достаточно видел и слышал, чтобы знать, что этот ад очень скоро наступит. Прошло, должно быть, около часа, когда он вдруг почувствовал, как чья-то рука толкнула его в бок.

— Хамф, Хамф, — услышал он шепот, — выходи наружу. Есть дело! — Это был Джимми.

Уингейт осторожно пробрался между рядами коек и выскользнул в дверь следом за Джимми. Большеротый уже был во дворе, и рядом с ним виднелась четвертая фигура.

Это была Аннек Ван Хайзен. Как она сумела пройти на запертый участок барака для холостяков? Глаза у нее припухли, словно от слез.

Джимми заговорил полупшепотом:

— Девушка сказала, что мне завтра прикажут отвезти вас обоих обратно в Адонис.

— Зачем?

— Она не знает. Но полагает, что нас хотят продать на Юг. Вообще говоря, это не очень правдоподобно, старик еще никогда никого не продавал на Юг, но ведь никто прежде и не бросался на его надсмотрщиков. В общем, не знаю.

Они потеряли несколько минут на бесплодный спор. Затем, после гнетущего молчания, Уингейт спросил Джимми:

— Ты знаешь, где они хранят ключи от «крокодила»?

— Нет, почему вы...

— Я могла бы достать их для вас, — предложила Аннек.

— Но вы не умеете управлять «крокодилом», — сказал Джимми.

— Я несколько недель наблюдал, как ты это делаешь.

— Ну, положим, вы справитесь с этим, — продолжал возражать Джимми. — Положим, что вам удастся бежать на этой посудине. Вы заблудитесь, не проплыв и десяти миль. Если вас даже не поймают, то вы умрете от голода.

Уингейт пожал плечами.

— Я не собираюсь позволить продать себя на Юг.

— Я тоже, — добавил Хартли.

— Погодите минуту.

— Что ж, я не вижу...

— Погодите минуту, — раздраженно повторил Джимми. — Разве вы не видите, что я думаю?

Некоторое время все молчали. Наконец Джимми сказал:

— Доченька, вы бы отошли в сторону и дали нам поговорить. Чем меньше вы будете знать, тем лучше для вас.

У Аннек был обиженный вид, но она послушно отошла. Трое мужчин коротко посоветовались. Потом Уингейт сделал Аннек знак присоединиться к ним.

— Большое спасибо за то, что вы предупредили нас, Аннек, — сказал он. — Мы придумали выход из положения. — Он сделал паузу, затем смущенно добавил: — Ну что ж, спокойной ночи!

Она подняла на него глаза.

Уингейт не знал, что ему делать. Он проводил ее за угол барака и снова пожелал спокойной ночи. Когда он вернулся, его лицо было все таким же смущенным. Все трое вошли в барак.

Патрон Ван Хайзен тоже никак не мог уснуть. Для него всегда было мучительно наказывать своих людей. Черт возьми, почему они не могут быть хорошими парнями, чтобы оставить его в покое! И без того в эти

дни у него было немало забот. На сбор урожая он затрачивал больше, чем мог выручить в Адонисе, во всяком случае после уплаты процентов.

В этот вечер он вспомнил о расчетах, которыми занимался после обеда, чтобы как-нибудь отделаться от охватившего его неприятного чувства. Но ему трудно было сосредоточиться на цифрах. Этот Уингейт... Он купил его для того, чтобы тот не достался рабовладельцу Ригсби, а не только затем, чтобы иметь еще одного рабочего. Он уже и так вложил в рабочих слишком много денег, хотя десятник все время жаловался, что не хватает рабочей силы. Теперь придется либо продать несколько человек, либо просить банк снова продать закладную.

Рабочие больше не окупают затрат на их содержание. Это уже не тот сорт людей, которые прибывали на Венеру, когда он был молод. Он снова склонился над своими книгами. Если рыночные цены снова немного поднимутся, банк за несколько более высокий процент, чем в прошлом сезоне, охотно учтет его векселя. Может быть, тогда все обойдется.

Его размышления были прерваны приходом дочери. Он всегда был рад видеть Аннек, но на этот раз то, что она хотела ему сказать и что наконец выпалила, лишь окончательно взбесило его. Занятая своими думами, Аннек даже не заметила, что причинила отцу почти физическую боль.

Но тем самым вопрос разрешился, поскольку это касалось Уингейта. Он отделается от этого смутяна. С резкостью, с какой он никогда не обращался с Аннек, Ван Хайзен велел ей идти спать.

Разумеется, все это только его собственная ошибка, сказал он себе, ложась в постель. Ферма на Венере не место для воспитания молодой девушки, лишившейся матери. Его Аннекхен — теперь уже почти взрослая женщина, как может она найти мужа здесь, в этой глуши; что она будет делать, когда он умрет? Она ведь не знает, что после него ничего не останется, не хватит даже на обратный билет до Земли. Нет, она не будет женой рабочего! Нет, пока останется хоть капля жизни в его старом, усталом теле.

Что ж, Уингейту придется уехать, и тому, кого они называют Большеротым, — тоже. Но он не продаст их на Юг. Нет, нет, он никогда не поступал так ни с одним из своих людей. Он с отвращением подумал об огромных, напоминающих фабрики плантациях на много миль дальше к югу, где температура всегда на двадцать-тридцать градусов выше, чем на его болотах, и смертность среди рабочих составляет нормальную статью в калькуляции стоимости урожая. Нет, он отвезет их и продаст на вербовочной станции. Кто их там купит — уже не его дело. Но он не продаст их прямо на Юг.

Ему пришла в голову новая мысль. Он стал что-то вычислять и решил, что ему, быть может, удастся за контракты этих двух не выдохшихся еще рабочих получить достаточно денег, чтобы купить для Аннек билет на Землю. Он был уверен, что его сестра примет Аннек, вернее, был почти уверен, хотя она поссорилась с ним из-за его женитьбы на матери Аннек. Время от времени он мог бы посылать дочери немного денег. И, быть может, она сумеет там стать секретаршей или получить еще какую-нибудь неплохую профессию, как другие девушки на Земле.

Но что это будет за ранчо без Аннекхен...

Он был так погружен в свои тяжкие думы, что не услышал, как его дочь выскользнула из своей комнаты и вышла во двор.

На следующее утро, когда все собирались на работу, Уингейта и Хартли оставили в бараке. Джимми было приказано явиться в Большой дом. Они увидели его несколькими минутами позже — он выкатывал из сарая «реммингтон». Джимми захватил их с собой, затем вернулся к Большому дому и стал ждать патрона. Вскоре вышел Ван Хайзен и, не сказав никому ни слова и ни на кого не взглянув, влез в свою кабину.

«Крокодил» взял направление на Адонис, тяжело и шумно двигаясь со скоростью десять миль в час. Уингейт и Большеротый беседовали вполголоса и с любопытством чего-то ждали. После томительно долгого ожидания Джимми вдруг остановил «крокодил». Ван Хайзен поднял окошко кабины.

— Что случилось? — спросил он. — Машина испортилась?

Джимми ответил ему с усмешкой:

— Нет, я сам остановил ее.

— Зачем?

— Выйдите, тогда узнаете.

— Я так и сделаю, черт возьми! — Окошко захлопнулось, Ван Хайзен стал протискиваться своим жирным телом в узкие двери кабины. — Это что за дурацкие шутки?

— Вылезайте и идите пешком, патрон. Вашему путешествию — конец.

Ван Хайзен, казалось, лишился дара речи, но выражение его лица было достаточно красноречиво.

— Я говорю серьезно, — продолжал Джимми. — Это — конец путешествия для вас. Я всю дорогу держался твердой почвы, чтобы вы могли вернуться обратно пешком. Идите по следу, который я проложил. Вы сможете проделать этот путь за три-четыре часа, хоть вы и такой жирный.

Патрон перевел глаза с Джимми на других. Уингейт и Большеротый наступали на него, их глаза были недружелюбны.

— Лучше уходите, папаша, — сказал Большеротый мягко, — пока вас не выкинули отсюда.

Ван Хайзен прижался спиной к перилам машины, схватившись за них руками.

— Я не покину своего собственного судна, — прокричал он.

Большеротый поплевал на ладони, затем стал потирать руки.

— Ладно, Хамф, он хотел этого...

— Постой минутку. — Уингейт обратился к Ван Хайзену: — Послушайте, патрон Ван Хайзен, мы не обойдемся с вами грубо, если не будем к этому принуждены. Но нас трое, и мы полны решимости. Лучше вылезайте без скандала.

С лица старика градом лил пот, и, очевидно, не только от удушающей жары. Его грудь бурно поднималась, казалось, он готов к сопротивлению. Вдруг внутри у него как будто что-то погасло. Все его тело обмякло,

выражение лица, до этого вызывающее, стало настолько пришибленным, что на него было неприятно смотреть.

Не говоря больше ни слова, Ван Хайзен перелез через борт, ступив прямо в грязь, которая была ему по щиколотку. Он долго стоял так, сутулый, с согнутыми коленями...

Когда они были уже далеко от места, где бросили своего хозяина, Джимми повернул «крокодил» в другом направлении.

— Дойдет он, как ты думаешь? — спросил Уингейт.

— Кто? Ван Хайзен? Конечно, дойдет... Может быть... — Он был теперь всецело поглощен машиной. Она сползла вниз по склону и шлепнулась в судорожный водоем. Через несколько минут болотная трава сменилась открытой водой; Уингейт увидел, что они находятся в широком озере, дальние берега которого терялись в тумане. Джимми взял курс по компасу.

Далекий берег оказался песчаной отмелью, скрывавшей заболоченный рукав. Некоторое время Джимми следовал по рукаву, затем остановил машину и неуверенно произнес:

— Это должно быть где-то здесь. — Он пошарил под брезентом, сложенным в углу пустого трюма, и вытащил широкое плоское весло. Затем подошел к перилам и, высунувшись, сильно ударил веслом по воде.

Шлеп!.. Шлеп, шлеп... Шлеп!

Он ждал.

Плоская голова амфибиеобразного туземца рассекла воду вблизи берега; он смотрел на Джимми светлыми веселыми глазами.

— Хэло! — окликнул его Джимми.

Туземец сказал что-то на своем языке. Джимми отвечал на том же говоре, вытягивая губы, чтобы воспроизвести странные клохчущие звуки. Туземец выслушал, а затем снова нырнул в воду.

Он вернулся — по-видимому, следовало бы сказать, что она вернулась, — через несколько минут, и с нею еще одна.

— Тигарек? — с надеждой сказала вновь прибывшая.

— Тигарек, когда прибудем на место, старушка! — неопределенно пообещал Джимми. — Вот... влезай!

Он протянул руку, туземка приняла ее. Не человеческая, но все же странно приятная фигурка легко взлетела на борт. Она уселась на перила рядом с водителем. Джимми пустил машину полным ходом.

Как долго вел их маленький лоцман, Уингейт не знал — часы на пульте управления были испорчены, но его желудок подсказал ему, что это продолжается уже слишком долго. Он порывлся в кабине и вытащил оттуда неприкосновенный запас, который поделил с Большеротым и Джимми. Предложил немного еды туземке, но она понюхала ее и отвернула голову.

Вскоре после этого вдруг раздался свистящий звук, и в десяти ярдах впереди поднялся столб пара. Джимми сразу остановил судно.

— Не стреляйте! — крикнул он. — Это мы, ребята!

— Кто вы такие? — раздался невидимый голос.

— Путешественники!

— Вылезайте, чтобы мы могли вас видеть!

— Хорошо.

Туземка толкнула Джимми в бок.

— Тигарек! — заявила она твердо.

— А? Да, конечно.

Он стал выкладывать ей пачки табака, пока она не признала количество достаточным, затем прибавил еще одну. Туземка вытащила из-за левой щеки веревку, завязала свою добычу и скользнула за борт. Они увидели, как она поплыла, подняв пакет высоко над водой.

— Живей, покажитесь! — торопили из зарослей.

— Мы идем! — Они вылезли в воду, которая была им по пояс, и пошли вперед, держа руки над головой.

Отряд в составе четырех человек вышел из укрытия и осмотрел их, держа оружие наготове. Старший разведчик обыскал их набедренные повязки и послал одного из солдат осмотреть «крокодил».

— У вас строгая охрана, — заметил Уингейт.

Старший разведчик взглянул на него.

— И да и нет, — сказал он. — Это маленький народец сообщил нам, что вы плывете. Они стоят всех сторожевых псов на свете!

Беглецы снова отправились в путь. Теперь машиной управляет один из разведчиков. Их конвоиры не были недружелюбны, но и не желали разговаривать.

— Подождите, пока вас примет Начальник, — отвечали они на вопросы.

Местом их назначения оказалась широкая полоса довольно высоко расположенной равнины. Уингейт был поражен, когда увидел множество строений и массу народа.

— Как же они могут сохранить такое место в тайне? — спросил он Джимми.

— Если бы штат Техас был покрыт вечным туманом, а жителей было бы столько, сколько в Уокегане, штат Иллинойс, вы тоже могли бы там многое скрыть!

— Но разве все это не обозначено на карте?

— На карте Венеры? Не будьте наивным.

Судя по тем словам, которые он раньше слышал от Джимми, Уингейт должен был увидеть лагерь беглых рабочих, которые скрываются в зарослях и находят случайное пропитание в окружающих болотах. Но он обнаружил здесь культуру и энергичную администрацию. Правда, это была неотесанная поселенческая культура и несложное административное устройство, с малым числом законов и неписанной конституцией, но зато тут действовала система правил общежития. Нарушители подвергались наказанию, не более несправедливому, чем на Земле.

Хамфри Уингейта поразило, что беглые рабы — пена, выброшенная с Земли человеческим прибоем, — были способны создать общество. Его предков удивляло, когда ссыльные уголовники с Ботани Бэй развили высокую цивилизацию в Австралии. Уингейта феномен Ботани Бэй, конечно, не удивлял: это принадлежало истории, а история никогда не вызывает удивления, если она уже свершилась.

Успех этой колонии стал понятнее Уингейту, когда он больше узнал о характере Начальника, который был вдобавок и генералиссимусом, и судьей низшей и сред-

ней инстанции, избираемым всей общиной. (За Верховный суд решения выносила вся община голосованием. Эта процедура показалась Уингейту безобразно неуклюжей, однако общину она, видимо, устраивала.) В качестве судьи Начальник выносил решения, не скрывая своего отвращения к системе свидетельских отношений и к теории права, что напоминало Уингейту рассказы, слышанные им об апокрифическом старом судье Бине по прозвищу «Закон к западу от Пекоса».

Чаще всего Начальнику приходилось выносить решения по поводу инцидентов, вызываемых большим недостатком женщин в колонии (мужчин было втрое больше). Уингейту пришлось признать, что тут действительно возникала ситуация, в которой традиционный обычай мог быть источником бед; он восторгался проникательностью, здравым смыслом и знанием человеческой природы, с какими Начальник разбирался в сильных человеческих страстях, поддерживая *modus operandi* для терпимого сосуществования. Человек, которому удавалось сохранить мир при таких обстоятельствах, не нуждался в юридическом образовании.

Начальник избирался всеобщим голосованием, а его советники были членами выборного совета. Уингейт был убежден, что Начальник мог бы стать во главе любого общества. Этот человек обладал беспредельной энергией, большой жизненной силой, у него был громогласный смех, смелость и умение принимать решения. Он был прирожденным лидером.

Трем беглецам было предоставлено несколько недель отдыха, чтобы прийти в себя и найти занятие, которое было бы полезно для общины и обеспечило бы их самих. Джимми оставался при своей машине, конфискованной для общины. По молчаливому согласию, существовавшему в общине, тот, кто привел машину, имеет право ею управлять. Большеротый получил назначение на работу в поле и делал почти то же, что у Ван Хайзена. Он признался Уингейту, что теперь ему приходится трудиться больше, но все же он был доволен, потому что, как он выразился, «здесь как-то свободнее».

Мысль о том, чтобы вернуться к сельскому хозяйству, внушала Уингейту отвращение, хотя этому у него не было никаких разумных объяснений. Однако на этот раз его опыт в области радио сослужил ему хорошую службу. Община имела временную маломощную радиостанцию, которая постоянно использовалась для перехватов, но редко — для передачи: из опасения, как бы община не была обнаружена. Прежде лагеря беглых рабов нередко уничтожались полицией Компании вследствие неосторожного пользования радио. Поэтому в общине осмеливались включать радиопередатчик только в случае крайней необходимости.

Но без радио им обойтись было трудно. Помощь маленького народца давала им возможность поддерживать контакт с другими общинами беглецов, но это была крайне ненадежная связь, и обычно сообщения, кроме самых простых, искажались до неузнаваемости.

Когда обнаружилось, что у Уингейта были соответствующие технические познания, ему была доверена радиоаппаратура общины. Предыдущий радиотехник пропал без вести в зарослях. Помощником Уингейта был приятный старик по кличке Доктор, который мог слушать сигналы, но ничего не понимал в эксплуатации радиоаппаратуры.

Уингейт увлеченно принялся за исследование допотопной установки. Проблемы, возникавшие у него из-за нехватки оборудования, и необходимость пустить в ход радиостанцию доставляли ему такое удовольствие, какого он не испытывал с тех пор, как был мальчишкой, хотя сам он этого не осознавал.

Он с увлечением пытался сделать радиосвязь безопасной. Его захватила идея, заимствованная из какого-то описания эпохи первых шагов радио. Его радиоустановка, как и все другие, действовала на основе частотной модуляции. Он где-то видел однажды схему передатчика совершенно устаревшего типа с амплитудной модуляцией. Он почти совсем не помнил ту схему, однако разработал устройство, которое, как ему казалось, должно будет действовать и сможет быть присоединено к имеющемуся у него аппарату.

Он попросил у Начальника разрешения сделать такое устройство.

— Почему же нет? — прогремел в ответ Начальник. — Я не имею ни малейшего представления о вещах, о которых вы говорите, голубчик, но если вы считаете, что можно построить радиостанцию, которую Компания не обнаружит, возьмитесь за это. Вам бы не надо и спрашивать меня, это — ваше дело!

Проблема была более сложной, чем Уингейт себе представлял. Он работал над ней, пользуясь неловкой, но беззаветной помощью Доктора. Первые схемы соединений Уингейту не удались; но пять недель спустя, после сорок третьей попытки, схема уже действовала. Доктор, находившийся в зарослях на расстоянии нескольких миль, сообщил, что ему удалось услышать передачу при помощи маленького специально сконструированного приемника.

Одновременно Уингейт работал над своей книгой. Он не мог бы сказать, зачем он ее пишет. Пожалуй, ее можно было назвать политическим памфлетом против колониальной системы. Но здесь ему некого было убеждать в правильности своих тезисов; не мог он также ожидать, что когда-нибудь предложит книгу вниманию читающей публики. Теперь его родиной была Венера. Он знал, что у него нет никаких шансов вернуться; единственный путь лежал через Адонис, а там его ожидал ордер на арест за добрую половину преступлений из имеющихся в кодексе: нарушение контракта, воровство, похищение человека, преступное оставление человека в опасных обстоятельствах, преступный сговор и подрывная деятельность. Если бы полиция Компании его поймала, она заточила бы его в тюрьму на веки вечные.

Нет, книга возникла не потому, что он надеялся ее опубликовать, а из-за полуосознанной потребности привести в порядок свои мысли. Он произвел полную переоценку ценностей, которыми прежде жил; для его душевного покоя ему было необходимо сформулировать новые. Для его педантичного, лишнего богатого воображения ума было естественным желанием изложить на бумаге все свои соображения и заключения.

Несколько робея, он показал рукопись Доктору. Он знал, что прозвище этого человека связано с его прежней профессией на Земле. Доктор был профессором экономики и философии в одном из университетов, и он рассказал ему кое-что о том, как он попал на Венеру.

— Маленькая история, в которой была замешана одна из моих студенток, — признался он. — Моя жена заняла непримиримую позицию в этом деле, и так же поступило правление университета. Правление давно уже расценивало мои воззрения как слишком радикальные.

— А это так и было?

— О Боже, нет! Я был твердокаменным консерватором, но обладал дурной привычкой выражать консервативные принципы скорее реалистическим, чем аллегорическим языком.

— Сейчас вы, вероятно, радикал?

Доктор слегка поднял бровь:

— Отнюдь, нет! Радикал или консерватор — все эти термины существуют для эмоциональных позиций, а не для социологических воззрений.

Доктор взял рукопись, прочитал ее до конца и возвратил ее Уингейту без всяких замечаний. Но Уингейт настаивал, чтобы он высказал ему свое мнение.

— Ладно, если вы требуете, мой друг...

— Да.

— Я сказал бы, что вы впали в самое распространенное из всех заблуждений относительно социальных и экономических факторов — уверовали в «дьявольскую теорию».

— Как вы сказали?

— Вы приписываете экономическому злодейству создание условий, являющихся просто следствием человеческой глупости. В колониальном рабстве нет ничего нового; это — неизбежный результат империалистической экспансии, естественный результат устарелой финансовой системы.

— Я подчеркиваю в моей книге роль, которую играют банки.

— Нет, нет и нет. Вы полагаете, что банкиры — негодяи. Вовсе нет. Так же, как и служащие Компании, или патроны, или правящие классы там, на Земле, не являются негодяями. Людей вынуждает необходимость. И вот они придумывают разные рациональные объяснения, которые оправдывали бы их действия. Это даже не алчность. Рабство экономически невыгодно, непродуктивно, но люди втягиваются в эту систему, как только обстоятельства вынуждают их к этому. Другая финансовая система... но это уже другой вопрос.

— Я все же думаю, что все это коренится в извращенности людей, — сказал Уингейт упрямо.

— Не извращенности, а просто глупости. Я не могу доказать вам, но вы убедитесь сами.

Ввиду успеха «тихого радио» Начальник послал Уингейта в большую поездку по другим лагерям Свободной Федерации, чтобы и им помочь установить новое оборудование и научить, как с ним обращаться. Уингейт провел в поездке месяц, много трудился и получил огромное удовлетворение от работы. Свою поездку он закончил с приятным сознанием, что сделал для свободных людей в борьбе против их врагов больше, чем это могло быть достигнуто в результате кровавого сражения.

Когда он вернулся в свою общину, то нашел там ожидавшего его Сэма Хьюстона Джонса.

Уингейт бросился к нему.

— Сэм! — крикнул он. — Сэм! Сэм! — Уингейт схватил его за руку, колотил по спине и осыпал ласковыми ругательствами, как все сентиментальные люди, когда пытаются скрыть свои чувства. — Сэм! Ах ты, старый негодяй! Когда ты прибыл сюда? Как тебе удалось бежать? И как это ты, черт тебя побери, сумел проделать весь путь от Южного полюса? Или тебя перевели до того, как ты бежал?

— Здорово, Хамф, — сказал Сэм. — А теперь спрашивай по порядку и не так быстро!

Но Уингейт продолжал возбужденно тараторить:

— Господи Боже мой, как приятно видеть твою страшную физиономию, старина! Как я рад, что ты приехал сюда, это замечательное место. У нас тут самое предприимчивое маленькое государство во всей Федерации. Оно тебе понравится. Здесь все — замечательные ребята!

— А ты у них кем будешь? — спросил Джонс, разглядывая его. — Президентом местной торговой палаты?

Уингейт взглянул на него, затем рассмеялся:

— Я понял. Но серьезно, тебе здесь понравится. Разумеется, тут все иначе, чем на Земле, но Земля — это дело прошлое. Не лучше ли забыть о том, чего не вернуть, а?

— Погоди минутку, ты просто ничего не понял, Хамф. Послушай, я не бежавший раб. *Я здесь для того, чтобы увезти тебя домой.*

Уингейт открыл рот, закрыл его, потом снова открыл.

— Но, Сэм, — сказал он, — это невозможно. Ты не знаешь!..

— Думаю, что знаю.

— Но ты ошибаешься. Для меня не может быть возврата. Если бы я вернулся, мне пришлось бы предстать перед судом, и он, несомненно, воздал бы мне по заслугам. Даже если бы я отдался на милость суда и сумел отделаться легким приговором, то прошло бы двадцать лет, прежде чем я стал бы свободным человеком. Нет, Сэм, это невозможно. Ты не знаешь всех обвинений, которые мне предъявят.

— Это я-то не знаю? Твоя история обошлась мне в кругленькую сумму, пока я все распутал.

— Как?

— Мне известно, как ты бежал. Я знаю, что вы похитили «крокодил» и высадили своего патрона, что ты уговорил двух других батраков бежать вместе с тобой. Мне пришлось действовать самой тонкой лестью и дать, уж не буду говорить сколько, отступного, чтобы уладить все дело. Господи помилуй, Хамф, почему ты не совершил что-нибудь более невинное, например,

убийство, изнасилование или ограбление почтовой конторы?

— Ну что ж, Сэм, то, что я совершил, я сделал не для того, чтобы причинить тебе хлопоты. Я совсем выкинул тебя из моих расчетов. Я действовал на собственный страх и риск. Мне, право, очень жаль твоих денег...

— Забудь об этом. Деньги не имеют для меня значения. У меня их как грязи. Ты и сам знаешь. Просто удачно выбрал себе родителей. Я пошутил, но, видно, это получилось не совсем удачно.

— Ладно, извини. — Смех Уингейта был несколько искусственный. Никто не любит благотворительности. — Но расскажи мне, что случилось. Я все еще пребываю во мраке неизвестности.

— Хорошо.

Джонс был так же поражен и расстроен разлукой со своим другом после высадки в Адонисе, как и Уингейт. Но он знал, что ничего не сможет сделать, пока не получит помощь с Земли. Он много недель работал в качестве рабочего-металлиста на Южном полюсе в беспрестанном ожидании, ломая голову, почему сестра не отвечает на его обращения. Он написал ей несколько писем в дополнение к первой радиограмме, так как это был единственный род связи, который он мог теперь себе позволить. Но дни тянулись за днями, а ответа не было.

Когда он получил наконец радиограмму от сестры, все разъяснилось. Сестра не могла сразу получить радиограмму, потому что она сама находилась не на Земле, а на борту той же самой «Вечерней Звезды», в каюте первого класса, под именем своей горничной. «Это обычай моей семьи, чтобы избежать огласки, — пояснил Джонс. — Если бы я радировал не ей, а нашим поверенным, или если бы на корабле было известно настоящее имя сестры, мы бы встретились с ней в первый же день».

Радиограмма не была ей передана также и на Венере, потому что к тому времени планета проходила по другую сторону Солнца. Примерно на протяжении шестидесяти земных дней не было связи между Землей и

Венерой. Радиограмма оставалась в конторе фирмы до тех пор, пока поверенным не удалось связаться с его сестрой.

Получив радиограмму, она устроила небольшое торнадо. Джонс был освобожден, неустойка по его контракту уплачена, и достаточно крупная сумма денег переведена на его имя на Венеру менее чем за двадцать четыре часа.

— И это все, — закончил Джонс, — за исключением того, что мне придется по возвращении объяснить сестрице, как я попал в эту историю. Уж и задаст она мне трепку!

Джонс нанял ракету на Северный полюс и там сразу же напал на след Уингейта.

— Если бы ты задержался еще хоть на один день, я бы тебя застал. Мы нашли твоего бывшего хозяина примерно в одной миле от ворот его фермы.

— А, старая каналья все же добрался. Я очень рад.

— И слава Богу, а то я бы не смог тебя отмазать. Он был страшно изможден, и сердце его бешено колотилось. А ты знаешь, что на Венере бросить человека на произвол судьбы считается уголовным преступлением с обязательным смертным приговором, если жертва умирает?

Уингейт кивнул:

— Да, я знаю. Правда, я никогда не слышал, чтобы какой-нибудь патрон был отправлен в газовую камеру, если находили труп рабочего. Но это — между прочим. Продолжай.

— Ну вот. Он был ужасно обижен. Я его не виню, хотя и тебя не осуждаю. Никто не хочет быть проданным на Юг, а я догадываюсь, что ты ожидал именно этого. Итак, я заплатил ему за этого «крокодила» и за твой контракт — погляди на меня, я теперь твой новый владелец! — и за контракты двух твоих друзей. Все же он не был удовлетворен. Мне, наконец, пришлось добавить к этому билет первого класса на Землю для его дочери и пообещать найти ей работу. Полагаю, что наша фирма может себе позволить еще одну служащую. Как бы то ни было, старина, ты теперь свободный человек. Единственный вопрос — разрешит ли нам Начальник уехать отсюда. Это как будто не полагается.

— Да в том-то и дело. Кстати, я и забыл: как же ты нашел нашу общину?

— Пришлось заняться сыском, но это долго рассказывать. Вот потому-то я так и задержался. Рабы не любят болтать. Во всяком случае, Начальник назначил нам прием на завтра.

Уингейт долго не мог уснуть. После первого взрыва бурной радости он начал размышлять. Действительно ли он хочет вернуться? Вернуться к цитированию статей законов в интересах той стороны, которая его нанимает, к бессмысленным светским обязанностям, к пустой, бесплодной, полной всякого вздора жизни богатого, преуспевающего класса, в среде которого он вращался и которому служил? Хотел ли он этого — он, который боролся и трудился среди *настоящих* людей? Ему казалось, что анахроничное маленькое «изобретение» в области радио представляло собой *большую* ценность, чем все, что он когда-либо делал на Земле.

Потом он вспомнил о своей книге. Может быть, он мог бы добиться ее опубликования? Может быть, ему удалось бы разоблачить позорную, бесчеловечную систему продажи людей в легальное рабство?.. Сон разом слетел с него. Вот где его ожидало настоящее дело! Он должен вернуться на Землю и защищать права колонистов. Возможно все же, что судьба предопределяет жизнь человека. Может быть, он как раз тот человек, которому удастся это сделать: подходящее социальное положение, большой опыт... Он может заставить слушать себя!

Уингейт заснул, и ему снился прохладный, сухой ветерок, ясное голубое небо, лунный свет...

Большеротый и Джимми решили остаться на Венере, хотя Джонс мог бы договориться с Начальником и об их отъезде. «Да ведь дело в том, — сказал Большеротый, — что нас там, на Земле, ничто не ожидает, не то мы просто не уехали бы оттуда. И кроме того, нельзя

же вам взять на себя содержание еще двух безбилетных пассажиров. Да здесь не так уж плохо. Когда-нибудь тут будет замечательно. Мы останемся и будем расти вместе с общиной!»

Они повезли Джонса и Уингейта в Адонис. Это теперь было не опасно, ибо Джонс официально стал их владельцем. «Крокодил» возвратился из Адониса в общину, нагруженный различными товарами, которые, как настоял Джонс, должны были считаться их выкупом. В сущности, разрешение, данное Начальником, никогда не рисковавшим тайнами своей общины, было получено именно потому, что его привлекла возможность послать надежного и не вызывающего подозрения властей агента за запасами, в которых община сильно нуждалась. Планы Уингейта начать борьбу за отмену работоторговли не произвели на него никакого впечатления.

Прощание с Большеротым и Джимми оказалось для Уингейта более тяжелым и грустным, чем он мог ожидать.

В первые две недели по возвращении на Землю Уингейт и Джонс были слишком заняты, чтобы часто встречаться. За время обратного путешествия Уингейт обработал свою рукопись и теперь проводил целые дни, знакомясь с приемными издателей. Только один из них проявил к нему больший интерес, чем того требовало формальное письмо с отказом.

— Мне очень жаль, мой друг, — сказал ему этот издатель. — Я охотно опубликовал бы вашу книгу, несмотря на ее спорный характер, если бы она имела хоть малейший шанс на успех. Но, откровенно говоря, она не имеет никаких литературных достоинств. Я охотнее прочитал бы краткое изложение.

— Я вас понимаю, — ответил Уингейт сердито. — Крупная издательская фирма не может себе позволить печатать то, что вызовет раздражение у сильных мира сего.

Издатель вынул сигарету изо рта и взглянул на молодого человека, прежде чем ответить.

— Я, очевидно, должен был бы обидеться, но я не обижаюсь. Все это — широко распространенное недо-

разумение. Сильные мира сего, как вы их называете, не прибегают к насилию в нашей стране. Мы издаем то, что публика будет покупать, для этого мы и занимаемся изданием книг. Я предложил бы вам, если вы меня послушаетесь, один способ привлечь к вашей книге внимание читающей публики. Вам нужен соавтор, человек, владеющий искусством писать книги, он сделает вашу книгу интересной.

Как раз в тот день, когда Уингейту вернули от тайного соавтора переработанную рукопись, его посетил Джонс.

— Сэм, — обратился к нему Уингейт. — Погляди, что этот сукин сын сделал с моей книгой! Слушай: «...Я снова услышал свист бича надсмотрщика. Худощавое тело моего товарища покачнулось от удара. Он закашлялся и медленно соскользнул в воду, доходившую ему до пояса; цепи на ногах потянули его вниз». Честное слово, Сэм, ты когда-нибудь слышал подобный вздор? И взгляни на новое название книги: «Я был рабом на Венере»! Это звучит как признание в суде.

Джонс молча кивнул.

— Послушай-ка это, — продолжал Уингейт. — Рабыни, «битком набитые в тесном помещении, как скот в загоне, с обнаженными телами, блестевшими от пота, отпрянули от...» — о черт, я не могу читать дальше!

— Да ведь на них ничего и не было, кроме набедренных повязок!

— Да, но это не имеет никакого отношения к делу. Костюм работниц Венеры — это необходимость в тех климатических условиях. Нет оснований ухмыляться по этому поводу. Этот человек превратил мою книгу в идиотскую эротическую писанину, у него хватает наглости защищать свой текст! Он утверждает, что полемическую брошюру на социальную тему надо писать сочным языком.

— Ну что ж, он, может быть, и прав в некотором отношении. В «Путешествиях Гулливера» имеется несколько колоритных эпизодов, а сцена бичевания в

«Хижине дяди Тома» — отнюдь не подходящее чтение для детей, не говоря уже о «Гроздьях гнева».

— Будь я проклят, если прибегну к такого рода дешевой сенсации. Я борюсь за честное дело, которое каждый может понять.

— Так ли это? — Джонс вынул трубку из рта. — Интересно, сколько пройдет времени, пока у тебя откроются глаза. Что представляет собой твое дело? В нем нет ничего нового; то же самое происходило на Старом Юге, а затем в Калифорнии, в Мексике, в Австралии, в Южной Африке. Почему? Потому что в условиях свободного предпринимательства, когда денежная система не может удовлетворить его нужды, использование капитала метрополии для развития колоний неизбежно приводит к снижению жизненного уровня в стране и к рабскому труду в колониях. Богатые становятся богаче, а бедные — беднее. Любая добрая воля правящих классов не изменит этого положения, потому что основная проблема требует научного анализа и математического ума. Ты полагаешь, что сможешь объяснить эти проблемы широкой публике?

— Я могу попытаться.

— А чего я достиг, когда пытался разъяснить это тебе, до того как ты своими глазами увидел последствия? А ты ведь — малый не дурак. Нет, Хамф, эти вещи слишком трудно объяснить людям, они слишком абстрактны, чтобы заинтересовать кого бы то ни было. Ты ведь на днях выступал в женском клубе?

— Да.

— И что же, ты имел успех?

— Да вот... Председательница позвонила мне заранее и попросила ограничить мое выступление десятью минутами, так как должна прибыть их президентша и у них будет мало времени в запасе.

— Хм... Ты видишь теперь, с чем конкурируют твои великие социальные откровения! Но это не беда. Десяти минут вполне достаточно, чтобы объяснить эту проблему человеку, если он способен ее понять. Ты кого-нибудь убедил?

— Ну... Я не уверен.

— Ты меня не убеждай, что не уверен! Может быть, они тебе и хлопали, но сколько человек подошли

к тебе после выступления и выразили желание подписать чеки? Нет, Хамф, благоразумные рассуждения никуда не приведут тебя в этом развращенном мире. Для того чтобы заставить слушать себя, ты должен быть демагогом или политическим проповедником, вроде этого типа — Негемии Скаддера. Мы весело и с треском несемся на всех парах в преисподнюю, и это не прекратится, пока все не провалится ко всем чертям!

— Но... О черт, что же мы можем сделать?

— Ничего. Все должно стать гораздо хуже, прежде чем стать немного лучше. Давай выпьем!

УГРОЗА С ЗЕМЛИ

Меня зовут Холли Джонс, и мне пятнадцать лет. Я очень умная, но это не заметно, потому что я похожа на недоделанного ангела. Совершенно неинтересная особа.

Родилась я здесь, в Луна-Сити, что всегда очень удивляет прибывающих с Земли. Фактически, я уже третье поколение: оба моих деда осваивали участок номер один; там теперь находится Мемориал. Живу я с родителями в новом кооперативе Артемис в Пятой зоне, в восьмистах футах ниже Сити-холла. Но дома бываю мало: у меня очень много дел.

По утрам я хожу в техническую школу, а после обеда занимаюсь или иду летать с Джеффом Хардстом — это мой приятель, — или, когда приходит туристический корабль с Земли, показываю «кротам» Луну. В тот день после обеда прилунился «Грисхольм», поэтому я сразу из школы пошла в «Америкэн экспресс».

Первая стайка туристов просочилась из карантина, но я не стала лезть вперед, потому что мистер Доркас, распорядитель, знает, что я лучше всех остальных. Экскурсии — это временно (вообще-то я собираюсь стать конструктором космических кораблей), но если уж за что-то браться, то делать это надо хорошо.

The Menace From Earth, 1957

© Перевод на русский язык, «Полярис», 1994

Мистер Доркас заметил меня.

— Холли! Подойди, пожалуйста. Мисс Брентвуд, вашим гидом будет Холли Джонс.

— Холли, — повторила она. — Какое необычное имя. Ты действительно гид, дорогая?

Вообще-то, к «кротам» я отношусь терпимо — некоторые из моих лучших друзей родом с Земли. Как говорит папа, родиться на Луне — это удача, а не заслуга, и многие из тех, кто прилетел с Земли, остаются здесь. Да и, кроме того, Иисус, и Гаутама Будда, и доктор Эйнштейн — все они тоже были «кротами».

Но «кроты» часто действуют на нервы. И если бы старшеклассники не работали гидами, то кто бы этим занимался?

— Так написано в моей лицензии, — быстро ответила я и оглядела ее точно так же, как и она меня.

Ее лицо показалось мне знакомым, и я подумала, что, должно быть, видела ее в каком-нибудь журнале с Земли на одном из великосветских приемов — это одна из тех богатеньких прожигательниц жизни, которых много приезжает сюда. Она была привлекательна до отвращения — шелковистая кожа, мягкие, волнистые, серебристые волосы, фигура 35-24-34 — этого было достаточно, чтобы я почувствовала себя рядом с ней бледной молю. Кроме того, низкий чувственный голос и все необходимое для того, чтобы менее яркие представительницы прекрасного пола задумались, а не заключить ли им договор с дьяволом. Но на меня все это не подействовало: она была «кротихой», а «кроты» не в счет.

— Все гиды в городе — молодые девушки, — объяснил мистер Доркас. — Холли вполне компетентна.

— О, я не сомневаюсь, — быстро ответила она и завела обычное туристское нытье: она удивлена, что отыскать отель можно только с помощью гида; изумлена, что отсутствуют такси; то же самое относительно носильщиков; а при мысли, что две девушки будут ходить по «подземному городу» без сопровождающих, брови ее подскочили до небес.

Мистер Доркас спокойно отвечал:

— Мисс Брентвуд, Луна-Сити — единственная метрополия в Солнечной системе, где женщине нечего

бояться: здесь нет темных аллей, нет пустынных окраин, нет преступности.

Я не слушала; я просто протянула мистеру Доркасу свою тарификационную карточку, чтобы он поставил в ней отметку, и подхватила багаж. Вообще-то гиды не обязаны нести багаж, к тому же, большинство туристов приходят в восторг от того факта, что разрешенные тридцать фунтов превращаются на Луне в пять. Но я хотела, чтобы она, наконец, сдвинулась с места.

Мы уже были в туннеле, ведущем наружу, и я уже собралась ступить на бегущую дорожку, когда она остановила меня:

— Я забыла! Мне нужен план города.

— Это невозможно.

— Почему?

— Он существует только в одном экземпляре. Именно поэтому вам необходим гид.

— Но почему бы не размножить этот план? Или это лишит гидов работы?

Ну вот, видите? А вслух я сказала:

— Вы думаете, что гид — это профессия? Мисс Брентвуд, рабочие руки здесь в таком дефиците, что если бы было можно, то нанимали бы обезьян.

— Тогда почему бы не напечатать карты?

— Потому что Луна-Сити находится не на плоскости, как... — я чуть было не сказала «кротовые города» но вовремя спохватилась, — как земные города. Все, что вы видели из космоса, — всего лишь метеоритный экран. А под ним город расползается вширь, уходит вниз на многие мили и делится на десятки отдельных зон.

— Да, я знаю, но можно ведь сделать карту каждой зоны.

«Кроты» всегда так говорят: «Да, я знаю, но...»

— Я могу показать вам единственный план города. Это стереорама высотой двадцать футов, и все равно вы сможете различить только самые крупные объекты, как, например, Зал Королевской Горы, или гидропонные фермы, или Пещеру Летучих Мышей.

— Пещеру Летучих Мышей? — переспросила она. — Это там, где летают?

— Да, это там, где мы летаем.

— Я хочу ее увидеть.

— О'кей. Сначала ее... или план города?

Но она решила сначала добраться до отеля. Обычно маршрут до отеля «Цюрих» пролегает следующим образом: на запад через туннель Грэя, мимо марсианского посольства; около храма мормонов сойти и через воздушный шлюз на бульвар Дианы. Но я знаю, где можно сократить путь: мы сошли у шахты Мэйси-Гимбела, чтобы спуститься по служебному подъемнику. Я думала, что это понравится мисс Brentвуд.

Однако, когда я велела ей хвататься за ручную петлю, проплывающую мимо, она посмотрела вниз и отшатнулась.

— Ты шутишь.

Я уже собралась было отправиться дальше обычным маршрутом, как мимо нас вниз проехала наша соседка.

— Хэлло, миссис Гринберг! — крикнула я.

— Привет, Холли, — ответила она. — Как твои поживают?

Сказать про Сюзи Гринберг, что она полная, значит не сказать ничего. Она висела на одной руке, а другой держала маленького Дэвида и одновременно читала «Дэйли Лунатик». Мисс Brentвуд уставилась на нее, закусил губу и наконец спросила:

— Как это делается?

— О, хватайтесь обеими руками, — ответила я, — а я возьму багаж, — и, связав рукоятки чемоданов своим носовым платком, я двинулась вперед.

Когда мы спустились, мисс Brentвуд всю трясло.

— Господи, Холли, как ты это выдержишь? У тебя никогда не кружится голова?

Туристский вопрос номер шесть. Я ответила:

— Я уже бывала на Земле, — и оставила вопрос открытым.

Два года назад мама уговорила меня навестить мою тетюшку, которая живет в Омахе. Это было ужасно — жарко, и холодно, и грязно, и противно. Я весила, наверное, целую тонну, и у меня все болело, а моя тетюшка без конца досаждала мне, уговаривая пойти погулять, тогда как все, чего мне хотелось, — это залезть в ванну и тихо там страдать. И еще эта сенная лихорадка... Вы ничего не знаете о сенной лихорадке?

Это такая болезнь, от которой не умирают, но умереть очень хочется.

Предполагалось, что я поступаю в школу-интернат для девочек, но я позвонила папе и сказала, что я в отчаянии, и он разрешил мне вернуться домой. «Кроты» не понимают, что живут в ужасной дикости. Но «кроты» есть «кроты», а лунатики есть лунатики, и им никогда не понять друг друга.

Как все лучшие отели, «Цюрих» расположен на западе Первой зоны, так, чтобы из него была видна Земля. Я помогла мисс Брентвуд зарегистрироваться у робоклерка и подыскала ей комнату с отдельным входом. Она сразу же прошла туда, уставилась на Землю и пошло-поехало: ох! да ах!

Я посмотрела через ее плечо и увидела, что сейчас тринадцать с небольшим: тень уже отхватила небольшой кусочек от Индии. Вполне можно обработать еще одного клиента.

— Теперь вы уже обойдетесь без меня, мисс Брентвуд?

Вместо ответа она сказала с благоговением:

— Холли, разве это не самый красивый пейзаж на свете?

— Да, ничего, — согласилась я.

С этой стороны вид из окна довольно однообразен, за исключением Земли в небе — но туристы всегда смотрят именно на Землю, хотя покинули ее всего лишь несколько часов назад. Все-таки Земля красива. Интересно наблюдать за изменениями погоды, если, конечно, не приходится испытывать их на себе. Вам когда-нибудь доводилось проводить лето в Омахе?

— Грандиозно! — прошептала мисс Брентвуд.

— Конечно, — согласилась я. — Вы хотите пойти куда-нибудь? Или, может быть, подпишете мою карточку?

— Что? Извини, я замечталась. Нет, не сейчас. Да, хочу! Холли, я хочу пойти туда! Мне надо! Осталось еще время? Как долго еще будет светло?

— Как долго? До захода солнца еще двое суток.

Она выглядела удивленной.

— Холли, ты не можешь достать нам скафандры? Мне надо наружу.

Я и глазом не моргнула — поскольку привыкла к закидонам туристов. Мне кажется, для них что надувной скафандр, что космический — все одно. Я просто ответила:

— Нам, девушкам, не разрешается выходить наружу. Но я могу позвонить одному моему другу.

Джефф Хардст — мой партнер по конструированию космических кораблей, поэтому я помогаю ему в делах. Джеффу уже восемнадцать, и он учится в институте Годдарда, но я стараюсь не отставать, чтобы впоследствии мы могли основать совместную фирму «Джонс и Хардст, космические инженеры». У меня хорошо идет математика, а в космической инженерии это все, так что свою степень я получу очень скоро. Да и кроме того, мы уже проектируем корабли.

Но мисс Брентвуд я этого не сказала, потому что туристы считают, что девушка моего возраста не может быть конструктором, да еще космических кораблей.

Джефф составил свое расписание таким образом, чтобы по вторникам и четвергам иметь возможность работать гидом: в это время он дежурит у Западного шлюза, а в перерывах занимается. Я набрала его номер. Он улыбнулся мне:

— Привет, Масштабная Модель.

— Привет, Дополнительная нагрузка. Не возьмешь клиента?

— Вообще-то ко мне должна была прийти одна семейная пара, но они опаздывают.

— Оставьте их. Мисс Брентвуд, встаньте перед камерой, пожалуйста. Это мистер Хардст.

Джефф так широко раскрыл глаза, что я забеспокоилась. Вот уж не думала, что Джефф может заинтересоваться «кротихой». Даже если учесть, что в делах такого рода мужчины — рабы своих биохимических реакций. Я знала, что мисс Брентвуд исключительно привлекательна, но не могла даже подумать, будто Джеффа может заарканить какая бы то ни было «кротиха», даже с такой внешностью. Они же говорят на другом языке!

Я не питаю особых чувств к Джеффу: мы просто партнеры. Но то, что касается «Джонс и Хардста», касается и меня.

Когда мы прибыли к Западному шлюзу, Джефф не умолкал ни на минуту, демонстрируя юношеское вожделение. Мне даже стало стыдно за него, и впервые меня охватило нехорошее предчувствие. И почему только мужчины ведут себя так по-детски?

Казалось, мисс Брентвуд не имела ничего против такого его поведения. Джефф довольно крупный, а в скафандре вообще похож на великана из «Золота Рейна». Мисс Брентвуд улыбнулась ему и поблагодарила, что он так любезно согласился изменить свое расписание. Джефф стал выглядеть еще глупее и сказал, что ему это доставляет удовольствие.

Я держу свой скафандр в Западном шлюзе, чтобы, после того как я привожу Джеффу клиента, он мог пригласить меня прогуляться. Но на сей раз он со мной почти не разговаривал. Все же я помогла мисс Брентвуд выбрать скафандр, отвела ее в раздевалку и подогнала скафандр по ней. Эти скафандры напрокат требуют тщательной подгонки, иначе в вакууме они защемят вам все нежные места. Кроме того, у них есть еще особенности, которые девушке может объяснить только девушка.

Когда я вышла вместе с ней, не надев скафандра, Джефф даже не спросил, почему я не оделась; он просто взял ее за руку и повел к шлюзу. Мне пришлось вклиниться между ними, чтобы она подписала мою карточку.

Последующие дни оказались самыми длинными за всю мою жизнь. Джеффа я видела только однажды: он ехал на бегущей дорожке по бульвару Дианы в противоположную сторону. И конечно, она была с ним.

Хотя я видела его только один раз, мне было известно, что происходит. Он пропускал занятия и три ночи подряд водил ее в комнату обозрения Земли Дункана Хайнса. Меня это не касается! Надеюсь, она достигла больших успехов в обучении его танцам, чем я. Джефф — свободный гражданин и, если ему нравится делать из себя дурака, пропуская занятия и недосыпая из-за какой-то «кротики», — это его дело.

Но он не имеет права пренебрегать делами фирмы! У «Джонс и Хардста» весьма большие перспективы, потому что мы проектируем космический корабль

«Прометей». Над этим проектом мы корпим уже целый год, лишь два раза в неделю урывая время, чтобы немного полетать, — и все равно это очень большая жертва.

Конечно, из-за нехватки энергии сегодня построить космический корабль нельзя. Но мой папа уверен, что скоро осуществится научно-технологический прорыв и построят энергетические станции, преобразующие массу в энергию, а это значит, что можно будет строить космические корабли. Мой папа все знает — он главный инженер Лунных космических трасс и читает лекции в институте Годдарда. Поэтому мы с Джеффом и занимаемся проектированием автономного межзвездного корабля, в котором должно быть предусмотрено все: жилые помещения, вспомогательные помещения, госпиталь, лаборатории и прочее.

Папа полагает, что это просто хорошая практика, но мама соображает лучше — моя мама работает химиком-математиком в «Дженерал Синтетик оф Луна»; она почти такая же талантливая, как я. Она понимает, что, когда другие еще только будут раскачиваться, у «Джонс и Хардста» уже будет готовый проект.

Вот почему я так разозлилась на Джеффа за то, что он тратит время на эту особу. Ведь мы использовали для работы каждый удобный момент. Обычно Джефф появлялся после обеда, мы доделывали наши домашние задания и приступали к настоящему делу — «Прометею»: проверяли расчеты друг друга, горячо спорили о деталях и вообще хорошо проводили время. Но в тот самый день, когда я познакомила его с Ариэль Брентвуд, он не появился. Я доделала уроки и уже раздумывала, начать или подождать Джеффа — мы вносили радикальные изменения в защитный экран энергетической установки, — как позвонила его мама.

— Дорогая, Джефф просил меня позвонить тебе. Он обедает с клиентом и не может прийти.

Миссис Хардст наблюдала за мной, поэтому я сделала удивленный вид и сказала:

— А Джефф думал, что я его жду? Он перепутал все свои встречи.

По-моему, она мне не поверила: уж слишком быстро она согласилась.

Всю эту неделю я, помимо своей воли, постепенно убеждалась в том, что фирма «Джонс и Хардст» находится на грани ликвидации. Больше Джефф не отменял встреч — как можно отменить встречу, которая не была назначена? Но вечером по четвергам мы всегда ходили летать, если, конечно, кто-нибудь из нас не работал в это время гидом. Он не позвонил. О, я знаю, где он был в это время: он повел ее кататься на коньках в пещеру Фингала.

Я осталась дома и стала работать над «Прометеем»: пересчитывала массы и моменты для гидропонных оранжерей и хранилищ, исходя из изменений в защитном экране. Но я понаделала ошибок, и пару раз мне даже пришлось искать в справочнике значение логарифмов, хотя должна была их помнить... Я уже так привыкла пререкаться с Джеффом, что без него просто не могла работать.

Потом я случайно взглянула на фирменный знак в верхней части листа бумаги, который просматривала. На нем, как и на всех остальных, было написано: «Джонс и Хардст». Тогда я сказала себе: «Холли Джонс, хватит притворяться. Все кончено. Ты всегда знала, что когда-нибудь Джефф влюбится в кого-нибудь». — «Конечно... Но не в "кротиху" же». — «Именно в нее. Какой же ты инженер, если не можешь смотреть в лицо фактам? Она красивая и богатая — она уприсит своего папашу подыскать Джеффу работу на Земле. Слышишь меня? На Земле. Поэтому ищи себе другого партнера... или продолжай свой бизнес в одиночку».

Я стерла слова «Джонс и Хардст» и написала: «Джонс и компания». И уставилась на эту надпись. Потом начала стирать и ее, но капнула на нее слезой, и она размазалась. Все это было ужасно!

В следующий вторник папа и мама обедали дома, что было событием из ряда вон выходящим, потому что папа всегда обедает в космопорту. Обычно, если вы не космический корабль, папа вас не видит, но в тот день он обратил внимание, что я набрала шифр одного только салата, да и тот не доела.

— На твоей тарелке осталось, по крайней мере, восемьсот калорий, — сказал он, указывая на нее. — Ты не вырастешь без топлива. У тебя все в порядке?

— Да, спасибо, вполне, — ответила я с достоинством.

— Мм... теперь я вспоминаю, что ты хандришь уже несколько дней. Может быть, тебе пройти обследование? — Он посмотрел на маму.

— Мне не нужно обследование! — Я вовсе не хандрила: как будто девушка не может не болтать. Не люблю, когда доктора пристают со своими приборами, поэтому добавила: — А мало ем потому, что сегодня иду летать. Но если ты настаиваешь, то я закажу себе мясо в горшочке, картошку и пойду спать!

— Спокойно, малыш, — мягко ответил отец. — Я вовсе не хотел вмешиваться в твои дела. Перекусишь потом... И передай привет Джеффу.

Я сказала: «О'кей» — и попросила разрешения уйти. Предположение, будто я не могу летать без Джефферсона Хардста, было для меня унижительно, но мне не хотелось обсуждать эту тему.

Папа сказал мне вслед:

— Не опаздывай к ужину.

А мама добавила:

— Летай до изнеможения, дорогая. Последнее время ты мало тренируешься. Твой ужин я оставляю в подогревателе. Хочешь чего-нибудь особенного?

— Нет, то же, что и вам. — Мне было просто наплевать на еду, что на меня не похоже.

По дороге к Пещере Летучих Мышей я раздумывала, уж не подцепила ли я какую-нибудь заразу. Но щеки у меня не горели, и живот не болел, несмотря на то что я осталась голодной.

Затем мне в голову пришла ужасная мысль: уж не ревную ли я? Я?

Это немыслимо. Я не романтик — я карьеристка. Джефф был моим партнером и товарищем и под моим руководством мог стать великим конструктором космических кораблей, но наши отношения были простыми: взаимное уважение и никакого воркования. Карьеристка не может себе этого позволить. Посмотрите только, сколько возможностей упустила моя мама из-за меня!

Нет, я не могу ревновать! Я просто расстроилась из-за того, что мой партнер связался с «кротихой». У Джеффа нет опыта по женской части, и, кроме того, он

еще не бывал на Земле и имеет на ее счет определенные иллюзии. Если эта девица соблазнит его отправиться на Землю, с «Джонс и Хардстом» будет покончено.

И, конечно, «Джонс и компания» никакая не замена: «Прометей» не удастся построить. К этому печальному заключению я пришла уже в пещере. Летать мне не хотелось, но я все равно пошла в хранилище и взяла свои крылья.

Большая часть того, что понаписано о Пещере Летучих Мышей — полная ерунда. Это просто городское воздухохранилище, какие есть у всех колоний: место, куда накачивается воздух и где он хранится до тех пор, пока не потребуется. Нам просто повезло, что наше хранилище очень большое и в нем можно летать. Но его никто не строил: это просто огромный пузырь вулканического происхождения, имеющий две мили в поперечнике. Если бы давным-давно этот пузырь прорвался, то получился бы обычный кратер.

Иногда туристы жалеют нас, лунатиков, что мы не имеем возможности купаться. Один раз в Омахе я попробовала, но когда вода дошла мне до носа, я дико перепугалась. Вода для того, чтобы пить, а не играть в ней. По мне так лучше летать. Я много раз слышала, как «кроты» говорят: «О да, мы тоже летали». Но это не полет. Один раз я проделала то, о чем они говорят, между Омахой и Белыми Песками. Это было ужасно, и мне стало плохо. Такие вещи небезопасны.

Обувь и юбку я оставила в шкафчике, надела на ноги хвостовое оперение, натянула крылья и попросила кого-то застегнуть плечевые лямки. Крылья у меня не покупные типа «кондор»; у меня настоящие «сторергаллс», специально подогнанные под мои размеры и вес. Со своими крыльями я влетела моему папе в копеечку, потому что быстро из них вырастала, но эти последние я купила себе сама на деньги, заработанные в качестве гида.

Они великолепны! Стрингеры из титанового сплава, легкие и прочные, как кости птиц, с компенсаторами напряжений, приводимыми от кистевых шестерен и плечевых шарниров, с предкрыльями, как у настоящих крыльев, с автоматическими закрылками, срабатывающими при приземлении. Скелет крыла одет в стирено-

вые перья, с оригинальным оперением у лопаток и у передней кромки. Эти крылья летают почти сами.

Я сложила крылья и прошла в шлюз. Пока шлюз открывался, я приподняла левое крыло и отрегулировала предкрылья: в прошлый раз я заметила у крыльев тенденцию заваливаться на сторону. Но предкрылья открывались нормально, и я решила, что стала слишком уж боязливой. Со «сторер-галлами» такое часто случается — они исключительно маневренны. Когда на двери зажегся зеленый свет, я сложила крыло и поспешила наружу, бросив взгляд на барометр. Семнадцать фунтов — на два больше, чем на Земле на уровне моря, и почти вдвое больше, чем здесь у нас в городе: даже страус полетит. Я пожалела «кротов», связанных вшестеро большим весом, которые никогда, никогда — никогда! — не смогут летать.

Даже я бы не смогла — на Земле. Нагрузка на мои крылья составляет меньше фунта на квадратный фут, в то время как я вешу менее двадцати фунтов. На Земле это составило бы более ста фунтов, там я могла бы вечно махать крыльями и все же никогда не оторвалась бы от поверхности.

Мне было так хорошо, что я почти забыла о Джеффе и его подруге. Я расправила крылья, пробежала несколько шагов, наклонила крылья для подъема и поймала воздух — еще миг и я оторвала ноги от площадки: я летела!

Достаточно было лишь слегка двигать крыльями, чтобы скользить к отверстию в самой середине пола, через которое подается воздух в пещеру. Мы называем его «лестницей для младенцев», потому что в восходящем потоке воздуха, который поступает из этого отверстия, можно долететь до самого потолка — а это полмили, — даже не пошевелив крыльями. Почувствовав этот поток, я отклонилась вправо, слегка сбилась, потом выровнялась и полетела кругами против часовой стрелки к самому потолку.

Поднявшись на пару сотен футов, я огляделась. Пещера была почти пуста: в воздухе парили не более двухсот человек и вполовину меньше стояли на полу — достаточно места, чтобы немного пошалить. Поднявшись футов на пятьсот, я отклонилась от восходящего

потока и начала махать крыльями. Чтобы парить, больших усилий не требуется, а вот полет может стать тяжелой работой, тут все зависит от вас. Когда я парю, на каждую мою руку приходится всего лишь по десять фунтов — ерунда, на Земле вы расходуете больше сил, когда спите. Подъемная сила, удерживающая вас в воздухе, не требует никакой работы — она образуется исключительно благодаря форме крыльев, пока их обдувает воздух.

Даже без восходящего потока парить на постоянной высоте очень легко: нужно всего лишь слегка шевелить пальцами, поддерживая обтекание крыльев воздухом — это может делать самая немогущая старая леди. Подъемная сила возникает из-за разности давлений воздуха, но знать это не обязательно — надо лишь слегка помахать крыльями, и воздух будет вас держать, как если бы вы лежали на идеально ровной кровати. Легкие движения крыльев будут толкать вас вперед, как гребки веслом толкают вперед лодку — так мне говорили. Мне никогда не приходилось плыть в лодке; в Небраске у меня была возможность попробовать, но я не такая дура.

А вот когда вы летите по-настоящему, приходится двигать предплечьями, локтями, кистями рук и всюду действовать плечевыми мускулами. И тогда уже работает не только наружное оперение на передних кромках крыльев, но и передние и задние кромки, толкая вас вперед при каждом взмахе.

И вы летите быстрее, или вверх, или то и другое вместе, регулируя ногами угол атаки — то есть хвостовым оперением, которое у вас на ногах.

Господи, это звучит очень сложно, а на самом деле все просто — вы летите, как летают птицы. Ведь могут же птенцы научиться летать, а они не такие уж умные. Это так же просто, как дышать, — и доставляет такое удовольствие, которое нельзя даже вообразить.

Увеличив угол атаки настолько, что лишь немногим летунам это было бы под силу, я забралась под самый потолок: сама-то я маленькая, но состою из одних мускулов и летаю с шести лет. Взлетев под потолок, я начала парить и смотреть вокруг. Внизу, на полу у южной стены, туристы пытались летать на парящих

крыльях — если эти штуки можно назвать крыльями. На идущей вдоль западной стены смотровой галерее было полно туристов, всюду таращивших глаза. Интересно, там ли Джефф со своей цирцеей и не захотят ли они показаться?

Я нырнула вниз, около галереи выровнялась и быстро пронеслась вдоль нее. Джеффа с его «кротихой» я не увидела, но так как вперед я не смотрела, то чуть не наскочила на другого летуна. Когда я его заметила, то едва успела затормозить и поднырнуть под него; я упала вниз на пятьдесят футов, прежде чем снова овладела собой. Никто из нас не подвергся опасности, так как галерея находится на высоте двести футов, но выглядела я глупо, и вина была полностью моя: я нарушила правила безопасности.

Этих правил немного, но они необходимы. Первое: надо всегда уступать дорогу оранжевым крыльям — это начинающие. У того летуна крылья были не оранжевые, но я его догоняла. Летун, находящийся внизу, или тот, кого догоняют, или тот, кто ближе к стене, или летящий против часовой стрелки по правилам имеют преимущество.

Мне стало не по себе и захотелось узнать, не заметил ли кто-нибудь моего конфуза, поэтому я поднялась повыше и убедилась, что вокруг меня никого нет. Затем, сложив крылья, я стремительно, как сокол, устремилась к галерее. Перед галереей я остановила падение и, с силой загребая воздух обоими крыльями, быстро пронеслась мимо нее. Заметив, что «кроты» на галерее выпучили глаза, я злорадно подумала: «Вот вам!»

И вдруг кто-то чуть не налетел на меня! Резкое движение тормозящего крыла над головой едва не опрокинуло меня. Одно движение крыла — и я перестала сваливаться набок, потом выругалась, как матрос, и посмотрела, кто это на меня нападает. И сразу узнала этот черный с золотом рисунок на крыльях — Мэри Макленбург, моя лучшая подруга. Она подлетела ко мне, вращая кончиками крыльев.

— Привет, Холли! Испугалась?

— Нет! Тебе надо быть поосторожней. Полетный мастер отстранит тебя от полетов на месяц.

— Вряд ли. Он пошел пить кофе.

Все еще злясь на нее, я стала подниматься вверх. Мэри что-то кричала мне вслед, но я не обращала внимания, думая про себя: «Мэри, детка, я тоже как-нибудь подловлю тебя и уж тогда собою как следует».

Впрочем, все это глупость, потому что Мэри летает каждый день и ее плечи и грудные мускулы, как у Геркулеса. Когда она меня догнала, я уже поостыла, и мы полетели рядышком.

— На карниз? — крикнула она мне.

Я согласилась:

— На карниз.

Мэри всегда знает все новости, и я могу воспользоваться этой передышкой. Мы повернули к нашему карнизу — выступу под потолком для светильников. Вообще-то он не предназначен для отдыха, но полетный мастер обычно сюда не заглядывает.

Мэри полетела вперед, затормозила и совершила идеальную посадку. Я же немножко прошлась юзом, но Мэри выставила вперед крыло и остановила меня. Приземлиться на карниз непросто, особенно если вы вынуждены подлетать к нему горизонтально. Два года назад один мальчик, который только что вылез из оранжевых крыльев, попробовал это сделать... Он сломал левое предкрылье и переднюю кромку, упал с высоты две тысячи футов и разбился. Он еще мог бы спастись — можно приземлиться со сломанным крылом, если начать вращать вторым и перейти на крутое скольжение вниз, а перед приземлением остановиться. Но бедняга не знал, как это делается. Он сломал себе шею, как Икар. С тех пор я не пользовалась тем карнизом.

Мы сложили крылья, и Мэри уселась на карниз боком.

— Тебя разыскивает Джефф, — сказала она, хитро улыбаясь.

Внутри у меня все подпрыгнуло, но я холодно ответила:

— Да? Не знала, что он здесь.

— Здесь. Он внизу, — добавила она, показывая куда-то левым крылом. — Видишь?

У Джеффа крылья в красную и серебристую полоску, но Мэри указывала на наклонную площадку для туристов.

— Нет.

— Тем не менее он там. — Она искоса взглянула на меня. — Но на твоём месте я бы его не искала.

— Почему? Или, если хочешь, почему бы мне это не сделать?

Мэри умеет действовать на нервы.

— Ха! Ты всегда бежишь, как только он свистнет. Но сегодня с ним опять эта сирена с Земли. Ты можешь почувствовать себя не в своей тарелке.

— Мэри, о чем ты говоришь?

— Ха! Не валяй дурака, Холли Джонс. Ты знаешь, о чем я говорю.

— Уверена, что нет, — ответила я с достоинством.

— Ух! Значит, ты единственный в Луна-Сити человек, который не знает. Все знают, что ты сходишь с ума по Джеффу. И все знают, что она тебя обставила. И ты просто кипишь от ревности.

Мэри — моя лучшая подруга, но когда-нибудь я сниму с нее шкуру и повешу вместо ковра.

— Мэри, это смешно! Как ты до этого додумалась?

— Слушай, не притворяйся. Я за тебя. — И она похлопала меня по плечам крыльями.

Ну я и столкнула ее вниз. Она упала на сотню футов, остановилась, сделала круг, поднялась и снова уселась рядом, по-прежнему улыбаясь. У меня было время подумать.

— Мэри Макленбург, во-первых, я ни по кому не схожу с ума, и меньше всего по Джеффу Хардсту. Мы с ним просто друзья. Поэтому абсолютно бессмысленно говорить, что я ревную. Во-вторых, мисс Брентвуд — леди, и она никого не «обставляет», а меньше всего меня. В-третьих, она просто туристка, для которой Джефф работает гидом — бизнес, ничего больше.

— Конечно, конечно, — спокойно согласилась Мэри. — Я была не права. И все-таки... — Она пожала крыльями и замолчала.

— Что все-таки? Мэри, говори прямо.

— Мм... Я подумала, откуда ты знаешь, что я говорю про Аризель Брентвуд, если в этом ничего нет.

— Как? Ты называла ее имя.

— Не называла.

Я лихорадочно соображала.

— Ну, может быть, и нет. Но все очень просто. Мисс Брентвуд — клиентка, которую я сама направила к Джеффу, вот я и подумала, что ты говоришь про нее.

— Да? Не помню, чтобы я говорила, что она туристка. Но если она просто туристка, которую вы делите между собой, то почему же не ты водишь ее по городу, если у Джеффа работа на поверхности? Я думала, что у гидов все согласовано.

— Да? Если он водит ее по городу, то я ничего об этом не знаю...

— Значит, ты одна такая.

— ...И не интересуюсь. Это дело комитета жалоб. Но в любом случае Джефф не получит деньги за внутренние экскурсии.

— Это точно! Он не возьмет денег у того, кого может получить целиком. Холли, если я не права, то почему бы тебе не помочь ему с ней? Она хочет научиться парить.

Вмешиваться в дела этой парочки мне совсем не хотелось.

— Если мистеру Хардсту нужна моя помощь, он попросит меня об этом. У меня и без того много дел... А занятия я рекомендую тебе!

— Успокойся, братишка, — ответила она, нимало не смутившись, — я тебе уступаю.

— Спасибо, не надо.

— Ладно, буду действовать сама — полечу продемонстрировать свое умение.

Она наклонилась и свалилась с карниза, но не стала показывать чудеса аэробатики, а прямо направилась к площадке для туристов.

Я следила за ней, пока она не исчезла из виду, потом высвободила левую руку и достала носовой платок — довольно неудобно, когда на тебе надеты крылья, — потому что от яркого света у меня начали слезиться глаза. Я вытерла их, высморкалась и снова вставила руку в крыло, затем проверила, как действуют пальцы — необходимая подготовка к полету.

Но я не полетела. Я просто сидела, опустив крылья, и размышляла. Мне пришлось признать, что Мэри была отчасти права: Джефф совсем потерял голову из-за

какой-то «кротики». Значит, рано или поздно он все равно окажется на Земле и с «Джонс и Хардстом» все кончено.

Тогда я вспомнила, что собиралась стать конструктором космических кораблей, как мой папа, еще задолго до того, как подружилась с Джеффом. Я ни от кого не завишу. Я выстою в одиночку, как Жанна д'Арк, как Лиза Мейтнер.

Вскоре я почувствовала себя лучше — спокойная и гордая, как Люцифер в «Потерянном раю».

Я заметила красно-серебристые крылья Джеффа издали и хотела было тихонько ускользнуть. Но Джефф, если захочет, догонит меня, поэтому я решила про себя: «Холли, не глупи. Тебе незачем убежать. Просто будь холодно-вежливой».

Джефф опустил рядом, но не повернулся ко мне.

— Привет, Десятичная Точка.

— Привет, Нуль. Много украл за последнее время?

— Только ограбил городской банк, но меня заставили вернуть все. — Он нахмурился и добавил: — Холли, ты на меня злишься?

— Джефф, с чего ты взял?

— Ну... Мэри Длинный Язык сказала.

— Она? Не обращай внимания на то, что она говорит. Половина — просто ерунда, а в остальное она и сама не верит.

— Да, у нее короткое замыкание между ушами. Так ты не злишься?

— Конечно, нет. С какой стати?

— Не знаю. Я не занимался кораблем несколько дней. Я был ужасно занят.

— Не бери в голову. Я сама была страшно занята.

— Ну, ладно. Слушай, Испытательный Тест, окажи мне услугу. Помоги моей подруге, то есть клиентке — ну, и подруге тоже. Она хочет научиться пользоваться крыльями.

Я притворилась, что обдумываю предложение.

— Я знаю ее?

— Да. Дело в том, что ты нас познакомила. Ее зовут Ариэль Брентвуд.

— Брентвуд? Джефф, здесь так много туристов. Дай мне подумать. Высокая? Блондинка? Очень красивая?

Он расплылся в улыбке, как дурак, и я чуть не спихнула его с карниза.

— Точно, это Аризль!

— Я помню ее. Она ожидала, что я понесу ее чемоданы. Но тебе не понадобится помощь, Джефф. У нее хорошее чувство равновесия.

— Да, конечно, все верно. Видишь ли, я хочу, чтобы вы познакомились. Она... она просто удивительная, Холли. Настоящая личность. Когда ты узнаешь ее получше, она тебе понравится. Кажется, это хорошая возможность познакомиться.

У меня закружилась голова.

— Ты очень заботливый, но я сомневаюсь, что она хочет получше со мной познакомиться. Я просто слуга, которого она наняла, — ты же знаешь этих «кротов».

— Она не похожа на обычных «кротов». И она действительно хочет с тобой познакомиться. Она сама мне так сказала.

«После того, как ты заставил ее так думать!» — пробормотала я про себя. Но выхода у меня не было. Если бы я не была ограничена рамками вежливости, я бы ответила ему так: «Вали отсюда, пустая черепушка! Меня не интересуют твои подружки-«кротихи», — но вместо этого я сказала: «О'кей, Джефф», — потом сложила крылья и бросилась с карниза.

Итак, я начала учить Аризль Брентвуд «летать». Смотрите, подъемная поверхность этих так называемых крыльев пятьдесят квадратных футов, они не имеют никакого управления, устойчивы в полете, как стол, и позволяют тому, на кого надеты, думать, что, махая руками, он летит. Хвост жесткий и устроен таким образом, что если вы потеряете скорость (что почти невозможно), то обязательно приземлитесь на ноги. Все, что требуется от туриста, это пробежать несколько футов, поднять ноги (он не сможет этого избежать) и начать скользить по воздуху. После этого он будет рассказывать своим внукам, как он летал, летал по-настоящему, «как птица».

Так «летать» можно научить даже обезьяну.

Я снизошла до того, что надела эти дурацкие штуки и показала Ариэль, как «лестница для младенцев» вознесла меня на сто футов вверх, чтобы она видела, что на них действительно можно «летать». Затем я с радостью избавилась от них, напялила на Ариэль крылья чуть побольше, а сама надела свои «сторер-галлсы». Перед этим я шутанула Джеффа (два инструктора — это слишком), но когда он увидел, что она надела крылья, то бросился вниз и опустился рядом с нами.

Я посмотрела на него.

— Опять ты?

— Привет, Ариэль. Привет, Отраженный Сигнал. Слушай, ты слишком туго застегнула ей плечевые ремни.

— Пошел ты... — ответила я. — Не больше одного тренера зараз — помнишь? Если хочешь помочь, скинь свои цветастые плавники, надень обыкновенные парители, а потом я покажу, чего нельзя делать. А нет — заберись на двести футов и оставайся там. Нам не нужны посторонние советчики.

Джефф надулся, как ребенок, но Ариэль поддерживала меня:

— Делай, что говорит учитель, Джефф. Будь хорошим мальчиком.

Он не надел парители и не оставил нас в покое. Он кружил вокруг нас и даже получил выговор от полетного мастера за вторжение в зону для туристов.

Должна признать, Ариэль оказалась прилежной ученицей. Она даже не обиделась, когда я сказала ей, что у нее слишком полные бедра для того, чтобы хорошо удерживать равновесие в полете. Она только ответила, что у меня самая стройная фигура из всех, кого она видит вокруг, и что она завидует мне. Поэтому я перестала ее злить и обнаружила, что она почти мне нравится, пока я сосредоточена на обучении. Она упорно тренировалась и быстро приобретала навыки — результат хорошей реакции и (несмотря на все мое ехидство) хорошего чувства равновесия. Я сказала ей об этом, а она спокойно ответила, что занималась раньше балетом.

Ближе к вечеру она спросила:

— Нельзя ли попробовать полетать на настоящих крыльях?

— Мм? Думаю, что нельзя, Ариэль.

— Почему?

На этом она меня подловила. Она уже проделала все, что можно проделать с этими ужасными парителями. Если она собиралась учиться дальше, то делать это надо было с настоящими крыльями.

— Ариэль, это опасно. Это совсем не то, что ты до сих пор делала. Ты можешь разбиться насмерть.

— Ты будешь за это отвечать?

— Нет. Перед тем как прийти сюда, ты подписала отказ от претензий.

— Тогда я хочу попробовать.

Я закусила губу. Если она разобьется без моего участия, я не уроню ни слезинки, но позволить ей совершить что-либо слишком опасное, когда она моя ученица, — нет, это похоже на отношения Дэвида и Урии.

— Ариэль, я не смею тебя удерживать. Но мне придется снять крылья, чтобы не иметь с этим ничего общего.

Наступил ее черед закусить губу.

— Если у тебя такое настроение, я не буду тебя уговаривать. Но я все же хочу попробовать. Может быть, Джефф мне поможет.

— Может быть, если он такой дурак, как я думаю.

Лицо у нее вытянулось, но она ничего не сказала, так как в этот момент рядом с нами приземлился Джефф.

— О чем спор?

Мы обе попытались объяснить ему, чем привели его в полное замешательство. Он решил, что это целиком моя идея и начал на меня орать. Я что, с ума сошла? Я пытаюсь угробить Ариэль? Есть ли у меня мозги?

— Заткнись! — прикрикнула я на него, а затем сказала уже спокойно, но твердо: — Джефферсон Хардст, ты хотел, чтобы я тренировала твою подружку, и я согласилась. Но не воображай, что можешь разговаривать со мной таким образом. Подбери крылья и дуй наверх!

Он едва сдержался и сказал медленно:

— Я категорически запрещаю вам это.

Наступило молчание, можно было медленно сосчитать до пяти. Потом Ариэль сказала спокойно:

— Пойдем, Холли, выберем мне крылья.

— Пойдем, Ариэль.

Однако настоящие крылья напрокат не дают. У летунов есть собственные — должны быть. Конечно, можно купить подержанные, потому что дети вырастают из крыльев, или взрослые меняют старые модели на более новые, или еще что-нибудь. Я нашла мистера Шульца, у которого были ключи, и сказала ему, что Ариэль хочет купить крылья, но я не могу ей этого позволить без пробного полета. Перебрав сорок с лишним пар, я нашла комплект, из которого вырос Джонни Кеверс, но который — я это знала — был достаточно хорош. Все-таки я их тщательно осмотрела. Дотянуться пальцами до управления я могла едва-едва, но Ариэль они были в самый раз.

Я помогла ей надеть хвостовое оперение и сказала:

— Ариэль, все-таки это плохая идея.

— Я знаю. Но нельзя позволять мужчинам думать, что они нами распоряжаются.

— Да, нельзя.

— Конечно, они нами распоряжаются, но нельзя давать им об этом знать. — Она потыкала пальцем управление хвостовым оперением. — Его можно расправить?

— Да. Но не делай этого. Держи ноги вместе, а носки вытянутыми. Послушай, Ариэль, ведь на самом деле ты не готова. Сегодня ты будешь только парить, как делала до этого. Обещаешь?

Она посмотрела мне прямо в глаза.

— Я сделаю в точности, как ты скажешь. Я даже не возьму крылья, пока ты не скажешь «о'кей».

— О'кей. Готова?

— Готова.

— Ладно. Ох, я сглупила. Они же не оранжевые.

— Это так важно?

— Конечно.

Потом мы долго спорили, потому что мистер Шульц не хотел их красить только для пробного полета. Ари-

эль уладила дело, купив крылья, и нам пришлось немного подождать, пока высохнет краска.

Мы вернулись на туристский склон, и я разрешила ей попарить, предупредив, чтобы она держала обе предкрыльные щели открытыми и только слегка шевелила пальцами. Ариэль все проделала очень хорошо, а приземлившись, подпрыгнула только раз. Джефф болтался где-то вверху, но мы не обращали на него внимания. Потом я научила ее поворачивать, слегка накренившись. На тех ужасных парителях тоже можно поворачивать, но для этого нужен определенный навык, потому что они предназначены для полета только по прямой.

В конце концов я спросила у Ариэль:

— Достаточно?

— Мне никогда не бывает достаточно. Но я перестану, если скажешь.

— Устала?

— Нет. — Она посмотрела через плечо на «лестницу для младенцев». По ней взбирались около дюжины летунов, крылья их были неподвижны. — Я хочу попробовать прямо сейчас. Наверное, это божественно.

Я обдумала ее слова.

— На самом деле чем выше, тем безопаснее.

— Тогда почему нельзя?

— Безопаснее, если знать, что делать. Полет вверх по этому восходящему потоку — просто парение, как ты уже делала. Надо лежать неподвижно, чтобы поток увлек тебя на полмили вверх. Затем нужно спуститься точно таким же образом, кружа вдоль стены. Но я боюсь, что ты выкинешь что-нибудь такое, чего не понимаешь, — начнешь махать руками или просто дураться.

Она серьезно мотнула головой.

— Я не буду делать того, чему ты меня не учила.

И все же я беспокоилась.

— Послушай, высота здесь всего полмили, но при подъеме и спуске ты проделаешь путь в пять миль. Это по меньшей мере полчаса. У тебя выдержат руки?

— Уверена, что выдержат.

— Ну... ты можешь прекратить подъем в любой момент: не обязательно подниматься до самого верха.

Время от времени сгибай руки, чтобы не затекли. Но не маши крыльями.

— Не буду.

— О'кей. — Я расправила крылья. — Лети за мной.

Я довела ее до восходящего потока, слегка уклонилась вправо, потом влево, чтобы начать двигаться против часовой стрелки; все это время я слегка подгребала крыльями, набирая высоту. Когда мы попали в струю, я крикнула ей: «Теперь замри!» — а сама быстро взлетела на тридцать футов и повисла над ней и чуть сзади.

— Ариэль!

— Да, Холли?

— Я буду выше тебя. Не поднимай голову — тебе не обязательно меня видеть. А я буду наблюдать за тобой. У тебя все идет великолепно.

— Я и чувствую себя великолепно!

— Покачай слегка крыльями. Не застывай. До толка далеко. Можешь грести крыльями, если хочешь.

— Есть, капитан!

— Не устала?

— Господи, нет! Это великолепно! А мама говорила, что я не смогу стать ангелом!

Я не ответила, потому что на меня налетели красно-серебристые крылья и начали летать кругами между мной и Ариэль. Лицо у Джеффа было почти таким же красным, как и его крылья.

— Черт возьми, что ты делаешь?

— Оранжевые крылья! — заверещала я. — Очисти пространство!

— Убирайтесь отсюда! Вы обе!

— Это ты не мотайся между нами. Ты знаешь правила.

— Ариэль! — закричал Джефф. — Выбирайся из круга и скользи вниз! Я буду рядом с тобой.

— Джефф Хардст, — сказала я сурово, — я даю тебе три секунды, чтобы убраться отсюда, — после этого я сообщу, что ты нарушил первое правило. Повторяю в третий раз: оранжевые крылья!

Джефф что-то проворчал, сложил правое крыло и улетел. Этот идиот промчался в пяти футах от кончика крыла Ариэль. Надо было настучать на него: от новичков необходимо держаться как можно дальше.

Я крикнула:

— Ариэль, все о'кей?

— О'кей, Холли. Жаль, что Джефф сердится.

— Переживет. Если устала, скажи.

— Не устала. Я хочу подняться до самого верха. На какой мы сейчас высоте?

— Что-нибудь около четырехсот футов.

Джефф немного полетал под нами, потом поднялся и стал летать сверху: наверное, по той же причине, что и я, — чтобы лучше видеть. Меня это устраивало: он не вмешивался, и мы вдвоем наблюдали за ней. Я начала опасаться: Ариэль могла не понимать, что путь вниз будет таким же утомительным, как и вверх. Я надеялась, что она передумает: сама-то я могу парить, пока не умру от голода, но новичкам часто становится не по себе.

Джефф все время оставался выше нас, носясь туда-сюда, — он слишком подвижен и не может парить долго — а мы с Ариэль продолжали не спеша подниматься к самому потолку. Вдруг, когда мы уже были на полпути, мне пришло в голову, что нельзя дожидаться, пока Ариэль ослабнет. Я крикнула ей:

— Ариэль! Не устала?

— Нет.

— А я устала. Пожалуйста, давай спускаться.

Она не стала спорить, а просто сказала:

— Хорошо. Что мне надо делать?

— Наклонись вправо и выходи из круга.

Я хотела, чтобы она отлетела в сторону на пятьсот или шестьсот футов, попала в возвратный поток воздуха и кругами спускалась бы вниз, точно так же, как поднималась. После этого я посмотрела вверх, ища Джеффа. И обнаружила его несколько в стороне и гораздо выше нас; он стремительно к нам приближался.

— Джефф! Увидимся внизу! — крикнула я ему. Он мог меня не слышать, но видел наверняка. Затем я снова посмотрела на Ариэль.

И не увидела ее.

Я обнаружила ее в ста футах ниже — она ворсю размахивала крыльями и падала, полностью потеряв управление.

Уж не знаю, как это случилось. Может быть, она наклонилась слишком круто, стала падать и начала отчаянно бороться. Но я и не пыталась выяснить: всю меня охватил ужас. Мне показалось, что я провисела так целый час, наблюдая, как она падает.

На самом деле я дико завизжала: «Джефф!» — и стала камнем падать вниз.

Сначала мне показалось, что я совсем не падаю, что я никогда ее не догоню. Я сложила крылья, но падения не получилось: Ариэль оставалась все так же далеко.

Это естественно: падение начинается медленно. Ведь человек может летать только благодаря низкой силе тяжести на Луне. Даже камень здесь падает за первую секунду на какие-то три фута. Но эта первая секунда кажется бесконечной.

Затем я почувствовала, что начала падать. Я ощущала поток воздуха, бьющий в лицо, но, казалось, совсем не приближалась к Ариэль. Ее отчаянные движения замедлили падение, в то время как я падала намеренно, сложив крылья и подняв их над головой; падала так быстро, насколько это было возможно. У меня появилась дикая мысль, что если мне удастся ее догнать, я привлеку ее внимание, заставлю сделать падение целенаправленным, а потом переведу ее в скольжение. Но я не могла *догнать* ее.

И этот кошмар длился часы.

На самом деле мы не могли падать дольше двадцати секунд: столько времени занимает падение с тысячи футов. Но иногда двадцать секунд могут быть очень долгими... такими долгими, что можно успеть вспомнить и пожалеть обо всех глупостях, какие ты успела сделать или сказать в своей жизни, достаточно долгими, чтобы успеть помолиться за нас обоих... и мысленно проститься с Джеффом. Достаточно долгими, чтобы видеть, как пол стремительно несется навстречу, и успеть понять, что мы обе разобьемся, если я не догоню ее.

Я глянула вверх и увидела, что Джефф тоже падает, но намного выше нас. Затем я опять посмотрела вниз... Я ее догоняла... обгоняла... я уже была под ней!

Тогда я начала тормозить всем, чем только могла, так что крылья едва не слетели у меня с рук. Я поймала

воздух, удержала его и начала действовать крыльями, не переходя в горизонтальный полет. Я взмахнула крыльями один, два, три раза и налетела на нее снизу: удар потряс нас обеих.

А затем на нас налетел пол.

Я чувствовала слабость и желание заснуть. Я лежала на спине в полутемной комнате. Думаю, рядом была мама, и уверена, что был и папа. У меня зачесался нос, и я хотела его почесать, но руки не слушались. И я снова уснула.

Проснувшись я голодной и совершенно бодрой. Я лежала на больничной койке, и мои руки все еще меня не слушались, что было не удивительно: обе они были в гипсе. Вошла сестра с подносом.

— Проголодалась? — спросила она.

— Умираю от голода.

— Сейчас мы это поправим. — И она начала медленно кормить меня с ложечки, как ребенка.

Проглотив третью ложку, я спросила:

— Что у меня с руками?

— Тише, — ответила она и сунула мне в рот ложку.

Позже пришел очень милый доктор и ответил на мой вопрос.

— Ничего особенного. Три простых перелома. В твоём возрасте поправляются быстро. Но нам так нравится твоя компания, что я держу тебя здесь и наблюдаю, нет ли внутренних повреждений.

— Их нет. У меня ничего не болит.

— Я же сказал, что это только предлог.

— Я смогу снова летать?

— Конечно. Я видел людей с худшими повреждениями, которые поднимались в воздух и делали три круга.

— Спасибо, доктор. А что случилось с той, второй? Она... она...

— Брентвуд? Она здесь.

— Она действительно здесь, — раздался у двери голос Ариэль. — Можно войти?

Я на миг растерялась. Потом сказала:

— Да, конечно, входи.

Доктор сказал: «Только недолго» — и вышел.

— Садись, — пригласила я.

— Спасибо. — Ариэль не ходила, а ковыляла: нога у нее была в гипсе. Она присела на краешек моей кровати.

— Ты повредила ногу?

— Ерунда. — Она пожала плечами. — Растяжение и порванное сухожилие. Два сломанных ребра. Я должна была разбиться насмерть. Знаешь, почему я не разбилась?

Я не ответила. Она дотронулась до моей загипсованной руки.

— Из-за этого. Ты задержала мое падение, и я упала на тебя сверху. Ты спасла мне жизнь, а я сломала тебе обе руки.

— Не благодари меня. Я бы сделала то же самое для любого.

— Знаю и не благодарю. Нельзя благодарить за спасение жизни. Я только хотела быть уверенной, что ты знаешь, что я это знаю.

Я не нашлась, что ответить, и спросила:

— Где Джефф? С ним все в порядке?

— Он скоро придет. У него все цело, хотя удивительно, что он не сломал себе обе ноги. Он так брякнулся рядом с нами, что вполне мог бы. Послушай, Холли... Холли... я постаралась прийти так, чтобы мы с тобой могли поговорить о нем, пока его нет.

Но я быстро переменяла тему разговора. Уж не знаю, что там они мне дали, чтобы я лучше спала, но я не растерялась:

— Ариэль, что с тобой произошло? Ты так хорошо все делала — и вдруг что-то произошло.

— Я сама виновата. Ты сказала, что мы полетим вниз, ну я и посмотрела вниз. Прямо вниз. До тех пор я думала только о том, как бы добраться до потолка, и не знала, как высоко мы залетели. А потом я посмотрела вниз, и у меня закружилась голова. Я запаниковала и совсем растерялась. — Она пожала плечами. — Ты была права: я еще не готова для такого полета.

Я кивнула:

— Понятно. Но ты не беспокойся. Когда руки у меня будут в полном порядке, я опять возьму тебя наверх.

Она дотронулась до моей ноги.

— Дорогая Холли. Я больше не буду летать. Я возвращаюсь.

— На Землю?

— Да. В среду я сажусь на «Билли Митчела».

— Ох, жалко.

Она слегка нахмурилась.

— Действительно? Холли, ведь правда, ты меня не любишь?

Она застала меня врасплох. Что на это ответишь? В особенности, когда так оно и есть.

— Ну, — пробормотала я, — не то чтобы не люблю, а просто не знаю тебя достаточно хорошо.

Она кивнула.

— И я не знаю тебя достаточно хорошо... Даже несмотря на то что за те несколько секунд у меня была возможность узнать тебя лучше. Но Холли... послушай, пожалуйста, и не сердись. Это насчет Джеффа. Последние дни он не очень хорошо себя вел с тобой. Я имею в виду, пока я была здесь. Не сердись на него. Я уеду, и все будет по-старому.

В общем, мне пришлось объяснять. Что я карьеристка; что я расстроилась оттого, что фирма «Джонс и Хардст» развалилась и не успела закончить свой первый проект; что я не влюблена в Джеффа, а просто ценю его как друга и партнера; что если не «Джонс и Хардст», то, значит, «Джонс и компания».

— Видишь, Ариэль, тебе совсем не обязательно бросать Джеффа. Если ты считаешь, что обязана мне чем-то, то не бери в голову. Все это ерунда.

Она сморгнула, и я с удивлением заметила, что она сдерживает слезы.

— Холли, Холли, ты совсем ничего не понимаешь.

— Я все понимаю, я не ребенок.

— Ты уже взрослая, но еще не осознала этого. — Она загнула один палец. — Первое: Джефф меня не любит.

— Не верю.

— Второе: я его не люблю.

— Тоже не верю.

— Третье: ты сказала, что ты его не любишь, но об этом мы поговорим позже. Холли, я красивая?

Обычный женский трюк — переменить тему разговора, но, наверное, я никогда ему не научусь.

— Что?

— Я спросила, я красивая?

— Ты хорошо знаешь, что да.

— Так. Я немного умею петь и танцевать, но без этого мне никогда не получить бы никакой роли, потому что актриса я посредственная. Поэтому мне приходится быть красивой. Сколько мне лет?

Я не стала увиливать.

— Больше, чем думает Джефф. Не меньше двадцати одного. Может быть, двадцать два.

Она вздохнула:

— Холли, я могла бы быть тебе матерью.

— Как? Ну, в это я не поверю.

— Я рада, что это не заметно. Но именно поэтому, хотя Джефф и очень милый, я никогда не смогу его полюбить. Однако, не важно, как я к нему отношусь. Важно то, что он любит тебя.

— Что? Это самая большая глупость, которую я от тебя слышу. Я ему нравлюсь — или, вернее, нравилась. Но не более того. Ты только послушай, как он со мной разговаривает.

— Я слышала. Молодые люди в его возрасте никогда не говорят то, что имеют в виду. Они стесняются.

— Но...

— Подожди, Холли. Я видела кое-что, чего не видела ты. Когда мы обе рухнули, знаешь, что произошло?

— Что?

— Джефф спустился как ангел сразу после нас. Он в миг сорвал крылья и даже не посмотрел на меня. Он переступил через меня, взял тебя на руки и так и держал тебя все время на руках, только иногда ругал себя, что не уследил за тобой.

— Неужели он так сделал?

— Да.

Ну и душой же я оказалась!

Ариэль тем временем продолжала:

— Поэтому, Холли, даже если ты его не любишь, тебе надо быть с ним поласковой, потому что он любит тебя и ты можешь его очень сильно обидеть.

Я пыталась думать. Романтическое увлечение — это нечто такое, с чем деловая женщина, вроде меня, может не считаться. Но если Джефф действительно питает ко мне такие чувства, то... не предам ли я свои идеалы, если выйду за него только для того, чтобы сделать его счастливым? Чтобы сохранить фирму? Ведь если я так поступаю, то больше не будет «Джонс и Хардста», а будет «Хардст и Хардст».

Ариэль все еще говорила:

— Ты еще можешь полюбить его. Такое бывает. Если так случится, ты пожалеешь, что оттолкнула его. Его подберет какая-нибудь другая девица — он очень милый.

— Но... — Я запнулась, потому что услышала шаги Джеффа — я всегда их узнаю. Он остановился в дверях и посмотрел на нас.

— Привет, Ариэль.

— Привет, Джефф.

— Привет, Осколочек. — Он оглядел меня. — Боже, во что ты превратилась.

— Ты и сам не лучше. Я слышала, ты заработал плоскостопие?

— Временно. Как же ты чистишь зубы с этими штуками на руках?

— Я не чищу.

Ариэль соскочила с кровати, балансируя на одной ноге.

— Мне пора. Увидимся позже.

— Пока, Ариэль.

— До свидания, Ариэль... и спасибо.

Когда она проковыляла к выходу, Джефф закрыл дверь, подошел ко мне и грубо сказал:

— Лежи тихо.

Потом он обнял меня и поцеловал.

Как же я могла его остановить? Со сломанными руками. Кроме того, это согласовывалось с новой политикой фирмы. Я даже потеряла дар речи, потому что раньше Джефф никогда меня не целовал, за исключением дней рождения, но это не в счет. Однако я ответила на его поцелуй, чтобы он ценил это.

Уж и не знаю, какое лекарство мне давали, но у меня закружилась голова, а в ушах зазвенело.

Потом Джефф наклонился ко мне.

— Коротышка, ты доставила мне много беспокойства.

— Ты сам не лучше, Плосколобый, — ответила я с достоинством.

— Наверное, не лучше. — Он печально оглядел меня. — Почему ты плачешь?

Я и не заметила, что плачу. Потом вспомнила почему.

— Джефф, я сломала свои замечательные крылья!

— Достанем новые. Теперь приготовься, я собираюсь повторить.

— Давай.

И он повторил.

Я считаю, что «Хардст и Хардст» звучит лучше, чем «Джонс и Хардст».

Действительно, лучше.

НА ЛУНЕ НИЧЕГО НЕ СЛУЧАЕТСЯ

— Мне еще не приходилось встречать ребят с Земли, которые не были бы нахалами.

Мистер Эндриус хмуро посмотрел на начальника Патруля.

— Это ребячество, Сэм. И не оправдывайтесь. Я надеялся, что отряд готов к вылазке. Вместо этого увидел, что вы и ваш новенький собираетесь подраться. А ведь оба удостоены звания «Разведчик-Орел». В чем дело?

Сэм нехотя достал газетную вырезку.

— Полагаю, в этом.

Вырезка была из «Колорадо Скаутинг Ньюс»:

«Отряд-48, Денвер — МЕСТНЫЙ РАЗВЕДЧИК ЖАЖДЕТ НЕБЕСНОЙ СЛАВЫ. Брюс Холлифилд, «Разведчик-Орел», перебирается со своей семьей на станцию Южный Полус, Венера. Те, кто знают Брюса — и даже те, кто не знают, — ожидают, что за короткое время он добьется звания Орла (Венера). Брюс проведет в Луна-Сити три недели в ожидании транспорта Луна—Венера. В последнее время Брюс усиленно готовился к лунной разведке и уже прошел подготовку для работы в космическом скафандре в барокамере космопорта Пайк-Пик. Брюс признал, что надеется пройти

Nothing Ever Happens on the Moon, 1947

© Перевод на русский язык, «Полярис», 1994

испытания и получить звание Орла (Луна) за время пребывания на Луне.

Если он этого добьется — а мы готовы поставить на Брюса! — то станет первым трижды Орлом в истории.

Давай, Брюс! Денвер тобой гордится. Покажи этим лунным разведчикам, что такое настоящая разведка».

Мистер Эндрюс оторвал взгляд от заметки.

— Откуда она взялась?

— Кто-то прислал ее Пиви.

— Что дальше?

— Ну, мы все прочли ее, а когда Брюс прибыл, ребята стали над ним смеяться. И он обиделся.

— Почему вы не остановили ребят?

— Я сам в этом участвовал.

— Сэм, эта заметка не глупее тех, что печатают в нашем листке. Брюс ее не сам писал, и вам не следовало отравлять ему жизнь. Пришлите его ко мне. А пока сделайте переключку.

— Слушаюсь, сэр. Мистер Эндрюс...

— Что такое?

— А каково ваше мнение? Сможет этот парень получить звание Лунного Орла через три недели?

— Нет — и я сказал ему об этом. Но он рвется использовать свой шанс. Между прочим — вы его инструктор.

— Я? — Сэм был потрясен.

— Вы. Это ваш шанс все исправить. Понимаете меня?

Сэм сглотнул.

— Полагаю, да.

— Пришлите ко мне Холлифилда.

Парень с Земли стоял в одиночестве у доски объявлений и делал вид, что изучает ее. Сэм тронул его за рукав.

— Вас требует шкипер.

Брюс быстро повернулся и ушел. Сэм пожал плечами.

— Ракетный Патруль — становись! — крикнул он.

— Лунный Патруль — становись! — подхватил Спиди Оуэнс.

Когда переключка закончилась, из офиса вышел мистер Эндрюс; следом за ним шагал Брюс. Земной разведчик выглядел сильно обескураженным.

— Мистер Эндриус сказал, что я поступаю в ваше распоряжение.

— Так точно.

Сэм и Брюс настороженно посмотрели друг на друга. Наконец Сэм сказал:

— Слушай, Брюс, давай считать, что ничего не было.

— Согласен.

— Отлично. Пошли.

По знаку, поданному Разведмастером, Сэм скомандовал:

— По двое! За мной!

Разведчики отряда номер один, толкаясь, вышли за дверь, взобрались на самодвижущуюся дорожку, пересекающую весь город, и отправились к Восточному шлюзу.

Чабби Шнейдер, квартирмейстер отряда, с двумя помощниками уже ждал их около стеллажа со скафандрами. Тут же громоздилось походное снаряжение — упаковки с пищей, канистры с водой, огромные баллоны с воздухом, мотки проволоки, большой стальной цилиндр — короче, все, что может понадобиться на безвоздушной поверхности Луны.

Сэм представил Брюса квартирмейстеру.

— Надо его экипировать, Чабби.

— Этот новый скафандр, думаю, ему подойдет.

Сэм достал скафандр и развернул его. Серебристо-белый костюм из стекловолокна с алюминиевым покрытием снизу доверху застегивался на молнию. Выглядел он весьма впечатляюще. На воротнике Брюс заметил ярлык: «ПРЕДОСТАВЛЕНО КЛУБОМ "КИВАНИС" ИЗ ЛУНА-СИТИ».

Шлем походил на пластиковую чашу, покрытую алюминием. Прорезь для глаз была прозрачной, но сильно затемненной. Чабби подал Брюсу вязанный комбинезон. Потом вдвоем с Сэмом они закинули Брюса в скафандр, и Чабби застегнул на нем пояс с инструментами.

Обе кромки пояса крепились к скафандру с помощью молнии; для верхней кромки было предусмотрено несколько рядов зубчиков — таким образом получалась складка. Пояс на Брюсе застегнули так, чтобы складка была максимальной.

— Ну, как? — спросил Сэм.

— Воротник сильно давит на плечи.

— Когда увеличится давление, это пройдет. Если мы ослабим воротник, твоя голова может выскочить из шлема как пробка.

Сэм пристегнул Брюсу заплочный контейнер с воздухом, водой, радиостанцией и прочим снаряжением.

— Проверь давление, Чабби.

— Сначала оденемся.

Пока Сэм и Чабби надевали скафандры, Брюс нашел впускной и выпускной воздушные клапаны, клапан сброса давления на воротнике, а рядом с ним патрубок шланга для воды. Он сделал глоток и проверил свой пояс.

Тем временем Сэм и Брюс надели шлемы. Сэм включил радиостанцию Брюса, прикрепил ему к уху датчик давления кислорода в крови и застегнул шлем.

— Стой, сейчас подадим давление, — сказал Сэм.

Его слова эхом отдавались внутри шлема. Чабби подсоединил шланг от измерительного устройства в стене к впускному воздушному клапану на скафандре Брюса.

Брюс почувствовал, как воротник скафандра поднимается. Воздух внутри стал спертый, шлем запотел. Когда давление достигло тридцати фунтов, Чабби включил подачу воздуха и стал следить за прибором. К ним подошел мистер Эндриус в огромном шлеме с шестифутовым контейнером за плечами.

— Давление стабильно, — отрапортовал Чабби.

Сэм подключил баллон с воздухом на скафандре Брюса.

— Открой выпуск и надави подбородком на клапан, иначе задохнешься, — проинструктировал он.

Брюс выполнил приказание. Шлем наполнился свежим воздухом. Сэм отрегулировал клапаны на скафандре Брюса.

— Следи за стрелкой, — сказал он, указывая на датчик давления кислорода в крови на поясе у Брюса. — Стрелка должна стоять на белом поле.

— Я знаю.

— А я повторяю. Если стрелка заскочит на красное, будешь разговаривать со святым Петром.

— Какой груз вы ему даете? — спросил Разведмастер.

— Только для устойчивости, — ответил Сэм. — Фунтов триста.

Брюс прикинул: при силе тяжести в одну шестую от земной это означало пятьдесят фунтов, включая его самого, контейнер и скафандр.

— Я понесу полный груз, — запротестовал он.

— Мы сами решим, что для вас лучше, — возразил Разведмастер. — Поторопитесь, отряд уже готов. — И он вышел.

Сэм выключил рацию и коснулся шлемом шлема Брюса.

— Не бери в голову, — сказал он. — Перед вылазкой старик всегда нервничает.

На Брюса быстро нацепили груз: запасные баллоны с воздухом и водой, коробку с продовольствием, короткие широкие лыжи и лыжные палки, полевое оборудование, аптечку неотложной помощи, старательский молоток, два верхолазных троса, сумку с крюками и кольцами, фонарь, нож. Остальные лунные разведчики тоже увешались грузом. Сэм скомандовал: «Пошли!».

Мистер Эндрюс передал оператору шлюза список членов отряда и первым вошел внутрь; за ним последовали разведчики. Из шлюза стали выкачивать воздух — Брюс почувствовал, как раздувается его скафандр. Вспыхнул зеленый огонек; мистер Эндрюс открыл наружную дверь — и Брюс увидел безвоздушную лунную равнину.

Равнина, сверкавшая под ярким солнцем, ослепила его. Далекие остроконечные горы казались нарисованными. Чтобы дать отдых глазам, Брюс посмотрел на небо.

И у него закружилась голова. Небо, усыпанное сверкающими как алмазы звездами, было чернее самой черноты. Никогда прежде ему не доводилось видеть таких ярких звезд: здесь их свет не рассеивался в атмосфере.

— По маршруту — марш! — прозвучал в шлеме голос Разведмастера. — Быстрым шагом. Джек Уиллс, вы проводник.

От группы отделился человек и гигантскими плавными прыжками устремился вперед, одолевая зараз футов пятнадцать.

Ярдов через сто он остановился; отряд вытянулся за ним в колонну на пятьдесят ярдов. Проводник махнул рукой, и отряд двинулся в путь.

К Сэму с Брюсом подошли мистер Эндрюс и какой-то разведчик.

— Спиди будет помогать вам, — сказал мистер Эндрюс Сэму, — пока Брюс не научится ходить. Потопляйте его. Путь предстоит неблизкий.

— Поторопим, — ответил Сэм.

— Даже если придется его нести, — добавил Спиди.

Разведмастер длинными прыжками пустился догонять отряд. Брюс хотел последовать за ним. Казалось, что это легко — будто летишь. Он не хотел, чтобы его несли. Но Сэм ухватил его за левый ремень на скафандре, а Спиди за правый.

— Смотри, как надо, — сказал Сэм. — Встань и попробуй оттолкнуться ногами, как мы.

Брюс самоуверенно попробовал. Ему казалось, что за три дня, проведенные в Луна-Сити, он приобрел необходимые навыки. И учиться ходить, как ребенок — просто смешно.

Ничего тут сложного нет — он легок, как птичка! Правда, идти шагом оказалось трудно, хотелось плыть. Спускаясь, он почувствовал, что двигается быстрее. Внезапно земля ушла из-под ног. И он вытянул вперед руки...

Он висел на поясе вниз головой и слышал смех своих наставников.

— Что произошло? — спросил Брюс, когда они перевернули его.

— Становись на землю.

— Я знаю, отчего это, — добавил Спиди. — Я был на Земле. Здесь масса и твой вес не соответствуют друг другу, а твои мускулы к этому не привыкли. Ты сейчас весишь столько, сколько ребенок на Земле, а инерция у тебя, как у толстяка.

Брюс попытался опять. Несколько остановок и переворотов показали ему, что имел в виду Спиди. Его груз был легче пуха, но, если при поворотах не нахло-

няться в сторону, этот груз опрокинет его даже при ходьбе. Он и опрокидывал Брюса несколько раз, пока тот не приобрел некоторого навыка.

Наконец Сэм спросил:

— Как по-твоему, теперь ты сможешь бежать?

— Думаю, да.

— О'кей. Но запомни: когда тебе понадобится повернуть, сначала притормози, иначе полетишь кувырок. Спиди, пошли.

Брюс старался все делать, как они. Длинные, скользкие прыжки, похожие на полет. Это и был полет! Вверх!.. Скользишь... Касаешься земли ногами и опять вверх. Это было занятнее, чем катание на коньках или на лыжах.

— Эй! — охладил его пыл Спиди. — Не забывай выставлять ноги вперед.

Когда они догнали отряд, мистер Эндриус отдал приказ двигаться короткими прыжками.

Далекие горы становились все ближе: Брюсу казалось, что он летает всю жизнь.

— Сэм, как по-твоему, — спросил он, — теперь я могу передвигаться самостоятельно?

— Может быть. Через пару миль попробуем.

— Ага. — Брюс почувствовал себя настоящим лунным жителем.

Спустя некоторое время чей-то голос произнес: «Шагом!» Отряд перешел на шаг. Проводник залез на небольшой холмик и поднял вверх лыжи. Отряд остановился, и все начали пристегивать лыжи. Впереди лежала широкая долина, покрытая каким-то мягким веществом, похожим на порошок.

Брюс повернулся к Сэму и впервые посмотрел назад, на запад.

— Грандиозно! — выдохнул он.

Над далекой крышей Луна-Сити висела Земля в половинной фазе. Круглая, чуть зеленоватая, немного больше полной Луны, но несравненно прекраснее ее, с зелеными лесами, коричневыми пустынями и ослепительно белыми облаками.

Сэм лишь мельком взглянул на нее.

— Пятнадцать часов.

Брюс тоже попытался определить время, но не сумел, потому что линия рассвета пролегла большей частью через океан. Он сказал об этом Сэму.

— Видишь светлое пятно на темной стороне? Это Гонолулу. Вот оттуда и считай.

Пристегивая лыжи, Брюс размышлял над этим объяснением, затем выпрямился и ловко повернулся кругом, даже не споткнувшись.

— Хм, ты умеешь кататься на лыжах? — удивился Сэм.

— И даже имею значок.

— Здесь все по-другому. Просто волокни ноги и старайся не упасть.

Брюс решил любой ценой удержаться на ногах. Он зачерпнул горсть мягкого вещества и пропустил его сквозь пальцы. Оно было легким и походило на хлопья. Интересно, почему оно не слеживается?

Мистер Эндрюс послал Спиди прокладывать лыжню, а Сэм и Брюс присоединились к колонне. Удержаться на ногах оказалось сложно. Рыхлая почва разлеталась направо и налево и при слабой гравитации так медленно оседала, что казалась плывущей в воздухе — когда лыжная палка протыкала такое облако, в нем появлялось абсолютно круглое отверстие.

Колонна резко повернула влево, после чего вновь пошла прежним курсом. Справа осталась круглая впадина диаметром ярдов пятьдесят; Брюс не разглядел в ней дна. Он остановился было, чтобы задать вопрос Сэму, но голос Разведмастера поторопил его:

— Брюс! Не задерживаться!

Так они шли долго, пока, наконец, не раздался голос Спиди:

— Твердая почва!

Колонна вскоре подтянулась, и люди остановились, чтобы снять лыжи. Брюс выключил рацию и прикоснулся шлемом к шлему Сэма.

— Что это было, там, где шкипер на меня прикрикнул?

— А, это. Утренняя gloria. Они очень опасны.

— Утренняя gloria?

— Нечто вроде сливного отверстия в раковине. Если ступишь на склон, то уже никогда не выберешься. Почва уходит из-под ног, и ты скатываешься на самое дно. Там и остаешься — пока не кончится воздух. Так погибли многие. Они выходили утром в одиночку и, вероятно, должны были вернуться до темноты.

— Откуда же известно, что с ними случилось, если они выходили в одиночку?

— Представь себе: к яме ведут следы — а следов, ведущих назад, нет.

— О! — Брюс почувствовал себя глупцом.

Отряд запрыгал дальше. Горы все приближались, постепенно вырастая на фоне неба. Мистер Эндрюс приказал остановиться.

— Привал, — сказал он. — Сэм, установите укрытие к западу от тех скал. Брюс, наблюдайте, что делает Сэм.

Укрытие представляло собой герметичную палатку, которая натягивалась на раму из толстой витой проволоки и состояла из секций. Огромный контейнер за плечами Разведмастера оказался надувной оболочкой.

Каркас укрытия поставили на закрепленную по углам горизонтальную раму, на которую было натянуто асбестовое покрытие. Затем установили куполообразную крышу и стенки. Сэм проверил прочность соединений и приказал развернуть оболочку. К раме прикрепили воздушный шлюз — стальной цилиндр, — а к нему при помощи уплотнительных прокладок — надувную оболочку. Одновременно двое разведчиков устанавливали солнечный экран.

Пятеро разведчиков заползли внутрь и встали, подняв руки повыше. Остальные затащили снаряжение, кроме лыж и палок. Последним забрался мистер Эндрюс и закрыл шлюз. Металлический каркас прервал радиосвязь; Сэм подключил свой шлем к телефонному разъему на шлюзе.

— Проверка, — сказал он.

Через рацию Сэма Брюс расслышал ответ:

— Готовы к заполнению.

— О'кей.

Оболочка вздулась и заполнила каркас.

— Брюс, входи, — сказал Сэм. — Осталось только отрегулировать экран.

— Я лучше посмотрю.

— О'кей.

Экраном служили легкие жалюзи, установленные поверх укрытия. Сэм приоткрыл их наполовину.

— Внутри холодно, — пояснил он, — потому что оболочка быстро наполнилась воздухом. Но нагревается он быстро. — По сигналу изнутри Сэм чуть прикрыл жалюзи. — Брюс, залезай внутрь. Может пройти полчаса, пока температура стабилизируется.

— Пожалуй, — ответил Брюс, — у меня немного кружится голова.

Сэм внимательно посмотрел на него.

— И жарко?

— Да.

— Ты слишком долго пробыл на солнце неподвижно. И воздух в скафандре не циркулировал. Вот. — Сэм открыл воздушный клапан Брюса пошире. — Заходи.

Брюс с готовностью подчинился. Когда он задом вполз в укрытие и выпрямился, двое парней подхватили его. Они закрыли клапаны, отстегнули шлем и стянули с него скафандр, который, пропутешествовав по рукам, водворился на стеллаже. Брюс огляделся.

Вдоль всего укрытия, от шлюза до перегородки санузла в дальнем конце, шли лампы дневного света. Около перегородки были сложены скафандры и шлемы. Разведчики расположились по обе стороны длинного помещения. Около воздушного кондиционера рядом с входом стоял часовой, к его уху был прикреплен датчик давления кислорода в крови. Рядом с ним мистер Эндрюс сообщал Сэму по телефону об изменениях температуры. Посередине Чабби разворачивал свой продовольственный склад. Он махнул рукой.

— Эй, Брюс! Садись, будем есть.

Двое разведчиков освободили место для Брюса, он сел. Один из них спросил:

— Ты был в Йеле? — Брюс ответил, что не был. — Я туда собираюсь, — сообщил ему разведчик, — у меня там брат.

Брюс почувствовал себя как дома.

Когда вошел Сэм, у Чабби уже все было готово: дымящаяся ароматная тушенка, булочки и персиковое мороженое. Брюс решил, что разведчики живут неплохо. После ужина сигнальщик достал губную гармошку и заиграл. Брюс откинулся назад, ощущая приятную дремоту.

— Холлифилд! — Брюс очнулся. — Давайте посмотрим, как вы оказываете первую помощь.

В течение получаса Брюс демонстрировал свое умение накладывать воздушные жгуты и аварийные заплатки на скафандр, делать искусственное дыхание человеку в скафандре, оказывать помощь при солнечном ударе, кислородном голодании и переломах.

— Это вы умеете, — заключил Разведмастер. — А что делать, если у человека разбился шлем?

Брюс растерялся было, но быстро нашелся:

— Похоронить.

— Правильно, — согласился Разведмастер, — поэтому будьте осторожны. Ладно, ребята, а теперь — шесть часов сна. Сэм, установите дежурство.

Сэм назначил шестерых, в том числе себя.

— А разве я не должен дежурить? — спросил Брюс.

— Нет, — вмешался мистер Эндриус. — И себя тоже исключите, Сэм. Завтра вы с Брюсом предпримете вылазку. Вам необходимо поспать.

— О'кей, шкипер, — ответил Сэм и добавил, обращаясь к Брюсу: — Здесь нет ничего сложного. Вот, смотри.

Дежурный должен был наблюдать за несколькими приборами, но главное, как и в скафандре, — контроль за давлением кислорода в крови. Спертый воздух проходил через резервуар с окисью кальция, которая связывала углекислый газ, а сама превращалась в карбонат кальция. Далее очищенный воздух проходил через гидроокись натрия, и из него удалялась влага.

— Дежурный должен следить, чтобы воздух в помещении постоянно очищался, — продолжал Сэм. — Если что-нибудь испортится, он разбудит нас, и мы заберемся в скафандры.

Мистер Эндриус погнал их спать. Брюс дождался своей очереди в уборную и нашел место, чтобы лечь. «День утас... Солнце зашло...» — заиграла гармошка.

Было странно слышать эту песню, когда Солнце светило над самой головой. Конечно же, нельзя было ждать захода Солнца целую неделю. Странная жизнь в этих колониях... Спать ложатся рано вечером, встают в час ночи. Надо бы порасспросить обо всем Сэма. Вообще-то он ничего — только строит из себя всезнайку. Непривычно спать на голом полу — не то чтобы это было очень неудобно при малой тяжести... Брюс еще размышлял об этом, когда его оглушили звуки побудки, сыгранной на гармошке.

На завтрак была подана яичница, приготовленная в сложных условиях. И меньше чем через час отряд снялся и двинулся в путь, к базовому лагерю.

Путь их пролегал через перевалы, между кратерами. Они прошли тридцать миль, и Брюс уже проголодался, когда проводник подал сигнал: «Шагом!». Отряд приближался к воздушному шлюзу в скале.

Базовый лагерь был не таким удобным, как Луна-Сити. Просто ряд герметичных пещер в скале. Каждый отряд имел здесь свое помещение, отдельное и хорошо оборудованное. Воздух в базовом лагере, как и в Луна-Сити, обновлялся при помощи гидропонного сада. Кроме того, лагерь был оснащен солнечной энергетической установкой; аккумуляторы снабжали его энергией во время длинных холодных лунных ночей.

Брюс проглотил завтрак моментально: ему не терпелось поскорее пуститься с Сэмом в путь. Они экипировались как и раньше, только теперь вместо запасов еды взяли с собой дополнительные баллоны с воздухом и водой. К воротнику скафандра Брюса с помощью пружинной застёжки Сэм прикрепил неприкосновенный запас.

У шлюза их остановил Разведмастер:

— Куда собрались, Сэм?

— На юго-восток. Я буду оставлять по пути метки.

— Хм... Тяжелый маршрут. Ладно, назад вернетесь к полуночи. И держитесь подальше от пещер.

— Есть, сэр.

Выйдя из шлюза, Сэм с облегчением вздохнул.

— Уф! Я опасался, что он запретит нам забираться в горы.

— А мы заберемся?

— Конечно. Ведь ты умеешь?

— У меня значок по альпинизму.

— В любом случае, самое сложное буду делать я. Пошли.

Сэм направился в сторону выжженной солнцем равнины. Они двигались со скоростью восемь миль в час, которая вскоре увеличилась до двенадцати. Брюс шел за ним мерным шагом и наслаждался.

— Ты это здорово придумал, Сэм.

— Глупости. Если бы я здесь не побывал, то постарался бы прикрыть этот гимнастический зал.

— И все-таки мне нужна эта вылазка, чтобы получить значок овладевшего лунными навыками.

Сделав несколько длинных прыжков, Сэм спросил:

— Послушай, Брюс, ты на самом деле надеешься получить звание Лунного Орла?

— А почему бы и нет? Я уже получил все дополнительные значки. Остались только четыре обязательных, но они совершенно разные: разбивка лагеря, лунные навыки, проводка и разведка. Я готовился как проклятый и теперь надеюсь набраться опыта.

— Я не сомневаюсь, что ты готовился. Но в квалификационной комиссии сидят настоящие зубры. Тебе надо стать истинным лунным аборигеном, чтобы пройти эту комиссию.

— Значит, они не пропустят разведчика с Земли?

— Можно сказать и так. Все остальные значки только дополнение к основному: лунные навыки. Экзаменаторы — старые аборигены. Тебе не отвертеться книжными ответами, они узнают, сколько ты здесь пробыл, и наверняка посчитают, что твоих знаний недостаточно.

— Но это же нечестно!

Сэм фыркнул:

— Лунные навыки — не игрушка, а весьма реальная штука. «Вы остались в живых?» Если допустишь ошибку, ты погиб — и они тебя похоронят.

Брюс не нашелся, что ответить.

Вскоре они подошли к подножию горы. Сэм остановился и вызвал базовый лагерь.

— Парсонс и Холлифилд, отряд номер один, возьмите пеленг.

База ответила быстро:

— Один-один-восемь. Какой у вас знак?

— Пирамида и записка.

— Сигнал принят.

Сэм сложил из камней пирамидку, вырвал из блокнота листок бумаги, написал на нем дату, время и имена и положил его сверху.

— Теперь полезем вверх.

Им предстояло подняться вверх по руслу, по которому никогда не текла вода. Сэм несколько раз дернул за веревку и только после этого разрешил Брюсу лезть следом. Время от времени он делал молотком зарубки на камнях. Наконец они уперлись в скалу высотой футов пятьсот, первые сто из которых уходили вверх вертикально и были абсолютно отвесными. Брюс выпучил глаза.

— И мы полезем туда?

— Конечно. Смотри на дядюшку Сэмюэля.

Вертикальная стена заканчивалась небольшим выступом. Связав два троса, Сэм принялся бросать их вверх, стараясь зацепить выступ. Дважды он промахивался, и трос падал вниз. Наконец трос перекинулся через выступ.

Вбив в каменную стену крюк поближе к краю скалы, Сэм надел на него кольцо и прикрепил трос. Чтобы проверить прочность крепления, он велел Брюсу подергать за свободный конец троса. После чего начал восхождение.

Первые тридцать футов он прошел быстро, цепляясь за трос ногами, затем вбил еще один крюк и прицепил к нему трос безопасности. Эту операцию Сэм проделывал еще дважды. Наконец достиг выступа и крикнул: «Отцепляй!».

Брюс отцепил трос, и тот взмыл вверх. Через некоторое время Сэм крикнул: «Зацепляй!». Брюс ответил: «Проверка!» — и безуспешно попытался оторвать спущенный Сэмом трос.

— Забирайся, — приказал Сэм.

— Забираюсь, — ответил Брюс.

Сила тяжести в одну шестую земной — рай для альпинистов, подумал он. По пути он задержался только, чтобы отцепить трос.

Оставшийся путь Брюс хотел пройти первым, но Сэм не позволил. Очень скоро Брюс порадовался этому: он обнаружил, что лунный альпинизм имеет три отличия от земного. Первое — малая сила тяжести — было преимуществом, но два других усложняли дело. Удерживать равновесие, будучи облаченным в скафандр, оказалось трудно, а взбираться на скалу, отталкиваясь плечами и коленками, — неудобно, к тому же существовала опасность порвать скафандр.

Наконец они выбрались на ровную площадку, окруженную остроконечными вершинами, ярко сверкающими на фоне черного неба.

— Куда теперь? — спросил Брюс.

Сэм посмотрел на звезды и показал на юго-восток.

— Фотокарты показывают, что там открытое пространство.

— Идет.

Они потащились шагом, поскольку поверхность оказалась слишком неровной, чтобы передвигаться прыжками. Идти пришлось довольно долго, наконец они выбрались на возвышенное место, откуда можно было видеть Землю.

— Который час? — спросил Брюс.

— Почти семнадцать, — ответил Сэм, поглядев вверх.

— Мы должны вернуться к полуночи.

— Вообще-то, — ответил Сэм, — сначала я надеюсь выбраться на открытое пространство.

— Мы заблудились?

— Конечно, нет! Я же отмечал дорогу. Но здесь я никогда не бывал. Думаю, здесь прежде не бывал никто.

— Давай пройдем еще с полчаса, потом повернем назад.

— Годится.

Через полчаса Сэм решил, что пора возвращаться.

— Давай залезем еще вон на ту возвышенность, — попросил Брюс.

— О'кей.

Сэм забрался на вершину первым.

— Эй, Брюс, у нас получилось!

Брюс поднялся к нему.

— Господи!

В двух тысячах футов под ними лежала мертвая лунная равнина. Со всех сторон, кроме южной, ее окаймляли горы. В пяти милях виднелись два небольших кратера в виде восьмерки.

— Я знаю, где мы, — объявил Сэм. — Эта пара видна на фотографиях. Давай спустимся, пройдем на юг еще миль двадцать, сделаем круг и вернемся на базу. Проверь, как у тебя с воздухом.

В баллоне Брюса давление было достаточным, а вот у Сэма оно оказалось низким: он больше работал. Путешественники поменяли оба баллона и приготовились к спуску. Сэм забил крюк, прицепил к нему кольцо, прикрепил трос к своему поясу и пропустил его сквозь кольцо. Конец троса он пропустил у себя между ног, обвязал его вокруг бедра и поперек груди, перекинул через плечо и взял в руку. Таким образом, у него получилось как бы сиденье. Сэм начал спускаться, понемногу стравливая трос.

Вскоре он добрался до выступа вниз.

— Готово! — крикнул он и освободил трос.

Брюс сделал себе такое же сиденье и вскоре присоединился к Сэму. Склон стал более пологим, и Сэм послал вперед Брюса, а сам страховал его наверху. Они спустились на следующий уступ. Брюс огляделся.

— Здесь мы застрянем.

— Может быть.

Сэм связал вместе все четыре троса и спустил их вниз. На камни у подножия горы упали всего футов десять троса.

— Спуститься-то мы спустимся, — сказал Брюс. — А вот тросы придется оставить здесь.

Сэм нахмурился:

— Они из стекловолокна, да и стоят дорого: их привозят с Земли.

— Значит, остаться придется нам.

Сэм внимательно осмотрел скалу и вбил в нее крюк.

— Первым пойдешь ты, а когда спустишься до половины, вбей два крюка и к одному привяжи трос. Тогда я смогу его перехватить.

— Я против, — запротестовал Брюс.

— Если мы потеряем тросы, — убеждал его Сэм, — нас за это не похвалят. Пошел.

— Все-таки мне это не нравится.

— Кто здесь главный?

Брюс пожал плечами и, ухватившись за трос, стал спускаться. Вскоре Сэм остановил его:

— Середина. Свей мне гнездышко.

Справа Брюс увидел только гладкую каменную стену. С другой стороны он нашел трещину.

— Здесь есть трещина, — сообщил он Сэму, — но только одна. Нельзя вбивать два крюка в одну трещину.

— Вбей их подальше друг от друга, — приказал Сэм. — Скала крепкая.

Брюс нехотя подчинился. Крюки вошли легко, но Брюс с большей радостью ощутил бы сопротивление камня, что означало бы прочное сцепление крюка со скалой. Он привязал трос.

— Спускай!

Через пару минут Брюс уже стоял внизу и отстегивал трос.

— Готово! — Он поспешил по каменным обломкам к краю скалы. — Сэм, — крикнул он, — это пылевая равнина.

Брюс прошел вдоль скалы около пятидесяти ярдов, остановился и надел лыжи. Выбравшись на равнину, он остановился и посмотрел наверх.

Сэм уже добрался до крюков и вытянул трос. Он пропустил трос сквозь кольцо второго крюка, уселся в своем веревочном сиденье и несколько раз перекинул трос от одного крюка к другому, сделав своеобразный якорь. Потом начал спускаться. Одолев половину из оставшихся двухсот футов, Сэм остановился.

— Что случилось? — спросил Брюс.

— Карабин зацепился за кольцо и не проходит, — ответил Сэм. — Сейчас я его освобожу.

Он поднялся на фут и резко отпустил трос. К удивлению Брюса, Сэм повис, накренившись вместе с сиденьем под невыносимым углом. Брюс понял: крюк не выдержал.

Пролетев примерно четыре фута, Сэм остановился: трос, зацепленный за второй крюк, задержал падение. Сэм раздвинул ноги пошире, чтобы восстановить равновесие. Тут Брюс заметил, что прямо на голову Сэма падает камень. Он закричал.

Сэм посмотрел вверх и резко оттолкнулся от скалы — камень пролетел мимо. Брюс не понял, ударил он Сэма или нет. Сэм восстановил равновесие и вдруг снова сильно накренился вместе с сиденьем — второй крюк не выдержал тоже.

Брюс наблюдал, как Сэм медленно-медленно наклоняется и начинает падать. Казалось, он падал целую вечность.

А потом он упал.

Брюс запутался в лыжах, и ему пришлось долго возиться с ними. Он заставил себя собраться и осторожно двинулся к месту происшествия.

Отчаянный толчок спас Сэма, не дав его шлему разбиться о скалу. Сэм лежал среди каменных обломков и не пошевелился, когда Брюс дотронулся до него. Лыжи мешали Брюсу, и он с трудом вытащил Сэма из-под обломков. Глаза его были закрыты, но скафандр держал давление.

— Сэм! — крикнул Брюс. — Ты меня слышишь?

Стрелка, показывающая уровень кислорода в крови, находилась в красной области. Брюс приоткрыл клапан пошире, но стрелка не сдвинулась с места. Брюс хотел перевернуть Сэма лицом вниз, но тогда он не смог бы удержать в шлеме голову Сэма и видеть показания прибора. И Брюс решил делать искусственное дыхание в этом положении. Он сбросил лыжи и пояс.

Ему мешало давление в скафандре, кроме того, он не мог нащупать ребра Сэма. Он стал просто давить Сэму на грудь — раз-два, раз-два.

Стрелка качнулась и медленно двинулась к белой зоне. Когда она переползла на белое, Брюс перевел дух. Стрелка осталась на белом. Сэм пошевелил губами, но ничего не было слышно. Брюс коснулся его шлема своим.

— Сэм, ты как?

Но услышал только:

— Берегись! Камень!

Брюс задумался. Что же теперь делать? До тех пор, пока Сэм не окажется в герметичном помещении, сделать ничего нельзя. И Брюс решил звать на помощь — быстро!

Послать дымовой сигнал? Выстрелить три раза из пушки? Брюс, ты же на Луне. И ему захотелось, чтобы вдруг откуда-нибудь появились спасатели на лунной тележке.

Можно еще попробовать радио. Надежды мало, но все же... Он снова взглянул на стрелку, потом взобрался на камень, выдвинул антенну и стал звать:

— На помощь! На помощь! Слышит меня кто-нибудь?

Заметив, что Сэм пошевелился, Брюс поспешил к нему. Сэм сидел и ощупывал левое колено. Их шлемы соприкоснулись.

— Сэм, с тобой все в порядке?

— А? У меня что-то с ногой.

— Сломана?

— Откуда мне знать? Включи свою рацию.

— Она включена. Это твоя сломалась.

— Да? Как это произошло?

— Когда ты упал.

— Упал?

Брюс ткнул пальцем вверх.

— Не помнишь?

Сэм воззрился на скалу.

— Не знаю. Но болит очень сильно. Где остальные?

— Мы одни, Сэм, — медленно произнес Брюс. — Вспомни.

Сэм нахмурился:

— Догадываюсь. Брюс, надо выбираться отсюда. Помоги мне надеть лыжи.

— Ты думаешь, с таким коленом ты сможешь двигаться?

— Должен.

Брюс поставил Сэма на ноги и привязал лыжу к больной ноге, пока он балансировал на другой. Попытавшись встать на больную ногу, Сэм потерял сознание от боли.

Брюс прибавил ему кислорода, и стрелка вернулась в прежнее положение на белом. Брюс снял лыжу, выпрямил ноги Сэма и стал ждать. Вскоре Сэм открыл глаза. Брюс коснулся его шлема.

— Сэм, ты понимаешь меня?

— Да, конечно.

— Ты не можешь стоять на ногах. Я понесу тебя.

— Нет.

— Что значит нет?

— Лучше сделай сани. — И Сэм снова закрыл глаза.

Брюс положил рядышком обе лыжи Сэма. К каждой были прикреплены по два стальных стержня; Брюс понял, для чего они. Надо пропустить стержни сквозь четыре кольца, по два на каждой лыже, и убрать крепления — получатся узкие сани.

Брюс снял с Сэма ранец, укрепил ему спереди баллоны и велел держать их.

— Я буду тебя тащить. Потихоньку.

Скафандр свисал с санок, но с этим ничего нельзя было поделывать. Брюс приладил к стержням трос и привязал ранец Сэма.

После этого он пропустил сквозь кольца на лыжах кусок троса таким образом, чтобы получилась петля, а свободный конец троса привязал к своей руке.

— Если тебе что-нибудь понадобится, — сказал он Сэму, — дерни за веревку.

— О'кей.

— Ну, пошли!

Брюс надел лыжи, просунул голову в петлю, как в хомут, взял лыжные палки и двинулся на юг вдоль обрыва.

Это занятие успокоило его: он понимал, что ему предстоит пройти много миль. Земля скрывалась за скалой, а по Солнцу время определить не удалось. Вокруг не было ничего, только чернота, звезды, ослепительное Солнце, выжженная пустыня под ногами да уходящая в небо скала — ничего, только молчание и необходимость добраться до базы.

Что-то дернуло его за руку. Сначала он испугался, но, сообразив, в чем дело, направился к саням.

— В чем дело, Сэм?

— Я больше не могу. Слишком жарко. — Его побледневшее лицо было покрыто каплями пота.

Брюс дал ему глоток воздуха и задумался. У Сэма в ранце был солнечный тент — кусок ткани на складном каркасе. Через пятнадцать минут Брюс опять был готов двинуться в путь. Одна опора тента была привязана к ноге Сэма, а вторую Брюс согнул и засунул Сэму за плечи. Конструкция выглядела ненадежно, но держалась.

— Ну, ты как?

— Нормально. Слушай, Брюс, думаю, мое колено уже в порядке.

— Дай-ка я потрогаю.

Брюс ощупал колено сквозь скафандр: оно было вдвое толще здорового. Почувствовав, как Сэм вздрогнул, Брюс коснулся его шлема:

— Ты не можешь идти, — и вернулся к своей упряжке.

Спустя несколько часов Брюс наткнулся на следы. Они вели с северо-востока, поворачивали и шли вдоль гор.

— Сэм, как узнать, это старые следы или свежие?

— Никак. Старые следы выглядят точно так же, как и свежие.

— И идти по ним бессмысленно?

— Можно — если нам с ними по пути.

— Понял. — Брюс вновь впрягся в санки.

Каждые несколько минут Брюс с надеждой вызывал по радио базу и прислушивался. Появление следов воодушевило его, хоть и было ясно, что оно мало что значит. Следы стали отходить от горы, или, вернее, гора начала отворачивать от следов, образуя нечто похожее на бухточку. Однако Брюс выбрал более короткий путь, как и его предшественник.

Нужно было смотреть, куда идешь. Брюс знал, что нужно, но приходилось одновременно следить за приборами, тащить сани и не сбиваться со следа — и он потерял бдительность. Обернувшись, чтобы взглянуть на Сэма, он почувствовал, что лыжи выскальзывают из-под него.

Он машинально упал на колени и попытался удержаться с помощью лыж. Ему бы, наверное, это уда-

лось, если бы не сани. Они налетели на него сзади, и люди, сани, лыжи — все покатилося вниз.

Брюс отчаянно пытался встать, но почва стала проваливаться под ним. Он успел увидеть, что угодил — среди бела дня! — в утреннюю глаорию, этот лунный эквивалент зыбучих песков. Затем пыль сомкнулась над его шлемом.

Он почувствовал, что скользит, падает, опять скользит и мягко на что-то опускается.

Брюс попытался собраться. Одна часть его сознания была охвачена ужасом и отчаянием, оттого что он не смог спасти Сэма; вторая была обеспокоена необходимостью что-то предпринять. Он не покалечился и мог дышать. Брюс предполагал, что погребен в утренней глаории, и догадывался, что от любого движения погрузится еще глубже.

Нужно было во что бы то ни стало найти Сэма. Расталкивая мягкие хлопья, Брюс пощупал шею. Сбруя от саней все еще была на нем. Он ухватился за нее обеими руками и потянул. Это малоприятное занятие было похоже на барахтание в грязи. Наконец Брюсу удалось подтащить сани к себе — или себя к саням. Он нащупал шлем Сэма.

— Сэм, ты меня слышишь?

И услышал глухой ответ:

— Да, Брюс.

— Ты в порядке?

— В порядке? Не будь дураком, Брюс. Мы в утренней глаории!

— Знаю, Сэм. Я ужасно виноват.

— Ладно, не хнычь. Теперь уже поздно.

— Я не хотел...

— Прекрати! — В голосе Сэма слышались паника и злость. — Не в этом дело. Мы пропали — разве ты не понимаешь?

— Нет! Сэм, я вытащу тебя отсюда, клянусь.

Сэм ответил не сразу.

— Не обманывай себя, Брюс. Никому не удавалось выбраться из утренней глаории.

— Не говори так. Мы еще не умерли.

— Пока нет, но умрем. Я пытаюсь привыкнуть к этой мысли. — Он помолчал. — Брюс, сделай одолжение, освободи меня от этих саней — я не хочу умереть привязанным.

— Сейчас.

В полной темноте, в перчатках, на ощупь, в чем-то мягком и сыпучем развязать веревки было почти невозможно. Брюс повернулся — и неожиданно заметил, что его левая рука не утопает в пыли. Он дернулся и ему удалось освободить шлем. Вокруг тьма крошечная. Брюс пощупал пояс, пытаясь отыскать фонарь.

При свете фонаря он увидел, что засыпан пылевой массой не весь; прямо над головой нависал каменный свод, ноги упирались во что-то твердое. Темнота поглотила луч фонаря.

Брюс заметил, что все еще держится за сани, и попробовал освободить Сэма. Когда это не удалось, он снова зарылся в пыль.

— Сэм! Мы в пещере!

— Что?

— Держись! Сейчас я тебя вытащу.

Брюс осторожно попытался выбраться из пыли. Она не отпускала его — лыжи мешали. Брюс отстегнул одну лыжу, вытащил ее, потом повторил манипуляции, повернулся и выкарабкался на каменный пол, таща за собой петлю от саней. После чего положил фонарь на пол и с силой потянул за трос. Сэм, сани и весь груз медленно вылезли из пыли. Брюс коснулся шлема Сэма.

— Смотри! Мы куда-то попали.

Сэм не ответил.

— Сэм, ты меня слышишь?

— Слышу. Спасибо, что вытащил меня. Теперь отвяжи.

— Посвети мне. — Брюс развязал трос. — Ну, вот. Теперь я осмотрюсь и попытаюсь найти выход.

— Почему ты решил, что здесь есть выход?

— А ты когда-нибудь видел пещеру без выхода?

— Он не нашел выхода, — медленно ответил Сэм.

— Он?

— Посмотри.

Сэм посветил фонарем за спиной Брюса. На полу лежал человек в скафандре устаревшего образца.

Брюс взял фонарь и осторожно приблизился к фигуре на полу. Человек был мертв: его скафандр стал мягким. Он лежал, скрестив на груди руки, будто прилег вздремнуть. Брюс заглянул ему в лицо: оно было темным и худым, кожа присохла к костям. Брюс отвел фонарь в сторону.

— Ему не повезло, — мрачно произнес он, вернувшись. — У него в сумке я нашел вот эти бумаги. Надо взять их с собой, чтобы дать знать родным.

— Ты неисправимый оптимист, Брюс. Ладно, давай.

Сэм взял бумаги. Это были два письма, старинная плоская фотография девочки с собакой и кое-какие документы. Среди них были водительские права на имя Абнера Грина, выданные в Республике Массачусетс в июне 1995 года.

Брюс присвистнул:

— 1995! О, Господи!

— Я бы не рассчитывал найти его родных.

— Я нашел у него одну вещь, которой мы можем воспользоваться. Смотри.

Это был моток пеньковой веревки. Брюс продолжал:

— Я свяжу тросы между собой, один конец прикреплю к твоему поясу, а другой — к моему. Получится пятьсот или шестьсот футов. Если я тебе понадобится, дерни за веревку.

— О'кей. Смотри под ноги.

— Я буду осторожен. Сам-то ты в порядке?

— Конечно. Он составит мне компанию.

— Ладно... Я пошел.

Все направления казались одинаковыми. Чтобы не ходить кругами, Брюс туго натянул трос. Вскоре луч фонаря уперся в стену. Тупик. Брюс пошел вдоль стены влево, ступая очень осторожно, поскольку пол был усеян обломками камней, и увидел какой-то проход. Проход вел наверх, но сужался. Через триста футов, судя по тросам, проход сузился настолько, что пришлось остановиться.

Брюс выключил фонарь и подождал, пока глаза привыкнут к темноте. Он ощутил странное чувство —

панику. Брюс заставил себя не включать фонарь до тех пор, пока не убедится, что впереди нет просвета. Затем он вернулся в пещеру.

Еще одна череда камер вела вниз. Дойдя до черной бездонной дыры, Брюс повернул назад.

Детали менялись, но результат всякий раз был один и тот же: размотав трос до конца или уперевшись в очередное препятствие, он гасил фонарь и ждал в темноте — но не обнаружил ни одного просвета. Обследовав, по своим оценкам, дугу в сто восемьдесят градусов, Брюс вернулся к Сэму.

Сэм лежал на куче пыли. Брюс бросился к нему.

— Сэм, что с тобой?

— Все в порядке. Просто я переполз на перину: эта скала чертовски холодная. Что ты нашел?

— Пока ничего, — признался Брюс. Он присел на кучу пыли и наклонился к Сэму. — Я сейчас снова пойду.

— Как у тебя с воздухом? — спросил Сэм.

— Скоро придется вскрыть резервный баллон. А у тебя?

— Я прикрутил его до предела. Ты делаешь всю работу, и я экономлю воздух для тебя.

Брюс нахмурился. Он хотел запротестовать, но раздумал. Они должны были дойти до конца вместе, а он, вполне естественно, потреблял воздуха больше, чем Сэм.

Одно было ясно — время уходит.

— Слушай, Сэм. Этим пещерам и переходам конца нет. Я не успею их обследовать, даже если у меня будет весь воздух Луна-Сити.

— Этого я и боюсь.

— Но мы знаем, что выход прямо над нами.

— Вход, ты хочешь сказать.

— Я хочу сказать — выход. Смотри — эти утренние глюки устроены как песочные часы: сверху широкий конус, а внизу куча пыли. Эта пыль просыпается сквозь отверстие в потолке, и куча растет, пока не закупорит отверстие.

— Ну и что?

— А то, что если мы отгребем пыль, то освободим отверстие.

— Пыль будет сыпаться бесконечно.

— Нет, не будет. В конце концов наступит момент, когда пыль вокруг отверстия ссыплется, а та, что по-дальше, останется на месте.

Сэм обдумал это сообщение.

— Может быть. Но когда ты попробуешь взобраться наверх, она осыплется под тобой. Брюс, в этом-то и весь ужас: в утренней славе не на что опереться.

— Черт! Если я не смогу взобраться на лыжах по склону и меня засыплет, у тебя останется мой запасной баллон.

Сэм хмыкнул.

— Не спеши. Я могу отдать его тебе. В любом случае, — добавил он, — мне не выбраться.

— Как только я ступлю на край воронки, вытащу тебя, как пробку из бутылки, даже если тебя засыплет. Все, время уходит.

Пользуясь лыжами, как лопатой, Брюс начал раскидывать гигантскую кучу. Периодически на него сверху обрушивалась гора пыли, но Брюса это не смущало: он знал, что, прежде чем покажется отверстие, надо пере-лопатить многие кубические ярды пушистой массы.

Через некоторое время он помог Сэму перебраться на новую кучу, откуда тот светил Брюсу фонариком. Работа пошла быстрее. Брюс вспотел. Ему даже пришлось приоткрыть клапан воздушного баллона. Он попил воды и немного поел и снова взялся за работу.

Он уже видел отверстие в потолке. Огромная куча пыли обрушилась на него. Брюс посмотрел вверх и подошел к Сэму.

— Потуши фонарь.

Сомнений не было: сверху просачивался слабый свет. Брюс поймал себя на том, что толкает Сэма и орет как оглашенный. Он замолчал, потом сказал:

— Сэм, старина, я тебе никогда не говорил, из какого я патруля?

— Нет. А из какого?

— Из подземного. Смотри, как я копаю! — И он набросился на кучу.

Скоро в отверстие проник солнечный луч и слабо осветил пещеру. Брюс копал до тех пор, пока в отвер-

стие не перестала сыпаться пыль. Тогда он решил, что пора.

Он сделал поводья от себя к Сэму на всю длину тросов, затем связал оставшиеся баллоны в одну связку, приладил пеньковую веревку к здоровой ноге Сэма, а другим концом веревки обвязал связку баллонов: в первую очередь Брюс намеревался вытащить Сэма, а потом уже снаряжение. Наконец он надел лыжи и прикоснулся к шлему Сэма.

— Ну вот, приятель. Следи, чтобы трос не засыпало. Сэм схватил его за руку.

— Подожди.

— В чем дело?

— Брюс, я хочу сказать, что ты молоток, и если мы не выберемся...

— Ну, ладно, ладно. Мы выберемся. — Брюс полез вверх.

До отверстия он поднимался по конусу елочкой. Добравшись до отверстия, стал двигаться лесенкой, чтобы легче было пролезть в узкое отверстие и подняться по склону утренней славы. Поднимался он очень медленно, осторожно переставляя ноги и стараясь не оставаться на одном месте слишком долго. Наконец сначала голова, а затем и все его туловище оказались на поверхности. Теперь нужно было взобраться по склону славы.

Брюс неуверенно остановился. Край воронки был слишком отвесным, массы пыли вот-вот обрушатся. Брюс задержался лишь на мгновение и сразу же почувствовал, что его лыжи вязнут. Тогда он двинулся вбок, стараясь обойти нестабильную часть воронки.

Сгубил его провисший трос. Когда Брюс сделал шаг в сторону, трос зацепился за выступ на краю отверстия, дернулся и погрузился в мягкую массу склона. Брюс почувствовал, как его лыжи заскользили назад; он попытался двигаться быстрее, чтобы поскорее миновать падающую массу, но лыжи погрузились в пыль, он сделал неосторожное движение, упал, и пыль засыпала его.

Снова он очутился в мягкой пушистой темноте. Сначала он лежал тихо, переживая свое поражение. Он не понимал, где верх, где низ и как отсюда выбраться.

Потом попытался вылезти и почувствовал, что его тащат за пояс. Это Сэм пытался ему помочь.

Через несколько минут Брюс с помощью Сэма вновь оказался на полу пещеры. Единственный свет исходил от фонаря в руке Сэма; но этого оказалось достаточно, чтобы увидеть: новая гора пыли, закрывшая отверстие, была еще больше прежней.

Сэм показал наверх.

— Очень жаль, Брюс, — вот и все, что он сказал.

Едва сдерживаясь, Брюс ответил:

— Как только отдышусь, начну сначала.

— А где твоя левая лыжа?

— Ох! Должно быть, свалилась. Найдется, когда я начну копать.

— Хм... А сколько у тебя осталось воздуха?

Брюс посмотрел на свой пояс.

— Около трети баллона.

— А я уже дышу остатками. Мне нужно сменить баллон.

— Сейчас.

Брюс хотел подключить новый баллон, но Сэм остановил его.

— Возьми себе новый баллон, а мне отдай свой.

— Но...

— Никаких «но», — оборвал его Сэм. — Чтобы справиться с работой, тебе нужен полный баллон.

Брюс молча подчинился. Его голова была занята арифметикой. Ответ всегда был одним и тем же: он знал, что ему не хватит воздуха, чтобы повторить этот геркулесов труд и передвинуть такую гору пыли.

Теперь Брюс и сам начал верить, что им не выбраться отсюда. Это лишало его сил; ему захотелось лечь рядом с Абнером Грином и так же, как он, прекратить борьбу.

Но этого он не мог себе позволить: ради Сэма ему придется копать гору пыли до тех пор, пока он не упадет от нехватки воздуха. Он машинально взял уцелевшую лыжу и принялся за работу.

Сэм дернул за веревку. Брюс пошел к нему.

— Что с тобой, приятель? — спросил Сэм.

— Ничего. Почему ты спрашиваешь?

— Ты выбит из колен.

— Я этого не говорил.

— Но ты так думаешь. Я же вижу. Теперь слушай! Ты убедил меня, что сможешь выпастить нас отсюда и — клянусь Господом! — ты это сделаешь. Ты достаточно нахален, чтобы стать первым, кому удастся одолеть утреннюю глаорию, — и ты им станешь! Выше голову!

Брюс замялся.

— Слушай, Сэм, я не хотел говорить, но ты должен знать: нам не хватит воздуха, чтобы все это повторить.

— Я это понял, когда увидел, что пыль опять падает.

— Так ты знал? Теперь, если ты помнишь какие-нибудь молитвы, прочти их.

Сэм дернул его за руку.

— Не время читать молитвы: пора заняться делом.

— О'кей. — Брюс начал вставать.

— Я не это имел в виду.

— А?

— Нет смысла копать снова. Один раз стоило попробовать; второй раз — пустая трата кислорода.

— А что же делать?

— Ведь ты обошел не все выходы?

— Нет. — Брюс подумал. — Я попытаюсь еще, Сэм. Но чтобы обойти все выходы, у меня не хватит воздуха.

— Искать можно дольше, чем копать. Но искать надо не наугад, а в той стороне, где горы. В любом другом направлении будут только новые утренние глаории. Нам нужно выбраться наружу в горах, подальше от этой пыли.

— Но... Сэм, где эти горы? Здесь, внизу, не отличить запад от будущей недели.

— Там. — Сэм показал пальцем.

— Откуда ты знаешь?

— Ты показал мне. Когда ты прорвался наверх, я смог по углу луча определить, где находится Солнце.

— Но оно висит над головой.

— Висело, когда мы вышли. Теперь оно переместилось на пятнадцать-двадцать градусов западнее. Слушай, эти пещеры, вероятно, были большими пузырями, газовыми карманами. Поищи в том направлении и найдешь выход наверх, не засыпанный пылью.

— Найду, будь я проклят.

— Как далеко мы отошли от гор, когда провалились сюда?

— С полмили.

— Правильно. Тебе не удастся найти то, что нам нужно, если ты будешь привязан ко мне. Вот, возьми эту бумагу и оставляй метки по дороге, но побольше!

— Я готов.

— Молодец! Счастливо!

Брюс встал.

Это было такое же унылое и утомительное занятие, как и прежде. Брюс обвязался тросом и отправился в путь, бросая на землю клочки бумаги и считая шаги. Порой ему чудилось, что он уже под горами, но каждый раз это оказывался тупик. Дважды он огибал кучи, которыми были обозначены другие глории. Всякий раз, возвращаясь, он подбирал свои метки, чтобы сэкономить бумагу и не сбиться впоследствии с пути. Один раз он увидел просвет, и сердце его часто забилося, но отверстие оказалось слишком маленьким даже для него, не говоря уже о Сэме.

Воздух кончался, но Брюс старался не думать об этом, только следил, чтобы стрелка оставалась на белом поле.

Один из проходов вел влево, потом вниз; Брюс уже начал подумывать, не повернуть ли назад, и остановился. Сначала глаза не различали ничего, затем ему показалось, что впереди замаячил свет. Обман зрения? Возможно. Он прошел еще сотню футов и пригляделся еще раз. Это был свет!

Через несколько минут он уже высунулся из отверстия и оглядел пылающую под солнцем равнину.

— Здорово! — приветствовал его Сэм. — Я уж подумал, что ты провалился в дыру.

— Почти. Сэм, я нашел!

— Я это знал. Пошли.

— Правильно. Только откопаю вторую лыжу.

— Нет.

— Почему?

— Взгляни на датчик. На лыжах мы никуда не дойдем.

— Да, ты прав.

Они бросили весь свой груз, кроме баллонов с воздухом. Там, где позволяла высота свода, они передвигались прыжками. В некоторых местах Брюс почти нес своего напарника. Иногда они ползли на четвереньках, и Сэму с его больной ногой приходилось нелегко.

Брюс выбрался наружу первым, предварительно обвязав Сэма тросом. Когда он его вытаскивал, Сэм ему почти не помогал. На поверхности Брюс поднял его и прислонил к скале.

— Эй, приятель! Мы выбрались!

Сэм не ответил.

Брюс взгляделся ему в лицо: оно было безжизненным, глаза закрыты. Прибор на поясе объяснил почему: стрелка находилась в красной области.

Впускной клапан Сэма был открыт до предела. Глубоко вдохнув, Брюс подсоединил свой баллон к скафандру Сэма. Он видел, как стрелка на приборе Сэма скакнула к белому, а его собственная стрелка уползла в красную область. Если не двигаться, то воздуха внутри скафандра хватит минуты на три-четыре.

Но Брюс двигался. Он подключил шланг от своего впускного клапана к единственному баллону, который теперь был соединен со скафандром Сэма, и открыл клапан. Стрелка его собственного индикатора остановилась. Теперь они с Сэмом были сиамскими близнецами, подсоединенными к одному-единственному, наполовину пустому баллону с таким жизненно необходимым воздухом. Брюс обхватил Сэма одной рукой, положил его голову себе на плечо, шлем к шлему, и отрегулировал клапаны, чтобы обе стрелки оставались на белом. Сэму он дал воздуха побольше и стал ждать. Скала под ними была в тени, хотя Солнце по-прежнему жгло равнину. Брюс огляделся, ища кого-нибудь или что-нибудь, потом вытянул свою антенну.

— На помощь! — позвал он. — Помогите! Мы заблудились!

Он слышал, как Сэм бормотал в свою мертвую рацию:

— На помощь! Мы заблудились!

Брюс покачивал бредившего Сэма на руках и повторял:

— На помощь! Возьмите наш пеленг!

Через некоторое время он перенастроил клапаны и снова принялся повторять:

— На помощь! На помощь! Возьмите наш пеленг!

Он уже не почувствовал, как чья-то рука тронула его за плечо. И даже когда его помещали в шлюз лунной тележки, он все еще продолжал бормотать: «На помощь! На помощь!»

Мистер Эндрюс навестил Брюса в лазарете базового лагеря.

— Как вы себя чувствуете, Брюс?

— Я в полном порядке и прошу, чтобы меня выписали.

— Вас не выписывают по моему указанию. Я хочу знать, где вы находитесь, — улыбнулся Разведмастер.

Брюс покраснел.

— Как Сэм? — спросил он.

— С ним все обойдется. Только обморожение и колено: скоро он будет здоров.

— Я рад за него.

— Наш отряд уходит. Я перевожу вас в третий отряд, к мистеру Харкнессу. Сэм вернется с машиной снабжения.

— Я думаю, что смогу выступить с отрядом, сэр.

— Возможно, но мне бы хотелось, чтобы вы остались в третьем отряде. Вам нужно набраться полевого опыта.

— Сэр... — Брюс не знал, с чего начать. — Мистер Эндрюс...

— Да?

— Мне следовало бы вернуться. Я понял кое-что. Вы были правы. Человек не может стать старым лунным волком за три недели... Я понимаю, что был слишком самонадеян.

— Это все?

— Да, сэр.

— Хорошо, теперь послушайте меня. Я поговорил с Сэмом и с мистером Харкнессом. Мистер Харкнесс

будет держать вас в ежовых рукавицах. Мы с Сэмом займемся вами, когда вы вернетесь. Через две недели, начиная с сегодняшнего понедельника, вы должны быть готовы предстать перед квалификационной комиссией. — И Разведмастер добавил: — Ну, как?

Брюс задохнулся, но быстро взял себя в руки.

— Есть, сэр!

ЕСЛИ ЭТО БУДЕТ ПРОДОЛЖАТЬСЯ...

1

На посту было холодно. Я было захлопал в ладоши, чтобы согреться, но тут же остановился, испугавшись потревожить Пророка. В ту ночь я стоял на часах как раз у его личных апартаментов — эту честь я заслужил, выделяясь аккуратностью на поверках и смотрах. Но сейчас мне совсем не хотелось привлекать его внимания.

Был я тогда молод и не очень умен — свежеиспеченный легат из Вест Пойнта, один из Ангелов Господа, личной охраны Воплощенного Пророка.

При рождении мать посвятила меня Церкви, а когда мне исполнилось восемнадцать, дядя Абсолом, старший мирской цензор, припал к стопам Совета Старейшин, дабы они рекомендовали меня в военное училище.

Вест Пойнт меня вполне устраивал. Конечно, я, так же как и мои однокурсники, ворчал на военную службу, но, уж если говорить честно, мне нравилась монашеская жизнь — подъем в пять, два часа молитв и размышлений, потом лекции и занятия разнообразными военными дисциплинами: стратегией, тактикой, теологией, психологией толпы, основами чудес. После обеда

«If This Goes On —»

© Ю. Михайловский, перевод, 1993.

мы практиковались в стрельбе и укрепляли тело упражнениями.

Я не был в числе лучших кадетов и не надеялся стать Ангелом Господа, хотя и мечтал об этом. Но у меня всегда были отличные отметки за послушание и неплохие по практическим дисциплинам. И меня выбрали. Я был почти греховно горд. Еще бы, попасть в самый святой из всех полков Пророка, в котором даже рядовые были в ранге офицеров и которым командовал Разящий Меч Пророка, маршал войск. В день, когда я получил блестящий щит и копье, положенные Ангелу, я поклялся готовиться к принятию сана, как только достигну звания капитана, которое позволяло на это надеяться.

Но в ту ночь, спустя несколько месяцев с того первого дня, несмотря на то что щит мой блеснул как прежде, в сердце моем появилось тусклое пятнышко. Жизнь в Новом Иерусалиме оказалась не совсем такой, как я представлял ее в Вест Пойнте. Дворец и Храм были пронизаны интригами и политиканством. Священники, дьяконы, государственные министры, дворцовые функционеры — все были заняты борьбой за власть и благорасположение Пророка. Даже офицеры нашего полка не избежали этого. Наш славный девиз *«Non sibi, sed Dei»* приобрел кисловатый привкус.

Я и сам был не без греха. Хотя я и не вмешивался в драку за мирские блага, я совершил нечто такое, что было греховнее: я посмотрел с вожделением на посвященную особу другого пола.

Прошу вас, поймите меня лучше, чем я сам себя тогда понимал. По возрасту я был мужчина, а по опыту — ребенок. Единственная женщина, которую я хорошо знал, была моя мать. Мальчишкой, в семинарии, прежде чем попасть в Вест Пойнт, я почти боялся девочек. Мои интересы ограничивались уроками, матерью и военным отрядом нашего прихода. В военном училище я попросту не видел женщин. Мои человеческие чувства были заморожены, а случайные соблазнительные сны я расценивал как искушение дьявола.

Но Новый Иерусалим — не Вест Пойнт, и Ангелам не запрещалось жениться, хотя большинство моих товарищей не стремились к этому, ибо женитьба вела к

переводу в один из обычных полков, а многие из нас лелеяли надежду стать военными священниками.

Не запрещалось выходить замуж и мирским диаконам, которые работали во Дворце и в Храме. Но чаще всего они были старушками, напоминавшими мне моих тетюшек и вряд ли способными вызвать романтические чувства. Не увлекался я и более молодыми сестрами, пока не встретил сестру Юдифь.

Я стоял на том же посту месяц назад, впервые охраняя личные апартаменты Пророка, и, разумеется, волновался, ожидая обхода дежурного офицера.

Во внутреннем коридоре напротив моего поста вспыхнул на мгновение свет, и я услышал звук шагов. Я взглянул на хроно: конечно, это девственницы, обслуживающие Пророка. Каждую ночь, в десять часов, они сменялись. Я никогда не видел этой церемонии и не надеялся увидеть. Я знал только, что девственницы, заступающие на суточное дежурство, тянули жребий — кому выпадет честь лично прислуживать священной особе Воплощенного Пророка.

Я не стал больше прислушиваться и отвернулся. Минут через пятнадцать фигура в темном плаще проскользнула мимо меня, подошла к парапету, остановилась там и стала смотреть на звезды. Я выхватил пистолет, но тут же смущенно сунул обратно в кобуру, потому что понял, что это всего-навсего диакониса.

Сначала я решил, что она — мирская диакониса, могу поклясться, мне и в голову не пришло, что она может быть священной диаконисой. В уставе не было пункта, запрещавшего им выходить из покоев, но я никогда не слышал, чтобы они это делали.

Не думаю, что она меня заметила прежде, чем я сказал: «Мир тебе, сестра».

Она вздрогнула, подавила крик, но потом собралась все-таки с духом и ответила: «Мир тебе, малый брат».

И только тогда я увидел на лбу ее звезду Соломона, знак семьи Пророка.

— Простите, старшая сестра, — сказал я. — Я не увидел в темноте.

— Я не оскорблена.

Мне показалось, что она завязывает разговор. Я понимал, что нам не следовало говорить наедине: ее

смертное тело было посвящено Пророку, так же как душа — Господу, но я был молод и одинок, а она — молода и очень хороша собой.

— Вы прислуживаете Его Святейшеству этой ночью, старшая сестра?

Она покачала головой:

— Нет, я не удостоилась чести. Жребий пал не на меня.

— Должно быть, это великая честь — лично служить Пророку...

— Разумеется, хотя я не могу судить об этом по своему опыту. Жребий еще ни разу не осчастливил меня. — Она добавила с горячностью: — Я немного волнуюсь. Поймите, я здесь совсем недавно.

Несмотря на то что диакониса была выше меня по чину, проявление женской слабости тронуло меня.

— Я уверен, что вы проявите себя с честью.

— Спасибо.

Мы продолжали беседовать. Выяснилось, что она пробывала в Новом Иерусалиме даже меньше, чем я. Она выросла на ферме в штате Нью-Йорк и была отобрана для Пророка в семинарии Олбани. В свою очередь я рассказал ей, что родился на Среднем Западе, в пятидесяти милях от стены Истины, где был посвящен Первый Пророк. Я сказал ей, что меня зовут Джон Лайл, а она ответила, что ее зовут сестра Юдифь.

Я совсем забыл и о дежурном офицере, и о его неожиданных проверках и готов был болтать всю ночь, как вдруг услышал, что мой хроно прозвенел четверть первого.

— Боже мой! — воскликнула сестра Юдифь. — Мне давно пора быть в келье. — Она бросилась бежать, но остановилась...

— Вы на меня не донесете... Джон Лайл?

— Я? Никогда.

Я думал о ней до конца дежурства.

Я так и не смог выкинуть из головы сестру Юдифь. За месяц, прошедший с тех пор, я видел ее раз пять-шесть. Однажды на эскалаторе. Она ехала вниз, а я вверх. Мы не сказали ни слова, но она узнала меня и улыбнулась. Всю ночь после этого мне снился эскалатор, но я никак не мог сойти с него, чтобы поговорить

с ней. Другие встречи были так же мимолетны. Как-то я услышал ее голос: «Здравствуй, Джон Лайл!» — и, обернувшись, заметил только закутанную в плащ фигуру, проскользнувшую к двери. Однажды видел, как она кормила лебедей в крепостном рву. Я не подошел к ней, но, по-моему, она меня заметила.

В «Храмовом вестнике» публиковалось расписание дежурств всех служб. Включая, разумеется, легатов и девственников. Я выходил на дежурство каждую пятую ночь, девственницы тянули жребий раз в неделю. Отсюда следует, что наши дежурства совпали снова через месяц с небольшим. Когда я увидел ее имя в списке, я поклялся себе, что заслужу честь охранять личные апартаменты Пророка. У меня не было никаких оснований думать, что Юдифь будет в ту ночь искать меня, но мое сердце подсказывало, что я ее увижу. Пожалуй, никогда прежде я не тратил столько ваксы и мела. В мою пряжку можно было глядеться, как в зеркало.

Пробило половину одиннадцатого, но Юдифь не появлялась, хотя я слышал, как ровно в десять девственницы строились в коридоре. Единственное, чего я добился, — сомнительной привилегии стоять на часах в самом холодном месте Дворца.

Не исключено, мрачно размышлял я, что она выходит пококетничать с часовым каждый раз, когда дежурит. Я с горечью вспомнил о том, что все женщины — сосуды греха и так было всегда с момента грехопадения. И кто я такой, в конце концов, чтобы именно меня она избрала своим другом? И вообще ночь слишком холодна, чтобы Юдифь выглянула из теплого Дворца.

Я услышал шаги, и сердце мое подпрыгнуло от радости. Но оказалось, что это дежурный офицер, обходящий караулы. Я поднял пистолет и спросил, кто идет. В ответ послышался его голос:

— А какой сегодня пароль?

— Мир на Земле, — ответил я автоматически. И добавил: — Жуткая холодина, старший брат.

— Осень наступает, — согласился офицер. — Даже в Храме холод.

Он прошел близко от меня. Его пистолет и перевязь с парализующими бомбами позвякивали на ходу о его кирасу. Обычно он всегда останавливался поболтать, но

сейчас он, видно, торопился нырнуть в теплоту дежурки. Я же возвратился к своим грустным мыслям.

— Добрый вечер, Джон Лайл.

Я чуть не выскочил из сапог. Сестра Юдифь стояла в темноте, под аркой. Я с трудом выдавил из себя:

— Добрый вечер, сестра Юдифь.

— Ш-ш-ш! — прижала она палец к губам. — Нас могут услышать. Джон... Джон Лайл. Это наконец произошло. На меня пал жребий.

Я сказал:

— А! — И потом добавил растерянно: — Поздравляю вас, старшая сестра, да прояснит Господь лицо Пророка в то время, когда вы будете ему прислуживать.

— Да, да, спасибо, — ответила она быстро. — Джон... мне хотелось выкроить несколько секунд, чтобы поговорить с вами. Но теперь я не могу, мне нужно получить напутствие и помолиться. Я должна вас покинуть.

— Вы лучше поспешите, — согласился я.

Я был разочарован, оттого что она не может побыть со мной, но счастлив, что она отмечена высокой честью, горд, что она не забыла меня даже в такой момент.

— Да пребудет с вами Господь, — добавил я.

— Мне так хотелось сказать вам, что меня выбрали, — сказала она.

Ее глаза блестели, и я решил, что это — радость. Но ее следующие слова поразили меня.

— Я боюсь, Джон Лайл.

— Бойтесь? — Я почему-то вспомнил, как дрожал мой голос, когда я впервые командовал взводом. — Не бойтесь. Вы проявите себя достойно.

— О, я надеюсь. Молитесь за меня, Джон Лайл.

И она исчезла в темноте коридора.

Я не молился за нее, я старался представить, где она, что она делает... Но так как я знал о том, что творится внутри Дворца Пророка не больше, чем королева знает о военном трибунале, то вскоре отказался от этого и стал думать просто о Юдифь.

Позже, через час или даже больше, мои размышления были прерваны пронзительным криком внутри Дворца. Тут же послышался топот и возбужденные голоса. Я бросился внутрь коридора и натолкнулся на

кучку женщин, столпившихся у портала апартаментов Пророка. Они остановились, выйдя в коридор, и опустили свою ношу на пол.

— В чем дело? — спросил я и вытащил из ножен меч.

Пожилая сестра повернулась ко мне:

— Ничего особенного. Возвращайтесь на пост, легат.

— Я слышал крик.

— Это вас не касается. Одна из сестер лишилась чувств, когда Пророк обратился к ней.

— Кто она?

— Да вы, я посмотрю, любопытны, младший брат. — Пожилая сестра пожала плечами. — Если это вас так интересует — сестра Юдифь.

Я не успел подумать, как у меня вырвалось:

— Пустите меня к ней!

Пожилая сестра загородила мне дорогу.

— Вы сошли с ума? Сестры отнесут ее в келью. С каких это пор Ангелы приводят в себя нервных девиц?

Я мог отбросить ее одним пальцем, но уже понял, что она права. Я отступил и вернулся на пост.

С этого дня я не мог не думать о сестре Юдифь. В свободные часы я обшаривал те части Дворца, куда я имел право заходить, в надежде ее увидеть. Она могла быть больна, может быть, ей запрещено покидать келью за то, что она нарушила дисциплину. Но я ее так и не увидел.

Мой сосед по комнате Зебадия Джонс заметил мое настроение и пытался развлечь меня. Зеб был на три курса старше меня, и в Вест Пойнте я был его подопечным. Теперь он стал моим ближайшим другом и единственным человеком, которому я полностью доверял.

— Джонни, дружище, ты на покойника стал похож. Что тебя грызет?

— А? Ничего особенного. Может быть, несварение желудка.

— Так ли? Пройдемся? Свежий воздух очень помогает.

Я дал ему вывести себя наружу. Он говорил о пустыках, пока мы не вышли на широкую террасу,

окружающую южную башню. Здесь мы были вне пределов досягаемости подслушивающих и подглядывающих устройств. Тогда он сказал:

— Давай выкладывай все.

— Кончай, Зеб. Тебе еще моих забот не хватало.

— Почему бы и нет? На то и друзья.

— Ты не поверишь. Ты будешь потрясен.

— Сомневаюсь. Последний раз это со мной случилось, когда я в покере прикупил четырех королей к джокеру. Тогда ко мне вернулась вера в чудеса, и с тех пор ее довольно трудно поколебать. Давай начинай. Мы назовем это задушевной беседой между старшим и младшим товарищами.

Я дал ему себя уговорить. К моему удивлению, Зеб совсем не был шокирован, узнав о святой диаконисе. Тогда я рассказал ему все по порядку, сознался в сомнениях и тревогах, касающихся не только сестры Юдифь, но и всего, что мне пришлось услышать и увидеть после приезда в Новый Иерусалим.

Зеб кивнул головой и сказал:

— Зная тебя, я могу представить, как ты на все это реагируешь. Послушай, ты на исповеди не повинился?

— Нет, — ответил я в растерянности.

— Ну и не надо. Держи язык за зубами. Майор Багби — человек широких взглядов, его этим не удивишь, но он может счесть необходимым доложить по инстанции. Не думаю, что тебе доставит удовольствие встреча с инквизицией, даже если ты трижды невинен... Каждому порой приходят в голову греховные мысли. Но инквизитор ищет грех, и, если он его не находит, он продолжает копать, пока не найдет.

При мысли, что меня могут вызвать на допрос, у меня подвело кишки. Я старался не показывать страха перед Зебом, а он тем временем продолжал:

— Джонни, дружище, я преклоняюсь перед твоей чистотой и наивностью, но я им не завидую. Порой избыток набожности — скорее недостаток. Тебя поразило, что для управления нашей страной недостаточно распевать псалмы. Для этого надо также заниматься политикой. Я ведь тоже прошел сквозь все это, когда приехал сюда, но, честно говоря, я и не ожидал увидеть

ничего другого, так что пережил первое знакомство с действительностью довольно спокойно.

— Но... — начал я и замолчал. Его слова звучали как ересь. Я переменял тему разговора: — Зеб, как ты думаешь, что могло так расстроить Юдифь, раз она лишилась чувств в присутствии самого Пророка?

— А я откуда знаю? — он взглянул на меня и отвернулся.

— Ну... я полагал, что ты можешь знать. Ты обычно знаешь все сплетни во Дворце.

— Хорошо... впрочем, нет, забудь об этом, старина. Это совсем не важно.

— Значит, ты все-таки знаешь?

— Я этого не сказал. Может быть, я могу догадаться, но ведь тебе мои догадки ни к чему. Так что забудь об этом.

Я остановился, глядя ему в лицо:

— Зеб, все, что ты знаешь... или можешь догадываться... Я хочу услышать сейчас. Это мне очень важно.

— Спокойней. Не забудь, что мы с тобой гуляем по террасе, разговариваем о коллекционировании бабочек и размышляем, будет ли у нас на ужин говядина.

Все еще волнуясь, я двинулся дальше. Он продолжал, понизив голос:

— Джон, Господь Бог не наградил тебя быстрой сообразительностью... Ты не изучал внутренних мистерий?

— Нет. Офицер по психической классификации не допустил меня. Сам не знаю почему.

— Мне надо было бы познакомить тебя с некоторыми положениями этого курса. Хотя я не мог этого сделать — ты еще был тогда первокурсником. Жалко. Понимаешь, они умеют объяснять такие вещи куда более деликатным языком, чем я... Джон, в чем, по-твоему, заключаются обязанности девственников?

— Ну, они ему прислуживают, готовят пищу и так далее...

— Ты абсолютно прав. И так далее... А твоя сестра Юдифь, если судить по твоему описанию, — молоденькая невинная девочка из провинции. Очень религиозная и преданная, так?

Я ответил, что ее преданность религии видна с первого взгляда. Это меня в ней и привлекает.

— Понимаешь, она могла лишиться чувств, услышав довольно циничный и откровенный разговор между Воплощенным Пророком и, скажем, одним из его министров. Разговор о налогах и податях, о том, как лучше выжимать их из крестьян. Вполне вероятно, хотя вряд ли они стали бы говорить на такие темы перед девственницей, впервые вышедшей на дежурство. Нет, наверное, это было «и так далее».

— Я тебя не совсем понимаю.

Зеб вздохнул:

— Ты и в самом деле божий агнец. Я-то думал, что ты все понимаешь, но не хочешь признаться. Знай, что даже Ангелы общаются с девственницами после того, как Пророк получил свое... Уж не говоря о священниках и дьяконах Дворца. Я помню, как... — Он замолчал, увидев выражение моего лица. — Немедленно приди в себя! Ты что, хочешь, чтобы кто-нибудь нас заметил?

Я постарался это сделать, но не мог справиться с ужасными мыслями, мятущимися в голове. Зеб тихо продолжал:

— Я предполагаю, если это для тебя важно, что твой друг Юдифь имеет полное право считать себя девственницей как в физическом, так и в моральном смысле этого слова. Она может таковой и остаться при условии, что Пророк на нее достаточно зол. Она, очевидно, так же недогадлива, как и ты, и не поняла символических объяснений, преподнесенных ей. А когда уж ей ничего не оставалось, как понять, она подняла шум...

Я снова остановился, бормоча про себя библейские выражения, которые я и не думал, что помню. Зеб тоже остановился и посмотрел на меня с терпеливой циничной улыбкой.

— Зеб, — взмолился я. — Это же ужасно! Не может быть, чтобы ты все это одобрял.

— Одобрял? Послушай, старина, это все часть Плана. Мне очень жаль, что тебя не допустили до высшего изучения. Давай я тебя вкратце просвещу. Господь Бог ничему не дает пропасть задаром. Правильно?

— Это аксиома.

— Господь не требует от человека ничего, превышающего его силы. Правильно?

— Да, но...

— Замолчи. Господь требует, чтобы человек приносил плоды. Воплощенный Пророк, будучи отмечен особой святостью, обязан приносить как можно больше плодов. А если Пророку приходится снизойти до пошлой плоти, чтобы выполнить указание Господа, то тебе ли возмущаться по этому поводу? Ответь мне.

Я, разумеется, ответить не смог, и мы продолжали прогулку в молчании. Мне приходилось признать логику слов Зеба. Беда заключалась в том, что мне хотелось забыть о его выводах и отбросить их как нечто ядовитое. Правда, я утешал себя мыслью, что с Юдифь ничего не случилось. Я чувствовал себя несколько лучше и склонялся к тому, что Зеб прав и потому не мне судить Святого Воплощенного Пророка.

Неожиданно Зеб прервал ход моих мыслей.

— Что это? — воскликнул он.

Мы подбежали к парапету террасы и посмотрели вниз. Южная стена проходит близко от города. Толпа из пятидесяти или шестидесяти человек бежала вверх по склону, что вел к стенам Дворца. Впереди них, оглядываясь, бежал человек в длинном плаще. Он направлялся к Воротам Убежища.

Зеб сказал сам себе:

— А, вот в чем дело — забрасывают камнями парию. Он, очевидно, был настолько неосторожным, что оказался за стенами гетто после пяти. — Он присмотрелся и добавил: — Не думаю, что он добежит.

Предсказание Зеба оправдалось немедленно. Большой камень попал беглецу между лопаток, и тот упал. Преследователи тут же настигли его. Он пытался встать на колени, но опять несколько камней попало в него, и он снова упал. Он закричал, затем набросил край плаща на темные глаза и прямой римский нос.

Через минуту от него ничего не осталось, кроме кучи камней, из-под которой высывалась нога. Нога дернулась и замерла. Я отвернулся. Зеб заметил выражение моего лица.

— Что ж, — сказал я, обороняясь. — Разве эти парии не упорствуют в своих ересях? Вообще-то они кажутся вполне безвредными созданиями.

Зеб поднял бровь:

— Может быть, для них это не ересь. Ты видел, как этот парень отдал себя в руки их богу?

— Но это же не настоящий Бог.

— А он, может быть, думает иначе.

— Должен понимать. Им же об этом столько раз говорили.

Он улыбнулся так ехидно, что я возмутился:

— Я тебя, Зеб, не понимаю. Убей, не понимаю. Десять минут назад ты втолковывал мне установленные доктрины, теперь ты, кажется, защищаешь еретиков. Как это совместить?

Он пожал плечами:

— Я могу выступать адвокатом дьявола. Я любил участвовать в дебатах в Вест Пойнте. Когда-нибудь я стану знаменитым теологом, если Великий Инквизитор не доберется до меня раньше.

— Так... Послушай, ты думаешь, что это правильно — забрасывать камнями людей? Ты так думаешь в самом деле?

Он резко переменял тему:

— Ты видел, кто первый бросил камень?

Я не видел. Я заметил только, что это был мужчина.

— Снотти Фассет, — губы Зеба сжались.

Я хорошо знал Фассета. Он был на два курса старше меня, и весь первый год я был у него в услужении. Хотел бы я забыть этот первый год.

— Так, значит, вот в чем дело, — ответил я медленно. — Зеб, я не думаю, что мог бы работать в разведке.

— Конечно, и не агентом-provокатором, — согласился он. — И все-таки я полагаю, что Священному Совету нужны время от времени такие инциденты. Все эти слухи о Каббале и так далее...

Я услышал его последние слова.

— Зеб, ты думаешь, эта Каббала в самом деле существует? Не могу поверить, что может существовать какое-нибудь организованное сопротивление Пророку.

— Как тебе сказать... На Западном берегу определенно были какие-то беспорядки. Впрочем, забудь об этом. Наша служба — охранять Дворец.

2

Но нам не пришлось об этом забыть. Через два дня внутренняя стража была удвоена. Я не понимал, какая может грозить опасность: Дворец был неприступнее самой неприступной крепости. Его нижние этажи выдержали бы прямое попадание водородной бомбы. Кроме того, человек, входящий во Дворец даже со стороны Храма, был бы проверен и узнан десять раз, прежде чем достиг бы Ангелов внутренней стражи. И все-таки там, наверху, были чем-то взволнованы.

Я очень обрадовался, узнав, что назначен в напарники к Зебу. Поговорить с ним было единственной компенсацией за необходимость выстаивать двойные смены. Я, наверное, опротивел бедному Зебу, беспрерывно говоря о Юдифь и о моем разочаровании жизнью в Новом Иерусалиме. Наконец он обернулся ко мне:

— Послушай, ты в нее влюбился?

Я постарался уйти от ответа. Я не смел признаться и самому себе, что мой интерес к ней выходит за рамки простой заботы о благополучии знакомой девушки. Он оборвал меня:

— Ты влюблен или ты не влюблен? Решай для себя. Если ты влюблен, мы будем разговаривать о практических вещах. Если нет, тогда не приставай ко мне с глупыми разговорами.

Я глубоко вздохнул и решил:

— Боюсь, что да, Зеб. Это кажется невозможным, я понимаю, что это — смертный грех, но ничего не могу поделать.

— Чепуха. Тебя не перевоспитаешь. Итак, ты влюблен в нее. Что дальше?

— А?

— Чего ты хочешь? Жениться на ней?

Я подумал об этом с такой горечью, что даже закрыл лицо руками.

— Конечно, хочу, — признался я наконец. — Но как?

— Именно это я и хотел выяснить. Тебе нельзя жениться, не отказавшись от карьеры. Ее служба тоже не позволяет ей выйти за тебя замуж. Она не может нарушить принятые обеты. Но если вы посмотрите правде в лицо, не краснея при этом, то выяснится, что можно кое-что сделать, особенно если вы перестанете изображать из себя святош.

Неделю назад я бы не понял, на что он намекает. Но теперь я знал. Я даже не смог рассердиться на него толком за такое бесстыдное и грешное предложение. Он хотел, чтобы мне было лучше. Да и моя душа не была уже так чиста. Я покачал головой:

— Тебе не следовало этого говорить, Зеб. Юдифь не такая.

— Хорошо. Тогда забудем об этом. И о ней. И больше ни слова.

Я устало вздохнул:

— Не сердись, Зеб. Я просто не знаю, что делать.

Я оглянулся и присел на парапет. Мы стояли не у самых апартаментов Пророка, а у восточной стены. Дежурный офицер капитан Питер Ван Эйк был слишком толст, чтобы обходить посты чаще, чем раз за смену. Я смертельно устал, потому что последнее время недосыпал.

— Прости.

— Не сердись, Зеб. Твое предложение не для меня и тем более не для Юдифь, не для сестры Юдифь.

Я знал, чего хочу для нас с Юдифь: маленькую ферму вроде той, на которой я родился. Свиньи, цыплята, босые ребятишки с веселыми измазанными физиономиями и улыбка Юдифь при виде меня, возвращающегося с поля. Она вытирает полотенцем пот со лба, чтобы я мог поцеловать ее... И никакой церкви, никаких пророков, кроме, может быть, воскресной службы в соседней деревне.

Но этого быть не могло, никогда не могло быть. Я выкинул видение из головы.

— Зеб, — продолжал я. — Прости мое любопытство. Но ты намекнул, что такие вещи... такие встречи происходят прямо во Дворце. Но как? Мы же все живем как под увеличительным стеклом. Это физически невозможно!

Он ухмыльнулся так цинично, что мне захотелось врезать ему по физиономии, но в его голосе не было усмешки:

— Хорошо, возьмем для примера твой случай...

— Об этом и речи быть не может!

— Я сказал «для примера». Сейчас все равно сестра Юдифь недостижима. Она заперта в своей келье.

— Она заперта? Ее арестовали?

В моем сознании пронеслись слова Зеба о допросах и инквизиторах.

— Не бойся. Ее камера даже не на замке. Ей просто приказали не выходить из кельи, посадили на хлеб и воду и велели читать молитвы. А сами они занимаются тем, что очищают ее сердечко и напоминают о ее духовных обязанностях. Когда она научится правильно смотреть на вещи, ей позволят снова тянуть жребий, и на этот раз она не станет падать в обморок и изображать из себя великовозрастную дурочку.

Я справился с первой реакцией на эти слова и заставил себя размышлять спокойно.

— Нет! Юдифь никогда не пойдет на это. Она предпочтет остаться в келье навсегда.

— Ты уверен? А я бы не стал на твоём месте клясться. Они умеют убеждать. Они будут молиться за ее душу круглые сутки, сменяя друг друга. И давай допустим, что она позволит себя уговорить.

— Нет!

— Допустим! Только допустим! Дай мне закончить рассказ о ее будущем.

— А откуда тебе все это известно?

— Ты забыл, что я трублю здесь уже три года. Что же ты думаешь — за этот срок я ничего не увидел и не услышал? Ты распахивался, начал канючить, что они с ней сделают? Так что мне ничего не оставалось, как спросить у птичек. А птички мне поведали, что, после того как Юдифь позволит себя просветить и станет хорошей девочкой, она сможет совершить свое святое служение Пророку. После этого она продолжит выходить на дежурство каждую неделю, и примерно раз в месяц она будет вытягивать жребий на личное общение с Пророком. И года не пройдет — если, конечно, Пророк не отыщет в ее душе какой-нибудь особой небес-

ной красоты, — как они перестанут включать ее имя в жребий. Но тебе совсем не надо ждать так долго, хотя это безопаснее.

— Все это отвратительно и постыдно!

— В самом деле? А я думал, что и царь Соломон прибегал к подобной системе. И в его курятнике было даже больше несушек, чем в гареме Святого Пророка. Итак, если тебе удастся достигнуть взаимного согласия с девственницей, которая тебе понравилась, ваши отношения покатаются по накатанной дорожке. Сначала надо сделать ценный подарок Старшей сестре, и в будущем такие подарки должны поступать к этой уважаемой матроне регулярно. Придется подмаслить кое-какие ладошки, и я тебе подскажу, какие именно. Эта гигантская куча кирпичей, которую мы охраняем, таит немыслимое число темных задних лестниц. Так что если соблюсти все наши обычаи, то я не вижу причины, почему каждой ночью, когда я буду на часах, а ты будешь свободен от дежурства, тебе не согреть постельку тепленьким девичьим тельцем.

Я был готов взорваться и выразить мое возмущение его цинизмом, как вдруг мне в голову пришла мысль.

— Зеб, — сказал я. — Ты с самого начала говорил неправду. В каждой комнате Дворца есть Глаз и Ухо. И даже если я найду их и постараюсь обрезать провода, через три минуты в дверь ворвутся офицеры безопасности.

— Ну и что? Правильно, в каждой комнате есть Уши и Глаза. А ты не обращай на них внимания.

У меня отвалилась челюсть.

— Не обращай внимания, — продолжал он. — Пойми, Джон, небольшие грешки не есть угроза Церкви — опасны не они, а измена и ересь. Все будет отмечено и подшито к твоему личному делу. А если ты попадешься когда-нибудь на чем-то более серьезном, то тебе пришлют именно эти грешки вместо настоящего обвинения. Они очень любят вписывать в личные дела именно такие грешки. Это укрепляет безопасность. Я даже думаю, что к тебе они присматриваются с подозрением. Ты слишком безупречен. А такие люди опасны. Может быть, поэтому тебя и не допускают к высшему учению.

Я попытался распутать у себя в голове эти аргументы и контраргументы, но сдался.

— Все это не имеет отношения, — сказал я, — ни ко мне, ни к Юдифь. Но я теперь понял, что мне надо делать. Я должен ее отсюда увезти.

— Да... довольно смелое заявление.

— Я должен это сделать.

— Хорошо... Я хотел бы тебе помочь. Я думаю, что смогу передать ей записку.

Я схватил его за руку.

— В самом деле?

Он вздохнул:

— Я хотел бы, чтобы ты не спешил. Но вряд ли это реально, если учесть, какая романтическая каша у тебя в голове. Риск велик именно сейчас, потому что Юдифь вызвала немилость Пророка. Тебе вряд ли хочется угодить под суд военного трибунала.

— Я готов пойти и на это.

Он не сказал мне, что сам шел на такой же риск, если не на больший. Он просто заметил:

— Хорошо, какое же будет послание?

Я подумал с минуту. Послание должно было быть короткое.

— Передай ей, что легат, который говорил с ней в ночь, когда она вытянула жребий, очень беспокоится.

— Еще что-нибудь?

— Да. Скажи, что я — в ее распоряжении.

Сейчас это кажется наивным. Но тогда я чувствовал именно так. Я именно так и думал.

Во время обеда на следующий день я обнаружил в своей салфетке клочок бумаги. Я быстро кончил обед и выскочил наружу, чтобы прочесть записку.

«Мне нужна ваша помощь, — гласила записка, — и я очень вам благодарна. Можете ли вы встретить меня сегодня вечером?»

Записка была без подписи и была напечатана на обычной магнитомашинке, какими пользовались во Дворце. Когда Зеб вернулся в комнату, я показал ему записку, он взглянул на нее и сказал равнодушно:

— Пойдем подышим свежим воздухом. Я обожрался, спать хочется.

Как только мы вышли на открытую террасу и очутились вне досягаемости Глаз и Ушей, он выругал меня негромко, но зло:

— Из тебя никогда не получится конспиратор. Половина столовой видела, что ты нашел что-то в салфетке. Так какого же черта ты выскочил как ошпаренный? Потом, как будто нарочно, ты суешь эту записку мне. Я не сомневаюсь, что Глаз зафиксировал ее. Интересно, где ты был, когда Господь Бог распределял людям мозги?

Я пытался протестовать, но он оборвал меня:

— Забудь об этом. Я понимаю, что ты не желал сунуть обе наши шеи в петлю, но учти, что добрые намерения не принимаются во внимание трибуналом: первое условие любой интриги — вести себя естественно. Ты представить не можешь, как много дает опытному психоаналитику малейшее отступление от норм поведения. Надо было сидеть в столовой, как всегда, покрутиться там после обеда и спокойно ожидать того момента, когда сможешь прочесть записку в безопасности. Ладно. Где она теперь?

— В кармане мундира, — ответил я виновато. — Не волнуйся, я ее сжую и проглочу.

— Не так сразу. Погоди.

Зеб исчез и вернулся через несколько минут.

— У меня есть кусочек бумаги такого же размера и цвета, как твоя записка. Сейчас я тебе его осторожно передам. Обменяй их и затем съешь настоящую записку, но смотри, чтобы никто этого не заметил.

— Хорошо. А что на твоём кусочке бумаги?

— Заметки, как выигрывать в кости.

— Да, но это ведь тоже запрещено.

— Конечно, дурья твоя башка. Если они тебя застукают на азартной игре, они не подумают, что у тебя есть грехи потяжелее. В худшем случае начальник прочтет тебе нотацию и даст наряд вне очереди. Запомни на будущее, Джон: если тебя в чем-то заподозрили, постарайся сделать так, чтобы факты указывали на меньший проступок. Никогда не пытайся изображать из себя невинного ягненка.

Я думаю, Зеб был прав: мой мундир был обыскан и записка сфотографирована сразу после того, как я

переоделся к смотру. Еще через полчаса я был вызван в кабинет к начальнику. Он попросил меня обратить внимание на то, играют ли младшие офицеры в азартные игры. Это грех, сказал он, и ему не хотелось бы, чтобы его подчиненные в этот грех впадали. На прощание он похлопал меня по плечу.

— Ты хороший парень, Джон Лайл, — сказал он. — Прислушайся к доброму совету. Понял?

В ту ночь мы стояли с Зебом у южного портала Дворца. Юдифь не появлялась, и я волновался, как кот в незнакомом доме, несмотря на то что Зеб пытался урезонить меня. Наконец во внутреннем коридоре слышались легкие шаги и в дверях появилась чья-то тень. Зеб приказал мне знаком остаться на посту и сам подошел к portalу. Он вернулся почти сразу и поманил меня, прижимая палец к губам. Весь дрожа, я подошел. Это оказалась не Юдифь, а незнакомая мне женщина. Я открыл рот, чтобы сказать об этом, но Зеб прижал мне к лицу ладонь.

Женщина взяла меня за руку и повела по коридору. Я оглянулся и увидел силуэт Зеба, оставшегося на посту, чтобы прикрывать тыл. Женщина остановилась и толкнула меня к темному алькову, затем вынула из складок плаща маленький предмет со светящимся циферблатом. Я решил, что это, очевидно, металлоискатель. Она провела им в воздухе, выключила и спрятала.

— Можете говорить, — сказала она тихо. — Здесь безопасно.

И она растворилась в темноте.

Я почувствовал слабое прикосновение к рукаву.

— Юдифь? — прошептал я.

— Да, — ответила она так тихо, что я с трудом услышал.

Тут же она очутилась в моих объятиях. Она сдавленно вскрикнула, руки ее обвили мою шею, и я ощутил ее дыхание на своем лице. Мы поцеловались неловко, но горячо.

Никого не касается, о чем мы говорили тогда, да я и не смог бы рассказать по порядку, о чем. Называйте наше поведение романтической белибердой, если вам так хочется, называйте это щенячьими нежностями. Но разве щенятам не бывает так же больно, как взрослым

собакам? Называйте это как хотите, но в эти минуты мы были одержимы безумием более драгоценным, чем рубины и золото, более желанным, чем разумная трезвость. И если вы этого никогда в жизни не испытывали и не знаете, о чем я говорю, мне остается вас только пожалеть.

Наконец мы пришли в себя и смогли разговаривать разумно... Она принялась рассказывать мне о той ночи, когда она вытащила жребий, и заплакала. Я сказал ей:

— Не надо, дорогая. Не надо мне говорить об этом. Я все знаю.

— Но ты не знаешь. Ты не можешь знать... Я... Он... Я обнял ее:

— Прекрати, прекрати сейчас же. Не надо больше слез. Я все знаю. И я знаю, что тебе грозит... в случае, если мы тебя не выведем отсюда. Так что теперь мы не имеем права плакать, мы должны найти выход.

Она молчала. Молчала, как мне показалось, очень долго. И потом медленно сказала:

— Ты хочешь сказать, что я должна убежать? Я думала об этом. Боже милостивый, как я мечтала об этом! Но как убежать?

— Я не знаю. Пока не знаю. Но мы придумаем. Надо придумать.

Мы обсудили все возможности. Канада всего в трехстах милях от Нового Иерусалима, и местность к северу от Нью-Йорка Юдифь была знакома. По правде говоря, это была единственная область, которая ей была знакома. Но граница там закрыта и охраняется куда строже, чем в других местах — там и патрульные суда, и радарные стены на воде, колючая проволока, пограничники на земле... и служебные собаки. Я проходил тренировку с такими собаками и не пожелал бы злейшему врагу встретиться с ними.

Мексика была безнадежно далека. Если бы Юдифь отправилась на юг, ее бы поймали в двадцать четыре часа. Никто не даст убежища сбежавшей девственнице. По закону общей вины любой такой доброжелатель совершил бы этим то же преступление, как и укрытый им беглец, а потому погиб бы той же смертью, как и человек, которого он спрятал. Путь на север был, по крайней мере, короче, хотя значил бы те же ночные

переходы, поиски укромных убежищ днем и голод. В Элбени жила тетка Юдифь: Юдифь была уверена, что та укроет ее, пока не удастся придумать способ перейти границу.

— Она найдет нам безопасное место. Я уверена в этом, — сказала Юдифь.

— Нам? — Должно быть, вопрос мой прозвучал глупо. До тех пор пока она не сказала этого, мне и в голову не приходило, что нам придется бежать вместе.

— Ты хочешь послать меня одну?

— Ну... я просто не думал о другом варианте.

— Нет!

— Но послушай, Юдифь, самое важное, самое срочное сейчас — это вызволить тебя. Двоих людей, путешествующих вместе, значительно легче заметить и задержать, чем одну девушку. Нет никакого смысла.

— Я не пойду одна!

Я все еще не мог понять, что если ты сказал «а», то должен сказать и «б». И если я уговариваю ее покинуть службу, то становлюсь таким же дезертиром, как и она. Наконец я сказал:

— Ну хорошо. Главное убежать тебе. Ты доберешься до тетки и будешь ждать меня там.

— Без тебя я никуда не уйду.

— Но это же необходимо! Ведь Пророк...

— Лучше это, чем потерять тебя сейчас.

Я тогда не понимал женщин. Я их и сейчас не понимаю. Две минуты назад она спокойно рассуждала о том, что лучше рисковать жизнью, чем отдать свое тело в руки Пророка. Теперь она так же спокойно предпочитает сделать это, нежели решиться на временную разлуку со мной. Я не понимаю женщин. Порой я даже подозреваю, что у них ровным счетом нет никакой логики. Я сказал:

— Послушай, дорогая. Мы еще даже не придумали, как нам выбраться из Дворца. Вернее всего, нам будет абсолютно невозможно уйти отсюда вместе. Разве ты не понимаешь?

Она ответила упрямо:

— Может быть, и так. Но мне это не нравится. Ну хорошо, а как отсюда можно выбраться? И когда?

Я вынужден был признаться снова, что не знаю. Нужно было посоветоваться с Зебом.

Тогда Юдифь предложила:

— Джон, ты знаешь девственницу, которая привела тебя сюда? Нет? Это сестра Магдалина. Ей можно все рассказать, и она, возможно, захочет нам помочь. Она очень умная.

Я принялся было выражать свои сомнения, но наш разговор был прерван самой сестрой Магдалиной.

— Быстро! — шепнула она мне, заглянув в альков. — Назад, на пост.

Я выскочил и еле успел к обходу. Дежурный офицер обменялся приветствиями со мной и с Зебом и потом — вот старый дурак! — решил поболтать. Он уселся на ступеньках портала и начал хвастливо рассказывать, как на прошлой неделе победил в схватке на мечах. Я беспомощно старался поддерживать беседу.

Наконец он поднялся на ноги.

— Мне уж за сорок, — сказал он. — Я чувствую, что стал тяжелее, чем прежде. И должен признаться, приятно сознавать, что глаз и рука тебя не подводят. Думаю, надо обойти Дворец. Приходится быть бдительным. Говорят, Каббала опять активизировалась.

Он вытащил карманный фонарик.

Я замер. Если он начнет осматривать коридор, то, без всякого сомнения, обнаружит двух девушек в алькове.

Но тут вмешался спокойный Зеб:

— Минутку, старший брат. Вы не могли бы показать мне, каким приемом вы выиграли ту встречу? Я так и не понял.

Офицер схватил наживку:

— С удовольствием.

Он спустился по ступенькам.

— Вытащи меч, сын мой. Встань в позицию. Так. Теперь скрещиваем мечи. Нападай! Стоп. Не так. Я повторю медленно... В тот момент, когда острое приближается к моей груди... (Ничего себе грудь. Капитан Ван Эйк обладал объемистым животом и был похож на кенгуру с детенышем в сумке.) Я поднимаю меч и заставляю тебя отступить на шаг. Пока все, как в учебнике. Но я не завершаю движение. Ты парень

сильный и мог бы парировать удар. Тогда я вот что делаю... — Он показал, и столкнувшиеся мечи громко звякнули в тишине. — Теперь ты открыт, и я могу поразить тебя от коленок до горла. Ну, попробуй этот прием на мне.

Зеб послушался его. Офицер отступил. Зеб попросил разрешения повторить прием еще раз. Они повторяли его, каждый раз все быстрее, и каждый раз капитан успевал парировать удар Зеба в самый последний момент. Разумеется, они нарушали все правила, сражаясь настоящими мечами без масок и кирас, но капитан оказался действительно замечательным фехтовальщиком и был полностью уверен в своем мастерстве. Несмотря на состояние, в котором я находился, я не мог оторвать глаз от дуэли — это была изумительная демонстрация когда-то полезного военного искусства. Они окончили бой ярдах в пятидесяти от портала и на столько же ближе к кордегардии. Мне слышно было, как тяжело пыхтел капитан.

— Это было совсем недурно, Джонс, — прохрипел он. — Ты неплохой ученик. — Он попытался еще и добавил: — Мое счастье, что настоящие встречи куда короче. Знаешь что, лучше уж осмотри коридор сам. — Он повернул к кордегардии, добавил весело: — Господь вас хранит.

— Господь хранит и вас, сэр, — ответил Зеб и поднял меч, салютуя начальнику.

Как только капитан исчез за углом, Зеб снова стал на пост, а я поспешил к алькову. Девушки все еще оставались там, прижавшись к стене.

— Он ушел, — успокоил их я. — Бояться пока нечего.

Юдифь рассказала сестре Магдалине о наших проблемах, и мы вместе обсудили их. Магдалина настойчиво советовала пока ничего не предпринимать.

— Я отвечаю за очищение Юдифь, — сказала она. — Я смогу растянуть очищение еще на неделю, и только после этого она снова будет тянуть жребий.

Я сказал:

— Необходимо что-то сделать до этого.

Юдифь, переложив свои беды на плечи Магдалины, заметно успокоилась.

— Не волнуйся, Джон, — сказала она. — Может быть, жребий и не выпадет на меня в первый же день. Мы должны слушаться умного совета.

Сестра Магдалина презрительно фыркнула:

— Ты совершенно не права, Джюди. Как только ты вернешься, жребий падет на тебя немедленно, вне всякой очереди... — Она замолчала и прислушалась. — Ш-ш-ш, замрите. — И она бесшумно выскользнула из алькова.

Тонкий луч света вырвал из темноты человека, притаившегося у алькова. Я прыгнул на него раньше, чем он успел выпрямиться. Как ни быстр я был, сестра Магдалина опередила меня. Она повисла у него на плечах, он упал, дернулся и замер.

Подбежал Зеб.

— Джон, Магги, — прошептал он громко. — Что произошло?

— Мы поймали шпиона, Зеб, — сказал я быстро. — Что с ним делать?

Зеб зажег фонарик.

— Вы стукнули его?

— Он не придет в себя, — ответил спокойный голос Магдалины из темноты. — Я вогнала ему виброкинжал между лопаток.

— Ну и ну!

— Зеб, я вынуждена была это сделать. Благодарю Бога, что я не воспользовалась обычным ножом — а то весь пол был бы в крови.

Зеб тихо выругал ее, но Магдалина не ответила ни слова.

— Переверни его, Джон. Посмотрим, кто это.

Я повиновался, и луч фонарика уперся в лицо шпиона.

— Так, да ведь это Снотти Фассет.

Зеб замолчал, и мне показалось, что я слышу его мысли: «Его-то мы оплакивать не будем».

— Ну, Зеб?

— Встань у портала. Если кто-нибудь подойдет — я проверяю коридор. Надо от него отделаться.

Юдифь нарушила тишину:

— Выше этажом есть мусоросжигатель. Я вам помогу.

— Молодец, девочка. Иди, Джон.

Я хотел возразить, мол, это не женское дело, но понял, что меня никто не будет слушать, и пошел к выходу. Зеб взял труп за плечи, женщины — за ноги и унесли. Они вернулись через несколько минут, которые показались мне вечностью. Без сомнения, тело Снотти превратилось в атомы прежде, чем они вернулись, — может быть, нас и не поймают. Правда, мне это не казалось убийством, да и сейчас не кажется. Обстоятельства были сильнее нас.

Зеб был краток:

— С этим покончено. Нас сменят через десять минут. Нам надо обо всем договориться раньше, чем появятся Ангелы...

Наши предложения были непрактичны и даже в этой обстановке нелепы, но Зеб выслушал всех, а затем сказал:

— Слушайте. Теперь дело уже не только в том, чтобы помочь Юдифь. Как только обнаружат, что Снотти пропал, все мы — все четверо, окажемся под смертельной опасностью допроса. Понятно?

— Понятно, — сказал я.

— И ни у кого нет плана?

Никто не ответил. Зеб продолжал:

— Тогда нам надо просить помощи. И есть только одно место, откуда мы можем ее получить. Это Каббала.

3

— Каббала? — повторил я тупо.

Юдифь ахнула от ужаса.

— Как же так... Это значит — продать наши бессмертные души! Они же поклоняются сатане!

Зеб обернулся к ней:

— Я в это не верю.

Юдифь посмотрела на него со страхом:

— Вы — каббалист?

— Нет.

— Так откуда вы знаете?

— И как, — добавил я, — обратиться к ним за помощью?

Ответила Магдалина:

— Я член подполья. Зебадия об этом знает.

Юдифь отшатнулась от нее, но Магдалина продолжала:

— Послушай, Юдифь. Я понимаю, что ты чувствуешь. И когда-то я тоже была потрясена самой мыслью о том, что кто-то смеет противоречить Церкви. Но потом я узнала — как узнаешь ты, — что на самом деле скрывается за фальшивкой, в которую нас заставляют верить. — Она взяла девушку за руку. — Мы не поклоняемся дьяволу, моя милая. Мы и не воюем против Бога. Мы боремся с Пророком, который делает вид, что представляет Бога на земле. Иди с нами, помогай нам, борись вместе с нами — и мы тоже поможем тебе. В ином случае мы не можем рисковать.

Юдифь всматривалась в ее лицо при неверном слабом свете, пробивавшемся от портала.

— Ты можешь поклясться, что это правда? Что Каббала борется против Пророка, а не против Бога?

— Я клянусь, Юдифь.

Юдифь глубоко вздохнула.

— Просвети меня, Господь, — прошептала она. — Я иду к Каббале.

Магдалина быстро поцеловала ее и затем обернулась к нам:

— Ну?

Я ответил сразу:

— Если Юдифь согласна, то и я согласен. — И про себя подумал: «Боже, прости мне нарушение присяги. Я должен так поступить».

Магдалина смотрела на Зеба. Он неловко помялся и сказал со злостью:

— Я сам это предложил, правда? Но все мы идиоты, и инквизитор переломает нам кости.

На следующее утро я проснулся, проведя ночь в страшных снах, в которых действовал инквизитор, и услышал, как в ванной весело жужжит бритва Зеба. Он вошел в комнату, стянул с меня одеяло, болтая о всякой чепухе. Я ненавижу, когда с меня стаскивают одеяло, даже когда я себя хорошо чувствую, и ненавижу веселье перед завтраком. Я снова натянул одеяло и попытался не обращать внимания на Зеба, но он схватил меня за руку.

— Вставай, старина! Господь выпустил солнце на небеса, а ты его не видишь. День прекрасен! Как насчет того, чтобы пробежаться вокруг Дворца, а потом под холодный душ?

Я попытался вырвать у него руку и охарактеризовал его словами, которые, без сомнения, снизили мне отметку за набожность, если Ухо услышало их. Он не отпускал моей руки, и палец его нервно нажимал мне на ладонь. Я забеспокоился, не свихнулся ли Зеб от напряжения вчерашней ночи. И тут понял, что он говорит со мной азбукой Морзе.

— *Будь естественным*, — сказали мне точки и тире. — *Не удивляйся нас вызовут на проверку во время отдыха после обеда.*

Я надеюсь, что не высказал удивления. Я даже умудрился отвечать что-то на поток чепухи, которую он нес, передавая мне послание. Потом я поднялся и с отвращением проделал все процедуры подготовки собственного тела к наступившему дню. Я даже улучил момент, положил руку ему на плечо и отстукал ответ: *Хорошо понял.*

День оказался тягучим и нервным. Я ошибся на утреннем смотре, чего со мной не случилось с училища. Когда занятия кончились, я вернулся в комнату и обнаружил, что Зеб, положив ноги на кондиционер, трудится над кроссвордом в «Нью-Йорк Таймс».

— Джонни, мой барашек, — сказал он, обернувшись ко мне. — Подскажи мне, что это может значить — «чистый сердцем» из шести букв, начинается с «п»?

— Тебе этого знать не надо, — проворчал я и сел, чтобы снять амуницию.

— Так ты, Джонни, полагаешь, что я не заслужу вечного блаженства?

— Может, и заслужишь, но сначала просидишь тысячу лет в чистилище.

В дверь постучали, и вошел Тимоти Клайс, старший легат. Он чихнул и сказал:

— Ребята, не желаете прогуляться?

Я подумал, что худшего времени он не мог выбрать. От Тима отделаться было нелегко, а кроме того, он был самым исполнительным и преданным человеком в час-

ти. Я старался придумать какую-нибудь причину, чтобы отказаться, когда услышал слова Зеба:

— Ничего не имеем против, при условии, если мы заглянем в город. Мне надо кое-чего купить.

Я был сбит с толку ответом Зеба, но все же попытался отговориться какими-то срочными делами. Зeb оборвал меня:

— Бросай свою работу! Я тебе помогу вечером. Пошли.

Мы пошли через нижние туннели. Я думал, что, очевидно, Зeb решил дойти до города, а там отделаться от Клайса и вернуться во Дворец. Мы завернули в узкий проход. Вдруг Клайс поднял руку, как бы желая подчеркнуть слова, с которыми обращался к Зебу. Его рука прошла близко от моего лица, я почувствовал: что-то брызнуло мне в глаза, — и ослеп.

Раньше чем я успел крикнуть, он крепко схватил меня выше локтя. В то же время он продолжал говорить как ни в чем не бывало. Он повел меня налево, хотя, насколько я помнил туннель, поворот здесь был только направо. Однако мы не врезались в стену, и через несколько секунд слепота прошла. Казалось, мы продолжаем идти по тому же туннелю. Тим шагал посередине, держа нас под руки. Он не сказал ни слова. Мы тоже. Наконец он остановился перед дверью, постучал дважды и прислушался.

Я не расслышал, что там сказали, но Клайс ответил:

— Два пилигрима с надежным сопровождением.

Дверь открылась. Он ввел нас внутрь, и мы увидели вооруженного часового в маске с пистолетом, направленным на нас. Он протянул свободную руку назад и постучал во внутреннюю дверь. Оттуда сразу вышел еще один человек в маске. Он по очереди спросил меня и Зеба:

— Желаете ли вы заявить со всей ответственностью, что вы пришли сюда не по просьбе друзей, не по корыстным мотивам, что вы честно и добровольно предлагаете себя в наше распоряжение?

Каждый из нас ответил «да».

— Оденьте и подготовьте их.

На головы нам были надеты кожаные шлемы, которые застегивались под подбородком и оставляли от-

крытыми только рот и нос. Затем нам приказали раздеться. Я быстро терял энтузиазм — ничто так не обезоруживает мужчину, как необходимость снять штаны. Затем я почувствовал укол шприца, и сразу, хоть я и не спал, все вокруг мне стало казаться нереальным. Я почувствовал прикосновение чего-то холодного к спине и понял, что это виброкинжал. Достаточно кому-то за моей спиной нажать кнопку, и я буду так же мертв, как Снотти Фассет, но это меня не испугало. Затем последовали вопросы, много вопросов, на которые я отвечал автоматически, неспособный ко лжи или увиливанию, даже если бы я хотел этого. Я помню только обрывки из этого разговора.

Затем я долго стоял, дрожа на холодном полу, а вокруг шел горячий спор. Он имел прямое отношение к действительным мотивам моего появления здесь. Затем в дебаты вступил низкий женский голос, и я узнал сестру Магдалину. Она говорила что-то в мою пользу, но что — я не разобрал. Мне просто нравился ее голос как прикосновение чего-то дружеского. Наконец ощущение холода от прижатого к ребрам виброкинжала исчезло, и я опять почувствовал укол шприца. Он быстро вернул меня к реальности. Шлем был снят с головы.

Нет смысла рассказывать о дальнейших инструкциях и порядке приема в группу нового члена. В процедуре была какая-то торжественная красота и никакого следа богохульства или поклонения дьяволу, в котором их обвиняли распространенные сплетни.

Но я должен упомянуть об одной детали, которая меня удивила больше, чем что бы то ни было другое. Когда они сняли с меня шлем, я увидел стоящего передо мной в полной форме с выражением торжественности на круглом лице капитана Питера Ван Эйка, нашего толстого офицера. Он был здесь главный!

После заседания мы собрались на военный совет. Мне сказали, что решено не посвящать Юдифь в тайны подполья. Ее переправят в Мексику, и лучше ей не знать секретов, которые ей знать ни к чему. Но Зеб и я, будучи членами дворцовой стражи, могли принести пользу. И нас приняли.

Юдифь уже получила гипнотическое внушение, которое позволит ей забыть то небольшое, что она знала,

так что, если она даже попадет на допрос, она ничего не скажет. Мне велели ждать и не волноваться. Старшие братья сделают так, что она будет в безопасности раньше, чем придет ее очередь тянуть жребий. Мне пришлось удовлетвориться этим объяснением.

Три дня подряд мы с Зебом являлись сюда после обеда за инструкциями, и каждый раз нас проводили новым путем с новыми предосторожностями. Совершенно ясно, что архитектор, проектировавший Дворец, был один из них. Громадное здание заключало в себе ловушки: двери и проходы, явно не зарегистрированные ни на одном официальном плане.

Через три дня мы стали полноправными членами подполья. Такая поспешность объяснялась только серьезностью обстановки. Попытки впитать все, что мне говорили, почти полностью истощили мой мозг. Мне пришлось потрудиться больше, чем когда-либо в школе или училище.

Меня тревожило то, что мы не слышали ни слова об исчезновении Снотти Фассета. Это было подозрительно, настораживало больше, чем тщательное расследование. Офицер безопасности не может пропасть незаметно. Конечно, оставалась слабая надежда на то, что Снотти столкнулся с нами, выполняя поручение, о котором он не должен был каждый день рапортовать своему шефу. Но все-таки, вероятнее всего, он оказался у алькова потому, что следил за кем-нибудь из нас. Если так, то все это значило, что начальник службы безопасности продолжал следить за нами, в то время как психотехники тщательно анализировали наше поведение. В этом случае наши ежедневные отлучки после обеда, несомненно, были занесены в соответствующую графу.

Я бы никогда над этим не задумался и чувствовал бы только облегчение от того, что за мной не следят, если бы этот факт не обсуждался с тревогой в подполье. Я даже не знал, как зовут блюстителя морали и где находится управление безопасности, да мне и не положено было это знать. Я знал, что он существует и что докладывает непосредственно Великому Инквизитору или даже самому Пророку, но и только. Я обнаружил, что мои товарищи, несмотря на почти невероятную

осведомленность Каббалы о жизни Дворца и Храма, знали немногим больше, чем я сам, о работе безопасности: у нас не было ни одного человека среди блюстителей. Причина была простая. Подполье было так же осторожно в отборе людей, как и служба безопасности в отборе своих сотрудников. Блюститель никогда не примет в свои ряды человека, которого могут привлечь идеалы Каббалы. Мои братья никогда не пропустили бы такого человека, как, скажем, Снотти Фассет.

Было решено, что на четвертый день мы не пойдем в туннель, а будем находиться в таких местах, где обязательно будем замечены.

Я сидел в общей комнате, читая журналы, когда вошел Тимоти Клайс. Он взглянул на меня, кивнул и начал не спеша просматривать кипу журналов. Наконец он сказал:

— Эти ископаемые издания, наверное, попали сюда из приемной дантиста. Ребята, никто не видел последнего «Тайма»?

Слова его были обращены ко всем находившимся в комнате. Никто не ответил. Тогда он обернулся ко мне:

— Джек, я думаю, ты сидишь на нем. Поднимись на минутку.

Я ругнулся, но привстал. Он нагнулся ко мне, чтобы взять журнал, и прошептал: «Доложись Мастеру».

Кое-чему я уже научился, так что продолжал некоторое время читать как ни в чем не бывало. Потом отложил журнал, потянулся, зевнул, поднялся и направился в коридор. Через некоторое время я входил в подземное убежище. Зеб был уже там и кроме него несколько членов группы. Они окружили Питера и Магдалину. В комнате чувствовалось напряжение.

— Вы посылали за мной?

Питер взглянул на меня и кивнул Магдалине. Та сказала:

— Юдифь арестована.

Мои колени ослабли, я с трудом устоял на ногах. Я не очень нежен, но удар по близким и любимым — удар самый жестокий.

— Инквизиция? — с трудом выговорил я.

В глазах Питера я увидел жалость.

— Мы так полагаем. Они забрали ее утром, и с тех пор с ней не удалось связаться.

— Предъявлены обвинения? — спросил Зеб.

— Официально нет.

— Та-ак. Плохо.

— И плохо и хорошо, — не согласился с ним Ван Эйк. — Если это касается того, о чем мы думаем, — Фассета, у них есть все основания полагать, что она виновата не больше вас. И тогда арестовали бы всех четверых. По крайней мере, обычно они делают так.

— Но что дальше? — спросил я.

Ван Эйк не ответил. Магдалина сказала, стараясь меня успокоить:

— Сейчас мы ничего сделать не сможем. Нам не пройти всех дверей, которые к ней ведут.

— Но не можем же мы сидеть и ничего не предпринимать?

Питер сказал:

— Спокойно, сынок. Магги — единственная из всех нас может проникнуть во внутренние покои дворца. Придется довериться ей.

Я снова к ней повернулся. Она вздохнула и сказала:

— Да, но вряд ли я смогу сделать много.

И она ушла.

Мы ждали. Зеб предложил, чтобы мы с ним вернулись и продолжали «быть на виду», но, к моему облегчению, Ван Эйк запретил.

— Мы не совсем уверены, что гипнотическая защита сестры Юдифь достаточна и она выдержит испытание. К счастью, она может выдать только вас двоих и сестру Магдалину, и потому я хочу, чтобы вы оставались в безопасности, пока Магдалина не выяснит все, что сможет.

Я почти выкрикнул:

— Юдифь нас никогда не выдаст!

Он печально покачал головой:

— Сынок, любой человек может выдать всех на допросе, если он не подвергся предварительно гипнотической защите.

Я не смотрел на Зеба, погруженный в собственные эгоистические мысли. Он удивил меня, заявив гневно:

— Мастер, вы держите нас здесь, как наседка цып-лят, а в то же время послали Магги сунуть голову в мышеловку. А что, если Юдифь сломлена? Они же сразу схватят Магдалину!

Ван Эйк кивнул:

— Разумеется. Но это наш единственный шанс. У нас нет другого лазутчика. Но они ее не арестуют — она раньше покончит с собой.

Его заявление меня не потрясло. Я был слишком погружен в мысли о Юдифь. Но Зеб возмутился:

— Скотина! Вы не смели ее посылать!

Ван Эйк ответил мягко:

— Вспомни о дисциплине, сынок. Возьми себя в руки. Мы на войне, и она — солдат.

Он отвернулся.

Итак, мы ждали... и ждали... и ждали. Трудно понять кому-нибудь, кто не жил под тенью инквизиции, каково нам было ждать. Мы не знали деталей, но нам приходилось видеть людей, которые имели несчастье выжить после допроса. Если даже инквизиторы не требовали аутодафе, разум жертвы был обычно поврежден или даже полностью разрушен.

Наконец Питер приказал одному из офицеров проэкзаменовывать нас в том, что мы заучили вчера. Мы с Зебом тупо делали все, что от нас требовали, но только сверхчеловеческие усилия преподавателя заставляли нас сосредоточиться. Так прошло почти два часа.

Наконец в дверь постучали, и Тайлер впустил Магдалину. Я вскочил и бросился к ней.

— Ну? — требовал я. — Ну?

— Спокойствие, Джон, — ответила она устало. — Я ее видела.

— Ну и как она?

— Она себя чувствует лучше, чем можно было ожидать. Разум ее не тронут, и она, очевидно, еще никого не выдала. А что касается остального, — может, останется шрам или два. Но она молода и здорова, она оправится.

Я начал было требовать подробностей, но капитан оборвал меня.

— Значит, они уже начали допрос. Если так, то как же тебе удалось ее увидеть?

— Да так, — и Магдалина пожала плечами, будто именно это и не стоило упоминания. — Инквизитор, который ведет следствие, оказался моим знакомым. Мы условились обменяться любезностями.

Зеб хотел вмешаться, но Ван Эйк крикнул:

— Молчать! — И затем добавил резко: — Значит, Великий Инквизитор препоручил допрос другому и сам им заниматься не стал! В таком случае я полагаю, что арест не связан с Каббалой.

Магги покачала головой:

— Не знаю. Ясно одно: Юдифь лишилась чувств в самом начале допроса. Они даже не успели заняться ею как следует. Я умолила прервать допрос под предлогом, что ей необходимо окрепнуть. Они примутся за нее снова с раннего утра.

Ван Эйк постучал кулаком по ладони.

— Они не должны начать снова — мы не можем этим рисковать. Старший офицер, останьтесь. Остальные все идите. Кроме тебя, Магги.

Я ушел с чувством, будто не сказал чего-то важного. Я хотел сказать Магги, что она может использовать меня в качестве подстилки у двери в любой момент, когда ей этого захочется. Достаточно будет шевельнуть пальцем.

Ужин в тот день казался мне пыткой. Когда капеллан выбрался наконец из молитвенных дебрей, я попытался есть и даже присоединился к общей болтовне, но мне все время казалось, что горло мое перехвачено стальным кольцом, которое мешает глотать. Рядом со мной сидел Хвала-Богу Биирпе, наполовину шотландец, наполовину индеец. Хвала учился со мной на одном курсе, но никогда не был моим товарищем; мы редко разговаривали, и в этот вечер он был, как всегда, молчалив и тактичен.

Во время ужина он наступил мне на сапог. Я с раздражением отдернул ногу. Но вскоре снова почувствовал прикосновение его сапога. Он принялся выстукивать:

— *Голову выше ты был выбран сегодня ночью во время твоего поста дотали позже поешь и принимайся разговаривать захвати клейкую ленту с собой на пост шесть дюймов на фут повтори.*

Я кое-как выстукал «понимаю», продолжая делать вид, что ем.

4

Мы заступили на пост в полночь. Как только разводящий отошел, я рассказал Зебу все, что узнал от Хвалы, и спросил, знает ли он что-нибудь еще. Он не знал. Я хотел поговорить, но он оборвал меня. Мне показалось, что он нервничает даже больше, чем я.

Так что я встал на пост и постарался выглядеть бдительным и бодрым. Мы стояли на северном конце западного укрепления. Тут же находился один из входов во Дворец. Прошел час, и я уловил движение в дверях. Это была женщина. Она была ростом ниже Магдалины, и я так никогда и не узнал, кто была та, что протянула мне клочок бумаги и исчезла снова в коридоре.

Я подошел к Зебу.

— Что делать? Прочесть с фонариком? Это рискованно.

— Разверни ее.

Я развернул записку и обнаружил, что надпись светится в темноте. Я мог прочесть ее, но для Глаза свет ее был слишком слаб, чтобы он мог что-либо различить.

«В середине дежурства, в момент, когда пробьют часы, войдите во Дворец через дверь, из которой вы получили эту записку. Через сорок шагов будет лестница налево. Поднимитесь на два пролета. Пройдите еще пятьдесят шагов по коридору на север. Освещенный коридор направо ведет к кельям девственниц. У дверей будет стоять часовая. Он не будет сопротивляться, но вы должны взорвать парализующую бомбу, чтобы у него было алиби. Келья, которая вам нужна, находится в дальнем конце центрального коридора, идущего с запада на восток. Над дверью горит свет, и у дверей сторожит дежурная девственница. Она не из наших. Вы должны нейтрализовать ее, но ни в коем случае не убивать и не причинять ей вреда. Заклейте ей рот и глаза лентой и свяжите ее же одеждой. Возьмите ключи, войдите в келью и вынесите сестру Юдифь. Она, возможно, будет без сознания. Принесите ее на пост и передайте дежурному офицеру.

Действуйте быстро, особенно с того момента, как парализуете часового, так как Глаз может заметить вас в освещенном коридоре, и тогда начнется тревога.

Не глотайте записку — чернила ядовиты. Бросьте ее в дезинтегратор на верху лестницы.

Желаем успеха».

Зеб прочел записку через мое плечо.

— Все, что тебе понадобится, — мрачно сказал он, — так это способность творить чудеса. Боишься?

— Да.

— Хочешь, чтобы я пошел с тобой?

— Нет, думаю, нам лучше выполнять все, как приказано.

— Да, насколько я знаю нашего Мастера. А кроме того, может случиться, что мне придется кого-нибудь срочно пристукнуть, пока тебя не будет. Я буду прикрывать тыл.

— Правильно.

— Ну, теперь давай помолчим и вернемся на пост.

Как только часы прозвенели середину дежурства, я прислонил к стене копье, снял меч, кирасу и шлем — всю церемониальную чепуху, которую положено было носить, но которая не помогла бы мне в моем деле. Зеб пожал мне руку. И я пошел.

Два, четыре, шесть, сорок шагов. Я пошарил рукой по темной стене и обнаружил вход. Вот и ступеньки! Я уже оказался в той части Дворца, в которой до этого не бывал. Я передвигался в абсолютной темноте, надеясь только на правильность инструкции. Один пролет, второй... Я чуть не грохнулся, наступив на «верхнюю» ступеньку, которой не было.

Где же теперь дезинтегратор? Он должен находиться, как обычно, на уровне пояса на верху лестницы. Я лихорадочно размышлял, не зажечь ли свет, когда неожиданно нащупал крышку и замок. Со вздохом облегчения я выкинул улику, которая могла подвести столько людей. Я уже было отошел, как вдруг меня охватила паника. Действительно ли это дезинтегратор? Может быть, грузовой лифт? Я снова нащупал в темноте задвижку и сунул внутрь руку. Руку прожгло даже сквозь перчатку. Я с облегчением выдернул ее и дал себе слово доверяться инструкции. Но через сорок шагов

коридор раздвоился, о чем в инструкции не было ни слова. Я присмотрелся. И тут увидел в шагах двадцати слабо освещенный проем и стражника перед ним. Стражник был один из наших, но я решил не рисковать. Я достал парализующую бомбу, поставил указатель на минимум, сорвал кольцо и подождал пять секунд. Потом кинул ее и нырнул за угол.

Подождав еще пять секунд, я высунул голову из-за угла. Охранник лежал на полу, и из царапины на лбу — видно его задело осколком оболочки бомбы — сочилась кровь. Я бросился вперед, перешагнул через него, стараясь одновременно и бежать, и казаться неспешно идущим. Центральный коридор общежития девственников был слабо освещен, только синие лампы горели под потолком. Я достиг конца коридора и замер. Сестра, которая должна была ходить у двери дозором, сидела на полу, прислонившись к двери спиной.

Может быть, она задремала, потому что подняла голову не сразу. Но когда она увидела меня, то мне ничего не оставалось, как броситься к ней и зажать ей рот перчаткой. Я несильно ударил ее по шее ребром ладони, и она обмякла.

Сначала половину клейкой ленты на рот, потом столько же на глаза, затем сорвать плащ, чтобы связать ее им, — и быстрее, быстрее, быстрее, потому что чиновник Безопасности мог уже получить сигнал от Глаза над лежащим без чувств часовым. Я нашел ключи на цепочке, обвязанной вокруг ее кисти, и поднялся, мысленно прося у нее прощения. Она казалась похожей на ребенка и была даже беспомощнее, чем Юдифь.

Но долго размышлять об этом я не мог. Я нашел нужный мне ключ, открыл дверь — и моя любимая оказалась у меня на руках.

Она спала глубоким сном и застонала, когда я ее поднял, но не проснулась. Халат ее распахнулся, и я увидел, что они с ней сделали. Я поклялся самой страшной клятвой отплатить за все семижды, если тот, кто виноват в этом, сможет выдержать.

Стражник лежал там же, где я его оставил. Я уже было решил, что мне удалось провести всю операцию, никого не разбудив и не встревожив, как услышал

сдавленный крик из коридора позади. Почему это женщинам не спится по ночам?

Я не мог заставить ее замолчать, я просто побежал. Завернув за угол, я оказался в темноте, пробежал мимо лестницы, и мне пришлось возвращаться и нащупывать ее, потом ощупью спускаться по ступенькам. Сзади раздавались крики и женский визг.

В тот момент, когда я добежал до выхода из Дворца, и, обернувшись, увидел черный портал, всюду зажегся свет и зазвучали сигналы тревоги. Я пробежал еще несколько шагов и почти упал на руки капитана Ван Эйка. Он, не говоря ни слова, взял Юдифь на руки и тут же пропал за углом Дворца.

Я стоял и, ничего еще не соображая, смотрел ему вслед, когда Зеб вернул меня к реальности, притащив мою амуницию.

— Одевайся! — прошипел он. — Тревога для нас! Ты обязан охранять Дворец.

Он помог мне привязать ножны, надеть кирасу и шлем, а потом сунул в руку копьё. Затем мы стали спина к спине у портала, вытащили из кобур пистолеты и спустили предохранители, как и было положено по уставу. В ожидании дальнейших указаний мы не имели права двинуться, так как тревога началась не на нашем посту.

Несколько минут мы стояли как статуи. Слышали звуки шагов, голоса. Кто-то из старших офицеров пробежал мимо нас во Дворец, натягивая на ходу кирасу поверх пижамы. Я чуть было не застрелил его, прежде чем он успел назвать пароль. Потом мимо пробежали Ангелы из резерва во главе с разводящим.

Мало-помалу суматоха стихла. Свет продолжал гореть, но кто-то догадался выключить сирены. Зеб решил прошептать:

— Что случилось, черт возьми? Все в порядке?

— И да и нет, — ответил я и рассказал о беспокойной сестре.

— Да-а-а! Это научит тебя не заигрывать с сестрами, когда находишься при исполнении служебных обязанностей.

— Я не заигрывал. Она просто выскочила из своей кельи.

— Я не имел в виду сегодняшнюю ночь, — сказал Зеб.

Я замолчал.

Через полчаса, задолго до конца смены, мимо нас снова промаршировал резерв. Разводящий остановил его, и нас сменили. Мы зашагали к кордегардии, оставиваясь еще два раза на пути, чтобы сменить другие караулы.

5

Нас построили в зале и продержали по стойке «смирно» пятьдесят бесконечных минут, тогда как дежурный офицер прогуливался перед строем и рассматривал нас. Один из легатов во втором ряду переступил с ноги на ногу. На это никто бы не обратил внимания на смотре, даже в присутствии самого Пророка, но сейчас командир приказал капитану Ван Эйку записать его имя.

Капитан Питер был разгневан точно так же, как и его начальник. Он тоже придирался ко всему и даже остановился передо мной и приказал дать мне наряд вне очереди за то, что сапоги мои плохо блестели. Это была наглая ложь, если, конечно, я не замарал их во время своих походов. Но я не осмелился опустить глаза и проверить, так ли это, и не отрывал взгляда от холодных глаз капитана.

Его поведение напомнило мне слова Зеба об интриге. Ван Эйк вел себя так, как должен вести офицер, которого подвели подчиненные. Как бы я себя сейчас чувствовал, если бы ничего не знал?

Злым, решил я. Злым и несправедливо обиженным. Сначала заинтересовался бы событиями, а затем разозлился бы за то, что меня заставляют стоять по стойке «смирно», как плебея. Они хотели взять нас на выдержку. А как бы я думал об этом, скажем, два месяца назад? Я был бы уверен в своей чистоте и, естественно, унижен и оскорблен — ждать, как пария в очереди за продовольственной карточкой! Как мальчишка-кадет!

Через час, к тому времени, когда прибыл командующий охраной, я довел себя до белого каления. Довел

я себя искусственно, но эмоции были самые настоящие.

Командующего я не любил никогда. Это был низенький человечек с холодными глазами, и он имел привычку смотреть сквозь младших офицеров, вместо того чтобы смотреть на них. И вот он стоит перед нами в распахнутой сутане, положив руки на рукоять меча.

— Помоги мне, Боже. И это Ангелы Господа! — произнес он мягко в полной тишине и затем выкрикнул: — Ну!

Никто не ответил.

— Молчите? — кричал он. — Кое-кто из вас об этом знает. Отвечайте! Или вас всех на допрос отослать?

По рядам пробежал гул, но никто так и не заговорил. Он снова окинул нас взглядом. Встретился с моими глазами. Я не отвел их.

— Лайл!

— Слушаюсь, достопочтенный сэръ.

— Что ты об этом знаешь?

— Я знаю только, что хотел бы присесть, достопочтенный сэръ.

Он зарычал на меня, но потом в зрачках его зажглась холодная ирония:

— Лучше стоять передо мной, сын мой, чем сидеть перед Инквизитором.

Он отвернулся от меня и подошел к следующему легату.

Он терзал нас до бесконечности, но ни я, ни Зеб не пользовались его особым вниманием. Наконец он сдался и приказал разойтись. Я понимал, что это не конец. Несомненно, каждое произнесенное здесь слово было зафиксировано, каждое выражение лица снято на пленку, и в то время, как мы возвращаемся в свои комнаты, данные уже изучаются аналитиками.

Зеб меня восхитил. Он болтал о ночных событиях, рассуждая о том, что могло вызвать такой переполох. Я старался отвечать ему естественно и всю дорогу ворчал о том, что с нами недостойно обращались.

— В конце концов, мы офицеры и джентльмены, — говорил я. — Если они думают, что мы в чем-то виноваты, пусть представят формальные обвинения.

Не переставая ворчать, я добрался до постели, закрыл глаза, но заснуть не мог. Я старался убедить себя, что Юдифь уже в безопасности, а то бы они не темнили так...

Я почувствовал, как кто-то дотронулся до меня, и сразу проснулся. Но тут же успокоился, узнав знакомое условное пожатие.

— Тихо, — прошептал голос, которого я не узнал. — Я должен тебя предохранить.

Я почувствовал укол. Через несколько минут меня охватила апатия. Голос прошептал:

— Ничего особенного ночью ты не видел. До тревоги ты не заметил ничего подозрительного...

Не помню, долго ли звучал голос.

Второй раз я проснулся от того, что кто-то грубо тряс меня. Я зарыл лицо в подушку и проворчал:

— Катись к черту, я лучше опоздаю к завтраку.

Меня ударили между лопаток. Я повернулся и сел, все еще не совсем проснувшись. В комнате находилось четверо вооруженных мужчин. На меня смотрели дула пистолетов.

— Вставай!

Они были в форме Ангелов, но без знаков различия. Головы были покрыты черными капюшонами с прорезями для глаз. И по этим капюшонам я их узнал: служители Великого Инквизитора.

Я, честно говоря, не думал, что это может произойти со мной. Нет, только не со мной, не с Джонни Лайлом, который всегда хорошо себя вел, был лучшим учеником в церковной школе и гордостью своей матери. Нет! Инквизиция бич, но бич для грешников, не для Джона Лайла.

И в то же время, увидев эти капюшоны, я уже знал, что я — мертвец, если все это не кошмар и я сейчас не проснусь.

Нет, я еще не был мертв. Я даже набрался смелости притвориться оскорбленным.

— Что вы здесь делаете?

— Вставай, — повторил безликий голос.

— Покажите ордер. Вы не имеете права вытащить офицера из постели, если вам пришло в голову...

Главный покачал пистолетом перед моим носом. Двое других схватили меня под руки и стащили на пол, четвертый подталкивал сзади. Но я не мальчик, и силы мне не занимать. Им пришлось со мной повозиться, в то время как я продолжал говорить:

— Вы обязаны дать мне одеться, по крайней мере. Какая бы ни была спешка, вы не имеете права тащить меня голым по Дворцу. Мое право ходить в форме.

К моему удивлению, речь возымела действие на главного. Он остановил помощника знаком:

— Ладно. Только быстро.

Я тянул время как мог, стараясь изобразить спешащего человека: сломал молнию на сапоге, не попадал крючками в петли. Как бы оставить знак Зебу? Любой знак, который показал бы, что со мной случилось.

Наконец я понял, что надо сделать. Это был не лучший выход, но другого у меня не было. Я вытащил из шкафа кучу одежды. Заодно вынул и свитер. Выбирая рубашку, я сложил свитер так, что рукава легли в положение, означающее знак бедствия. Затем я подобрал ненужную одежду и сделал вид, что хочу засунуть ее обратно в шкаф. Главный тут же ткнул мне в ребра пистолет и сказал:

— Нечего. Уже оделся.

Я подчинился, бросив остальную одежду на пол. Свитер остался лежать посреди комнаты как символ, понятный каждому, кто мог прочесть его. Когда меня уводили, я молился, чтобы уборщик не пришел прежде, чем в комнату заглянет Зеб.

Они завязали мне глаза, как только мы вошли во внутренние покои. Мы спустились на шесть пролетов вниз и достигли помещения, наполненного сдавленной тишиной сейфа или бомбоубежища. С глаз сняли повязку. Я зажмурился.

— Садись, сын мой, садись и чувствуй себя как дома.

Я понял, что нахожусь лицом к лицу с самим Великим Инквизитором, увидел его добрую улыбку и добрые собачьи глаза.

Мягкий голос продолжал:

— Прости, что тебя так грубо подняли из теплой постельки, но святой Церкви нужна срочная информа-

ция. Скажи мне, сын мой, боишься ли ты Господа? О, разумеется, боишься. Твое благочестие мне известно. Так что ты не откажешься помочь мне разобраться в маленьком деле, прежде чем вернешься к завтраку. И сделаешь это к дальнейшему процветанию Господа.

Он обернулся к одетому в длинный черный плащ и маску помощнику и сказал:

— Подготовьте его. Только, ради Бога, не причините ему страданий.

Со мной обращались быстро, грубо, но в самом деле не причинили боли. Они вертели меня как нечто неживое. Они раздели меня до пояса, приладили ко мне электроды и провода, обернули правую руку резиновой полосой, привязали меня к креслу и даже прикрепили миниатюрное зеркальце к горлу. У пульта управления один из них проверил напряжение и работу приборов.

Я отвернулся от пульта и постарался припомнить таблицу логарифмов от одного до десяти.

— Понимаешь ли ты наши методы, сын мой? Эффективность и доброта — вот что их отличает. Теперь скажи мне, милый, куда вы ее дели?

К тому времени я добрался до логарифма восьми.

— Кого?

— Зачем ты это сделал?

— Простите, ваше преосвященство. Я не понимаю, что я должен был сделать?

Кто-то сильно ударил меня сзади. Приборы на пульте дернули стрелками, и Инквизитор внимательно присмотрелся к их показаниям. Затем сказал помощнику: «Сделайте укол».

Опять шприц. Они дали мне отдохнуть, пока средство не подействовало. Я провел это время, стараясь вспомнить таблицу логарифмов дальше. Но вскоре это стало трудно делать, меня охватило дремотное равнодушное состояние. Я чувствовал детское любопытство по отношению к моему окружению; но страха не было. Затем в мой мирок ворвался с вопросом голос Инквизитора. Я не помню, что он спрашивал, но наверняка я отвечал первыми попавшимися словами.

Не знаю, как долго это продолжалось. В конце концов они вернули меня к реальности еще одним

уколом. Инквизитор внимательно изучал красную точку на моей правой руке. Он посмотрел на меня:

— Откуда это у тебя, мой мальчик?

— Не знаю, ваше преосвященство.

В ту минуту это была правда.

Он сокрушенно покачал головой:

— Не будь наивным, сын мой, и не думай, что я наивен. Разреши, я объясню тебе кое-что. Вы, грешники, не всегда сознаете, что в конце концов Господь всегда побеждает. Всегда. Наши методы основаны на любви и доброте, но они действуют с обязательностью падающего камня, и результат нам всегда известен заранее. Сначала мы беседуем с самим грешником и просим его добровольно отдаться в руки Господа, рассказать нам все, руководствуясь остатками добра, сохранившимися в его сердце. Когда наш призыв к доброте не находит отклика в ожесточившемся сердце, как это случилось с тобой, мой мальчик, мы пользуемся знаниями, которые вручил нам Господь, чтобы проникать в подсознание. Обычно дальше этого допрос не идет, за исключением тех редких случаев, когда слуга сатаны встретился с грешником раньше, чем мы, и вмешался в святая святых — в мозг человека. Итак, сын мой, я сейчас вернулся из прогулки по твоему разуму. Я обнаружил в нем много такого, что наказуется. Но я обнаружил там также стену, воздвигнутую каким-то другим грешником, и вынужден признать, что сведения, необходимые Церкви, скрываются за этой стеной.

Возможно, я не уследил за своим лицом, и на нем отразилась радость. Инквизитор улыбнулся печальной и доброй улыбкой и добавил:

— Никакая стена сатаны не остановит Господа. Когда мы обнаруживаем такое препятствие, в нашем распоряжении два выхода. Если у меня достаточно времени, я могу убрать стену мягко, безболезненно и безвредно для упорствующего грешника. Я желал бы, чтобы у меня было достаточно времени, я действительно очень жалею, что у меня нет времени, потому что верю, что ты, Джон Лайл, — хороший мальчик в сердце своем и не принадлежишь к сознательным грешникам. Но хоть время бесконечно, я им сейчас не распо-

лагаю. Есть второй путь. Мы можем презреть дьявольский барьер и ударить по тем частям мозга, которые владеют сознанием. Да поведут нас вперед знамена Господа Бога!

Он отвернулся от меня и сказал:

— Подготовьте его.

Безликие палачи надели мне на голову металлический шлем и сделали что-то с приборами на пульте управления.

— Послушай, Джон Лайл, — сказал Инквизитор. — Я сам занялся тобой, потому что на этой стадии допроса мои помощники порой заменяют искусство усердием и приводят грешника к гибели. Я не хочу, чтобы это случилось с тобой. Ты — заблудший ягненок, и моя цель — спасти тебя.

— Спасибо, ваше преосвященство.

— Не благодари меня, благодари Господа, которому я служу. Однако, — продолжал он, слегка нахмурившись, — прошу тебя учесть, что наступление на разум хоть и необходимо, может оказаться болезненным. Простишь ли ты меня?

Я колебался не больше секунды:

— Я прощаю вас, ваше преосвященство.

Он взглянул на стрелки приборов и добавил сухо:

— Ложь. Но я прощаю тебе эту ложь, ибо она была сказана с благими намерениями.

Он кивнул своим молчаливым помощникам:

— Приступайте.

Свет ослепил меня, и нечто громом взорвалось в ушах. Моя правая нога дернулась от боли и скрючилась. Перехватило горло. Я задыхался. Что-то раскаленное уперлось мне в солнечное сплетение...

— Куда ты ее дел?!

Шум, начавшийся с низких нот, поднимался до тех пор, пока не превратился в тысячу тупых пил...

— Кто тебе помогал?!

Невероятный жар душил меня. И я никуда не мог от него деться.

— Зачем ты это сделал?!

Я мечтал сорвать с себя жгучую кожу, но руки не повиновались мне.

— Где она?!

Свет... звук... боль... жар... конвульсии... падение... свет и боль... холод и жар, звук...

— Любишь ли ты Господа?..

Жгучая жара и боль, трещотки в голове, заставляющие кричать.

— Куда ты ее дел? Кто был с тобой? Сдайся, спаси свою душу!

Боль и беспомощность перед поглощающей темнотой.

Я думаю, что потерял сознание.

Кто-то с размаху бил открытой ладонью по рту.

— Очнись, Джон Лайл, и сознайся! Тебя выдал Зебадия Джонс.

Я ничего не ответил. Не было необходимости симулировать оцепенение, которого я не мог стряхнуть с себя. Но слова были страшны, и мозг мой старался осмыслить их. Зеб, бедный Зеб! Старина Зеб! Бедняга Зеб! Неужели наши не успели создать преграду в его мозгу? Мне и в голову не пришло, что Зеб мог сознаться под пыткой. Я решил, что они умудрились вторгнуться в его подсознание. Умер ли он уже? Я понимал, что во все это втянул его я.

Голова моя дернулась от нового удара.

— Очнись! Слышишь меня? Джонс выдал твои грехи.

— Выдал что? — пробормотал я.

Великий Инквизитор приказал помощникам отойти и наклонил надо мной обеспокоенное доброе лицо.

— Милый сын мой, сделай это для Господа... и для меня. Ты молодец, ты отважно пытался защитить своих товарищей, но они-то тебя предали, и твоя отвага уже никому на свете не нужна. Не надо уходить на тот свет с такой тяжестью. Сознайся, и пусть смерть возьмет тебя, прощенного.

— Вы хотите убить меня?

Он возмутился:

— Я этого не говорил. Я знаю, что смерти ты не боишься. Но тебе следует бояться встречи с Создателем, раз душа твоя так отягощена грехами. Открой наконец свое сердце и сознайся.

Он отвернулся от меня и мягким нежным голосом приказал:

— Продолжайте. На этот раз механическое воздействие. Пока не стоит выжигать его мозг.

Нет смысла рассказывать, что он имел в виду под механическим воздействием. Рассказ мой и так утомителен. Методы Инквизитора немногим отличались от средневековых пыток, разве что он куда лучше знал человеческую анатомию и расположение нервных центров и, надо сказать, мастерски использовал свои знания... Сам Инквизитор и его помощники вели себя так, будто не получали никакого садистского удовольствия от моих страданий. Это придавало их действиям холодную эффективность. Но давайте опустим детали.

Сколько это длилось? Несколько раз я терял сознание, и помню только, холодный поток воды снова и снова лился мне на лицо, приводя меня в чувство, а затем следовал новый кошмар. Не думаю, что я сказал им что-то важное, пока был в сознании, а когда терял его, меня предохраняла гипнотическая защита. Помню, как я старался выдумать грехи, которых никогда не совершал, но не могу вспомнить, что из этого вышло.

Помню еще голос, сказавший:

— Он еще выдержит. Сердце крепкое.

...Я был мертв. И это было приятно. Но наконец очнулся, как будто после очень долгого сна. Я попытался повернуться в постели, но тело меня не слушалось. Я открыл глаза и оглянулся: я лежал на постели в маленькой комнате без окон. Круглолицая молодая женщина в халате медсестры подошла ко мне и пощупала пульс.

— Доброе утро.

— Доброе утро, — ответила она. — Как мы себя чувствуем? Лучше?

— Что случилось? — спросил я. — Все кончилось? Или это только перерыв?

— Тихо, — сказала она. — Вы еще слишком слабы, чтобы разговаривать. Но все кончилось, и вы среди своих.

— Меня спасли?

— Да. Но теперь молчите.

Она подняла мне голову и дала напиток. Я снова заснул.

Прошло несколько дней, пока я оправился и узнал обо всем.

Комната, в которой я очнулся, была частью подвалов Ново-Иерусалимского универмага. Эти подвалы были связаны системой ходов с подземельями Дворца.

Зеб пришел навестить меня, как только мне разрешили принимать гостей. Я постарался приподняться в постели.

— Зеб, дружище, а я думал, что ты мертв.

— Кто? Я? — Он наклонился надо мной и похлопал меня по руке. — С чего ты это решил?

Я рассказал ему о словах Инквизитора. Он рассмеялся.

— Меня даже не успели арестовать. Спасибо тебе. Никогда в жизни больше не назову тебя дураком. Если бы не твоя гениальная догадка разложить на полу свитер, никто из нас не выпутался бы из этого живым. А так, поняв в чем дело, я напрямик направился в комнату Ван Эйка. Он приказал мне спрятаться в подземелье и затем занялся твоим спасением.

Я хотел спросить его, как им это удалось сделать, но мысли мои перескочили на более важную тему.

— Зеб, а как Юдифь? Нельзя ли мне с ней увидеться? А то моя медсестра только улыбается и велит не волноваться.

Он удивился:

— А они тебе не сказали?

— Что? Я никого не видел, кроме сестры и врача, а они обращаются со мной, как с идиотом. Да перестань темнить, Зеб. Что-нибудь случилось? С ней все в порядке? Или нет?

— Все в порядке. Она сейчас в Мексике, мы получили об этом сообщение два дня назад.

Я чуть не расплакался.

— Уехала? Это же нечестно! Почему она не подождала два дня, пока я приду в себя?

Зеб ответил быстро:

— Послушай, дурачок! Нет, извини, я обещал не употреблять этого слова: ты не дурачок. Послушай, старина, у тебя нелады с календарем. Она уехала до того, как тебя спасли, еще когда мы не были уверены,

что спасем тебя. Не думаешь ли ты, что ее вернут только для того, чтобы вы могли поворковать?

Я подумал и успокоился. Он говорил дело, хоть я и был глубоко разочарован. Он переменял тему:

— Как ты себя чувствуешь?

— Замечательно.

— Они сказали, что завтра снимут гипс с ноги.

— А мне об этом ни слова.

Я постарался устроиться поудобнее.

— Больше всего на свете мечтаю выбраться из этого корсета, а доктор говорит, что придется пожить в нем еще несколько недель.

— Как рука? Можешь согнуть пальцы?

Я попытался.

— Более или менее. Пока стану писать левой рукой.

— Во всяком случае, мне кажется, что ты не собираешься умирать, старина. Кстати, если это послужит тебе некоторым облегчением, могу сообщить, что подручных дел мастеришко, который пытал Юдифь, скончался во время операции по твоему спасению.

— В самом деле? Жалко. Я хотел бы оставить его для себя...

— Не сомневаюсь. Но в таком случае тебе пришлось бы стать в длинную очередь. Таких, как ты, немало. Я в том числе.

— Но я-то придумал для него кое-что оригинальное. Я заставил бы его кусать ногти.

— Кусать ногти? — Зеб явно удивился.

— Пока он не обкусал бы их до локтей. Понимаешь?

— Да, — усмехнулся Зеб. — Нельзя сказать, что ты страдаешь избытком воображения. Но он мертв, и нам до него не добраться.

— Ну тогда ему повезло. А почему ты, Зеб, сам до него не добрался?

— Я? Да я даже не участвовал в твоём спасении. Меня к тому времени уже не было во Дворце.

— Как так?

— Не думаешь ли ты, что я все еще исполняю обязанности Ангела?

— Об этом я как-то не подумал.

— Не мог я вернуться после того, как скрылся от ареста. Теперь мы оба дезертиры из армии Соединенных Штатов — и каждый полицейский, каждый почтальон в стране мечтает получить награду за нашу поимку.

Я тихо присвистнул, когда до меня дошло все значение его слов.

6

Я присоединился к Каббале под влиянием момента. Правда, тогда мне было не до долгих рассуждений. Нельзя сказать, что я порвал с Церковью в результате трезвого раздумья.

Конечно, я понимал, что присоединиться к подполью значило порвать все старые связи, но тогда я об этом не задумывался.

А что значило для меня навсегда отказаться от офицерского мундира? Я гордился им, я любил идти по улице, заходить в кафе, магазины и сознавать, что все глаза обращены на меня.

Наконец я выбросил эти мысли из головы. Руки мои оперлись уже на плуг, и лемех вонзился в землю. Пути назад не было. Я выбрал себе дорогу и останусь на ней, пока мы не победим или пока меня не сожгут за измену.

Зеб смотрел на меня испытующе:

— Не понравилось?

— Ничего. Я привыкаю. Просто события разворачиваются слишком быстро.

— Понимаю. Нам придется забыть о пенсии, и теперь неважно, какими по счету мы были в Вест Пойнте. — Он снял с пальца кольцо училища, подкинул его в воздух, а потом сунул в карман. — Надо работать, дружище. Ты, кстати, обнаружишь, что здесь тоже есть военные подразделения. И совсем настоящие. Что касается меня, то мне эта фанаберия надоела, и я рад бы никогда больше не слышать: «Стройся! Равнение на середину!» Но все равно мы будем работать там, где нужно, главное — борьба.

Питер Ван Эйк пришел навестить меня дня через два. Он присел на краешек кровати, сложил руки на брюшке и посмотрел на меня:

— Тебе лучше, сынок?

— Я мог бы подняться, но доктор не разрешает.

— Хорошо, а то у нас людей не хватает. И чем меньше образованный офицер пролежит в госпитале, тем лучше. — Он помолчал, пожевал губами и добавил: — Но, сынок, я ума не приложу, что мне с тобой делать.

— Как так?

— Честно говоря, тебя с самого начала не следовало принимать в организацию: мы не имеем права вмешиваться в сердечные дела. Такие дела нарушают привычные связи и могут привести к скоропалительным и неверным решениям. А уж после того как мы тебя приняли, нам пришлось впутаться в такие авантюры, которых, строго говоря, и быть не должно.

Я ничего не ответил. Нечего было отвечать: капитан был прав. Я почувствовал, что краснею.

— Не вспыхивай, как девушка, — сказал капитан. — Ведь с точки зрения боевого духа нам полезно иногда нападать самим. Но главная проблема — что делать с тобой. Парень ты здоровый, держал себя неплохо, но понимаешь ли ты в самом деле, что мы боремся за свободу и человеческое достоинство? Понимаешь ли вообще, что значат эти слова?

Я ответил, почти не колеблясь:

— Может быть, я и не первый умник, и, право, мне никогда не приходилось размышлять о политике, но я твердо знаю, на чьей я стороне.

Он кивнул головой:

— Этого достаточно. Мы не можем ожидать, что каждый из нас станет Томом Пейном.

— Кем?

— Томасом Пейном. Но ты о нем никогда не слышал, конечно. Когда будет свободное время, почитай о нем, у нас есть библиотека. Очень помогает. Теперь о тебе. Конечно, нетрудно посадить тебя за стол. Твой друг Зеб проводит за ним по шестнадцать часов в день, приводя в порядок наши бумажные дела. Но мне не хочется, чтобы оба вы занимались канцелярщиной. Ска-

жи, что было твоим любимым предметом, твоей специальностью?

— Я еще не специализировался.

— Знаю. Но к чему у тебя были склонности? К прикладным чудесам, к массовой психологии?

— У меня неплохо шли чудеса, но боюсь, что для психодинамики у меня не хватало мозгов. Я любил баллистику.

— К сожалению, у нас нет артиллерии. Мне нужен специалист по пропаганде, но ты не подойдешь.

— Зеб был в нашем выпуске первым по психологии толпы. Начальник училища уговаривал его перевестись в духовную академию.

— Я знаю об этом, и мы стараемся использовать Зеба, но не здесь и не сейчас. Он слишком увлекся сестрой Магдалиной, а я не люблю, когда возлюбленные работают вместе. Влияя друг на друга, партнеры могут исказить объективную картину. Теперь о тебе. Как ты думаешь, а не получился бы из тебя убийца?

Он задал этот вопрос серьезно, но как-то походя. Я с трудом поверил собственным ушам. Меня всегда учили — и я принимал это за аксиому, что убийство — один из страшных грехов, подобный кровосмешению или клятвопреступлению... Я еле заставил себя произнести:

— А братья прибегают... к убийству?

— А почему нет? — Ван Эйк не спускал с меня взгляда. — Интересно, если тебе представится возможность, ты убьешь Великого Инквизитора?

— Разумеется! Но при условии, если это будет честный поединок.

— И ты думаешь, что они когда-нибудь дадут тебе шанс на честный поединок? А теперь давай вернемся в тот день, когда Инквизитор арестовал сестру Юдифь. Представь себе, что у тебя была бы единственная возможность выручить ее — убить Инквизитора ножом в спину. Что бы ты сделал?

Я ответил не колеблясь:

— Я бы его убил!

— И тебе было бы стыдно, ты бы раскаивался?

— Никогда!

— Видишь, как ты заговорил! А ведь Великий Инквизитор не одинок. Есть субъекты и похуже его. Запомни: человек, который жрет мясо, не имеет морального права презирать мясника. Каждый епископ, каждый министр, любой человек, которому выгодна тирания, вплоть до самого Пророка — прямой соучастник всех преступлений, которые совершает инквизиция. Человек, который покрывает грех, потому что это ему выгодно, такой же грешник, как тот, кто этот грех совершил первым. Осознаешь ли ты эту связь?

Может показаться странным, но я все это понял сразу. В конце концов, последние слова мастера не противоречили тому, что говорилось в Писании.

Мастер Питер продолжал:

— Но учти — мы не приемлем возмездия. Возмездие — прерогатива Господа. Я никогда не пошлю тебя убить Инквизитора, ибо этим ты возьмешь на себя право творить возмездие. Мы не соблазняем человека грехом, как приманкой. Но мы ведем войну. Она уже началась. В этой войне мы проводим различного рода операции. Например, мы знаем, что ликвидация вражеского командира в бою важнее, чем разгром целого полка. Так что мы можем отыскать ключевого человека и убрать его. В одной епархии епископ может быть именно такого рода командиром. В соседней он просто марионетка, которую поддерживает система. Мы убьем первого, но поможем второму сохранить свое место. Мы должны лишить их лучших мозгов. Поэтому я спрашиваю, — тут он склонился совсем близко ко мне, — хочешь ли ты быть одним из тех, кто охотится за их командирами? Эти операции для нас крайне важны.

Мне вдруг подумалось, что в последнее время всегда находится кто-то, кто подсовывает мне неприятные факты и заставляет их признавать, тогда как обыкновенные люди всю жизнь занимаются тем, что обходят неприятности, избегают их. По зубам ли мне такое задание? Могу ли я отказаться от него? Как мне показало, мастер Питер дал понять, что убийц набирают из добровольцев — а если я откажусь, легко ли мне будет сознавать, что кто-то другой должен исполнять самую тяжелую работу, а я хочу остаться чистеньким?

Мастер Питер был прав: человек, который покупает мясо, не имеет права презирать мясника — он ему кровный брат... Сколько есть людей, которые ратуют за смертную казнь, но они ужаснутся, если им самим предложат ее совершить. А разве мало тех, кто выступает за войну, но сам дезертирует, потому что боится быть убитым.

Левая рука должна знать, что делает правая! А сердце ответственно за действия обеих рук. И я ответил:

— Мастер Питер. Я готов служить... служить в том качестве, в котором братья решат меня использовать.

— Молодец. — Питер чуть расслабился и продолжал: — Между нами, признаюсь тебе, что работу убийцы я предлагаю каждому новому добровольцу, когда я не уверен, понимает ли он, что мы собрались не для того, чтобы играть в пинг-понг, но ради великого дела, которому каждый из нас должен отдать себя целиком без всяких условий, — он должен быть готов ради дела расстаться со своим имуществом, своей честью и своей жизнью. У нас нет места для тех, кто умеет отдавать приказания, но отказывается чистить нужники.

Счастлирое облегчение овладело мною:

— Значит, вы не всерьез предлагали мне работу убийцы?

— Обычно я не предлагаю серьезно эту работу новобранцам. Уж очень мало на свете людей, пригодных для этого. Но, честно говоря, в твоем случае я был совершенно серьезен, потому что мы уже знаем, что ты обладаешь редчайшими качествами.

Я постарался сообразить, что во мне редчайшего и особенного, но не смог.

— Простите?

— В конце концов тебя на этой работе обязательно поймают. Каждый наш убийца успевает выполнить в среднем три с половиной задания. Это неплохой показатель, но нам желательно его повысить, хотя подходящие исполнители встречаются очень редко. В твоем случае мы знаем, что, когда они тебя поймают и начнут допрашивать, им от тебя ничего не добиться.

Видно, мои чувства отразились на моей физиономии. Опять вопрос? Я до сих пор не слышу на одно ухо.

Мастер Питер сказал мягко:

— Разумеется, тебе не придется снова пережить все это. Мы всегда предохраняем убийц. Мы делаем так, что им легко покончить с собой. Так что не волнуйся.

Поверьте мне, что после воспоминания о допросе мысль о самоубийстве была для меня облегчением.

— А как это делается? — спросил я.

— Для этого есть дюжина различных способов. Наши врачи могут заминировать тебя так, что ты будешь способен покончить с собой усилием воли. Конечно, есть и другие способы — цианистый калий в дырке зуба, например. Но к этому они уже привыкли и обычно сперва затыкают рот тряпкой, так что капсулу не надкусить. Но мы и тут нашли способ. — Он широко развел руки, завел их за спину. — Если я заведу руку за спину, чего в нормальных условиях человек никогда не делает, лопнет миниатюрная капсула, вшитая между лопатками. В то же время ты можешь стучать меня по спине хоть весь день и ничего со мной не случится.

— А вы сами были... убийцей?

— Нет. Да и как я могу им быть, если у меня совсем другая работа? Но все мы, кто занимает в организации ответственные посты, обязательно заминированы. По крайней мере, мы не выдадим того, что знаем. К тому же я ношу бомбу в брюхе, — он похлопал себя по животу. — Если эта бомба взорвется, то погибнут все, кто окажется со мной в комнате.

— Мне бы такую бомбу на том допросе! — воскликнул я.

— Не слезь! Тебе же сказочно повезло. Но если понадобится мина, мы ее тебе подложим. — Он поднялся. — А пока не думай о моем предложении. Тебя еще должна исследовать группа психологов. А они придирчивые ребята.

Несмотря на его последнюю реплику, я немало думал о его словах. Правда, со временем уже не с таким содроганием.

Вскоре мне разрешили вставать и давали нетрудные поручения. В течение нескольких дней я считывал гранки «Иконоборца» — осторожной, слегка критичной, вызывающей к реформам сверху газете. Это была газета

типа «Да, но...» — внешне беспредельно преданная Пророку и в то же время призванная вызывать сомнения и заставлять задуматься даже самых нетерпимых и прямолинейных из его приверженцев. Значение ее заключалось не в том, что в ней говорилось, а в том, как. Ее номера мне приходилось видеть даже во Дворце.

Познакомился я немного также с нашим подземным штабом в Новом Иерусалиме. Сам универмаг принадлежал нашему человеку и был очень важным средством сообщения с внешним миром. Полки магазина кормили и одевали нас, через систему связи универмага мы не только сообщались с другими частями города, но и могли иногда организовывать международную связь, если нам удавалось зашифровать послание так, чтобы оно не вызывало подозрений у цензуры. Грузовики универмага помогали перевозить людей. Я узнал, что именно так начала свой путь в Мексику Юдифь — в ящичке, на котором было написано «Резиновая обувь». Коммерческие операции магазина служили хорошим прикрытием для наших широких связей.

Успешная революция — огромное дело, нельзя забывать об этом. В современном сложном индустриальном обществе кучка заговорщиков, которые шепчутся за углом и собираются при свече на покинутых руинах, не сделает революции. Революции нужно множество людей, запасы современной техники и современного оружия. И, чтобы управлять всем этим, нужны конспирация, преданность делу и тщательно продуманная организация.

Я работал, но, пока не получил назначения, у меня оставалось много свободного времени. Нашлось время и заглянуть в библиотеку, и я прочитал и про Томаса Пейна, и про Патрика Генри, и про Томаса Джефферсона, и про других. Для меня открылся новый мир. Сначала мне было даже трудно поверить в то, что я прочел. Я думаю, что из всего, что полицейское государство делает со своими гражданами, самое пагубное и непростительное — это искажение исторического прошлого.

Например, я узнал, что, оказывается, перед приходом Первого Пророка Соединенные Штаты управлялись не шайкой сатаны. Я не хочу сказать, что их

государство было раем из проповедей, но оно не было и тем, чему меня учили в школе. Впервые в жизни я читал книги, не прошедшие цензуру Пророка, и они потрясли меня. Иногда я даже невольно оборачивался, боясь самого себя, ожидая, что кто-то обязательно должен следить за мной, смотреть мне через плечо.

Голова моя была забита новыми идеями, каждая из которых была интереснее предыдущей. Я узнал, что межпланетные путешествия, почти миф в мое время, прекратились не потому, что Первый Пророк запретил их как противные Господу; они прекратились потому, что правительство Пророка привело страну в упадок и не смогло их финансировать. Я узнал даже, что «безмозглые» (я использовал мысленно привычное слово для определения иностранцев) посылали в космос корабли и люди уже покорили Марс и Венеру.

Я был этим так взволнован, что даже забыл о нашем положении. Если бы меня не выбрали в Ангелы Господа, я, наверное, стал бы работать в области ракетостроения. Я любил такие вещи, которые требовали быстрых рефлексов, совмещенных со знанием математики и механики. Может быть, со временем Соединенные Штаты снова будут иметь космические корабли. Может быть, я...

Но эта мысль была заглушена сотнями других. Например, иностранными газетами. Я даже и не подозревал раньше, что «безмозглые» умеют читать и писать. Лондонская «Таймс» оказалась увлекательнейшей газетой. До меня понемногу дошло, что англичане не едят человеческого мяса и даже, может быть, никогда и не ели. Оказалось, они очень похожи на нас, если не считать, что им было до безобразия много разрешено; я даже видел письма читателей, в которых они осмеливались критиковать правительство. Больше того, в той же газете было напечатано письмо, в котором местный епископ укорял своих прихожан за то, что они редко ходят в церковь. Я не могу даже сказать, какое из писем потрясло меня больше. В одном не было никакого сомнения: письма эти указывали, что в Англии воцарилась полная анархия.

Мастер Питер сообщил мне, что управление психологии не пропустило меня в убийцы. С одной стороны,

я почувствовал громадное облегчение. С другой — глубоко оскорбился. Чем же я им не подошел? Почему мне не доверяют? Я ощутил унижение.

— Не переживай, — сухо сказал Ван Эйк. — Они ввели в компьютер твои данные и проиграли на нем ситуацию, в которой ты должен выполнить задание. И обнаружили, что все шансы за то, что тебя поймают в первый же раз. А мы не хотим, чтобы наши люди погибали так быстро.

— А что же теперь?

— Я тебя отправлю в Главный штаб.

— Главный штаб? А где это?

— Узнаешь, когда попадешь туда. А сейчас направляйся к метаморфисту.

Доктор Мюллер был специалист по пластическим операциям. Я спросил его, что он будет со мной делать.

— Не знаю, пока не выясню, что вы собой представляете.

Он меня всего обмерил вдоль и поперек, записал голос, проанализировал походку и проверил все мои психические данные.

— Теперь отыщем вам брата-близнеца.

Я наблюдал, как мою карточку сравнивали с десятками тысяч других, и принялся уже подозревать, что я — личность совершенно уникальная, не напоминающая никого на свете, когда почти сразу из аппарата выпало две карточки. А прежде, чем машина закончила работу, на столе перед доктором лежало уже пять карт.

— Неплохой набор, — произнес доктор Мюллер, разглядывая их. — Один синтетический, два живых, один мертвец и одна женщина. Ну, женщину мы отложим в сторону, но запомним для себя, что на свете есть женщина, которую вы могли бы прилично имитировать.

— А что такое синтетический? — спросил я.

— Это личность, тщательно составленная из поддельных документов и придуманного происхождения. Сделать синтетического — задача сложная и рискованная, приходится вносить изменения в государственные архивы. Я не хотел бы пользоваться придуманной личностью, потому что тут не учесть мелких деталей, которые могут оказаться жизненно важными. Я предпочел бы дать вам облик и данные живущего человека.

— А почему вы все-таки создаете синтетические личности?

— Иногда приходится. Например, надо срочно вывезти беглеца, и под рукой нет никого, чью личность мы могли бы ему передать. Поэтому у нас постоянно в запасе широкий выбор синтетиков. Посмотрим теперь, кто же эти живые.

— Минутку, доктор, — перебил его я. — А почему вы сохраняете карточки умерших людей?

— А это те, кто формально считается живым. Когда кто-нибудь из наших умирает и представляется возможность скрыть это от властей, мы сохраняем его данные, чтобы ими мог воспользоваться наш агент. Да, вы поете?

— Неважно.

— Тогда этот отпадает. Он — баритон. Я могу многое в вас изменить, но не смогу научить вас профессионально петь. А не хотелось бы вам стать Адамом Ривсом, представителем текстильной компании?

— Вы думаете, я справлюсь?

— Разумеется. После того, как я с вами позанимаюсь.

Через две недели меня не узнала бы и родная мать. Да, думаю, и мать Ривса не отличила бы меня от своего сына. В течение второй недели я каждый день встречался с настоящим Ривсом. Пока мы с ним занимались, я к нему привык, и он мне даже понравился. Он оказался тихим, скромным человеком, который не любил вылезать на передний план и потому казался мне ниже ростом, хотя он был, конечно, такого же, как и я, роста, сложения и даже немного походил на меня лицом.

Немного — это было вначале. После небольшой операции уши мои несколько оттопырились. Нос Ривса был с горбинкой — кусочек воска, положенный мне под кожу на переносицу, придавал горбинку и моему носу. Пришлось поставить коронки на несколько зубов, чтобы одинаковыми стали наши зубы. Это была единственная часть перевоплощения, против которой я возражал. Пришлось также осветлить мне кожу на лице: работа Ривса не давала ему возможности часто бывать на свежем воздухе.

Но самой трудной частью перевоплощения были искусственные отпечатки пальцев. Подушечки моих пальцев покрыли тонким прозрачным слоем, на котором были выдавлены линии пальцев Ривса. Эта работа была настолько тонкая и точная, что доктор Мюллер заставил переделать один из пальцев семь раз, пока не признал, что трюк удался.

Но все это оказалось только началом. Теперь мне надо было научиться ходить, как ходил Ривс, смеяться, как он смеялся, даже изучить его поведение за столом. Я усомнился, что много зарабатывал бы как актер, и мой тренер полностью со мной согласился.

— Послушайте, Лайл, — повторял он, — когда вы наконец усвоите, что жизнь ваша зависит от того, насколько хорошо вы будете имитировать Ривса? Вы обязаны научиться!

— А мне казалось, что я веду себя, как Ривс, — робко возражал я.

— Ведете! В этом-то и беда, что только ведете. И разница между вами и Ривсом, как между настоящей ногой и протезом. Вы обязаны стать настоящим Ривсом. Попробуйте. Беспокойтесь, как и он, о продаже тканей, думайте о вашей последней деловой поездке, о налогах и расцветке... Давайте. Попробуйте.

Каждую свободную минуту я изучал дела Ривса так, чтобы полностью заменить его как специалиста по текстилю. Я изучал способы торговли и понял, что мало только развозить образцы и предлагать их розничным торговцам. Еще до окончания работы я научился уважать своего двойника. Раньше я полагал, что продавать и покупать — просто. Оказывается, я и здесь ошибался. Я плохо спал и просыпался по утрам с разламывающейся головой, и уши мои, еще не зажившие после операции, зудели до безобразия.

И вот все кончено. За две недели я стал Адамом Ривсом, коммивояжером.

7

— Лайл, — сказал мне Питер Ван Эйк. — Ривс должен вылететь сегодня на «Комете» в Цинциннати. Ты готов?

— Да, сэр.

— Хорошо. Повтори приказ.

— Сначала я должен проехать отсюда до побережья. Явлюсь в сан-францисское отделение фирмы и отчитаюсь там о своих сделках. Потом возьму отпуск и поеду отдыхать. В Аризоне, в городе Фениксе, я должен посетить церковную службу. После службы я останусь и поблагодарю священника за вдохновенную проповедь. Затем я скажу ему пароль. Он поможет мне добраться до Главного штаба.

— Правильно. Ты попадешь к месту работы, и, кроме того, я использую тебя как курьера. Зайди сейчас в психодинамическую лабораторию, и главный техник даст тебе указания.

— Слушаюсь.

Питер встал из-за стола и, обойдя его, подошел ко мне.

— До свидания, Джон. Береги себя.

— Спасибо, сэр. А послание, которое я должен доставить, важное?

— Очень важное.

Он больше ничего не сказал и оставил меня в недоумении. Почему не сказать сразу, если я все равно через несколько минут все узнаю? Но я ошибался. В лаборатории меня попросили сесть и подготовиться к сеансу гипноза.

— Вот и все, — сказали мне после окончания сеанса. — Выполняйте приказание.

— А как насчет послания, которое я должен доставить в Главный штаб?

— Оно уже в вас.

— Гипнотически? Но если меня арестуют?

— Вы в безопасности. Ключ к посланию в двух условных словах. Вы не сможете вспомнить их, пока кто-нибудь их не произнесет. У того, кто будет вас допрашивать, если вы попадетесь, практически нет шансов произнести оба слова в определенном порядке. Поэтому вы не сможете выдать послание ни во сне, ни наяву.

Сначала я думал, что мне дадут какое-нибудь средство покончить жизнь самоубийством, если я попадусь. Но когда узнал, что послание будет в безопасности, то

не стал даже просить. Кстати, я не склонен к самоубийству: когда дьявол придет по мою душу, ему придется тащить меня на тот свет силой.

Ракетодром Нового Иерусалима связан с городом подземкой. Станция находится прямо напротив универмага, так что я вышел из его дверей, перешел улицу, разыскал туннель с надписью «Ракетодром», подождал, пока подъехала пустая повозка, положил туда багаж, сел сам. Служитель закрыл колпак, включил ток, и почти мгновенно я оказался в порту.

Я купил билет и встал в хвост очереди к портовому полицейскому участку. Должен признаться, я нервничал. За документы Адама Ривса я не боялся, но знал, что полицейские наверняка имеют приказ задерживать всякого, кто напоминает бежавшего преступника Джона Лайла. Впрочем, они всегда кого-нибудь да разыскивают, и я надеялся, что список разыскиваемых лиц слишком длинен для того, чтобы на некоего Джона Лайла обратили особое внимание.

Очередь продвигалась медленно. Я принял это за неблагоприятный знак, особенно когда заметил, что нескольких человек вывели из нее и поставили у стены. Но само ожидание позволило мне собраться с силами. Я протянул сержанту свои документы, посмотрел на хроно, потом поднял глаза к станционным часам и снова посмотрел на свой хроно.

Сержант проверял бумаги не спеша. Он взглянул на меня и сказал:

— Не волнуйтесь, не опоздаете. Пока мы всех не проверим, они не полетят.

Он пододвинул ко мне блестящую дощечку:

— Отпечатки пальцев, попрошу.

Я без слов протянул руки. Он сверил эти отпечатки с отпечатками в моем разрешении на передвижение по стране, потом с отпечатками пальцев, которые Ривс оставил, когда прилетел сюда неделю назад.

— Все в порядке, мистер Ривс. Приятного пути.

Я поблагодарил его и пошел дальше.

Народу в «Комете» было немного. Я выбрал место у окна, в передней части салона, и только успел развернуть свежий номер «Святого города», как почувствовал прикосновение к плечу.

Это был полицейский.

— Прошу вас выйти.

Меня вывели из ракеты вместе с другими четырьмя пассажирами. Сержант был вежлив:

— Придется попросить всех вас вернуться в аэропорт для дальнейшей проверки. Багаж будет выгружен. Билеты действительны на следующий рейс.

Я возмутился:

— Я обязан быть сегодня вечером в Цинциннати!

— Прошу прощения. — Тут он обернулся ко мне. — А, вы — Ривс! Вроде все сходится. И рост и лицо. Дайте-ка я еще разок посмотрю ваш пропуск. Вы же прилетели в город неделю назад?

— Совершенно правильно.

Он снова внимательно изучил мои документы.

— Ну, конечно, теперь я припоминаю. Вы прилетели утром во вторник на «Пилигриме». И вы не могли быть в двух местах одновременно. Так что, я думаю, против вас мы ничего не имеем. Быстро возвращайтесь в ракету. Остальные следуйте за мной.

Я вернулся в салон и снова развернул газету. Через несколько минут ракета взлетела и взяла курс на запад. Я продолжал читать газету, чтобы успокоиться, но вскоре заинтересовался. Только что утром, в подполье, я читал свежую канадскую газету. Контраст был поразителен. Я снова оказался в мире, для которого не существовало других стран: «зарубежные новости» состояли из гордых отчетов наших иностранных представительств, миссий и нескольких сообщений о зверствах «безмозглых». Я подумал, куда деваются все деньги, которые ежегодно выделяются на миссионерскую деятельность? Остальной мир, если верить «их» газетам, и не подозревал, что наши миссионеры существуют.

Потом я начал выбирать из сообщений те, что были явно лживыми. К тому времени, когда я кончил их подсчитывать, мы спустились в ионосферу и приближались к Цинциннати. Мы обогнали солнце и из ночи прилетели в вечер.

Очевидно, в моем роду был бродячий торговец. Я не только посетил все пункты, намеченные Ривсом, но даже добился кое-каких успехов. Мало того, обнаружил, что получаю больше удовлетворения, уломав не-

сговорчивого торговца, чем от военной службы. Я перестал думать о надежности моего нового лица, а полностью углубился в мир текстиля.

В Канзас-Сити я улетел точно по графику и не встретил никаких препятствий в полиции, когда обратился за очередной визой на переезд. Я решил было, что Новый Иерусалим охраняется особо. А здесь уже никто и не разыскивает некоего Джона Лайла, бывшего офицера.

Ракета на Канзас-Сити была переполнена. Мне пришлось сесть рядом с другим пассажиром, крепким мужчиной лет за тридцать. Мы поглядели друг на друга, а потом каждый занялся своим делом. Я выдвинул столик и принялся приводить в порядок заказы и другие бумаги, накопившиеся за дни, проведенные в Цинциннати. Сосед откинулся на сиденье и смотрел телефильм на экране в передней части салона.

Он толкнул меня в бок и, когда я обернулся, показал пальцем на экран. Там была видна площадь, заполненная народом. Люди бежали к ступеням массивного Храма, над которым развевались знамя Пророка и вымпел епископства. Первая волна людей разбилась о нижние ступени Храма.

Взвод Храмовой охраны выбежал из боковой двери и быстро установил на верху лестницы треножники огнеметов. Дальше сцена снималась другой камерой, очевидно установленной на крыше Храма, потому что мы видели лица нападающих, устремленные в нашу сторону.

То, что последовало за этим, заставило меня устыдиться формы, которую я еще недавно носил. Чтобы продлить мучения людей, стражники целились огнеметами по ногам. Люди падали и катались в страшных мучениях по площади. Я увидел, как лучи ударили по ногам парня и девушки, которые бежали, взявшись за руки. Они упали, истекая кровью, но парень нашел в себе силы поползти до девушки и дотянуться рукой до ее лица. Камера покинула их и перешла на общий план.

Я схватил наушники, висевшие на спинке кресла, и улыбался:

«...аполис, Миннесота. Город находится под контролем местных властей, и присылки подкреплений не

понадобится. Епископ Дженнинг объявил военное положение. Агенты сатаны окружены. Проводятся аресты. Порядок восстановлен. Город переводится на пост и молитву. Миннесотские гетто будут закрыты, и все парии переводятся в резервации Вайоминга и Монтаны для предотвращения дальнейших вспышек. Да пусть послужит это предупреждением каждому, кто осмелится подняться против божественной власти Пророка.

Передачу вела телестанция «Крылья ласточки» на средства Ассоциации Торговцев, производящих эlegantнейшие в мире предметы женского туалета. Покупайте наши товары! Спешите! Новинка. Статуя Пророка, чудесным образом светящаяся в темноте! Высылайте один доллар наложенным платежом...»

Я снял наушники и повесил их на место. Я молчал, ожидая, что скажет мой сосед. И он заговорил с откровенным возмущением:

— Так им и надо, этим идиотам! Штурмовать укрепленные позиции без всякого оружия. — Он говорил очень тихо, склонившись к моему уху.

— Интересно, почему они взбунтовались?

— Да разве предугадаешь действия еретика. Они же все ненормальные.

— Вы могли бы повторить это и в церкви, — согласился я. — Кроме того, даже нормальный еретик — если такие бывают — должен понимать, что правительство очень толково управляет страной. Бизнес процветает. — Я со счастливой улыбкой похлопал по черному портфелю. — По крайней мере, мой бизнес, хвала Господу.

Мы немного поговорили о состоянии дел в стране. Я присматривался к нему. На вид он был обычный преуспевающий горожанин, консерватор, но что-то в его облике заставило меня насторожиться. Может, просто нервы не в порядке? Или это шестое чувство человека, за которым охотятся?

Взгляд мой упал на его руки, и меня охватило чувство, что я должен что-то увидеть. Но ничего особенного не было. Я пригляделся и заметил все-таки весьма мелкую деталь — на пальце левой руки след от кольца. Такой же след был на моем пальце, когда я снял тяжелое кольцо, которое носил много лет в Вест Пойн-

те и после него. Конечно, это ничего еще не значило — многие носили тяжелые кольца. На моем пальце, например, было кольцо с печаткой, принадлежавшее Ривсу.

Но почему он вдруг снял кольцо? Пустяк, конечно, но этот пустяк меня насторожил. В Вест Пойнте я никогда не считался хорошим психологом, но сейчас стоило вспомнить то небольшое, чему меня все-таки научили. Я перебирал в памяти все, что знал о соседе.

Первое, что он заметил, первое, о чем он сказал, увидев сцену подавления восстания, — это то, что нападающие шли невооруженными на укрепленные позиции. Это могло указывать на военную ориентацию его мыслей. Но это еще не доказывало, что он военный. Наоборот, выпускники академии никогда не снимают кольцо и уносят его с собой в могилу. Единственное объяснение в таком случае: он не хочет, чтобы его узнали.

Мы продолжали вежливую беседу, и я размышлял о том, чем бы мне подкрепить свои рассуждения, когда стюардесса принесла чай. Ракета как раз начала спускаться, ее трянуло, и стюардесса пролила немного горячего чая на брюки моему соседу. Он вскрикнул и почти неслышно выругался. Сомневаюсь, что стюардесса поняла его слова, но я разобрал.

Это ругательство было типично для Вест Пойнта, и я никогда не слышал, чтобы его употреблял кто-нибудь, кроме выпускников академии.

Отсутствие кольца было не случайно. Он — офицер, переодетый в штатское. Вывод: почти несомненно, он выполняет секретное задание.

Но даже если он охотился за мной, он совершил минимум две грубые для секретного агента ошибки. Даже самый неопытный новичок (я, к примеру) никогда не сделает таких ошибок, а ведь секретная служба состояла не из дураков, у них работали лучшие головы страны. Хорошо, что же из этого следует? Ошибки были не случайны. Предполагалось, что я их замечу и буду думать, что они случайны. Почему?

Вряд ли из-за того, что он сомневался, что я — тот человек, который ему нужен. В таком случае, на основании проверенного тезиса о том, что каждый человек

виновен, пока не доказано, что он не виновен, он просто арестовал бы меня и подверг допросу.

Тогда почему же?

Вероятнее всего, они хотели испугать меня, заставить бросить все, помчавшись в укрытие, — и навести их таким образом на след моих товарищей. Конечно, все это были мои предположения, но они не противоречили фактам.

Когда я понял, что мой сосед — секретный агент, меня охватил холодный страх, схожий с морской болезнью. Но когда я решил, что раскусил его, я успокоился. Что бы сделал на моем месте Зеб? «Первый принцип интриги — не предпринимать ничего такого, что могло бы вызвать подозрение...» Сиди на месте и изображай идиота. Если он захочет следить за мной, пусть следит; я проведу его сквозь все отделения универмага Канзас-Сити — пускай поглядит, как я всучиваю свои тряпки.

И все-таки меня бил озноб, когда мы сошли в Канзас-Сити. Я все время ждал мягкого прикосновения к плечу — прикосновения куда более страшного, чем удар в лицо. Но ничего не произошло. Он бросил мне обычное «храни вас Господь», обогнал меня и направился к лифту, ведущему к стоянке такси, пока я ставил печати на моем пропуске. Правда, это меня не очень успокоило — он мог десять раз передать меня другому агенту. И все-таки я отправился к универмагу весьма неспешно.

Я провел деловую неделю в Канзас-Сити, выполнил все, что от меня ожидалось, и даже неожиданно заключил выгодную не предусмотренную планом сделку. Я старался узнать, следят ли за мной, но по сей день так и не знаю, был ли у меня «хвост». Если следили, то кто-то провел очень скучную неделю. Но как бы то ни было, я с большим удовольствием сел в ракету, улетающую в Денвер.

Мы приземлились на аэродроме в нескольких милях от Денвера. Полиция проверила документы, и я уже собирался сунуть бумажник обратно в карман, когда сержант сказал:

— Оголите левую руку, мистер Ривс.

Я закатал рукав, пытаясь выказать при этом должную степень возмущения. Чиновник в белом халате взял кровь на анализ.

— Нормальная процедура, — заметил сержант. — Департамент здравоохранения опасается эпидемии лихорадки.

Это было весьма неправдоподобное объяснение. Но для Ривса оно могло показаться достаточным. Объяснение стало еще более неправдоподобным, когда мне велели подождать результатов анализа в комнате полицейского участка. Я сидел там, ломая голову, какой вред мне могли причинить десять кубиков собственной крови.

Времени подумать у меня было достаточно. Положение не из приятных. Но предлог, под которым меня задержали, был настолько тривиальным, что у меня не хватало решимости попытаться убежать. Может быть, они и в самом деле боялись лихорадки. Я сидел и ждал.

Здание было временное, и стенка между комнатой, где я сидел, и помещением дежурного была из тонкого пластика. Я слышал голоса, но не мог разобрать слов. Я не осмеливался приложить ухо к стене, опасаясь, что кто-нибудь войдет, но в то же время понимал, что это может оказаться полезным. Я подвинул стул к стене и качнулся на нем назад, так что стул держался на двух ножках, а мои плечи и затылок оказались прижаты к стене. Потом загородился развернутой газетой и приблизил ухо к стене.

Теперь я мог разобрать каждое слово. Сержант рассказывал клерку историю, которая могла стоить ему месячного покаяния, если блюститель морали услышал бы ее, но так как я слышал ее во время службы во Дворце, то она меня не шокировала, да и что мне до чужой морали. О Ривсе ни слова.

Напротив было открытое окно, выходившее на ракетодром. Небольшая ракета спустилась к земле, притормозила и замерла в четверти мили от меня... Пилот выпустил шасси, подогнал ракету к административному зданию и оставил ярдах в двадцати от окна. Я хорошо знал этот тип ракет (я водил такую же, играя за армию в воздушное поло; в тот год мы обыграли и флот, и Принстонский колледж).

Пилот вышел из ракеты и скрылся в здании. Если зажигание не выключено, почему бы не попробовать. Я посмотрел на открытое окно. Возможно, оно снабжено виброзащитой, и тогда я даже не успею узнать, от чего я погиб. Но я не видел никакой проводки, а тонкие стенки вряд ли могли скрыть в себе провода. Может быть, окно было оборудовано только контактной сигнализацией?

Пока я размышлял, до меня снова донеслись голоса из соседней комнаты:

— Какая группа крови?

— Первая, сержант.

— Совпадает?

— Нет, у Ривса третья.

— Ого! Позвони в главную лабораторию. Мы возьмем его в город на анализ сетчатки.

Я попался и знал это. Они уже наверняка поняли, что я не Ривс. Как только они сфотографируют рисунок сосудов на сетчатке глаза, они тут же узнают, кто я на самом деле.

И я выпрыгнул в окно.

Я опустился на руки, перекатился через голову и, как пружина, вскочил на ноги. Дверь в ракету была раскрыта, и зажигание не отключено — дуракам везет!

Я не стал выводить ракету на главное поле, а дал полный газ. Мы с ней, с моей милой, подпрыгнули, пронеслись над землей и взмыли вверх, взяв курс на запад.

8

Я набрал высоту, чтобы включить главный двигатель. Настроение было отличное: в руках у меня чудесный корабль, а полицейские остались с носом. Но как только я отлетел на некоторое расстояние от аэропорта, мой глупый оптимизм испарился.

Если кот спасается, залезая на дерево, ему приходится сидеть там, пока собака не уйдет. Это была как раз та ситуация, в которой я оказался. Но я не могу бесконечно находиться в воздухе, а собака ни за что не уйдет из-под дерева. Уже дан сигнал тревоги. Через

минуту поднимутся полицейские ракеты. Меня засекут, в этом сомневаться не приходится, и экраны слежения уже не выпустят меня из поля зрения. После этого — два пути: приземлиться, куда прикажут, или быть сбитым.

Чудо моего спасения казалось не таким уж и чудом. Или, может быть, слишком чудом? С каких пор полицейские стали такие рассеянные, что оставляют пленника без охраны в комнате с открытым окном? И не слишком ли чудесное совпадение — рядом опускается корабль, которым я умею управлять, и пилот забывает выключить зажигание именно в тот момент, когда сержант говорит громко, что я разоблачен?

Может, это и есть вторая, более успешная попытка запугать меня? Но если это так, то они не будут меня сейчас сбивать. Они все еще надеются, что я приведу их к моим товарищам.

Конечно, оставалась вероятность, что мне в самом деле повезло. В любом случае я не хотел попадаться им снова, как и не хотел привести их к моим товарищам. Я нес важное послание и не мог доставить врагам такое удовольствие.

Я настроил приемник на частоту полицейских ракет, но услышал лишь разговор, касающийся каких-то грузовых ракет, и не больше. Никто не приказывал мне приземлиться и не грозил карами земными и небесными. Может, это начнется позже. Я отключился.

Приборы показывали, что я в семидесяти милях от Денвера и направляюсь на северо-запад. Оказывается, я в воздухе меньше десяти минут. Это меня удивило. Баки были почти полные — у меня горючего на десять часов или на шесть тысяч миль. Но, правда, на такой скорости они меня могли просто-напросто забросать камнями.

В голове начал формироваться план. Может, он был глуп и невозможен, но иметь какой-нибудь план лучше, чем не иметь никакого. Я взял курс на Гавайскую республику. Затем я заложил программу в автопилот: дальность полета 3100 миль, скорость 800 миль в час. Только-только.

Но это меня не волновало. Где-то там, внизу, как только я изменил курс, анализаторы принялись вычис-

лать и быстро пришли к заключению, что я пытаюсь скрыться в Свободную Гавайскую республику на такой-то скорости, на такой-то высоте... Что я пересеку побережье между Сан-Франциско и Монтереем через шестьдесят минут. Перехватить меня нетрудно. Даже если они продолжают играть со мной в кошки-мышки. Перехватчики поднимутся из долины Сакраменто. Если они промахнутся (вряд ли!), ракеты более быстрые, чем моя, будут ждать меня над побережьем. Долететь до Гавайской республики у меня не было никаких шансов.

Но я и не собирался... Я хотел, чтобы они уничтожили мою ракету, уничтожили полностью, в воздухе, потому что не собирался в этот момент в ней находиться.

Вторая задача. Как из этой штуки выбраться? Выход из ракеты на полном ходу достигается простым нажатием кнопки, которая катапультирует вас с креслом. Об этом позаботились конструкторы. Потом раскроется парашют, и вы комфортабельно опуститесь на божью землю, неся с собой баллон с неприкосновенным запасом кислорода.

Но есть один недостаток: и корабль, и капсула с пилотом немедленно начинают подавать сигнал бедствия. Все просто и неприятно — как корова в церкви.

Я смотрел перед собой и ломал голову. Каждую минуту я пролетал тринадцать миль, и каждую минуту у меня становилось минутой меньше. Конечно, рядом со мной был люк. Я мог бы надеть парашют и выйти наружу — но нельзя открыть люк в ракете, летящей на высоте шести миль. Стоит учесть и скорость — меня просто разрежет дверью как масло.

Все зависело от того, сколь надежен у этой штуки автопилот. Хорошие автопилоты могут все сделать. Те, что подешевле и попроще, могут поддерживать скорость, высоту и направление полета, но этим таланты их исчерпываются.

Мой опыт полетов на такой ракете ничему меня не научил по той простой причине, что пользоваться парашютом при игре в воздушное поло не приходится. Поверьте мне на слово. Я поискал инструкцию, но не нашел ее. Без сомнения, я мог отвинтить панель автопилота и поработать над ним с отверткой в руках, но для

этого понадобился бы целый день; в этих автопилотах до черта транзисторов и проволочной лапши.

Так что я вытащил парашют и принялся его надевать, напевая:

Друг, надеюсь, у тебя
Есть мне нужное устройство.

Автопилот не ответил ни слова, и, надо признаться, я бы очень удивился, если бы он ответил. Потом я снова сел в кресло и принялся орудовать с автопилотом. Я был уже над пустыней и видел, как солнце отражалось в водах Соленого озера.

Сперва я немного снизился. На высоте шесть миль слишком холодно и неудобно. Да и кислорода мало. Я перевел ракету на планирующий спуск. Мне хотелось, чтобы она в определенной точке начала опускаться вертикально. Затем я собирался выключить двигатели и выпрыгнуть наружу. Автопилот включит двигатели снова, и я надеялся, что это случится, когда я успею отлететь от ракеты.

Двигатели я намеревался выключить в тридцати тысячах футов от земли так, чтобы автопилот успел включить тормозные устройства и ракета не врезалась бы в землю, что меня никак не устраивало.

Я выключил двигатели. Дверь не открывалась. А когда открылась, это было так неожиданно, что я буквально вывалился наружу. С секунду и я, и ракета свободно падали рядом, потом расстояние стало увеличиваться. Я медленно вращался вокруг своей оси.

Понемногу ракета обогнала меня, и тут заработали ее двигатели — автопилот принялся за работу, стараясь вернуть ее на заданный курс. Так мы расстались.

Следя за тем, как она удаляется, я почувствовал, что глаза обжигает страшный холод. Я закрыл глаза руками, чтобы не отморозить. Но с закрытыми глазами мне показалось, что я вот-вот врежусь в землю. На секунду я приоткрыл глаза и обнаружил, что земля еще далеко — милях в двух-трех. Расчеты мои могли быть и неточны, потому что внизу уже стемнело. Далеко поблескивали выхлопы ракеты. Корабль набирал высоту и продолжал путь к океану. Я пожелал ракете счастливого пути и

благородной кончины в океане, а не от выстрелов перехватчика.

Продолжая падать, я смотрел на удаляющийся огонек ее выхлопа.

Триумф моего кораблика заставил меня позабыть о том, как я перепутан. Вываливаясь из него, я помнил, что должен совершить затяжной прыжок. Расставаясь с кораблем, тело наверняка оставит второй огонек на экране радара. Чтобы исчезнуть с экрана, я должен как можно скорее выпасть из их поля зрения, а парашют можно будет раскрыть только у самой земли.

Мне никогда еще не приходилось совершать затяжных прыжков. Я всего-то прыгал два раза: оба прыжка были учебными, под надзором инструктора, что только и требовалось от кадетов перед сдачей выпускных экзаменов.

Пока я падал, зажмурив глаза, я чувствовал себя вполне пристойно, если не считать непреодолимого желания дернуть за кольцо. Рука сама отыскала кольцо, и пальцы вцепились в него. Я приказал пальцам отпустить кольцо, но они почему-то не подчинились. Но открывать парашют нельзя было ни в коем случае — я был еще слишком высоко и, как только парашют раскроется, я стану медленно передвигающейся целью, которую может сбить каждый желающий.

Я намеревался открыть парашют где-то в пятистах футах над землей, но мои нервы не выдержали, и я не дождался. Почти прямо подо мной был большой город — Прово, штат Юта, и я смог уговорить себя, что если не потерплю еще хоть секунду, то опущусь посреди этого города.

Я дернул кольцо и в течение двух страшных секунд был уверен, что мне достался негодный парашют. Но тут парашют весьма чувствительно для меня раскрылся. Я глубоко вздохнул — легкие стосковались по густому воздуху.

Я не видел земли, но чувствовал, что она близко. Я подогнул, как положено, колени, и тут же земля стукнула меня по ногам, а парашют потащил за собой, ударяя о кусты и волоча сквозь колючки.

Следующее, что помню: я сижу на поле, засеянном сахарной свеклой, и потираю ушибленную коленку.

Шпионы во всех книжках зарывают свои парашюты, так что мне тоже, очевидно, положено было закопать свой. Но, во-первых, я устал, во-вторых, у меня не было с собой лопаты, а в-третьих, мне не хотелось копать землю. Я затолкал его в трубу под дорогой и пошел по обочине к огням Прово.

Из носа и левого уха шла кровь и засыхала на лице. Я был покрыт грязью, разорвал брюки, шляпа моя осталась бог знает где, коленка болела. Чувствовал я себя — хуже некуда.

И все-таки я с трудом удерживался, чтобы не засвистеть. Да, они за мной гонятся, но они гонятся за пустой ракетой. Я надеялся, что мне на этот раз удалось их провести, — и тогда я свободен и сравнительно легко отделаюсь... Если уж скрываться где-нибудь, то лучше места, чем штат Юта, не придумаешь. Это всегдашний центр ересей с тех пор, как была уничтожена мормонская церковь, еще во времена Первого Пророка. Если я не попадусь на глаза полицейским, можно надеяться, что местные жители меня не выдадут.

И все-таки я покорно бросался в пыльную канаву каждый раз, когда мимо проносились огни машин, и прежде чем достичь города, покинул дорогу и пошел напрямик полями. Я вошел в город узкой, слабо освещенной улицей. Оставалось два часа до комендантского часа, и мне надо было выполнить первую часть плана, пока на улицах не появились ночные патрули.

Больше часа бродил я по жилым районам, прежде чем нашел то, что нужно, — аэрокар, который я мог украсть. Это был «форд», припаркованный у неосвещенного дома.

Укрываясь в тени, я подкрался к нему и сломал перочинный нож, стараясь открыть дверь, и все-таки открыл ее. Зажигание было выключено, но я и не надеялся на повторную удачу. Устройство двигателей входило в программу обучения в училище. Спешить было некуда. Через двадцать минут я замкнул цепь.

Не спеша выехал я на улицу, завернул за угол и включил фары. Затем открыто проехал через весь город, как фермер, возвращающийся с городского богослужения. Мне не хотелось встречаться с полицейским кордоном у выезда из города, поэтому, как только дома

стали мельчать и расстояния между ними увеличиваться, я свернул в поле. Неожиданно переднее колесо провалилось в канаву. Мне ничего не оставалось, как взлететь.

Двигатель кашлянул и заурчал. С треском распахнулись крылья аэрокара.

Земля ушла вниз.

9

Машина, которую я украл, оказалась и старой, и плохо ухоженной. В двигателе что-то постукивало, и ротор вибрировал так сильно, что мне это не нравилось. Но она летела, и горючего должно было хватить до Феникса.

Хуже было полное отсутствие навигационных приспособлений, если не считать нескольких старых карт, которые раздаются нефтяными компаниями. Радио в аэрокаре не работало.

Ну что ж, у Колумба и этого не было. Я знал, что Феникс лежит на юге и до него пятьсот миль. Я держал высоту пятьсот футов.

Никаких следов погони. Очевидно, мою последнюю кражу не обнаружили. Мне пришло в голову, что за мной тянется хвост преступлений, слишком длинный для маменькиного сыночка: соучастие в убийстве, ложь Великому Инквизитору, измена присяге, присвоение чужих документов и дважды — кража. Конечно, оставались еще поджог и изнасилование. Я решил было, что обойдусь без изнасилования, но тут же подумал, что женитьба на святой диаконисе может быть расценена именно так. Что ж, терять мне больше нечего.

Я не стал передавать управление автопилоту, потому что старался обходить города на почтительном расстоянии. Лишь отлетев на сто миль к югу от Прово, я решил, что могу позволить себе поспать.

В тех краях, за Великим Каньоном, люди попадают очень редко. Так что я приказал автопилоту поддерживать высоту восемьсот футов от поверхности земли, перебрался на скамейку для пассажиров и тотчас же уснул.

Мне снилось, что Великий Инквизитор старается сломить мой дух, пожирая в моем присутствии сочный бифштекс.

— Признавайся! — кричал он, откусывая кусок от бифштекса и смачно пережевывая его. — Признайся, и сразу станет легче. Тебе кусочек из серединки или поджаристый краешек?

Я был готов уже во всем признаться, но, на мое счастье, проснулся.

Ярко светила луна. Мы как раз подлетели к Великому Каньону. Я метнулся к рычагам и взял управление на себя, испугавшись, что простоватый автопилот сойдет с ума, стараясь удержать нас на высоте восьмисот футов от поверхности гигантских ступеней каньона.

Открывшийся передо мной вид поразил меня настолько, что я на время забыл о голоде. Если вам не приходилось видеть Великий Каньон, то не стоит тратить время, рассказывая вам об этом. Но я могу порекомендовать вам поглядеть на него ночью при свете луны с высоты птичьего полета.

Через двадцать минут мы пересекли Великий Каньон, я снова передал управление автопилоту и принялся обшаривать аэрокар, не пропуская ни одного ящика, ни одного шкафа, ни одного укромного местечка в поисках пищи. В результате я раздобыл дольку шоколада и несколько орешков арахиса. Таким образом, я устроил пышный пир. Я считаю, что мне сказочно повезло, потому что я готов уже был обсасывать кожу с сидений. Я устроил себе пышный пир... ведь у меня во рту не было ни крошки с самого Канзас-Сити. Проглотив трофеи, я снова уснул.

Я не помню, чтобы я включал будильник, но звон разбудил меня перед самым рассветом. Рассвет над пустыней — не менее потрясающее развлечение для туриста, но, к сожалению, мне пришлось заняться штурманскими обязанностями, и я мало что увидел. После нескольких минут упорных подсчетов я пришел к выводу, что если мои поправки на ветер были правильными, через полчаса я должен увидеть Феникс.

Мне по-прежнему везло. Я перелетел через гряду холмов, и направо открылась зеленая возделанная равнина, а посреди нее город. Солнечная долина и Феникс.

Приземлился я в сухом овраге, ведущем к каньону Соленой реки. Приземление было неудачно — я сорвал колесо и разбил ротор. Но это меня не очень расстроило: здесь машину с моими (вернее, Ривса) отпечатками пальцев найдут не скоро.

Я выбрался на шоссе и побрел вперед. Идти было далеко, нога совсем разболелась, но я не хотел рисковать и проситься на попутную машину. Машин встречалось мало, и я успевал каждый раз сойти с дороги и спрятаться. И тут неожиданно грузовик догнал меня на открытой местности. Мне ничего не оставалось, как помахать водителю рукой, приветствуя его. Но грузовик затормозил около меня.

— Подвезти, парень?

Водитель выкинул лесенку, и я забрался в кабину. Он поглядел на меня.

— Дружище! — сказал он в восторге. — Это был горный лев или только медведь?

Я совсем забыл, как я выгляжу. Я осмотрел себя и сказал торжественно:

— Оба. И обоих я задушил голыми руками.

— Я верю.

— В самом же деле, — добавил я, — я ехал на велосипеде и слетел с дороги.

— На велосипеде? По этой дороге? Уж не от самой ли долины?

— Правда, мне приходилось иногда слезать и подталкивать его в горку.

Он покачал головой:

— Давай-ка лучше вернемся к львино-медвежьему варианту. Мне он больше нравится.

Больше он ни о чем меня не спрашивал, и это меня устраивало. Я подумал, что версии, придуманные на ходу, ведут к неожиданным осложнениям. Никогда в жизни я не видел этой дороги и не знал, каково пришлось бы на ней велосипедисту.

Когда мы выехали из каньона, дорога пошла под уклон. Наконец мой хозяин остановился у придорожного ресторана.

— Все наверх, — сказал он. — Пора завтракать.

— Хорошая идея, — ответил я.

Мы уплели по яичнице с беконом и по большому сладкому аризонскому грейпфруту. Он не позволил мне заплатить за него и даже сам пытался оплатить мой счет. Когда мы вернулись к грузовику, он остановился на лесенке и сказал:

— Через три четверти мили полицейский кордон. Думаю, для кордона они выбрали неплохое место.

Он отвернулся.

— Да... — сказал я. — Полагаю, что мне лучше пройти пешком. После завтрака очень полезны пешеходные прогулки. Спасибо, что подвезли.

— Не стоит благодарности. Да, кстати, ярдах в двухстах отсюда, если пройти назад, начинается проселочная дорога. Она ведет на юг, но потом поворачивает на запад, к городу. Лучше гулять по ней — машин меньше.

— Еще раз спасибо.

Я повернул к проселочной дороге, раздумывая, действительно ли мое криминальное прошлое так очевидно первому же встречному. В любом случае, прежде чем я войду в город, мне надо привести себя в порядок. Проселочная дорога вела мимо ферм, и я миновал несколько, прежде чем решился зайти в маленький дом, в котором обитала испано-индейская семья с обычным набором детей и собак. Я решил рискнуть. Многие испанцы в глубине души остались католиками. И возможно, ненавидели блюстителей морали не меньше, чем я.

Сеньора была дома. Это была толстая, добрая, похожая на индианку женщина. Мы не смогли о многом поговорить из-за моего слабого знакомства с испанским языком, но я попросил «агуа» и получил «агуа», и для того, чтобы напиться, и для того, чтобы вымыться. Сеньора заштопала мне брюки, в то время как я глупо маячил перед ней в трусах и многочисленные дети весело комментировали это событие. Она даже дала мне бритву мужа, чтобы я побрился. Она долго отказывалась взять деньги, но тут я был непреклонен. Я покинул ферму, выглядя почти прилично.

Дорога повернула к городу, и мне не встретилось ни одного полицейского. Я нашел на окраине магазин и маленькую портняжную мастерскую. Там я подождал,

пока мое возвращение к респектабельности не завершилось вполне благополучно. В свежевыглаженном костюме, в новой рубашке и шляпе я мог смело гулять по улицам и благословлять полицейских, глядя им в глаза. В телефонной книге я нашел адрес нужной мне церкви. Карта на стене портняжной мастерской позволила мне добраться до места, не задавая вопросов прохожим. Вдохнув облегченно, я уселся в заднем ряду и с удовольствием прослушал начало службы, как любил слушать ее еще мальчишкой, пока не понял, что в самом деле за ней скрывалось. Я наслаждался чувством безопасности. Несмотря ни на что, я добрался до цели. Сказать по правде, я вскоре заснул, но проснулся вовремя, и вряд ли кто-нибудь заметил мой проступок. Потом я некоторое время слонялся вокруг, пока не дождался удобного момента, чтобы поговорить со священником и поблагодарить его за редкое удовольствие, которое доставила мне его проповедь. Я пожал ему руку и условным образом надавил пальцем на ладонь.

Но он не ответил. Я был так удивлен и ошеломлен, что даже не сразу понял, что он говорит:

— Спасибо, молодой человек. Всегда приятно новому пастору услышать добрые отзывы о своем труде.

Наверное, меня выдавало выражение лица. Он спросил:

— Что-нибудь случилось?

— О нет, сэр, — пробормотал я. — Я здесь сам впервые. Так вы не Бэрд?

Я был в панике. Бэрд — единственный мой контакт в этой части страны. Если я его не найду, меня поймут за несколько часов.

Голос священника донесся как бы издали.

В голове уже вертелись несбыточные планы украсть еще одну ракету и направиться ночью к мексиканской границе.

— К сожалению, меня зовут иначе. Вы хотели бы видеть господина Бэрда?

— Как вам сказать, сэр. Это не так уж и важно. Он старый друг моего дяди. И дядя просил зайти к нему и передать привет.

Может быть, та индианка спрячет меня до темноты?

— Ну, его увидеть нетрудно. Он здесь же, в городе. Я заменяю его, пока он занемог.

Сердце мое забилося с двенадцатикратным ускорением. Я постарался не выдать волнения.

— Может быть, если он болен, его лучше не беспокоить?

— Нет, напротив. Он сломал ногу — и с удовольствием примет гостя.

Священник задрал сутану, достал из кармана обрывок бумаги, карандаш и написал адрес.

— Отсюда два квартала, и потом поверните налево. Вы не заблудитесь.

Разумеется, я заблудился, но все-таки нашел в конце концов нужный дом. Дом был окружен большим неухоженным садом, где росли в живописном беспорядке эвкалипты, пальмы, кусты и цветы. Я нажал сигнал, в динамике что-то скрипнуло, и голос спросил:

— Да?

— Посетитель к достопочтенному Бэрд.

Последовало короткое молчание, потом тот же голос сказал:

— Вам придется самому войти. Моя служанка ушла на рынок. Обойдите дом и найдете меня в саду.

Дверь щелкнула и открылась. Я прошел в сад.

На качалке, положив забинтованную ногу на подушку, полулежал старик. Он опустил книгу, которую читал, и поглядел на меня поверх очков.

— Что нужно тебе, сын мой?

— Мне нужен свет.

Через час я запивал вкусный завтрак свежим молоком. К тому времени, как я добрался до вазы с мускатным виноградом, отец Бэрд кончил меня инструктировать.

— Итак, ничего не предпринимайте до темноты. Есть вопросы?

— Нет. Санчес вывезет меня из города и доставит в место, откуда меня проводят в Главный штаб. Все ясно.

Я покинул Феникс в двойном дне фруктового грузовика. Нос мой упирался в доски. Мы остановились у полицейского кордона на краю города. Я слышал отрывистые голоса полицейских и невозмутимо спокойный испанский ответ Санчеса. Кто-то прошагал по моей

голове, и между досками верхнего дна появились светлые щели.

Наконец тот же отрывистый голос сказал:

— В порядке, Эзра. Это хозяйство отца Бэрда. Каждый вечер Санчес ездит к нему на ферму.

— Так чего ж он сразу не сказал?

— Когда он волнуется, забывает английский. О'кей, пошел, чико!

— *Gracias, señores. Buenas noches.*

На ферме отца Бэрда меня посадили в геликоптер, бесшумный и хорошо оборудованный. Оба пилота обменялись со мной приветствием, но больше не сказали ни слова. Мы поднялись, как только я устроился в кабине.

Иллюминаторы пассажирской кабины были закрыты. Не знаю, ни в каком направлении мы летели, ни сколь далеко. Поездка была не из комфортабельных, потому что пилоты все время летели над самой землей, чтобы их не засек радар.

Выйдя из спустившейся машины, я увидел прямо дуло пулемета, за которым возвышались два не улыбкающих человека.

Но пилоты сказали пароль, мы обменялись тайными знаками.

Мне показалось, что часовые были чуть-чуть разочарованы, что я оказался своим и они не смогли отличиться. Удовлетворившись нашими ответами, они завязали мне глаза и повели. Мы миновали дверь, прошли еще ярдов пятьдесят и забрались в какое-то тесное помещение. Пол ушел из под ног. Я выругался про себя — они могли предупредить, что мы в лифте. Покинув лифт, мы перешли на какую-то платформу, и мне велели держаться крепче. Платформа двинулась вперед с громадной скоростью. Потом мы еще раз опустились на лифте, прошли несколько сот шагов, и с меня сняли повязку. И тут я впервые увидел Главный штаб.

Я не ожидал увидеть ничего подобного и потому громко ахнул. Один из стражей широко улыбнулся.

— Все вы так, — сказал он.

Это была известняковая пещера, настолько большая, что в ней вы чувствовали себя, как на улице. Она заставляла вспомнить сказки, дворец короля гномов.

Я помню фотографии Карлсбадских пещер. Главный штаб напомнил их, хотя, конечно, Карлсбадские пещеры уступали штабу и в размерах, и в роскоши. С первого взгляда я даже не смог оценить истинных масштабов пещеры: не было привычных наземных ориентиров.

Мы стояли несколько выше ее основания, и пещера была залита ровным светом. Я чуть не вывернул шею, вертя головой, потом посмотрел вниз и увидел там игрушечную деревню. Домики были высотой в фут.

Потом я заметил, как маленькие человечки ходят между зданиями, и тут же все стало на свои места, приобрело истинные размеры. Игрушечная деревня находилась, по крайней мере, в четверти мили от нас, а вся пещера была не менее мили длиной и несколько сот футов от пола до потолка. И вместо чувства, присутствующего людям, запертым в помещении, я был охвачен страхом перед огромным открытым пространством. Мне даже захотелось, словно перепутанной мышке, прижаться к стене.

Страж тронул меня за рукав:

— У вас будет достаточно времени оглядеться. Пойдете.

Они повели меня по тропинке, которая вилась между сталагмитов размером от детского мизинца до египетской пирамиды, между озерцами черной воды с гипсовыми лилиями в них, мимо влажных куполов, которые были стары, когда человека еще не было на земле, под разноцветными занавесями сталактитов. Моя способность удивляться была явно перенасыщена.

Наконец мы вышли на ровную долину и быстро добрались до городка. Строения в нем не были строениями в принятом смысле этого слова — они оказались просто системами перегородок из пластика, чтобы не пропускать шума. Большинство зданий стояло без крыш.

Мы остановились перед самым большим. Вывеска над дверью гласила:

АДМИНИСТРАЦИЯ

Мы вошли внутрь, и меня провели в отдел кадров. Вид комнаты вызвал во мне сентиментальные чувства, настолько она была знакомая, военная и скучная. Здесь даже оказался пожилой клерк, который поминутно

сморкался. Такие клерки — неизбежная принадлежность этих комнат со времен Цезаря. Табличка на его столе говорила, что он — младший лейтенант Р. И. Джайлс, и он, судя по всему, вернулся в отдел, отработав уже положенные часы, специально для того, чтобы зарегистрировать меня.

— Рад встретиться с вами, мистер Лайл, — сказал он, пожимая мне руку.

Он почесал нос и чихнул.

— Вы прибыли на неделю раньше, чем мы ожидали, и предназначенное вам помещение еще не готово. Вы не будете возражать, если мы уложим вас на сегодняшнюю ночь в приемной?

Я ответил, что полностью удовлетворен, и это, по моему, его порадовало.

10

Честно говоря, в глубине души я ожидал, что меня встретят как великого героя и представлял себе, как мои новые товарищи будут, открыв рты, ловить каждое слово в моем скромном рассказе о приключениях и чудесных побегах, о том, как мне удалось все-таки принести в Главный штаб важное сообщение.

Я ошибался. Начальник отдела кадров вызвал меня к себе на следующий день, как только я кончил завтракать, но я его самого не увидел: принял меня старый знакомый мистер Джайлс. Я был несколько задет таким отношением ко мне и сухо спросил его, когда мне будет удобнее нанести официальный визит командующему.

Он чихнул и сказал:

— О, да. Разумеется, мистер Лайл, я совсем забыл сказать, что командующий поздравляет вас с прибытием и просит вас считать, что визит вежливости был уже нанесен не только ему, но и начальникам отделов. Мы сейчас все очень заняты, и он просил передать, что пригласит вас к себе специально в первую же свободную минуту.

Я отлично понимал, что генерал не посылал мне никакого такого послания и что клерк просто следует установившемуся порядку. Лучше мне от этого не стало.

Ничего не поделаешь. Я уже приступал к службе. К полудню я был официально зарегистрирован и поставлен на довольствие. Меня осмотрел врач, послушал сердце и взял анализы. Потом я получил шанс рассказать о своих похождениях, к сожалению, только магнитофону. Живые люди прокрутят запись, но я не получу такого удовольствия, как от живых слушателей. Потом меня загипнотизировали, и они получили послание, которое я нес в себе.

Это было уже слишком. Я спросил психотехника, который мной трудился, что за послание принес я в Главный штаб. Он ответил коротко:

— Мы не говорим курьерам содержания посланий.

Его тон указывал, что вопрос мой был не тактичен.

Тут меня прорвало. Не знаю, был ли он старше меня по рангу (знаков различия на нем не было), но мне было плевать.

— Что же получается, черт возьми! Мне что, не доверяют? Я тут рискую головой...

Он прервал меня и заговорил мягче, чем раньше:

— Дело вовсе не в том. Это делается для вашего же блага.

— Как так?

— Мы считаем, что чем меньше вы знаете того, что знать не обязательно, тем меньше вы сможете рассказать, если попадетесь в руки полиции, — это лучше и для вас, и для наших товарищей. Например, знаете ли вы, где сейчас находитесь? Могли бы указать это место на карте?

— Нет.

— Я тоже. Мне никто не рассказывал об этом, потому что это знание мне в данный момент не необходимо. Однако, — продолжал он, — я думаю, что вам можно сказать в общих чертах, что вы несли в себе обычные сводки и доклады, подтверждающие те данные, что мы получили другими путями. Раз уж вы все равно ехали к нам, то они нагрузили вас всякой всячиной. Я с вас три пленки списал.

— Обычные сводки? Почему же Питер Ван Эйк сказал мне, что я несу послание особой важности? Что же он, шутит?

Техник улыбнулся:

— Я знаю, что он имел в виду. Вы содержали в себе одно важное сообщение, касающееся в первую очередь вас самого. Вы несли в себе гипнотически собственное удостоверение личности...

Мои путешествия по врачам, психотехникам, отделам снабжения и так далее дали мне почувствовать размеры помещения. «Игрушечный городок» был административным центром. Энергетическая станция и склад находились в другом зале и отделялись от нас десятками метров скалы. Женатые пары устраивались, где им было удобнее. Примерно треть живущих там составляли женщины, и они чаще предпочитали строить свои «курытники» подальше от центра. Арсенал и склад боеприпасов находились в боковом туннеле, на безопасной дистанции от жилых помещений. Свежей воды было достаточно, хотя она была довольно жесткая, и в некоторых проходах текли подземные ручьи — источник, кстати, дополнительной вентиляции. Воздух всегда оставался свежим. Температура была постоянно 20, а относительная влажность 32% зимой и летом, днем и ночью.

К обеду я был уже на работе и трудился в арсенале, проверяя и налаживая оружие. Я мог бы и оскорбиться, потому что обычно это работа сержантов, но я понимал, что тут никто не заботится о чинопочитании (например, каждый сам мыл за собой посуду после еды). Да и разве плохо было после всех переживаний сидеть в прохладном арсенале и заниматься спокойным делом?

В тот же день перед ужином я вошел в гостиную и хотел присесть. И тут услышал знакомый баритон:

— Джонни! Джон Лайл!

Я подпрыгнул на месте от неожиданности и увидел бегущего ко мне Зеба Джонса, здорового старину Зеба, весьма некрасивое лицо которого украшала улыбка до ушей.

Мы долго хлопали друг друга по спине и плечам и ругались последними словами.

— Когда ты сюда попал? — спросил я наконец.

— Недели две назад.

— Как так? Ты же был еще в Новом Иерусалиме, когда я уезжал?

— Меня перевезли в виде трупа, в глубоком трансе. Запаковали в гроб и написали: «Заразно».

Я рассказал ему о своем путешествии, и мой рассказ явно произвел впечатление на Зеба, что очень поддержало мой дух. Затем я спросил, что он здесь делает.

— Я в бюро пропаганды, — сказал он. — У полковника Новака. Сейчас, например, пишу серию в высшей степени уважительных статей о жизни Пророка и его аколитов, о том, сколько у них слуг, сколько стоит содержать Дворец, сколько стоят церемонии, ритуалы и так далее. Все это, разумеется, абсолютная правда, и пишу я с большим одобрением. Правда, я довольно сильно нажимаю на действительную стоимость драгоценностей и несколько раз упоминаю о том, какая великая честь для народа — содержать наместников Бога на земле.

— Не понимаю я тебя, Зиб, — сказал я, нахмурившись. — Ведь люди любят глядеть на эти штуки. Вспомни, как туристы в Новом Иерусалиме бьются за билеты на Храмовый праздник.

— Правильно. Но мы не собираемся распространять мои творения среди сытых туристов в Новом Иерусалиме, мы отдадим их в маленькие газеты долины Миссисипи и Юга — мы распространим их среди самых бедных слоев населения Штатов, среди людей, которые твердо убеждены, что благочестие не должно быть роскошным, что бедность и добродетель — синонимы. Пусть они начнут сомневаться.

— Вы серьезно думаете, что можно поднять восстание таким способом?

— Это тоже входит в подготовку к нему.

После обеда мы с Зибом отправились в его комнату. Мне было спокойно и уютно. В тот момент меня мало волновало, что мы с ним участвуем в движении, которое имеет мало шансов на победу, и, вернее всего, мы или погибнем вскоре в бою, или будем сожжены как бунтовщики. Кроме Зеба, у меня никого не осталось, и я себя чувствовал, как в детстве, когда мать сажала на стул в кухне и кормила пирогами.

Мы болтали о том, о сем, и постепенно я многое узнал о нашей организации, в частности, обнаружил —

и был этим весьма удивлен, — что не все наши товарищи были братьями. Я имею в виду братьев по Ложе.

— Разве это не опасно? — спросил я.

— А чего ты, старина, ожидал? Некоторые из самых ценных наших товарищей не могут по религиозным соображениям присоединиться к Ложе. Но нам никто не давал монополии на ненависть к тирании и на любовь к свободе. В нашей борьбе нам нужна поддержка как можно большего числа людей. Любой идущий с нами по одной дороге — наш попутчик и товарищ. Любой.

Я подумал, что эта идея логична, хотя чем-то она мне не понравилась. И я решил смириться с действительностью.

— Наверное, ты прав. Можно допустить, что, когда дело дойдет до сражений, мы используем даже париев, хотя, конечно же, их нельзя принимать в братство.

Зеб уставился на меня уже знакомым мне взглядом:

— Ради бога, Джон! Когда же наконец ты снимешь шоры?

— А что?

— Неужели тебе до сих пор не пришло в голову, что самое существование париев является частью пропагандистского трюка тирании, которая всегда ищет козла отпущения?

— Но какое это имеет отношение?..

— Заткнись! И слушай старших! Отберите у людей секс, запретите его, объявите греховным, замените ритуальным размножением. Затолкайте человеческие инстинкты вглубь, превратите их в подспудное стремление к садизму. А потом подставьте толпе козла отпущения, дозвольте поработенным людям время от времени убивать этого козла отпущения и в этом находить выход темным эмоциям... Этот механизм отработан тиранами за многие столетия. Тираны использовали его задолго до того, как было придумано слово «психология». И этот механизм по-прежнему эффективен. Не веришь — погляди на себя.

— Ты меня не так понял, Зеб! Я ничего не имею против париев.

— Вот и молодец! Продолжай в том же духе. Тем более, что у тебя есть все шансы встретиться с ними в

Высшем совете Ложи. Кстати, забудь это слово — «пария». В нем заключается, как мы говорим, высокий негативный индекс.

Он замолчал. Молчал и я. Мне нужно было время, чтобы разобраться в собственных мыслях. Поймите меня правильно: легко быть свободным, когда тебя воспитали свободным. А если ты воспитан рабом? Тигр, возвращенный в зверинце, убежав, вновь возвращается в темноту и безопасность клетки. А если клетку убрать, он будет ходить вдоль несуществующей решетки, не смея перейти невидимую линию, отделяющую его от свободы. Подозреваю, что я был таким тигром и не мог перейти границу.

Мозг человека невероятно сложен. В нем есть отделения, о которых сам его владелец не подозревает. Мне казалось, что я уже устроил в собственном мозгу уборку и выкинул оттуда все суеверия, которые мне положено было в себе таскать. Но, оказывается, моя «уборка» была не более как заметанием сора под ковры. Настоящая же уборка завершится не раньше чем через годы. Только тогда чистый воздух заполнит все комнаты моего разума.

Хорошо, сказал я себе, если я встречу одного из этих пар... нет, одного из этих товарищей, я буду с ним вежлив до тех пор, пока он сам будет вежлив со мной!

И в тот момент я не чувствовал ханжества в таком мысленном условии.

Зеб лежал на койке и курил. Я знал и раньше, что он курит, и он знал, что я не одобряю этой греховной привычки. Но это был не очень крупный грех, и мне даже в голову не приходило донести на Зеба, когда мы жили с ним во Дворце. Я даже знал, что его обеспечивал контрабандными сигаретами один из сержантов.

— А кто тебе здесь достает сигареты? — спросил я.

— Зачем просить других, когда можно купить их в лавке? — Он покрутил в пальцах эту отвратительную штуку и сказал: — Мексиканские сигареты крепче тех, к которым я привык. Я подозреваю, что в них кладут настоящий табак вместо заменителей, к которым я привык. Хочешь закурить?

— Нет уж, спасибо.

Он сухо усмехнулся.

— Давай, прочти мне обычную лекцию. Тебе самому станет легче.

— Послушай, Зеб, я тебя не критикую. Может быть, я и здесь заблуждался.

— Ну уж нет. Это гадкая привычка, которая разрушает мне зубы, портит дыхание и в конце концов убьет меня, породив во мне рак легких. — Он глубоко затаился, выпустил клуб дыма и был, по-видимому, вполне доволен жизнью. — Но я не могу устоять против этой гадкой привычки. К тому же Господь Бог не обращает на это никакого внимания.

— Не богохульствуй.

— А я и не богохульствую.

— Да? Ты нападаешь на одно из основных положений религии. Господь всегда следит за нами.

— Кто тебе сказал?

На секунду я лишился дара речи.

— Это же... это же аксиома. Это...

— Я повторяю вопрос: кто тебе сказал об этом? Допустим, что за мной следит сам Господь Бог и накажет меня вечными муками ада за то, что я курю. Но кто тебе сказал об этом? Джонни, ты уже достиг в своем воспитании момента, когда ты понимаешь, что Пророка стоит скинуть и повесить на высоком-высоком дереве. И в то же время ты пытаешься навязать мне собственные религиозные убеждения. Поэтому я еще раз спрашиваю: кто тебе сказал? На каком холме ты стоял, когда с неба упала молния и просветила тебя? Какой архангел принес тебе эту новость?

Я не смог ничего ответить.

— Я знал разных людей, — продолжал Зеб. — И хороших, и скромных, и преданных. Но как ты назовешь человека, который уверяет, что знает, о чем думает сам Господь Бог? Человека, уверяющего, что он — его поверенный? И это помогает ему чувствовать себя всемогущим и править мной и тобой. Итак, появляется человек с громким голосом и средними умственными способностями. Он слишком ленив, чтобы стать фермером, слишком глуп, чтобы стать инженером, слишком ненадежен, чтобы стать банкиром, но, братишка, он может молиться! Он собирает вокруг себя других таких же. И вот родился Первый Пророк.

Я готов был согласиться с Зебом, пока он не назвал Первого Пророка. Я уже пришел к внутреннему заключению, что наш теперешний Пророк плох, но это еще не поколебало основы моей веры, впитанной с молоком матери. Я хотел реформировать Церковь, но не хотел ее ломать.

— Что-то не так? — спросил Зеб, разглядывая с интересом мое лицо. — Я опять тебя чем-то обидел?

— Нисколько, — ответил я тихо и принялся объяснять ему, что, если власть в стране держит в своих руках дьявольская банда, это еще не значит, что неверна сама вера.

Зеб вздохнул, будто устал от нашего разговора.

— Повторяю, Джонни, что совсем не собираюсь спорить с тобой о религии. По натуре я не агрессор — вспомни, что даже в подполье меня пришлось тащить чуть ли не силой... — Он помолчал. — Ты полагаешь, что доктрины — дело логики?

— Конечно, это завершенное логическое построение.

— Тогда фигура Бога очень удобна. Ты можешь с его помощью доказать все, что тебе хочется. Ты просто подбираешь выгодные тебе постулаты, а затем уверяешь, что они тебе внушены свыше. И никто не может доказать, что ты врешь.

— Ты хочешь сказать, что Первый Пророк не был назначен свыше?

— Я ничего не хочу сказать. Насколько я знаю, я сам и есть Первый Пророк, прибывший вновь на землю для того, чтобы изгнать торгующих из Храма.

— Не смей... — начал я, но тут раздался стук в дверь. Я осекся и сказал: «Войдите!»

Вошла сестра Магдалина.

Она кивнула Зебу, улыбнулась, глядя на мою глупую физиономию, и сказала:

— Привет, Джон Лайл. Добро пожаловать.

Я впервые увидел ее без сутаны и капюшона. Она показалась мне удивительно хорошенькой и совсем молоденькой.

— Сестра Магдалина!

— Нет. Сержант Эндрюс. Для друзей — Магги.

— Но почему вы здесь?

— Сейчас потому, что узнала за ужином о вашем приезде. Не найдя вас нигде, я решила искать у Зеба. А вообще-то, я не могла вернуться во Дворец, а так как наш тамошний подпольный центр переполнен, меня перевели сюда.

— Очень приятно видеть вас здесь!

— И мне тоже, Джон.

Она потрепала меня по щеке и снова улыбнулась. Потом села на кровать к Зебу. Зеб зажег еще одну сигарету и протянул ей. Она взяла ее, затянулась и выпустила дым так естественно, будто курила всю жизнь.

Никогда в жизни я не видел, чтобы женщина курила. Никогда. Я понимал, что Зеб следит за мной, и тщательно делал вид, что меня это совсем не шокирует. Вместо того чтобы продолжать спор, я сказал:

— Как хорошо, что мы снова все встретились. Вот если бы еще...

— Знаю, — сказала Магги, — если бы Юдифь была с нами. Вы не получили от нее писем?

— Разве это возможно?

— Я не помню номер почтового ящика, но вы можете заглянуть ко мне в комнату. Будете писать, не запечатывайте. Мы проверяем письма, чтобы вы не написали лишнего. Я сама написала ей на прошлой неделе, но еще не получила ответа.

Я подумал, что надо извиниться и убежать писать письмо, но не сделал этого. Уж очень было в самом деле приятно сидеть с ними обоими, и мне не хотелось, чтобы этот вечер кончился. Я решил, что напишу перед сном, и тут же, к собственному удивлению, подумал, что не удосужился вспомнить о Юдифь с самого... самого Денвера, по крайней мере.

Но я не написал письмо в тот вечер. Было уже больше одиннадцати, и Магги сказала, что завтра рано вставать, как вошел ординарец.

— Командующий просит легата Лайла немедленно прибыть к нему.

Я быстро причесался и поспешил к генералу, жалея, что одет не в форму, а в гражданский костюм.

Дом Администрации был темен, и даже мистер Джайлс отсутствовал в этот поздний час. Я нашел дверь

в кабинет, постучал, вошел и, щелкнув каблуками, сказал:

— Легат Лайл прибыл по вашему приказанию, сэр.

Пожилой человек, сидевший спиной ко мне за столом, обернулся, и у меня дух перехватило от удивления.

— А, Джон Лайл, — сказал он, встал из-за стола и подошел ко мне, протягивая руку. — Давно не виделись, не так ли?

Это был полковник Хаксли, начальник отдела прикладных чудес в Вест Пойнте и единственный мой друг среди офицеров. Не раз по воскресеньям я отсиживался у него дома, отдыхая от гнета мертвой дисциплины.

— Полковник... Я хотел сказать, генерал, сэр. Я думал, что вы умерли.

— Мертвый полковник становится живым генералом. Неплохо звучит. Нет, Лайл, я только считаюсь мертвым. На самом деле я ушел в подполье. Они всегда так объявляют, если пропадает офицер. Так лучше для общественного мнения. Ты тоже мертв, разве не знаешь?

— Нет, не знаю. Впрочем, это не играет роли. Как хорошо, что вы с нами, сэр.

— Хорошо.

— А как вы...

— Как я попал сюда и стал большим начальником? Я состою в движении много лет, Лайл. Но я не перешел на нелегальное положение, пока мне не пришлось это сделать, — никто из нас не скрывается в подполье по своей воле. Они хотели, чтобы я постригся в монахи. Им не нравилось, что мирской офицер знает слишком много о том, как организуются чудеса. Так что я взял отпуск и умер. Очень печально. — Он улыбнулся и продолжал: — Но ты садись, садись. Я ведь собирался тебя позвать, да очень занят был. Только сейчас выбрал время, чтобы прослушать запись твоего доклада.

Мы поболтали немного. Я уважал Хаксли больше, чем любого другого офицера. И его присутствие здесь развеяло бы любые сомнения в правоте нашего дела, если бы они у меня еще оставались. Раз уж полковник здесь, значит, здесь и мое место.

В конце беседы Хаксли сказал:

— Как ты понимаешь, Лайл, я тебя вызвал в этот поздний час не только для того, чтобы просто поболтать. У меня есть для тебя работа.

— Да, сэр?

— Без сомнения, ты уже обратил внимание, что среди нас мало профессиональных военных. Не думай, что я не доволен моими товарищами, — каждый из них посвятил нашему делу жизнь. Все они сознательно отдали себя под власть военной дисциплины, что не всегда легко сделать, если ты уже не мальчик. Но все-таки нам остро не хватает настоящих кадровых солдат. У меня уходит масса лишних усилий на то, чтобы превратить Главный штаб в успешно функционирующий организм. Я буквально завален административными делами. Не поможешь ли ты мне?

Я поднялся:

— Я сочту за честь служить с вами.

— Отлично! Назовем тебя пока моим личным адъютантом. На сегодня все. Увидимся утром, капитан.

Я уже был на полпути к двери, когда до меня дошел смысл его последних слов. Но я решил, что генерал оговорился.

Оказалось, нет. На следующее утро я отыскал свой кабинет по табличке «Капитан Лайл», приколотой к двери. С точки зрения профессионального военного, революция имеет большое преимущество — она дает возможность быстро расти по службе... Даже если жалование получаешь нерегулярно.

Мой кабинет примыкал к кабинету генерала Хаксли, и теперь я практически жил в кабинете — даже поставил раскладушку в углу, за письменным столом. В первый же день, стараясь разобрать груды входящих бумаг, я поклялся себе, что, как только разделаюсь с бумагами, первым делом напишу длинное письмо Юдифь. Но мне пришлось довольствоваться короткой запиской, потому что на самом дне груды я обнаружил меморандум, адресованный не генералу, а лично мне.

На меморандуме было написано: «Легату Лайлу», затем кто-то вычеркнул слово «легату» и написал сверху «капитану». Далее следовал текст:

ДЛЯ СВЕДЕНИЯ ВНОВЬ ЗАЧИСЛЕННОГО ПЕРСОНАЛА:

1. От Вас требуется составление подробного доклада, включающего с возможной полнотой все события, мысли, соображения, инциденты, приведшие Вас к решению присоединиться к борьбе за свободу. Доклад должен быть подробным и максимально субъективным. Доклад, составленный в спешке, слишком коротко и поверхностно, будет возвращен Вам на предмет корректировки и дополнений, а в случае невозможности это сделать вам будет предложено пройти гипноэкзамен.

2. Ваш доклад будет рассматриваться как строго конфиденциальный, и Вы можете объявить секретной любую его часть. При желании Вы можете заменить буквами или цифрами имена собственные лиц, о которых идет речь, если это поможет вам высказываться с полной откровенностью.

3. Доклад должен быть написан в свободное от работы время, однако без промедления. Черновик Вашего доклада должен быть представлен (далее чьей-то рукой была написана дата — сорок семь часов от той минуты, когда закончил чтение. Можете представить, какими нецензурными выражениями я мысленно охарактеризовал автора этой приписки!).

По распоряжению командующего
полковник М. Новак,
начальник департамента психологии

Я был крайне возмущен этими требованиями и решил, что все же сначала я напишу Юдифь. Но письмо не получалось — как вы прикажете писать любовное послание, когда вы знаете, что его обязательно увидят чужие глаза и будут подозрительно вдумываться в смысл ваших самых нежных слов.

Пока я писал Юдифь, мои мысли вновь вернулись к той ночи у парапета Дворца Пророка, когда я впервые ее увидел. И я подумал, что перемены во мне начались именно с этого момента, хотя кое-какие сомнения у меня возникали и раньше. Так что настырный полковник Новак с его анализами был совершенно ни при чем.

Закончив короткое письмо, я решил не ложиться, а взяться сначала за проклятый доклад.

Через какое-то время я обнаружил, что уже второй час ночи, а я все еще не добрался до момента, когда был принят в Братство. С сожалением я прекратил исповедь (хоть уже начал получать от ее создания определенное удовольствие) и запер рукопись в стол.

На следующее утро за завтраком я отвел Зеба в сторонку, показал ему меморандум и спросил:

— Зачем этот допрос? Неужели они нас все еще в чем-то подозревают?

Зеб не удостоил меморандум внимательного взгляда.

— Ничего подобного, — сказал он. — Хотя, конечно же, любой шпион попадется на таком докладе, стоит его подвергнуть семантическому анализу.

— Но зачем же тогда этот доклад?

— Не все ли равно? Напиши его как следует и сдай куда надо.

Мне его реакция не понравилась.

— Сомневаюсь, что буду его дописывать. Лучше сначала поговорю об этом с генералом.

— Пожалуйста, если хочешь выглядеть дураком. Но поверь, что психоматематикам, которые будут анализировать доклад, твоя персона не интересна. Им даже не важно, как тебя зовут. Перед началом анализа девица пройдет по всему докладу и заменит все имена, включая твое собственное. Ты для них — источник информации, не больше. Наш шеф замыслил какой-то грандиозный проект — я сам не знаю, какой, и ему надо набрать для него ворох статистических данных.

Я несколько успокоился.

— Чего ж они прямо об этом не скажут? А то я решил, что этот меморандум — приказ. И, естественно, разозлился.

Зеб пожал плечами:

— Все произошло оттого, что меморандум готовил отдел семантики. Если бы над ним поработали пропагандисты, ты бы вскочил с кровати на рассвете и до завтрака закончил работу — так тебе не терпелось бы отличиться. — Он добавил: — Между прочим, до меня дошли слухи, что тебя повысили в чине. Прими мои поздравления.

— Спасибо, — неожиданно для самого себя я смутился. — Каково тебе теперь чувствовать себя подчиненным?

— Как? Неужели ты взлетел так высоко? Я-то решил, что ты всего-навсего капитан?

— Я и есть капитан.

— Извини меня, что я лезу к тебе со всякой чепухой, но я уже майор.

— Ничего себе! Поздравляю.

— Не стоит благодарности. Здесь надо быть, по крайней мере, полковником, чтобы не застилать по утрам свою койку.

По правде сказать, я был слишком занят, чтобы каждый день убирать свою койку. Спал я в основном на раскладушке в моем кабинете, и как-то раз мне пришлось неделю обходиться без душа.

Мне стало ясно, что организация была куда больше и сложнее, чем я предполагал раньше. Более того, она все время росла. Я стоял слишком близко к деревьям, чтобы увидеть лес, несмотря на то что все бумаги, кроме сверхсекретных, проходили через мои руки.

Я заботился о том, чтобы генерал Хаксли не утонул в ворохах бумаг, и в результате утонул в них сам. Моя задача была решить, что он стал бы делать с той или иной бумагой, если бы у него была свободная минута. Потом делать это самому. Попервоначально я совершил положенное число ошибок, но, очевидно, их было не столь много, чтобы генерал меня уволил, и месяца через три я уже стал майором с приятной для слуха должностью: «Помощник начальника Генерального штаба». Зеб обогнал меня снова и уже исполнял обязанности начальника отдела пропаганды, так как его шефа перевели в региональный штаб под кодовым названием «Иерихон».

Но я забегаю вперед. Я получил письмо от Юдифь недели через две после приезда. Это было приятное письмо, но сильно сокращенное в процессе пересылки. Я собирался ей ответить немедленно, но протянул с ответом неделю. Мне нечего было ей написать, кроме того, что я здоров и чертовски занят. Если я напишу три раза подряд, что я ее люблю, то какой-нибудь идиот шифровальщик обязательно это выкинет.

Почта достигала Мексики через длинный подземный туннель, большей частью естественный, в некоторых местах пробитый в известняке. Маленькая электрическая дорога перевозила не только документы и переписку, но также продовольствие и припасы, необходимые для нашего городка. Подземелье, известное под названием Главный штаб, использовалось нашими уже лет двадцать. Никто не знал всех переходов и залов подземного мира. Мы просто-напросто освещали и использовали столько места, сколько нам было нужно. Любимым развлечением трогов (нас, постоянных жителей подземелья, называли троглодитами или трогами, а посетители назывались летучими мышами, потому что появлялись по ночам) были прогулки и пикники в не известных никому коридорах и залах, что требовало некоторого знания спелеологии.

Такие путешествия никому не запрещались, но начальство требовало, чтобы мы принимали тщательные меры предосторожности и не ломали ног и рук. Генерал лично одобрял эти прогулки, потому что они были одним из очень немногих средств размяться и не терять формы — многие работали здесь месяцами и годами, не видя дневного света.

Мы с Зебом и Магги несколько раз выбирались в дальние пещеры. Магги всегда приглашала с собой какую-нибудь другую девушку. Сначала я протестовал, но она убедила меня, что это необходимо, чтобы избежать сплетен... девушки как бы оберегали друг дружку. Магги говорила мне, что Юдифь не стала бы возражать против таких пикников, потому что они совершенно невинны. Каждый раз спутницы Магги менялись и так получалось, что Зеб куда больше обращал внимания на этих девушек, оставляя Магги на мое попечение. Одно время мне казалось, что Магги и Зеб поженились, но теперь я начал в этом сомневаться. Вроде бы они подходили друг другу, как сыр к маслу, но Магги совершенно очевидно не питала к Зебу ревности, хотя, с моей точки зрения, он вел себя совершенно бесстыдно. Значит, и он знал, что Магги это не волнует.

Утром в субботу Зеб сунул голову в мою келью и сказал:

— Выход в два часа. Захвати с собой полотенце.

Я поднял взор от кипы бумаг.

— Вряд ли я успею. А почему полотенце?

Но он уже исчез.

Через некоторое время ко мне в кабинет зашла Магги, чтобы забрать недельную разведсводку для Старика, но я и не пытался ее ни о чем спрашивать — на службе она идеальный штабной сержант. Днем я попытался перекусить, не поднимаясь из-за стола, все еще надеясь покончить с делами и понимая, что не успеваю. Без четверти два я отправился к генералу Хаксли, чтобы он наложил резолюцию на послание, которое должно уйти вечером с гипнокурьером. Послание следовало немедленно отправить психиатру, который подготавливает его для внушения курьеру. Генерал проглядел послание, завизировал его и произнес:

— Сержант Энди сказал мне, что у вас свидание.

— Сержант Эндриус ошибается, — ответил я официальным голосом. — Я еще не обработал недельные доклады из Иерихона, Нода и Египта.

— Оставьте их на моем столе и выматывайтесь. Это приказ. Не в моих интересах, чтобы вы свихнулись от переутомления.

Я не стал напоминать генералу, что, по моим расчетам, он уже месяц не видел солнца. Я подчинился и вышел.

Я поспешил к нашему обычному месту встречи у женского общежития. Магги уже ждала там. С ней рядом стояла блондинка по имени Мариам Бус, которая служила клерком на интендантских складах. Я знал ее в лицо, но не был знаком. Девушки принесли с собой корзину с продуктами. Тут же подошел и Зеб. Он принес одеяло, на котором мы обычно сидели. Оно же служило и скатертью. В другой руке он нес переносной прожектор.

— Где твоё полотенце? — спросил он.

— Я решил, что ты шутишь.

— Беги за ним. Мы пойдем Алпиевой дорогой, а ты нас догонишь. Пошли, девочки.

Они отправились в путь, а мне ничего не оставалось, как подчиниться. Схватив в моей комнате полотенце, я поспешил за ними и, только заведя их вдаль, перешел с бега на шаг. Я с трудом отдышался — сидячая работа

сказалась на мне катастрофически. Они услышали, как я топаю, и остановились, поджидая меня.

Мы все были одеты одинаково: в штаны, подпоясанные ремнями с прикрепленными к ним фонарями, и куртки, обмотанные тросом. Хотя мне и не очень нравилось, что женщины в пещерах ходят в мужской одежде, я понимал, что пробираться по пещерам в юбках непрактично.

Мы покинули освещенный туннель, повернув к, казалось бы, сплошной стене. Но тут же оказались в трудно различимом, но вполне проходимом коридоре. Зеб привязал у входа в коридор конец лабиринтного шнура и начал стравливать его, как требовалось по инструкции. Зеб всегда серьезно относился к серьезным вещам.

Мы прошли по коридору с полмили, встречая следы тех, кто бывал здесь до нас. Затем мы покинули исхоженную тропу и вскоре уперлись в глухую стену.

— Здесь мы должны перебраться через стенку, — сказал Зеб.

— А куда мы направляемся? — спросил я.

— Мариам там бывала. Она нам покажет.

Перебраться через стену не стоило особого труда. На всякий случай мы страховали девушек тросами. По ту сторону перемычки туннель продолжался. Если не знать о нем, можно тысячу лет проходить в метре от туннеля и не догадаться о его существовании. Мы шли быстро, светя вперед фонарями, и останавливались лишь однажды, когда Зеб привязал к лабиринтному шнуру новый клубок. Вскоре Мариам сказала:

— Теперь не спешите. Мне кажется, что мы уже пришли.

Зеб обвел вокруг себя фонарем и присвистнул:

— Вот это да!

Магги медленно произнесла:

— Как здесь красиво!

Мариам лишь торжественно улыбнулась.

Я был с ними согласен. Мы оказались в небольшой высокой пещере шириной около восьмидесяти футов, которая протянулась в неизвестность, полого заворачивая направо. Главной достопримечательностью этой пе-

щеры было спокойное, будто налитое тушью озерцо, перед которым расстился маленький песчаный пляж.

Наши голоса звучали гулко, но негромко, потому что звуковым волнам мешали распространяться сталакиты, свисавшие с потолка пещеры. Зеб подошел к краю озера, присел и попробовал воду пальцами.

— Не очень холодная, — сообщил он. И тут же добавил: — Кто нырнет последним, тому глаз вон!

В последний раз я слышал такое выражение, когда был мальчишкой. Зеб уже расстегивал куртку. Я подошел к нему и приглушенным голосом заявил:

— Зеб! Что ты делаешь? Мы же не можем купаться вместе!.. Ты пошутил, да?

— И не собирался шутить, — сказал он, глядя мне в глаза. — А почему нельзя? Что с тобой, мой дружок? Ты боишься, что тебя накажут? Не бойся, они не увидят. С наказаниями у нас покончено.

— Но...

— Что «но»?

Я не смог найти ответа. Пользуясь терминами и понятиями, которым меня обучили, я мог бы объяснить ему всю греховность его намерений. Но я понимал, что Зеб рассмеется мне в лицо — и девушки услышат, что он смеется. А может быть, и они будут смеяться, потому что они с самого начала знали, что мы будем купаться вместе, а меня никто не предупредил.

— Зеб, послушай, — не сдавался я. — Я не могу... я не знал... у меня даже плавок с собой нет.

— Я тоже их не захватил, — сказал Зеб. — Скажи, а тебе мальчишкой не приходилось купаться нагишом?

Он не стал ждать моего ответа, а повернулся к девушкам и спросил:

— А вы чего ждете, хрупкие сосуды греха?

— Мы ждем, пока вы кончите спорить, — ответила Магги, подходя ближе. — Зеб, ты не возражаешь, если мы с Мариам разденемся по ту сторону большого камня?

— Отлично. Но учти: не нырять, не отвязывать страховочного конца и на берегу все время дежурит один из нас.

— Глупости! — возмутилась Мариам. — В прошлый раз я здесь ныряла.

— Тогда меня с тобой не было, — ответил Зеб. — Так что я повторяю: не нырять, а то отшлепаю.

Мариам пожала плечами:

— Будь по-твоему, полковник Зануда. Пошли, Маг.

Они зашли за камень размером с дом. На полпути Мариам остановилась, посмотрела на меня и погрозила мне пальцем:

— Чтобы не подглядывать!

Девушки исчезли за камнем, и до нас донеслось их хихиканье. Я быстро сказал:

— Ты делай как хочешь, я в твои дела не вмешиваюсь. Но я останусь здесь, на берегу. Я буду вас охранять.

— Как тебе удобнее. Я готов был дежурить с тобой поровну, но никто не может помешать тебе быть упрямым ослом. Без нужды не суетись — обе девушки отлично плавают.

В отчаянии я прошептал:

— Зеб, я уверен, что генерал категорически запрещает купание в подземных озерах.

— Поэтому мы ему и не будем докладывать, — ответил Зеб. — Никогда не беспокойте командующего без нужды — цитирую по уставу армии царя Иосифа, тысяча четырехсотый год до нашей эры.

И он продолжал раздеваться.

Я не знаю, почему Мариам именно меня предупредила, чтобы не подглядывать — я и не собирался! Когда она разделась, то вышла из-за камня и направилась прямо к воде, но свет переносного прожектора ярко осветил ее. Мариам закричала:

— Выходи, Магги! Если ты поспешишь, то Зеб будет последним и ему глаз вон!

Я не хотел смотреть на Мариам, но не мог отвести от нее глаз. Я в жизни не видел ничего похожего на зрелище, представшее моим глазам. Только раз мне удалось взглянуть на картинку, которую мне показал мальчик в нашей приходской школе. Но я успел лишь взглянуть и тут же на него донес.

Я сгорал со стыда, но смотрел на Мариам не отрываясь.

Зеб вошел в воду раньше Магги — правда, я думаю, что ей было все равно. Он почти нырнул — таким образом, чуть не нарушил собственный запрет. Он прыгнул в воду, но не скрылся под ее поверхностью, а сразу поплыл и вскоре уже догнал Мариам, которая плыла к дальнему берегу.

Затем из-за камня вышла Магги и тоже вошла в воду. Она не преподнесла свое появление как торжественное событие, подобно Мариам, — быстро и грациозно она скользнула в воду. Войдя в озеро по пояс, Магги сделала несколько легких движений, потом сильными гребками поплыла в темноту. Вскоре она догнала остальных — мне было слышно, как они переговариваются, хотя я не видел их в темноте.

Пока она не скрылась из глаз, я был бессилен оторвать от нее взгляд, даже если бы от этого зависело бессмертие моей души. Что же такое заключено в теле женщины, превращающее его в самое соблазнительное и манящее зрелище на свете? Истинно ли утверждение некоторых людей, что все дело лишь в инстинкте, который заставляет нас покоряться воле Господа, дабы плодиться и размножаться? А может быть, за этим скрывается нечто более загадочное и чудесное?

Я поймал себя на том, что губы мои шепчут:

«Как...

телом подобна пальме, груди как грозди...»

В смятении и ужасе я заставил себя замолчать, ибо вспомнил, что Песнь Песней Соломона — не более как чистая и священная аллегория, не имеющая ничего общего с подобным зрелищем.

Я уселся на песок и постарался успокоить свою смятенную душу. Через некоторое время я почувствовал себя лучше, и мое сердце перестало столь часто биться. И когда они возникли из темноты, подплывая к берегу, мне удалось даже выдавить из себя улыбку. Происходящее уже не казалось мне столь ужасным, и до тех пор, пока тела девушек были скрыты под водой, ничего страшного я не видел. Не исключено, что зло таилось не в телах девушек, а в моем извращенном греховном зрении.

— Тебя подменить? — спросил Зеб.

— Нет, — твердо ответил я. — Продолжайте купаться и веселиться.

— Хорошо, — согласился Зеб, перевернулся в воде подобно дельфину и поплыл назад. Мариам за ним.

Магги подплыла на мелкое место, замерла там, касаясь дна кончиками пальцев, и глядела на меня. Ее голова и плечи, будто выточенные из слоновой кости, поднимались над черной водой, а длинные густые волосы окружали ее, струились по воде, как водоросли.

— Бедный Джон, — мягко произнесла она. — Хочешь, я выйду и побуду с тобой?

— Нет, спасибо, не стоит.

— Ты уверен?

— Абсолютно уверен.

— Как хочешь, — она также повернулась и поплыла прочь.

Пока она разворачивалась, на какое-то чудесное мгновение моим глазам предстало все ее прекрасное тело.

Минут десять спустя Магги снова появилась на моей стороне озера.

— Я замерзла, — сказала она, вылезла из воды и прошла под прикрытые камни. Я подумал, что она не кажется голой — просто она не покрыта одеждой подобно нашей праматери Еве. В этом заключалось различие между ней и Мариам — та была голой.

Когда Магги вылезла из воды и мы с ней оба молчали, я понял, что в пещере не раздастся ни звука. Нет на свете ничего более безмолвного, чем безмолвие пещеры. На поверхности земли вы всегда можете уловить какой-нибудь шум — но совершенно особенная тишина достижима лишь под землей. Если под землей ты затаишь дыхание, то ощутишь бесконечную тишину.

Я понял, что не слышу звуков от плывущих Зеба и Мариам. А эти звуки обязательно должны были до меня донестись. Я поднялся и сделал два шага по берегу озера, но остановился, потому что на моем пути находилась «костюмерная» Магги.

Я в самом деле был обеспокоен и не знал, что предпринять. Кинуть им веревку? Но куда? Прыгнуть в воду и искать их в глубине? Я тихо позвал:

— Магги!

— Что случилось, Джон?

— Магги, я волнуюсь.

Она сразу же вышла из-за камня. Она успела надеть брюки и прижимала к груди полотенце. Мне показалось, что она только что сушила полотенцем волосы.

— Почему ты волнуешься?

— Молчи и слушай.

Она замолчала. Через некоторое время она сказала:

— Я ничего не слышу.

— Вот именно. А ты должна слышать. Я слышал, как вы плыли, даже когда вы были у дальнего берега озера. А сейчас ни звука, ни всплеска. Не может быть, что они одновременно нырнули и ударились головами о камни?

— Не беспокойся, с ними все в порядке.

— Но я, честное слово, обеспокоен.

— Я уверена, что они просто отдыхают. На той стороне тоже есть маленький пляж, даже меньше этого. Там они и лежат. Я с ними там была, но замерзла и потому вернулась.

Но я уже принял решение. Я понял, что моя проклятая стеснительность мешает мне выполнить свой долг.

— Отвернись. Нет, уйди за камень. Мне нужно раздеться.

— Зачем? Я же сказала, что в этом нет нужды.

Я открыл рот, чтобы закричать, но не успел издать ни звука, потому что Магги закрыла мне рот ладонью. От этого движения полотенце упало, что заставило нас обоих смутиться.

— Боже мой! — воскликнула она. — Пожалуйста, не кричи.

Она отвернулась от меня, нагнулась и подняла полотенце. А когда она обернулась вновь, полотенце было надежно обмотано вокруг ее груди.

— Джон Лайл, — произнесла она, — подойди сюда и сядь. Сядь рядом со мной.

Она села и хлопнула ладонью по песку — и в голове ее звучала такая уверенность, что я послушно уселся рядом с ней.

— Подвинься ближе ко мне, — сказала она. — Я не хочу кричать.

Я осторожно подвинулся к ней так, что мой рукав касался ее обнаженной руки.

— Так-то лучше, — сказала она совсем тихо, стараясь, чтобы ее голос не разносился по пещере. — А теперь слушай внимательно: там находятся два человека, которые хотят побыть вдвоем. Они находятся в полной безопасности — я их видела. К тому же оба — отличные пловцы. Ты же, Джон Лайл, должен умерить свой пыл и научиться не вмешиваться в чужие дела.

— Боюсь, что я тебя не понял, — искренне сказал я. Но, по правде сказать, я уже подозревал, что начинаю ее понимать.

— Ну что ты за человек! Скажи мне, Мариам что-нибудь для тебя значит?

— Значит? Нет, пожалуй, не значит.

— Мне тоже так казалось. По крайней мере, за все время ты и двух слов с ней не сказал. Значит, у тебя нет оснований ее ревновать. А если так, то оставь ее в покое и не суй нос в чужие дела. Теперь ты меня понял?

— Наверное, да...

— Вот и помолчи.

Я замолчал. Она не двигалась. Я остро ощущал ее обнаженность. Потому что она была обнаженной, хоть и была прикрыта и казалась необнаженной — и я так надеялся, что она не догадывается о моем смущении... К тому же я остро ощущал себя участником... участником не знаю чего. Я мысленно заявил себе, что у меня нет оснований подозревать самое худшее, тем более что я не инспектор по морали.

Наконец я выговорил:

— Магги...

— Что, Джон...

— Я тебя не понимаю.

— Почему, Джон? Впрочем, а так ли надо все понимать?

— Мне кажется, что тебя совершенно не тревожит, что Мариам осталась совсем наедине с Зебом...

— А что я должна по этому поводу делать?

Ну что ты будешь делать с этой женщиной! Она нарочно делала вид, что меня не понимает.

— Ну как тебе сказать... понимаешь, у меня создалось впечатление, что ты с Зебом... я хотел сказать, что вы собираетесь пожениться, когда можно будет...

Она засмеялась низким голосом.

— Полагаю, что у тебя и в самом деле могло сложиться такое впечатление. Но поверь мне, что эта проблема решена и забыта, ко всеобщему удовлетворению.

— Да?

— Пойми меня правильно. Мне очень нравится Зебадия, и я знаю, что ему тоже нравлюсь. Но психологически мы с ним оба доминантные типы — ты можешь проверить по нашим психологическим таблицам. Такие люди, как мы, не имеют права жениться друг на друге. Подобные браки совершаются не на небесах, поверь мне. К счастью, мы поняли это вовремя.

— Ага.

— Вот именно, что ага.

А вот как случилось то, что случилось в следующую минуту, я не понимаю. Я подумал было, что она такая одинокая... и оказалось, что я ее целую. Она прижалась ко мне, откинулась назад и ответила на поцелуй с таким жаром, какого я в ней и не подозревал. Что же касается меня, то в голове у меня гудело, глаза, кажется, вылезли из орбит, и я никак не мог сообразить, то ли я провалился на тысячу футов под землю, то ли я шагаю на параде.

Потом я пришел в себя. Она заглянула мне в глаза и прошептала:

— Дорогой мой Джон...

Затем она неожиданно вскочила на ноги, склонилась надо мной, забыв о том, что полотенце может упасть, и похлопала меня по щеке.

— Юдифь сказочно повезло, — сказала она, — интересно, она об этом догадывается?

— Магги! — взмолился я.

Она отвернулась от меня и сказала, глядя перед собой:

— Пойду кончу одеваться. А то простужусь. Я совсем заоченела.

А мне она совсем не показалась заоченевшей.

Вскоре она вернулась. Она была одета и яростно вытирала полотенцем свою пышную гриву. Я взял мое сухое полотенце и помог ей вытирать волосы. Я не думаю, что я предложил ей помощь — просто подошел и помог. У нее были такие густые и пышные волосы, что даже дотронуться до них — наслаждение. По мне мурашки бегали.

За этим занятием нас и застали Зеб с Мариам, когда они медленно подплыли к берегу. Мы слышали их смех и голоса задолго до того, как увидели их. Мариам вылезла из воды, обнаженная и бесстыжая, как какая-нибудь шлюха из Гоморры, но я на нее почти не обратил внимания.

Зеб поглядел мне в глаза и спросил:

— Ты готов купаться, старик?

Я хотел было ответить, что и не собираюсь купаться, намереваясь в качестве оправдания заявить, что мое полотенце уже мокрое и мне нечем будет вытираться, — и тут я понял, что Магги наблюдает за мной... Она и слова не произнесла, просто смотрела на меня.

— Конечно, я выкупаюсь! — заявил я. — Я вас заждался. — Затем я крикнул: — Мариам, скорей вылезай из-за камня! Мне негде раздеться.

Мариам захихикала и выскочила из-за камня, на ходу оправляя одежду. Я торжественно проследовал в раздевалку.

Я надеюсь, что, когда я покинул это убежище, я сохранял остатки торжественности. В любом случае, я стиснул зубы и зашагал к воде. В первый момент вода обожгла меня холодом — но я чувствовал холод лишь в первые секунды. Я никогда не был хорошим пловцом, но выступал за мой класс и как-то даже купался в Гудзоне на Новый год. В общем, купаться в черном озере мне понравилось.

Я переплыл озеро. На той его стороне тоже был маленький песчаный пляж. Я не стал на него вылезать.

На обратном пути я нырнул и постарался достичь дна, но мне это не удалось. Видно, озеро было глубже двадцати футов. В глубине было совершенно темно и совершенно тихо. Если бы у меня были жабры, то, наверное, стоило бы остаться в нем навсегда, подальше от Пророков, от Каббалы, от бесконечных входящих,

исходящих бумаг, от забот и проблем, слишком сложных и тонких для меня.

Я вынырнул и с трудом восстановил дыхание. И быстро поплыл к нашему пляжу. Девушки уже разложили на одеяле обед, и Зеб закричал мне, чтобы я поторопился. Зеб и Магги даже не обернулись, когда я вылез из воды, но я заметил, что Мариам беззастенчиво разглядывает меня. Не думаю, что я покраснел. Кстати, я никогда не любил блондинок. Я убежден, что Лилит была блондинкой.

11

Высший Совет, состоявший из начальников отделов, генерала Хаксли и еще нескольких человек, собирался примерно раз в неделю. Примерно через месяц после нашего разговора с Магги я сидел в комнате заседаний и стенографировал выступления. У нас остро не хватало людей. Моим номинальным начальником был генерал Пеннойер, занимавший должность начальника Генштаба. Но я видел его только раза два, потому что еще он числился начальником снабжения и большую часть времени уделял второй специальности. Поэтому Хаксли приходилось быть собственным Генштабом, а я стал при нем идеальным адъютантом. Я даже умудрялся следить, принимает ли он вовремя желудочные таблетки.

Совещание было шире обычного. На него прибыли руководители местных организаций. Я чувствовал напряжение приближающихся важных событий, хотя Хаксли ничего не говорил мне заранее. Зал заседаний охранялся так, что и мышь не могла бы в него проникнуть.

Сначала мы выслушали обычные доклады. Было отмечено, что в организации состоят восемь тысяч семисот девять членов. Кроме них, мы насчитывали примерно вдесятеро больше сочувствующих, но не зачисленных официально, на которых мы могли наверняка рассчитывать во время восстания.

Эти цифры не очень обнадеживали. Мы оказались в тисках дилеммы: сто тысяч человек — жалкая кучка для того, чтобы поднять восстание в громадной стране, но каждый принятый человек увеличивал опасность

разоблачения. Мы опирались на старинную систему ячеек, при которой каждый знал не больше, чем ему положено было знать, и не мог выдать на допросе многих людей, даже если он оказывался провокатором. Но и при такой системе, при такой многочисленной организации мы еженедельно теряли людей и целые группы. Четыре дня назад вся организация в Сизтле была застигнута во время заседания и арестована. Это был тяжелый удар, но, к счастью, только трое из арестованных знали важные секреты, и все они успели покончить с собой.

Начальник связи доложил, что его люди могут вывести из строя девяносто процентов радио- и телевизионных станций в стране и что с помощью штурмовых групп мы можем надеяться обезвредить и остальные, за исключением станции «Глас Божий» в Новом Иерусалиме.

Начальник инженерной службы доложил, что он готов прекратить доступ энергии в сорок шесть крупнейших городов, опять же за исключением Нового Иерусалима.

Доклады продолжались — газеты, студенческие группы, захват ракетодомов, водоснабжение, контрразведка, долгосрочные метеопрогнозы, распределение оружия. Война по сравнению с революцией проста. Она — прикладная наука с четко определенными, испытанными историей принципами и методами. Но каждая революция — непредвиденная мутация, она никогда не будет повторена, и проводят ее не кадровые военные, а в первую очередь народные массы, не имеющие опыта.

Магги приводила в порядок записи докладов, и я передавал их программистам, которые вводили данные в «мозг». Когда сообщения кончились, наступила пауза. Мы ждали решений «мозга». Перфорированная лента выползла из «мозга», и Хаксли, наклонившись, взял ее.

Он просмотрел ее, откашлялся и подождал, пока наступит тишина.

— Братья! — начал он. — Товарищи, мы давно уже договорились, что, когда сумма всех необходимых факторов с учетом возможных ошибок покажет, что ситуация сложилась с балансом риска два: один в нашу

пользу, мы начнем восстание. Сегодня этот день наступил. Я предлагаю назначить время восстания.

Никто не сказал ни слова, так поражены были присутствующие. Надежда, затянувшаяся на долгие годы, превращает реальность в нечто, чему трудно поверить. А все эти люди ждали годами, некоторые — большую часть своей жизни.

Пауза завершилась взрывом. Они вскочили, смеясь, плача, крича, ругаясь, хлопая друг друга по плечам, обнимаясь...

Хаксли сидел не двигаясь, пока остальные немного не успокоились. Затем поднялся и тихо сказал:

— Я думаю, голосовать не нужно. Час я назначу после того, как...

— Генерал, одну минуту. Я не согласен, — это был начальник Зеба, генерал Новак, начальник управления психологической войны.

Хаксли замолчал. Наступила гробовая тишина. Я был поражен, как и все.

Затем Хаксли сказал, не повышая голоса:

— Наш Совет обычно принимает решения по общему согласию. Мы давно уже договорились, каким образом и когда мы установим день восстания... Но я знаю, что вы не стали бы возражать, если бы у вас не было к тому веских оснований. Мы вас слушаем, генерал Новак.

Новак медленно вышел вперед и обернулся к Совету.

— Братья, — сказал он, оглядывая удивленные и даже сердитые лица. — Вы знаете меня. Семнадцать лет я отдаю все, что у меня есть, нашему общему делу. Я потерял семью, дом... Но я не могу позволить принять решение, прежде чем не скажу вам, что знаю с математической точностью: время для революции еще не наступило.

Он был вынужден переждать несколько минут и поднять руки, призывая к тишине.

— Да выслушайте меня, в конце концов! Я согласен, что с военной точки зрения все готово. Я даже склоняюсь к тому, что если мы ударим сегодня же, то у нас есть возможность захватить страну. И все-таки мы не готовы...

— Почему?

— Потому что большинство населения все еще верит в установленную религию, верит в божественный приоритет Пророка. Мы можем захватить власть, но мы не сможем ее удержать.

— Еще как сможем!

— Послушайте. Никакой народ не может быть подчинен долгое время без его молчаливого признания власти. В течение трех поколений американский народ воспитывается от колыбели до могилы самыми умными и хитрыми психотехниками в мире. И люди верят! ...Мы выиграем революцию, но за ней последует длинная и кровавая гражданская война, которую мы проиграем! — Он замолчал, провел трясущейся рукой по глазам и произнес: — Это все.

Несколько человек сразу попросили слова. Хаксли постучал по столу, призывая к порядку, потом представил слово генералу Пенюйеру.

— Я хотел бы задать Новаку несколько вопросов, — сказал он.

— Задавайте.

— Может ли ваше управление сказать нам, какой процент населения, по вашим расчетам, искренне верит в Пророка?

Зеб поднял голову. Новак кивнул ему, и Зеб сказал:

— Шестьдесят два процента, плюс-минус три процента.

— А каков процент тех, кто тайно противостоит правительству, независимо от того, знаем мы об их существовании или нет?

— Двадцать один процент, с соответствующей поправкой. Остальных нельзя считать верующими, но они довольны сложившимся порядком вещей.

— Как вы получили эти данные?

— Выборочным опросом и гипнопробами. Правительство потеряло много сторонников в первые годы современной депрессии, но постепенно ему удалось выровнять положение. Закон о церковной десятине и декреты против бродяжничества опять же уронили престиж Церкви. В настоящее время под влиянием нашей пропаганды правительство постепенно продолжает терять авторитет.

— Так сколько же нам понадобится времени?..

Начальник психологического управления ответил твердо:

— По нашим расчетам, понадобится три года и восемь месяцев, прежде чем мы можем рискнуть.

Пенойер повернулся к Хаксли.

— Думаю, что, несмотря на мое уважение к генералу Новаку, я должен сказать: побеждай, когда можешь победить. Может быть, у нас больше не будет такого шанса.

Почти все присутствующие поддержали его.

— Пенойер прав! Если мы будем ждать, нас кто-нибудь выдаст!

— Мы не сможем столько времени хранить в тайне такую организацию.

— Я уже десять лет в подполье. Я не хочу, чтобы меня здесь похоронили!

— Давайте победим, а потом уж будем думать, как найти сторонников.

— Да здравствует восстание!

Хаксли молчал, давая остальным выпустить пар. Я сам помалкивал, хотя бы потому, что мое положение не позволяло мне вмешиваться в дискуссию, но я был согласен с Пенойером: невозможно ждать еще почти четыре года.

Я увидел, что Зеб что-то горячо обсуждает с Новаком. Они настолько углубились в спор, что не обращали внимания на то, что творилось вокруг. Но когда Хаксли наконец поднял руку, требуя тишины, Новак покинул свое место и поспешил к нему. Генерал выслушал Новака, и мне показалось, что он сдерживает раздражение, которое вскоре сменилось неуверенностью. Новак поманил к себе пальцем Зеба, который поспешил к своему шефу. Вся эта троица шепталась несколько минут, а Совет покорно ждал, пока они придут к решению.

Наконец Хаксли вновь обратился к залу:

— Генерал Новак предложил схему, которая может изменить всю ситуацию. Совет прервет заседание до следующего дня.

План Новака (или Зеба, хотя он никогда и не признавался в авторстве) требовал передышки, по крайней мере, на два месяца, до Дня Ежегодного Чуда. Идея

заклучалась в том, чтобы вмешаться в проведение праздника. Ведь власть Пророка над людьми заключалась не только в пулеметах, но и в той вере, которую питали люди.

Будущие поколения вряд ли смогут поверить в важность, в исключительную важность как с точки зрения религиозной веры, так и с точки зрения политической власти Чуда Воплощения. Для осознания этого надо понять, что массы одураченных людей верили в ежегодное возвращение Первого Пророка с небес. Верили, что он приходит, чтобы проверить, как живет его земное царство и насколько хорошо его преемники справляются со своими обязанностями. Люди в это верили, а меньшинство сомневавшихся не смело и рта раскрыть.

Я сам в это верил, мне и в голову не приходило ставить под сомнение эту основу основ веры, а меня можно было назвать образованным человеком, человеком, посвященным в секреты производства меньших по рангу чудес.

Последующие два месяца прошли в бесконечном напряжении — мы были так заняты, что не хватало ни дней, ни часов. В дополнение к этому шли приготовления к празднику Воплощения и соответствующие изменения первоначальных планов. Генерал Новак почти немедленно после совещания выехал в Бьюлалэнд для проведения операции «Бедрок». Так было написано в приказе. Я сам вручал ему этот приказ, но, хоть убейте, не знаю, где и на какой карте искать этот Бьюлалэнд.

Хаксли сам отсутствовал почти неделю, перепоручив дела генералу Пенюйеру. Он мне не говорил, куда направляется, но я мог догадаться. Операция «Бедрок» была психологическим маневром, а не забудьте, что мой шеф был в свое время преподавателем прикладных чудес и неплохой физик. Я вполне допускаю, что в эти дни его можно было бы увидеть и с паяльником в руках, и с отверткой или электронным микрометром — генерал никогда не боялся испачкать руки.

Я скучал без генерала Хаксли. Пенюйер иногда был склонен отменять мои мелкие приказания, совать нос в детали и тратить как свое, так и чужое время по пустякам, которыми ему и не следовало бы заниматься. Но его тоже не было большую часть времени. Вообще

трудно было поймать на месте хоть кого-нибудь из руководства.

В эти же дни произошло еще одно событие, которое не имело прямого отношения к судьбе народа Соединенных Штатов и его борьбе за свободу, но мои личные дела к тому времени настолько перепутались с общественными, что я позволю себе отвлечься. Может быть, личная сторона тоже важна. Я типичный представитель большинства людей, я человек, которого сначала надо ткнуть носом, и только потом уже он разберет, что к чему, тогда как Магги, Зеб и Хаксли из того меньшинства, которому отроду даны свободные души, — они мыслители и вожди.

Я сидел за столом, стараясь разбирать бумаги скорее, чем они прибывали, когда получил приглашение заглянуть в удобное для меня время к шефу Зеба. Не теряя времени, я поспешил к генералу.

Новак не стал выслушивать формальных приветствий.

— Майор, у меня для вас письмо, которое я только что получил от шифровальщиков. Я не знаю, что с ним делать, но по совету одного из начальников моих отделов я решил вручить его вам. Вам придется его прочитать здесь.

— Слушаюсь, сэр, — сказал я несколько растерянно.

Письмо оказалось довольно длинным, и я не помню большей его части. Помню только ту, что произвела на меня наибольшее впечатление. Письмо было от Юдифь.

«Мой дорогой Джон... я всегда буду вспоминать о тебе с теплотой и благодарностью, никогда не забуду всего, что ты для меня сделал... мы не предназначены друг для друга... Сеньор Мендоса все отлично понимает... я надеюсь, что ты простишь меня... он во мне так нуждается: должно быть, нас свела сама судьба... если ты когда-нибудь будешь в Мехико, считай наш дом своим... я всегда буду думать о тебе, как о моем сильном старшем брате, и останусь твоей сестрой...»

Там еще много всего было такого же. Я думаю, что все эти письма подходят под категорию «мягкого расставания».

Новак протянул руку и взял у меня письмо.

— Я дал его вам не для того, чтобы вы заучивали его наизусть, — сказал он сухо и выбросил письмо в дезинтегратор. Затем посмотрел на меня. — Может, вам лучше присесть, майор. Вы курите?

Я не присел, но голова у меня кружилась; я взял предложенную сигарету и даже позволил ему зажечь ее. Потом я закашлялся от сигаретного дыма, и противное ощущение в горле вернуло меня к действительности. Я сдержанно поблагодарил генерала, вышел из комнаты, прошел к себе и позвонил заместителю, сказав, где меня найти, если я срочно понадоблюсь. Я объяснил, что неожиданно заболел и прошу по возможности меня не беспокоить.

Я провел в одиночестве больше часа, лежа на койке лицом вниз, не двигаясь и даже не думая ни о чем. Раздался тихий стук в дверь. Дверь открылась. Это был Зеб.

— Ну как ты? — спросил он.

— Ничего, — ответил я. В то время мне не пришло в голову, что начальник отдела, который попросил Новака показать мне письмо, был Зеб.

Он сел на стул и посмотрел на меня. Я перевернулся на кровати, лег на бок.

— Не давай выбить себя из колеи, Джонни, — сказал он. — Люди умирали неоднократно, но очень редко от любви.

— Ты ничего не понимаешь!

— Нет, не понимаю, — согласился он. — Каждый человек — свой собственный пленник, в одиночном заключении до самой смерти. Знаешь что, сделай мне одолжение, постарайся мысленно представить себе Юдифь. Постарайся увидеть ее лицо, услышать голос.

— Зачем?

— Постарайся.

Я старался. Я в самом деле старался и, вы знаете, не смог. Я никогда в жизни не видел ее фотографии, и теперь лицо ее от меня ускользало.

Зеб наблюдал за мной.

— Ты выздоровеешь, — сказал он уверенно. — Теперь послушай, Джонни. Мне надо было сказать тебе раньше. Юдифь очень милая женщина, и, оказавшись на свободе, она неизбежно должна была встре-

тить подходящего человека. Но нет, зачем объяснять все это влюбленному? — Он поднялся. — Джонни, мне надо идти. Мне очень не хочется оставлять тебя одного в таком состоянии, но генерал Новак ждет меня, мы уезжаем. Он меня живьем съест за то, что я заставил себя ждать. И разреши дать тебе еще один совет...

Я ждал.

— Я советую, — сказал он, — поговори с Магги. Она тебе поможет.

Он уже выходил из комнаты, когда я остановил его вопросом:

— Зеб, а что случилось между тобой и Магги? Что-то похожее?

Он оглянулся и сказал резко:

— Нет. Совсем не то. Это не было... не было то же самое.

— Я тебя не понимаю, я просто не понимаю людей. Ты советуешь мне поговорить с Магги... А ты не будешь ревновать?

Он посмотрел на меня, захохотал и ответил:

— Она — свободный гражданин, поверь мне, Джонни. Если бы ты когда-нибудь сделал ей что-то плохое, я собственными руками оторвал бы тебе голову. Но, думаю, ты ничего плохого не сделаешь. А ревновать? Нет. Я считаю, что она самый лучший парень из моих друзей, но женюсь я лучше на горной львице.

Он ушел, оставив меня опять в полном недоумении. Но все же я последовал его совету. Или, может быть, Магги последовала. Магги все знала — оказалось, что Юдифь написала ей тоже. Мне не пришлось ее разыскивать. Она сама пришла ко мне после ужина. Мы поговорили с ней обо всем, и я почувствовал себя куда лучше, настолько, что вернулся в кабинет и полночи работал, наверстывая упущенное днем время.

Мы с Магги часто гуляли после обеда, но не заходили так далеко, как с Зебом. Иногда я мог уделить прогулке минут двадцать, не больше — надо было возвращаться к работе, но это были лучшие минуты дня, и я ждал их.

Неподалеку от города у нас было особенно любимое место. Тропинка вилась среди громадных каменных

грибов, колонн, куполов и других пещерных чудес, которым было трудно придумать название и которые можно было с одинаковым успехом называть мятущими душами и экзотическими цветами — в зависимости от настроения. На этой тропинке стояла каменная скамья. Тропинка здесь поднималась футов на сто над городком, так что мы могли сидеть, смотреть на наш мир сверху, молчать, и Магги могла не спеша покурить. Я привык зажигать ей сигареты, как в свое время Зеб. Она любила, когда я оказывал этот маленький знак внимания, а я уже научился не задыхаться от дыма.

Месяца через полтора после того, как Зеб уехал, и за несколько дней до восстания мы сидели там и рассуждали, что будет с нами, если революция победит. Я сказал, что, наверное, останусь в армии, если армия сохранится.

— А что будешь делать ты, Магги?

Она медленно затянулась.

— Так далеко в будущее я не заглядывала. У меня нет никакой специальности. Другими словами, мы же с тобой боремся за то, чтобы профессия, к которой я принадлежала, исчезла навсегда. — Она сухо усмехнулась и продолжала: — Меня не учили ничему полезному. Правда, я могу готовить, шить и следить за домом. Постараюсь найти работу экономки или служанки — ведь хорошие служанки очень редко попадают, на них большой спрос.

Мысль о том, что отважный и умный сержант Эндриус, умеющая обращаться, если нужно, с виброкинжалом, будет ходить в бюро найма и искать работу, чтобы прокормить себя, была для меня совершенно неприемлема. Магги, Магги, которая спасла мою не такую уж ценную жизнь по крайней мере дважды и никогда не задумывалась, чего это может ей стоить. Нет, только не Магги!

Я выпалил:

— Послушай, тебе этого делать не придется.

— Другого пути я не знаю.

— Ну тогда... тогда, как ты отнесешься к тому, чтобы готовить обед мне? Я надеюсь зарабатывать достаточно, чтобы нас обоих прокормить, даже если меня

после революции понизят до моего прежнего чина. Это будет не очень жирно, но все-таки...

Она взглянула на меня.

— Ну что ж, Джонни, ты очень любезен. — Она раздавила сигарету и кинула ее вниз. — Я очень тебе благодарна, но ничего из этого не выйдет. Твое начальство может не одобрить такого выбора.

Я покраснел и почти прокричал:

— Я совсем не то имел в виду! — Я знал, что хотел сказать, но никак не мог подобрать слов... — Я имел в виду... Послушай, Магги, мы с тобой друг друга хорошо знаем, я тебе не противен... и нам неплохо вместе... Поэтому почему бы нам...

Она поднялась на ноги и обернулась ко мне:

— Джон, ты хочешь жениться? На мне?

Я сказал смущенно:

— Ну, в общем... в этом и была моя мысль...

Мне было неудобно, что она стоит передо мной, и я тоже встал.

Она внимательно смотрела на меня, как будто увидела впервые, потом сказала печально:

— Что ж, я очень благодарна, в самом деле благодарна... и очень тронута... Но нет, Джонни, нет!

Из глаз ее покатились слезы, и она всхлипнула. Но тут же взяла себя в руки, вытерла глаза рукавом и закончила:

— Ну вот, ты заставил меня разреветься. Я не реве-ла несколько лет.

Я хотел обнять ее, но она оттолкнула мои руки и отступила на шаг.

— Нет, Джонни! Сначала выслушай меня. Я готова работать у тебя экономкой, служанкой, но замуж за тебя я не выйду.

— Почему нет?

— Почему нет? Дорогой мой, очень дорогой мой мальчик, потому что я старая, усталая женщина, вот почему.

— Старая? Ты старше меня не больше чем на год или два. Ну три, самое большее. И это не играет роли.

— Я старше тебя на тысячу лет. Подумай, кем я была, где я была, что я знаю. Сначала я была «невестой» Пророка.

— Ты не виновата.

— Может быть. Но затем я была любовницей твоего друга Зеба. Ты знал об этом?

— Ну... в общем я в этом не сомневался.

— Но это не все. У меня были другие мужчины. Одни по нужде — я покупала их милости, другие от одиночества и тоски. Потом, когда Пророку надоедает очередная «невеста», она теряет во Дворце всякую цену даже для себя самой.

— Мне все равно! Мне все равно! Мне плевать! Это не имеет никакого значения!

— Ты это сейчас так говоришь. А потом это будет иметь для тебя значение. Я думаю, что знаю тебя, милый.

— Значит, ты меня не знаешь. Мы начнем жизнь снова.

Она глубоко вздохнула.

— Ты думаешь, что любишь меня, Джон?

— Думаю, да.

— Ты любил Юдифь. Теперь, когда ты обижен ею, тебе кажется, что ты любишь меня.

— Но... но откуда мне знать, что такое любовь? Я знаю одно: я хочу, чтобы ты вышла за меня замуж и чтобы мы всегда были вместе.

— И я не знаю, — сказала она так тихо, что я еле услышал ее слова. Она подошла ко мне, и я обнял ее так естественно и просто, будто мы всю жизнь только и делали, что обнимались.

Мы поцеловались, и я спросил:

— Ну, теперь ты согласна выйти за меня замуж?

Она откинула голову и посмотрела на меня почти испуганно:

— О, нет!

— А я думал...

— Нет, дорогой, нет! Я буду содержать твой дом, вести хозяйство, стирать белье, спать с тобой, если ты этого захочешь, но не надо тебе жениться на мне.

— Черт возьми! На такое я не согласен.

— Нет? Посмотрим. — Она вырвалась из моих рук.

— Магги! — крикнул я.

Но она уже бежала по тропинке, будто летела по воздуху. Я хотел догнать ее, споткнулся о сталактит и упал. Когда я поднялся, ее уже не было видно.

И удивительное дело. Я всегда считал Магги высокой, статной, почти с меня ростом. Но когда я обнимал ее, оказалось, она совсем маленькая. Мне пришлось наклониться, чтобы ее поцеловать.

12

В ночь Чуда все, кто оставался в Главном штабе, собрались в комнате связи перед экранами телевизоров. Наш городок совсем опустел: все разъехались по боевым постам. Нам, оставшимся, надо было поддерживать связь между группами. Стратегия была оговорена, и час восстания приурочен к часу Чуда. Тактические планы для всей страны не могли быть разработаны в Главном штабе, и Хаксли был достаточно хороший генерал, чтобы и не пытаться сделать это. Войска были на исходных позициях, и их командиры должны были сами принимать решения. Все, что нам оставалось, — ждать.

На главном экране светилося объемное цветное изображение внутренних помещений Дворца. Служба шла уже весь день. Процессии, гимны, жертвоприношения, песнопения — бесконечная монотонность красочного ритуала. Мой старый полк стоял окаменевшими рядами, — блестели шлемы, и копья казались зубьями гребенки. Я разглядел Питера Ван Эйка, стоявшего впереди взвода, живот его был закован в сверкающие латы. Я знал из донесений, что Ван Эйк выкрал копию нужного нам кинофильма, и его присутствие на церемонии было хорошим знаком — значит, его не подозревают.

На трех остальных стенах комнаты связи находились многочисленные экраны поменьше. Они показывали толпы людей на улицах различных городов, забитые молящимися местные храмы. И на каждом экране люди не отрывали глаз от телевизоров, показывающих ту же суету, что и наш главный экран, — внутренность Дворца Пророка.

По всей Америке люди ждали Чуда. Чуда Воплощения.

За нашей спиной психооператор склонился над телепаткой, находившейся под гипнозом. Телепатка, девушка лет двадцати, что-то пробормотала. Психооператор обернулся к генералу Хаксли:

— Станция «Глас Божий» в наших руках, сэр.

Хаксли кивнул головой. От этого зависело все. У меня задрожали колени. Взять станцию в свои руки мы могли только перед самым началом Чуда. Не раньше... Изображение передается по кабелю с этой станции, и единственная возможность внести коррективы в эту передачу — захватить хотя бы на несколько минут передающую станцию. Я был несказанно горд успехом моих товарищей, но гордость сменилась горем, потому что я знал, что ни один из них не доживет до вечера.

Но если они продержатся еще несколько минут, смерть их будет не напрасна, и души их найдут успокоение. На такие подвиги обычно шли те братья, жены которых побывали в руках инквизитора.

Начальник связи дотронулся до рукава генерала Хаксли.

— Начинается, сэр, — сказал он.

Камеры глядели на дальний конец зала Храма. Мы увидели алтарь, и затем все взоры устремились к арке слоновой кости над алтарем — над входом в святая святых. Вход был закрыт тяжелыми золотыми занавесами.

Я не мог оторвать глаз от экрана. После бесконечно-го, как мне показалось, ожидания занавеси дрогнули, медленно раздвинулись, и перед нашими глазами предстал реальный, будто могущий в любой момент сойти с экрана, сам воплощенный Пророк.

Он повернул голову, окидывая всех горящим взглядом, и мне казалось, что он заглядывает мне в глаза. Мне захотелось спрятаться. Я с удивлением услышал собственный голос:

— И вы хотите сказать, что можете воспроизвести это?

Начальник связи кивнул:

— С точностью до миллиметра. Наш лучший имперсонатор, подготовленный лучшими хирургами. Может быть, идет уже наш фильм.

— Но ведь это реально!

Хаксли взглянул на меня:

— Поменьше разговоров, Лайл, — сказал он. Никогда еще он не был так сердит на меня.

Я замолчал и обернулся к экрану. Это могучее лицо и горящий взгляд, это — актер? Нет! Я знал это лицо и видел его столько раз на церемониях. Что-то испортилось, и наш план провалился.

Хаксли спросил почти грозно:

— Есть связь с Новым Иерусалимом?

— Простите, нет, сэр.

Пророк начал говорить.

Его покоряющий, могучий голос гремел, как иерихонская труба. Он ниспрашивал благословения Господа на грядущий год. Потом замолчал, взглянул снова на меня, поднял очи горе и обратился к Первому Пророку, моля того явиться народу во плоти и предлагая свое тело посредником в этом.

Началось перевоплощение — у меня волосы стали дыбом. Я уже знал, что мы проиграли. Пророк вытянулся на несколько сантиметров, его одежды потемнели, — и вот перед нами в старинной тоге стоял сам Негемия Скаддер. Первый Пророк и основатель Нового Крестового похода. Я чувствовал, как внутренности мои сковал страх; ощущал себя снова маленьким мальчиком, впервые увидевшим это Чудо по телевизору в приходской церкви.

Он начал с добрых пожеланий народу и выражения своей любви к людям. Понемногу он разогрел себя: на лице появились капли пота, а пальцы переплелись так же, как в те дни, когда он призывал Бога на ранних собраниях крестоносцев в долине Миссисипи. Он клеймил грех во всех его проявлениях: грех плоти, духа и денег. В самый разгар речи он перешел на другую тему, чем весьма удивил меня.

— Но я вернулся сегодня не для того, чтобы говорить о малых грехах народа, — сказал он. — Нет! Я пришел к вам призвать вас к оружию. Поднимитесь и восстаньте! Сатана пришел к вам! Он здесь! Он среди вас! С гибкостью змея он проник сюда и принял форму вашего наставника! Да! Он принял личину Пророка!

Уничтожьте Пророка! Во имя Господа уничтожьте его и его приспешников!

13

— Докладывает Брюлер со станции «Глас Божий», — сказал связист. — Станция отключена и будет взорвана через тридцать секунд. Группа попытается отступить до взрыва. Всего хорошего. Конец сообщения.

Хаксли пробормотал что-то и отошел от погасшего экрана. Малые экраны, передававшие сцены в различных городах страны, показывали полную сумятицу и растерянность. Но в то же время они вселяли в меня надежду. Повсюду начались бунты и столкновения. В шоке я смотрел на экраны, не в силах понять, кто друг, а кто враг. В открытом театре в Голливуде толпа затопила сцену и буквально поглотила чиновников и священников, сидевших в президиуме. Наверху, над последним рядом, стояло немало охранников, и поэтому я ожидал, что они сверху скосят бунтовщиков огнем из автоматов. Но прозвучал лишь один выстрел, и он был направлен не вниз, а в сторону. Один из охранников упал.

Дерзкий выпад против Пророка удался сверх ожиданий. И если правительственные войска по всей стране дезорганизованы так же, как в Голливуде, нам предстоит не бои, а удержание завоеванного.

Монитор из Голливуда погас, и я обернулся к другому экрану, передававшему сцену из Портленда, штат Орегон. Там тоже кипела схватка. Я увидел людей с белыми нарукавными повязками — это был единственный знак различия, который мы позволили в тот день. Но сражались не только наши братья. Я собственными глазами видел, как офицер безопасности упал, сбитый с ног кулаками невооруженных людей.

Сообщения и доклады из городов все накапливались, и теперь мы могли уже без опаски использовать собственные радиостанции. Я оторвался от экранов и поднялся к шефу, чтобы помочь ему разобраться в ситуации. Я все еще был растерян и не мог осознать всего, что произошло у меня на глазах. Перед моим

мысленным взором все еще стояли лица обоих Пророков. Если даже я получил от этой сцены такой эмоциональный шок, каково было простым верующим?

Первый доклад пришел от Лукаса из Нового Орлеана:

«Центр города захвачен. Энергостанция и связь в наших руках. Группы захвата занимают полицейские участки. Федеральные стражники деморализованы стереопоказом. Спорадическая перестрелка произошла между самими охранниками. Организованного сопротивления нет. Устанавливаем комендантский час. Да здравствует свобода!

Лукас».

Затем доклады начали сыпаться как из бочки горох: Канзас-Сити, Детройт, Денвер, Бостон, Миннеаполис — все крупные города Америки сообщали о нашей победе. С некоторыми вариациями они поведали одну и ту же историю: призыв к оружию нашего синтетического Пророка и последовавший перерыв в связи превратил правительственные войска в тело без головы, которое без всякого смысла махало мечами и било по себе самому. Могущество Пророка основывалось на суевериях и жульничестве: мы же обернули это оружие против самого Пророка.

Заседание Ложи в тот вечер было самым грандиозным из тех, на которых мне приходилось присутствовать. Мы расположились в Центре связи. Начальник службы связи исполнял функции секретаря заседания, получая, затем тут же передавая генералу Хаксли, как Мастеру Востока, доклады и телеграммы с разных концов страны, по мере их поступления. Мне тоже предложили занять почетное место, произведя меня в младшие подмастерья. Генералу пришлось позаимствовать у кого-то шляпу каменщика, которая оказалась ему мала — но никто не обращал на это внимания. Мы произносили древние слова от всего сердца, так, словно мы произносили их впервые в жизни. И когда церемонии прервали — поступила телеграмма, что Луисвилл наш, — такой перерыв никого не рассердил. Мы строили здание нашего государства. Долгие годы трудилось

лишь наше воображение, теперь мы принялись за этот труд наяву.

14

Временная столица была перенесена в Сент-Луис. Я сам отвез туда Хаксли. Мы обосновались на военной базе Пророка, вернув ей старое название казарм Джефферсона. Заняли мы также помещения университета и восстановили его название — Университет имени Вашингтона. Если еще многие не понимали истинного значения этих переименований, скоро они поймут и это. Я тоже совсем недавно узнал, что Вашингтон боролся за свободу.

Хаксли называл себя военным губернатором и упорно отказывался от звания временного президента.

Положение было серьезное, более серьезное, чем могло показаться. Несмотря на то что революция охватила всю страну и правительственные войска были практически разгромлены, мы не могли захватить сердце страны — Новый Иерусалим. Более половины населения было еще не с нами, многие были просто в растерянности. До тех пор, пока Пророк был жив и Храм оставался центром, вокруг которого могли собираться его сторонники, у него оставалась надежда победить нас.

Чудо дало только временный эффект. Пророк и его помощники были не дураки. Они уже начали организовывать сопротивление тех, может, и немногочисленных, но преданных приверженцев, которые отхватывали самые жирные куски при церковном режиме. Понемногу всем становилось ясно, что это мы подделали Пророка. Казалось бы, вывод из этого ясен: если мы могли подделать Чудо, то, значит, и все предыдущие чудеса были подстроены, — телевизионные трюки — и ничего больше. Я сказал об этом Зебу, но он только посмеялся над моей наивностью. Верующие не подчиняются законам логики, сказал он. Трудно отказаться сразу от религии, которая обволакивает тебя с детства.

В любом случае Новый Иерусалим должен пасть, и время не было нашим союзником.

Тем временем в Университете собралось Временное конституционное собрание. Его открыл Хаксли, который отказался снова от президентского кресла, затем объявил, что все законы, принятые со дня вступления на пост Пророка Негемии Скаддера, теряют силу. Нашей единственной целью, заявил он, является выработать пути возрождения демократии и подготовиться к свободным выборам.

Тут он передал слово Новаку и покинул собрание.

Времени на политику у меня не оставалось, но как-то раз я оторвался от работы, чтобы посидеть на вечерней сессии Ассамблеи, потому что Зебадия намекнул мне, что надо ждать внушительных фейерверков. Я пробрался в задний ряд и смотрел, как один из молодых гениев Новака демонстрирует фильм. Я застал только вторую его часть. Сначала он показался мне обыкновенным учебным фильмом по истории. В нем рассказывалось, что такое гражданские свободы, каковы обязанности гражданина свободного демократического государства. Разумеется, фильм категорически противоречил всему, что было положено учить в школе Пророка, но при том создатели киноленты использовали все те приемы и методы изготовления учебных фильмов, что и их коллеги в стане Пророка. Показ закончился, и молодой гений (не помню его имени, может, потому, что он мне с первого взгляда не понравился. Стоукс? Назовем его Стоуксом, не все ли равно!) начал говорить:

— Вы просмотрели реориентировочную ленту. Такой фильм совершенно не годится для того, чтобы перевоспитать взрослого человека. Его привычки и рефлексy сидят в нем так глубоко, что таким простым фильмом его не убедишь.

— Зачем же тогда вы тратите наше время, заставляя смотреть его? — выкрикнул кто-то из зала.

— Погодите, пожалуйста. Я хочу сказать, что, несмотря на эти недостатки, мы предназначали фильм именно для взрослых. Разумеется, при условии, что данный взрослый готов предварительно принять пищу духовную, которую мы ему предлагаем.

Экран вспыхнул вновь. На нем возникла прелестная пасторальная сцена, сопровождаемая задумчивой му-

зыкой. Я не догадывался, к чему это Стоукс ведет, но зрелище было умиротворяющим. Почему-то я вспомнил, что недосыпаю уже четвертую ночь подряд, да и вообще не помню, когда я высыпался. Я откинулся в кресле и расслабился.

Я не заметил перехода от пейзажа к абстрактным фигурам. Мне казалось, что звучит та же музыка и на нее накладывается голос — монотонный, теплый, успокаивающий... Фигуры на экране однообразно поворачивались, и я начал растворяться в этих узорах...

Тут Новак вскочил со своего стула и с проклятием выключил проектор. Я выпрямился с острым чувством протеста, почти боли, вызывающей слезы на глазах. Новак быстро, упорно, хоть и негромко, выговаривал Стоуксу, затем обернулся к нам.

— Встать! — приказал он. — Начинаем разминку! Глубоко вдохните, пожмите руку вашему соседу справа, постучите его ладонью по спине... крепче, не ленитесь!

Мы подчинились, но я чувствовал себя дураком. И притом раздраженным дураком. Мне было так хорошо всего минуту назад, а теперь я вспомнил о горах бумаг, которые мне никогда не разобрать, и потому не приходится надеяться, что я выкрою вечером хотя бы десять минут для встречи с Магги.

Молодой гений Новака заговорил.

— Как мне сейчас указал доктор Новак, — в голосе его не было раскаяния, он был по-прежнему уверен в себе, — нет нужды подвергать нашу аудиторию действию пролога, так как вас не нужно переориентировать. Однако сам фильм, усиленный предварительным внушением, а если представится возможность, и добавлением небольшой дозы гипнотического вещества, в восьмидесяти трех процентах случаев поднимает в аудитории политическое чувство в нужном направлении. Это было проверено на группе добровольцев. Сам же фильм является плодом нескольких лет работы аналитиков, основанной на изучении докладов каждого из членов нашего Братства о том, как они разочаровались в Пророке и присоединились к революции. Лишнее отбрасывалось, нужное суммировалось, и то, что в результате получилось, — должно отвлечь от Про-

рока самого верного его последователя. Разумеется, при условии, что он получит порцию воздействия в момент, когда к этому подготовлен.

Вот зачем им понадобилось, чтобы каждый из нас обнажал перед ними свою душу! Что ж, это кажется логичным. Не могли же мы себе позволить дожидаться того сладостного момента, когда все легаты охраны Пророка вторгнутся в прекрасных диаконис и потому у них раскроются глаза.

В дальнем конце зала поднялся пожилой мужчина, похожий на сердитого Марка Твена.

— Господин Председатель!

— Я вас слушаю, товарищ. Назовите свое имя и округ.

— Вы знаете, Новак, как меня зовут? Я — Уинтерс из Вермонта. Вы одобрили эту схему?

— Нет.

— Но он — один из ваших мальчиков.

— Он свободный гражданин. Я контролировал производство фильма и исследования, на основе которых он создан. План использования фильма был предложен его группой, я не одобрил это предложение, но согласился на демонстрацию фильма в вашей аудитории. И я повторяю: он свободный гражданин, такой же, как и вы все.

— Можно тогда я выскажу свою точку зрения?

— Разумеется.

Пожилый мужчина приосанился и словно наполнился воздухом.

— Джентльмены... леди... товарищи! Я в этом движении состою уже сорок лет, куда дольше, чем большинство из молодого поколения прожили на свете. У меня есть брат, такой же хороший человек, как и я, но мы с ним не разговаривали много лет, потому что он искренне предан установленной вере и подозревает меня в ереси. И вот теперь этот щенок включает свои лампочки, чтобы обработать моего брата и сделать его «политически благонадежным».

Он перевел дыхание и продолжал:

— Свободного человека не надо обрабатывать. Свободные люди свободны потому, что они предпочитают приходить к собственным умозаключениям и предрас-

судкам своим собственным путем, без чужой помощи и не желают, чтобы их кормили с чайной ложечки самозванные промыватели мозгов. Мы сражались, а наши братья истекали кровью и умирали совсем не для того, чтобы сменить хозяев, какими бы замечательными ни были мотивы и побуждения новых господ. И я должен сказать, что мы с вами попали в яму, в которой сидим, именно усердием этих умоломов. Годами они учились тому, как оседлать человека и скакать на нем верхом. Они начали с пропаганды и подобных ей вещей и дошли до того момента, когда честное жульничество, к которому прибегает коммивояжер или бродячий торговец, превратилось в высшую математику, в которой нормальному человеку никогда не разобраться. — Он указал пальцем на Стоукса: — Я уверяю вас, что американский гражданин не нуждается в защите от чего бы то ни было, за исключением таких типов, как этот!

— Это глупо, — раздраженно воскликнул Стоукс. — Нельзя давать детям играть со взрывчаткой. А мы имеем дело именно со взрывчатыми ингредиентами.

— Американцы — не дети!

— Они именно дети! По крайней мере, большинство. Уинтерс окинул взглядом аудиторию.

— Вы видите, что я имел в виду, друзья? Он уже готов взять на себя роль Господа, точно как наш Пророк. А я на это говорю: дайте народу свободу, верните нам права свободных людей. И если мы снова отдадим права в недостойные руки — то сами и будем расплачиваться, — ни у кого нет права влезать руками в наши мозги.

Стоукс смотрел на него, не скрывая презрительной усмешки.

— Мы еще не можем сделать этот мир свободным и безопасным ни для себя, ни для наших детей, — закончил Уинтерс, — но Господь и не уполномочивал нас на это.

Новак тихо спросил:

— Вы кончили, мистер Уинтерс?

— Да, у меня все.

— Вы тоже уже высказались, Стоукс. Садитесь.

Мне пора было убегать — так что я выскользнул из зала и не увидел драматического финала этого спора: я

не успел отойти от зала и ста шагов, как Уинтерс упал и испустил дух.

Но даже это прискорбное событие не прервало собрания. Оно приняло две резолюции: ни один гражданин не может быть подвергнут гипнозу либо иному психологическому воздействию без его письменного на то согласия и ни один политический или религиозный текст не может быть применен во время первых выборов.

Я так и не знаю, кто был прав в том споре. В последующие несколько недель мы бы чувствовали себя куда спокойней и уверенней, если бы были убеждены, что народ твердо нас поддерживает. Пока мы лишь были временными правителями страны и по ночам не осмеливались выходить на улицу меньше чем вшестером.

Правда, теперь у нас появилась униформа. Ее сшили из самой дешевой ткани в средних армейских размерах — мне мой мундир был мал. По мере того как мундиры поступали через канадскую границу, мы спешили одеть в них армию — белые повязки уже никого не удовлетворяли.

Помимо наших серо-голубых комбинезонов вокруг появились и другие униформы, их носили как бригады добровольцев, прибывшие в Америку из-за рубежа, так и некоторые национальные части из Африки. Мормонские батальоны надели тоги и отрастили бороды. Они шли в бой, распевая давным-давно запрещенный гимн: «Вперед, вперед, святые люди!» С тех пор как мормоны получили обратно их чтимый Храм, штат Юта, центр мормонов, стал самым надежным штатом среди тех, в которых мы установили контроль. Была своя униформа и у католического Легиона, и это было полезно, потому что мало кто из них говорил по-английски. Солдаты Христианского Движения также носили совсем иные мундиры, и это было понятно, потому что они оказались соперниками нашего Братства уже в подполье и не одобряли нашего выступления, полагая, что следовало еще подождать. Наконец, армия Иеговы, набранная в резервациях париев на северо-западе и усиленная добровольцами со всего мира, носила мундиры, которые можно описать лишь как иностранные.

Хаксли осуществлял тактическое командование всеми этими частями. Но их нельзя было еще назвать армией, скорее это был многочисленный сброд.

Единственное утешение заключалось в том, что армия Пророка была невелика. В ней было меньше двухсот тысяч человек — скорее это была внутренняя полиция, чем армия, и из этого числа лишь немногие смогли пробиться в Новый Иерусалим и укрепить, таким образом, гарнизон Дворца. К тому же, раз США уже сто лет не вели войн, Пророк не мог набрать добровольцев из числа ветеранов.

Правда, и мы были лишены возможности это сделать. Большая часть боеспособных солдат и офицеров была разбросана по всей стране и охраняла узлы связи и прочие ключевые пункты больших городов — нам нелегко было найти людей даже для этой работы. Штурм Нового Иерусалима заставит, как все понимали, подскрести со дна последние силы.

Это мы и старались сделать.

Дни, проведенные в штабе до начала восстания, казались мне спокойными и патриархальными. У меня уже было тридцать помощников, и я не подозревал, чем занимался каждый второй из них. К тому же массу времени отрывали попытки удержать **ОЧЕНЬ** Важных граждан, желающих помочь Революции, от немедленной встречи с генералом Хаксли.

В эти дни случился один инцидент, который оказался важным для меня лично. Как-то моя секретарша вошла ко мне и сказала:

— Вас хочет видеть ваш близнец.

— Что? У меня нет братьев, тем более близнецов.

— Сержант Ривс, — пояснила она.

Он вошел, мы пожали друг другу руки и обменялись приветствиями. Я действительно был очень рад его видеть и сказал ему, что выполнил большую часть его работы.

— Да, кстати, я не успел никому сказать, что нашел вам нового клиента в Канзас-Сити. Магазин Эмери, Бэрда и Тейера. Можете воспользоваться.

— Я постараюсь, спасибо.

— Я не знал, что вы — солдат.

— Да я и не солдат. Но я стал им, когда мой пропуск потерял... силу...

— Простите меня за это.

— Не стоит извиняться. Я научился обращаться с оружием и буду участвовать в операции «Удар».

— Ой-ой, это условное обозначение совершенно секретно.

— В самом деле? Надо будет сказать нашим ребятам. А то они, по-моему, этого не понимают.

Я переменил тему.

— Собираетесь остаться в армии?

— Нет, вряд ли. Да, я хотел спросить вас, полковник. Вы полковник, не так ли?

— Да.

— Вы что, останетесь в армии? А то займемся текстилем!

Я удивился, но все-таки ответил:

— Что же, мне понравилось быть коммивояжером.

— Ну и хорошо, а то я остался без работы и подыскиваю партнера.

— Не знаю, — ответил я. — Я не заглядываю в будущее дальше, чем до операции «Удар». Может быть, я останусь в армии, хотя не могу сказать, что военная служба нравится мне так же, как нравилась когда-то. Не знаю. Мне хотелось бы сидеть в винограднике под фиговым деревом.

— И никого не бояться, — закончил он за меня. — Хорошая мысль. Но почему бы вам, сидя под этим деревом, не развернуть несколько штук ситца? Ведь урожай с виноградника может подвести. Подумайте.

— Обязательно подумаю.

15

Мы с Магги поженились за день до штурма Нового Иерусалима. Медовый месяц продолжался ровно двадцать минут, пока мы стояли, держась за руки, на пожарной лестнице возле моего кабинета — единственное место, куда не заходили посетители и начальники. Потом я вылетел на ракете, везя Хаксли на исходные позиции.

Я попросил разрешения сесть за штурвал истребителя во время штурма, но Хаксли отказал мне в просьбе.

— Зачем, Джон? — сказал он. — Войну мы не выиграем в воздухе. Она решится на земле.

И он, как всегда, был прав. У нас было очень мало ракет и еще меньше надежных пилотов. Большая часть ВВС была выведена из строя, а некоторые летчики улетели в Канаду и были там интернированы. С теми машинами, что у нас были, мы могли только периодически бомбить Дворец, чтобы заставить их не высовываться наружу.

Кроме того, мы не могли серьезно повредить его, и это было известно и нам, и им. Дворец, такой роскошный снаружи, был под землей самым недоступным бомбоубежищем в мире. Он был рассчитан на прямое попадание ядерной бомбы — глубинные туннели выдержат. А Пророк и его отборные войска находились именно в этих туннелях. Даже та часть, что поднималась над землей, была относительно неуязвима для обычных бомб, которыми были снабжены наши самолеты.

Мы не прибегали к атомному оружию по трем причинам: во-первых, у нас не было атомных бомб. Насколько мне известно, в США не было изготовлено ни одной атомной бомбы после окончания Третьей мировой войны и подписания договора в Йоганнесбурге. Во-вторых, мы не смогли бы их добыть. Конечно, можно было попытаться выторговать две-три бомбы у Федерации, ежели бы нас признали законным правительством США, но если Канада нас уже признала, то Великобритания с признанием не спешила, также не было признания и со стороны Североафриканской федерации. Бразилия колебалась. По крайней мере, она послала в Сент-Луис своего поверенного в делах. Но даже если бы нас признали все члены Федерации и приняли в нее, она бы никогда не согласилась выделить атомную бомбу для сведения счетов в гражданской войне. И в-третьих, должен вас уверить, что мы бы не стали прибегать к атомному оружию, даже если бы готовая бомба лежала у меня на коленях. И не потому, что были боязливы. Дело в том, что бомба, сброшенная на Дворец, убила бы не менее ста тысяч наших сограж-

дан в городе и почти наверняка Пророк остался бы жив.

Приходилось выкапывать Пророка из норы, как барсука.

В 00 часов 01 минуту мы двинулись ко Дворцу со стороны реки Делавар. В нашем распоряжении было тридцать четыре наземных крейсера, тринадцать из них — настоящие тяжелые машины, остальные — либо устаревшие, либо легковооруженные. Это все, что оставалось от бывших бронечастей Пророка. Остальные крейсеры были уничтожены верными ему офицерами. Тяжелыми машинами мы хотели взломать стены. Легкие должны были сопровождать транспортеры, ведущие пятитысячный штурмовой отряд.

Мы слышали, как шла бомбежка Дворца, — глухие взрывы и содрогание воздуха доносились даже сюда. Бомбежка продолжалась уже тридцать шесть часов, и мы надеялись, что никому во Дворце не удалось выспаться за это время, тогда как все наши солдаты по приказу спали по двенадцать часов подряд.

Ни один из наших крейсеров не был рассчитан на то, чтобы быть флагманом, поэтому в конической башне одного из них мы устроили командный пункт, выбросив телевизор дальнего действия и освободив место для нужных нам приборов управления боем. За спиной скорчились в тесноте психооператор со своей командой телепатов, состоявшей из восьми женщин и невротического четырнадцатилетнего мальчика. Теоретически каждый из них мог контролировать четыре канала связи, но я сомневался, чтобы на практике это у них получалось.

Вперед мы двинулись зигзагами. Хаксли выхаживал по рубке спокойный, как улитка, посматривая мне через плечо и читая полученные сводки и донесения. Успевал он следить и за экранами телевизоров. Пеннойер командовал левым крылом и своим крейсером, Хаксли — правым крылом.

В 12.32 телевизоры погасли. Противник расшифровал нашу частоту и вывел из строя все транзисторы. Это было теоретически невозможно, но он это сделал. В 12.37 вышло из строя радио.

К этой неудаче Хаксли отнесся равнодушно.

— Переключитесь на светофонную связь, — сказал он.

Связисты уже предупредили его приказ: наши приемники и передатчики работали теперь на инфракрасных лучах — от корабля к кораблю. Прошел еще час. Хаксли так же неторопливо бродил по рубке, посматривая иногда на схему расположения движущихся крейсеров. Наконец он сказал:

— Пора перестраиваться в штурмовые порядки.

Я передал приказание крейсерам, и через девятнадцать минут последний крейсер доложил о готовности.

Я был доволен — некоторые водители еще четыре дня назад были шоферами грузовиков.

В 15.30 мы передали предварительный сигнал: «Выходим на боевые позиции». И я услышал, как наша орудийная башня содрогнулась — заряжали орудие.

В 15.31 Хаксли приказал открыть огонь.

Наша пушка выплюнула гигантский снаряд. От выстрела поднялась пыль и заволокла мне глаза. Машина от отдачи рванулась назад, и я чуть не упал. Мне никогда раньше не приходилось находиться рядом с тяжелым самоходным орудием, и я не ожидал, что отдача так сильна. Но после второго выстрела я уже был к ней готов.

Между выстрелами Хаксли смотрел в перископ, стараясь определить эффективность артиллерийского огня. Новый Иерусалим отвечал на наш огонь, но мы еще не вошли в зону действия его орудий. У нас было преимущество стрельбы по неподвижному объекту, расстояние до которого было нам известно с точностью до метра. Но, с другой стороны, даже снаряды такого орудия не могли разрушить стен Дворца.

Хаксли повернулся от перископа и сказал мне:

— Дымовая завеса, Джон!

Я, в свою очередь, крикнул офицеру связи:

— Всем телепатам готовность номер один!

Офицер доложил, что связи с другими крейсерами нет, зато психооператор с помощью телепатов уже ее восстанавливал. Через минуту заговорил подросток. Он передал нам ответ генерала Пенюера: «Ослеплены дымом. Перемещаемся влево». Вскоре мы наладили связь через телепатов с кораблями второй линии и с самолетами.

тами-корректировщиками. Корректировщик доложил, что видимость у него нулевая и радар ему ничем не помогает. Я приказал ему оставаться в прежнем квадрате в расчете на то, что утренний ветер разгонит дым.

Впрочем, мы не зависели от корректировщика, потому что наше положение было отлично известно. Дым также нас не беспокоил: на точность наводки и стрельбы он не влиял. Противнику было хуже. Выпустив дымовую завесу, начальник обороны Дворца отныне полностью зависел от своего радара.

Радар во Дворце был в полном порядке. Вокруг нас рвались снаряды. Прямых попаданий в наш крейсер еще не было, но мы чувствовали, как он вздрагивал, когда снаряды взрывались совсем рядом. Сообщения с других крейсеров были невеселыми: Пенoyer сообщил, что «Мученик» получил прямое попадание — снаряд разворотил переднее машинное отделение. Капитан крейсера старался обойтись одним двигателем и вдвое сбросил скорость, но от «Мученика» было мало толку. Орудие «Архангела» перегрелось, и боеспособность машины упала до нуля.

Хаксли приказал перестроиться по плану «Е». Он был рассчитан на то, чтобы снизить эффективность вражеского огня.

В 16.11 Хаксли приказал бомбардировщикам вернуться на базу. Мы были в пределах города, и стены Дворца были так близко, что мы могли пострадать от собственных бомб.

В 16.17 в наш корабль попал снаряд. Боевая башня заклинилась, орудие потеряло способность двигаться. Водитель был убит. Я помог психооператору надеть противогазы на телепатов. Хаксли поднялся с пола, надел шлем. Он посмотрел на боевую схему.

— Мимо нас через три минуты пройдет «Благословение». Передай, чтобы они снизили скорость до минимума и подобрали нас. Передай Пенoyerу, что я переносу флаг на «Благословение».

Мы перешли на другой крейсер без потерь, всей командой — Хаксли, я, психооператор и его телепаты. Лишь один из телепатов был убит и остался в крейсере — в него попал осколок снаряда. Еще одна телепатка вошла в глубокий транс, и мы вынуждены были

оставить ее в вышедшей из строя машине, что было куда безопасней, чем эвакуировать женщину в пекло боя.

Хаксли изучал карты с моими пометками о движении крейсеров.

— Мне нужна связь, Лайл, — сказал генерал. — Пора начинать решительный штурм.

Я помог психооператору задействовать телепатов. Отказавшись от связи с «Мучеником» и забыв на время о резерве Пенойера, мы смогли обойтись без двух потерянных телепатов. Но оставшимся пришлось трудиться с полной отдачей сил. Четырнадцатилетний подросток поддерживал даже пять линий связи. Психооператор беспокоился, выдержат ли его подопечные, но ничего не мог поделать.

Закончив передавать приказания крейсерам, я обернулся к генералу. Хаксли сидел в кресле, и сначала мне показалось, что он глубоко задумался, потом я понял, что он потерял сознание. Только подбежав к нему, я заметил, что по ножке кресла стекает кровь и капает на пол. Я положил его на пол и, расстегнув куртку, увидел торчащий между ребер осколок.

Я услышал голос связиста:

— Генерал Пенойер докладывает, что он заканчивает маневр через четыре минуты.

Хаксли вышел из строя. Живой или мертвый, он в этом бою уже не будет участвовать. По всем правилам командование переходило к Пенойеру. Но каждая секунда была на счету, и разговор с генералом займет именно эти драгоценнейшие секунды. Что делать? Передать командование командиру «Благословения»? Я знал его — он был честный офицер, но без инициативы. Он даже не заглядывал в рубку, а управлял артиллерийским огнем из орудийной башни. Если я позову его, пройдет несколько минут, прежде чем он поймет, как поступать дальше.

Что бы делал Хаксли, если бы он оказался на моем месте?

Мне казалось, что я размышляю целый час. В действительности хронометр показал, что прошло всего тринадцать секунд между сообщением Пенойера и моим ответом.

«Через шесть минут начинаем последний этап штурма. Приступайте к перестройке крыла соответственно плану».

Передав приказ, я вызвал к генералу санитаров.

Я перестроил свой фланг и отдал приказ «Колеснице»:

— Подплан «Д». Покиньте строй и приступайте к исполнению приказа.

Подплан «Д» предусматривал высадку транспортом «Колесница» десанта возле универсама, который был соединен туннелем с Дворцом. Из подземелья, где я впервые встретился с подпольщиками, десантники должны были маленькими штурмовыми группами рассредоточиться по Дворцу. Эти пятьсот человек были знакомы с расположением дворцовых помещений. Многие из них погибли, но они создадут так нужную нам в момент атаки панику в стане противника. Отрядом этим командовал Зеб.

Мы готовы.

«Всем крейсерам. Начинаем атаку. Правый фланг — правый бастион. Левый фланг — левый бастион. Полная штурмовая скорость с соблюдением боевой дистанции. Беглый огонь. Повторить приказ».

С крейсеров поступали подтверждения.

Вдруг пришло неожиданное сообщение через под-
ростка:

— Говорит капитан Ван Эйк. Ударьте по центральным воротам. Мы ударим по ним с другой стороны.

— Почему центральные ворота? — спросил я.

— Они разбиты.

Если сказанное правда, то это может решить все дело. Но я имел основание не доверять. Если они выследили Ван Эйка, то это ловушка. Не представляю, как он в разгар битвы со мной связался.

— Скажите пароль! — сказал я.

— Нет уж, сами скажите!

— Не скажу.

— Я скажу первые две буквы.

— Хорошо.

Он не ошибся. Я успокоился.

«В отмену прежнего приказа. Тяжелым крейсерам с обоих флангов штурмовать центральный бастион. Лег-

ким крейсерам перенести отвлекающий огонь на правый и новый бастионы. Повторите приказ».

Через девятнадцать секунд я отдал приказ приступить к штурму, и мы пошли вперед. Мне казалось, что мы летим на реактивном самолете, у которого прогорело сопло. Мы пробивались сквозь кирпичные стены, клонились на поворотах, чуть не перевернулись, свалившись в подвал разрушенного здания, и с трудом выбрались наверх. Я практически не управлял крейсером, как, впрочем, и все остальные командиры.

Когда мы замедлили движение, готовясь к новому выстрелу, я увидел, что психооператор приподнимает веко подростка.

— Боюсь, что он погиб, — сказал психооператор глухо. — Я слишком перегрузил его в последние минуты. Еще две телепатки потеряли сознание.

Наше большое орудие выстрелило — мы отсчитали десять секунд после выстрела и двинулись дальше, набирая скорость. «Бенисон» ударил по стене Дворца с такой силой, что я думал — он будет сплюснен от удара. Стена выдержала. Водитель выпустил гидравлические ноги, и нос крейсера стал медленно задираться. Крейсер встал почти вертикально, и мне показалось, что он вот-вот опрокинется, но тут стена поддалась, и мы ввалились через пролом в следующий двор.

Наше орудие заговорило вновь — оно стреляло в упор по внутреннему Дворцу. Я подождал, пока последний из крейсеров войдет во внутренний двор, а затем приказал:

«Транспорты с десантом, вперед».

После этого я связался с Пенoyerом и сообщил ему, что Хаксли ранен и командование переходит к нему.

Для меня бой кончился. Он шел еще вокруг меня, но я не принимал в нем участия — я, который всего несколько минут назад узурпировал верховное командование.

Я закурил сигарету и подумал: что же мне теперь с собой делать? Глубоко затянувшись, я вылез через контрольный люк в оружейную башню и выглянул в бойницу. Дым рассеивался. Я увидел, как откинулись борта транспорта «Лестница Иакова» и солдаты, держа оружие наготове, посыпались во все стороны, разбега-

ясь в укрытия. Их встретил редкий неорганизованный огонь. «Лестница Иакова» уступил место «Ковчегу».

Командир десанта на «Ковчеге» имел приказ захватить Пророка живым. Я выскочил из башни, спустился в машинное отделение и отыскал запасной люк. Откинув крышку, я вывалился на землю и бросился за десантниками.

Мы вместе ворвались во внутренние покои.

Бой кончился. Мы почти не встречали сопротивления. Мы спускались с этажа на этаж все глубже под землю и наконец нашли бомбоубежище Пророка. Дверь была распахнута настежь, и Пророк был там, где мы его искали.

Но мы его не арестовали. Девственницы добрались до него раньше, и он уже не был властительным и грозным. От него осталось ровно столько, чтобы можно было его опознать.

КОВЕНТРИ

— Угодно вам что-нибудь сказать до оглашения приговора?

Невозмутимый взор Главного судьи внимательно изучал лицо обвиняемого. Ответом ему было насупленное молчание.

— Что ж, хорошо... Присяжные сошлись на том, что вы нарушили один из основных пунктов, содержащихся в Ковенанте, и таким образом нанесли ущерб свободному гражданину. Мнение суда и присяжных таково, что деяние это было сознательным, поскольку вы были полностью осведомлены о возможности нанесения вреда этому свободному гражданину. Поэтому приговариваю вас к альтернативе. Выбирайте одно из двух.

Опытный наблюдатель наверняка заметил бы тень испуга, скользнувшую по неподвижной маске безразличия, сквозь которую молодой человек взирал на ход собственного процесса. Выражение испуга было по меньшей мере неразумным. Если учесть характер преступления, то такое наказание являлось неизбежным — однако разумные люди и не получают таких приговоров. Не дождавшись ответа, судья повернулся к приставу:

— Уведите его.

«Coventry»

© В. Ковалевский, Н. Штудер, перевод, 1993.

Внезапно, будто внутри у него прорвалась какая-то плотина, приговоренный вскочил, уронив стул, на котором сидел, и обвел диким взглядом присутствующих.

— Стойте! — закричал он. — Сначала я вам кое-что скажу!

Несмотря на резкость манер, в нем ощущалось благородное достоинство хищного зверя, загнанного в угол. Он пожирал глазами аудиторию, грудь его тяжело вздымалась — казалось, он принимал присутствующих за свору псов, готовых кинуться на него и растерзать.

— Так как же? — кричал он. — Получу я наконец право говорить или нет? В разыгранной вами комедии не хватает только того, чтобы осужденного лишили права высказать свое мнение обо всем этом.

— Вы можете говорить, Дэвид Маккинон, — отозвался Главный судья тем же невозмутимым тоном, каким выносил приговор, — сколько вам будет угодно и в любой избранной вами форме. Свобода слова не ограничивается даже для нарушивших Ковенант. Прощу вас говорить в микрофон.

Маккинон с отвращением взглянул на микрофон, торчавший возле его лица. Он знал, что каждое сказанное им слово будет записано, а потом подвергнуто тщательному анализу, и это казалось ему особенно отвратительным.

— Не желаю я никаких записей! — рявкнул он.

— А мы обязаны их иметь, — спокойно ответил судья, — для того, чтобы все могли убедиться, справедливо или несправедливо с вами обращались и были ли соблюден Ковенант. Будьте добры выполнить нашу просьбу.

— Ладно уж... — Не выказывая особой охоты, подсудимый подчинился требованию и стал говорить в микрофон: — Смысла метать перед вами бисер нет никакого, но тем не менее кое-что я скажу, а вам придется выслушать меня... Вы тут болтаете о своем драгоценном Ковенанте, будто он есть что-то священное. А мне он не нравится, и я его принимать не хочу. Вы относитесь к нему так, будто он сошел с неба в лучах света. Мои деды тоже дрались во времена Второй революции, но они сражались, чтобы сокрушить предрассудки, а не ради того, чтобы на их месте какие-

то законченные идиоты наворотили новые! Да, в те времена были настоящие мужчины! — Он презрительно оглядел аудиторию. — А из кого состоит наше общество теперь? Из робких, трусливых слабаков, в жилах которых течет водопроводная вода. Вы так тщательно спланировали ваш мир, что из него оказались изгнанными радость и жизнелюбие. Никто не голодает, никто не подвергается опасности. Ваши корабли не тонут. У вас не бывает засухи. Вы приручили погоду так, что даже дожди покорно идут только после полудня! А почему, собственно, они должны ждать, когда пробьет полночь, если вы все равно заваливаетесь дрыхнуть уже в девять вечера? А если у кого-нибудь из ваших благонравных людишек возникнут нежелательные эмоции — сохрани Боже даже от мысли об этом! — он тут же топает в ближайшую психодинамическую клинику, и там сразу перенастраивают его крохотные мозги. Я благодарю Господа, что никогда не соблазнился такой операцией! Я предпочитаю оставаться при своих чувствах, какими бы неприятными они ни были для других. Вы даже любовью занимаетесь только после посещения консультанта-психотехника, чтобы узнать, обладает ли ваша возлюбленная столь же пресным и плоским умишком, что и вы. И все ли ее предки были эмоционально устойчивы. Да настоящего мужчину от вас так и тянет блевать! А как насчет того, чтобы подраться из-за женщины? Если у кого-нибудь и хватит на это смелости, то он уже через пару минут обнаружит возле себя проктора, который, отыскивая на его теле наиболее подходящую точку для применения парализатора, заодно спрашивает с отвратительной вежливостью: «Чем вам могу быть полезен, сэр?»

Пристав начал было пододвигаться к Маккинону. Тот повернулся к нему.

— А ну, ты! Отойди! Я еще не кончил! — После чего снова обратился к микрофону и продолжал: — Вы велели мне выбирать между двумя возможностями? Что ж, с выбором проблемы не будет. Вместо того, чтобы дать согласие на лечение, вместо того, чтобы отправиться в одно из ваших маленьких, аккуратненьких, надежненьких, приятненьких заведений для переро-ориентации и позволить банде тамошних докторов ко-

вырваться в моем мозгу хитрыми пальцами, вместо того, чтобы согласиться на все это, я выбираю старую добрую *смерть*! Нет, выбора для меня не существует, для меня есть лишь одно решение. Я выбираю Ковентри и, клянусь, счастлив этим! Надеюсь, что больше никогда не услышу о Соединенных Штатах!.. И все же есть одна вещь, о которой я хотел бы спросить прежде, чем отправиться туда. Зачем вы берете на себя труд жить? Мне кажется, что каждый из вас должен, хотя бы из-за убийственной скуки своего бытия, желать скорейшего окончания этой глупой и бесцельной волюнки. Ну, вот теперь — все! — И он повернулся к приставу: — Давай, уводи!

— Минутку, Дэвид Маккинон! — Главный судья предупреждающе вскинул руку. — Мы вас выслушали. Хотя ваша речь и не заслуживает этого, я все же хочу ответить на некоторые ваши выпады. Вам угодно выслушать меня?

Неохотно, исключительно из желания не показаться склочником, отказывающимся от выполнения столь резонной просьбы, молодой человек молча кивнул.

Речь судьи была мягкой, сглаженной речью ученого, более уместной в университетской аудитории.

— Дэвид Маккинон, вы говорили тоном, который вам безусловно представлялся исполненным мудрости. И тем не менее ваша речь дика и плохо продумана. Я считаю необходимым указать на ряд допущенных вами искажений фактов. Ковенант — вовсе не предрассудок, а всего лишь временный контракт, разработанный теми же революционерами, и исходили они из чисто прагматических соображений. Они мечтали, чтобы каждый член общества обладал максимумом гарантированных свобод. Сами вы тоже пользовались этими свободами. Вам разрешались любые поступки, вы могли жить как хотели, при условии, что не будете приносить вред остальным. Даже действие, запрещенное законом, нельзя было бы поставить вам в вину, если бы государство не смогло доказать, что оно нанесло ущерб или вызвало опасность нанесения ущерба определенному лицу. Даже если кто-либо намеренно и целенаправленно наносит кому-то ущерб, как это сделали вы, государ-

ство не считает себя вправе прибегать к моральному осуждению человека, а тем более к его наказанию. Для этого у нас нет ни нужной мудрости, ни желания вызвать цепную реакцию несправедливостей, которые всегда сопровождают моральное принуждение и ставят под угрозу всеобщую свободу. Вместо этого осужденному предоставляется выбор между психологической перестройкой, которая должна устранить тенденцию наносить ущерб другим людям, и отчуждением его от Государства — путем высылки в Ковентри. Вы жалуетесь, что наш образ жизни тускл и лишен романтики, намекая, что мы ограбили вас, лишив тех переживаний, без которых вы якобы не можете жить. Вы свободны придерживаться любых взглядов и высказывать свое мнение вслух, но только не ожидайте, что мы станем жить так, как вам хочется. Вы свободны искать приключения, если уж очень хотите, — ведь опасности действительно существуют. В лабораториях, например. А как трудно живется исследователям в горах Луны, а сколько людей гибнет в джунглях Венеры — но сами вы не имеете права подвергать нас опасности, опасности, причиной которой является единственно ваш бешеный нрав.

— Не делайте из мухи слона, — презрительным тоном ввернул Маккинон. — После вашей болтовни можно подумать, будто я кого-то зарезал, а я всего лишь расквасил нос хаму за то, что он меня оскорбил!

— Я разделяю вашу эстетическую оценку этого индивидуума, — ровно продолжал судья, — и даже лично испытываю удовольствие от мысли, что вы ему «расквасили» нос, но ваши психометрические тесты показывают, что вы считаете себя вправе давать моральную оценку своим согражданам и полагаете, что можете лично исправлять их ошибки и даже наказывать их. Вы опасная личность, Дэвид Маккинон, вы опасны для нас всех, ибо мы не можем предвидеть, какой вред вы нанесете в следующий раз. С социальной точки зрения ваши заблуждения делают вас таким же безумным, как Мартовский Заяц. Вы отказались от лечения — поэтому мы лишаем себя вашего общества, отныне мы с вами

в разводе. Отправляйтесь в Ковентри! — Он обратился к приставу: — Уведите его.

Маккинон смотрел в лобовой иллюминатор большого транспортного вертолета, и сердце его трепетало от возбуждения. Вот он! Наверняка эта черная полоса вдали именно он и есть! Вертолету до полосы было еще далеко, но Маккинон больше не сомневался, что впереди виден Барьер — таинственная непроницаемая стена, отделяющая Соединенные Штаты от резервации, известной под именем Ковентри.

Конвоир отложил журнал и проследил, на что там Маккинон так загляделся.

— Почти прибыли, — сказал он с облегчением. — Теперь уже совсем скоро.

— По мне, так чем скорее, тем лучше.

Стражник посмотрел на него с усмешкой, но неприязни во взгляде не было:

— Небось не терпится попасть туда, а?

Маккинон задрал подбородок:

— За меня не беспокойся, наверняка ведь тебе не приходилось провожать до Ворот человека, которому не терпится переступить их порог.

— Как сказать... может, и так. Хотя все вы одно поете. По-вашему, ни один не проходит в Ворота иначе, как по собственной воле.

— Что касается меня, то я действительно так считаю!

— Все так считают. Только почему-то большинство скоро возвращается назад.

— Слушай, а может, ты мне расскажешь, как там у них за стеной?

— Извини, — охранник покачал головой, — Соединенных Штатов их дела не касаются. И тех, кого они нанимают на работу, — тоже. Подожди немного, скоро сам все узнаешь.

Маккинон нахмурился.

— Странно все это... Сколько я народу ни спрашивал, ну хоть бы кто-нибудь намекнул, что знает, каково там — внутри... Значит, говоришь, кое-кто уходит от-

сюда обратно?.. Тогда тем более кто-то должен обязательно проболтаться.

— Ну, с этим просто, — улыбнулся охранник. — При переориентации вводится подсознательный запрет обсуждать то, что с ними происходило там.

— Подленькая, однако, уловка! А по какому, собственно, праву правительство умышленно утаивает ото всех, что там происходит?

— Слушай, друг, — охранник, похоже, начал терять терпение, — ты ведь сам послал всех нас к чертовой матери. Ты заявил, что прекрасно обойдешься без нас. Тебе дают территорию, чтобы жить, — между прочим, чуть ли не самую лучшую землю на всем континенте; тебе разрешают взять с собой все твое имущество или все, что ты сможешь купить сам на свои деньги. Так какого дьявола тебе еще нужно?

Лицо Маккинона вытянулось от удивления.

— А где гарантия, что для меня там найдется свободная земля?

— Это твои проблемы. Правительство следит только за тем, чтобы количество земли соответствовало численности населения. А кто ее как поделит, так с этим уж вы, эгоисты паршивые, сами между собой разбирайтесь. Вам не нравится, как мы живем, и вы же еще хотите, чтобы наша организация защищала ваши интересы? — Стражник вернулся к своему чтиву и больше на Маккинона внимания не обращал.

Они сели на крохотном аэродроме, расположенном возле черной сплошной стены. Ворот тут никаких не было, а на самом краю летного поля одиноко стоял домик охраны. Маккинон был единственным пассажиром. Конвоир отправился в караулку, а Маккинон спустился по трапу из пассажирского салона и подошел к грузовому люку. Двое летчиков как раз выдвигали оттуда трап. Когда Маккинон приблизился, один из летчиков посмотрел на него и сказал:

— Эй, ты! Вон оно, твое барахло. Можешь забирать.

Маккинон прикинул на глаз объем своего багажа.

— Ничего себе кучка! — Он повернулся к летчику. — Послушайте, мне одному не справиться. Не можете выгрузить?

Летчик не спеша закурил и только потом ответил:

— Твое барахло, ты и тащи. А мы вылетаем через десять минут.

Пилоты обогнули Маккинона и полезли в машину.

— Ах, вы... — Маккинон заставил себя проглотить окончание фразы и подавил гнев. У него исчезла последняя тень сожаления от расставания с цивилизацией. Он им еще покажет! Уж без них-то он как-нибудь обойдется!

Однако прошло минут двадцать, не меньше, прежде чем он, стоя возле горы своего багажа, проводил взглядом поднявшуюся в воздух машину. К счастью, второй пилот оказался более сговорчивым в отношении времени вылета. Маккинон стал грузить багаж на стальную самодвижущуюся тележку. Вспоминая примеры из читанной в детстве литературы, он подумал, как было бы здорово воспользоваться караваном ослов, но, увы, зоопарка, который согласился бы ему продать этих незаменимых животных, поблизости не оказалось. Впрочем, это было и к лучшему: во всем, что касалось ослов — их привычек, возможностей, предрассудков, пороков, болезней, ухода за этими маленькими созданиями, — Маккинон был полный профан, причем он и сам не знал глубины своего невежества. Если бы его желание исполнилось, то наверняка стоило хозяину и скотине сойтись вместе, они бы устроили друг другу сладкую жизнь.

«Черепашка», которую он приобрел, оказалась неплохой заменой ослам. Она была прочна, проста в управлении, что делало ее пригодной даже для идиота. Энергию она получала от шести квадратных ярдов солнечных батарей, смонтированных на низкой покатой крыше. Батареи питали мотор, работавший с постоянной мощностью, а когда тот выключался, они пополняли свои энергетические запасы на случай облачной погоды или поездки ночью. «Черепашка» практически была «вечной» — все ее движущиеся части, кроме траков и панели управления, были опечатаны и защищены от глупого любопытства. На хорошей ровной дороге она могла развивать скорость до шести миль. Если же на пути встречались холмы, тележка не оста-

навливалась, а просто сбавляла ход, чтобы, взбираясь в гору, не расходовать дополнительной мощности.

Теперь, имея собственную тележку, Маккинон чувствовал себя независимым; должно быть, нечто подобное испытывал когда-то Робинзон Крузо. Ему и в голову не могло прийти, что «черепашка» — продукт совместных усилий и напряженной работы мозга сотен тысяч людей — живых и давно умерших. За годы своей безмятежной жизни он привык пользоваться услугами куда более сложной техники, и поэтому, естественно, рассматривал это устройство как нечто весьма примитивное — вроде топора дровосека или охотничьего ножа. Хотя в прошлом талант Маккинона был отдан литературной критике, а вовсе не изобретательству машин, он, тем не менее, считал, что с помощью собственного интеллекта и двух-трех справочников легко сумеет соорудить подобную «черепашку», когда это потребуется.

Он знал, что для ее постройки необходима железная руда, но особой проблемы в этом не видел — ведь знания в области рудной разведки, добычи руды и выплавки металла были у него такими же глубокими, как в области повадок ослов.

Своим багажом Маккинон забил буквально каждый кубический дюйм сравнительно небольшого объема грузового отсека. Он сверил каждую вещь со списком и еще раз с удовольствием пробежал по нему глазами с начала и до конца.

Любой искатель приключений или исследователь из прошлых веков был бы счастлив, имея он такое снаряжение, как у него. Маккинон представил себе Джека Лондона, которому он показывает хотя бы эту вот замечательную палатку. «Смотри, Джек, — сказал бы он ему для затравки, — любая непогода ей не страшна: верх и стенки не промокают, ни одна деталь не ржавеет. А попробуй, какая она легкая — один человек поставит ее за пять минут, про прочность я уже не говорю — ты можешь спокойно дрыхнуть, пока самый большой в мире гризли пускает слюни под твоей дверью». Джек Лондон почесал бы голову и сказал: «Да, Дейв, ты — молоток! Мне бы такую на Юконе, я б и забот не знал!»

Маккинон снова пробежал список. Концентраторов, обезвоженных продуктов и витаминов ему хватит месяцев на шесть. За это время он построит парники для гидропоники и семена дадут всходы. Запасы лекарств... хоть он и надеялся, что болеть не будет, — но лучше предусмотреть все. Не забыл он и самые разнообразные справочники и руководства.

А легкая спортивная винтовка! Раритет! Прошлый век! Тут лицо его омрачилось: Военный департамент отказался продать ему облегченный бластер. Когда Маккинон заявил, что бластер — часть всеобщего научно-технического достояния, ему неохотно выдали чертежи и расчеты, сказав, чтобы он собирал бластер сам. Ладно, он еще изготовит себе эту штуку, как только выдаться свободный часок.

С остальным был тоже полный порядок. Маккинон развалился на водительском месте, взялся за рукоятки, приводящие машину в движение, и направил ее к караулке. Теперь он ждал, чтобы ему открыли Ворота и впустили внутрь.

Вблизи караулки ошивалось несколько военных. По серебряной полоске, нашитой на простой серый килт, который был частью полевой формы, Маккинон распознал легата и обратился к нему:

— Я готов к отправке. Будьте добры, откройте Ворота.

— О'кей! — ответил ему офицер и повернулся к солдату; серый килт безо всякой нашивки означал, что это простой рядовой. — Дженкинс, передай на подстанцию, чтобы раздвигали. Скажи им — отверстие номер три, — добавил он, прикинув на глазок габариты «черепашки».

Дав команду, он перевел взгляд на Маккинона:

— Я обязан напомнить вам, что вы можете вернуться назад хоть сейчас, если согласитесь подвергнуть себя госпитализации.

— Нет у меня никакого невроза.

— Хорошо. Но если вы все-таки передумаете, то возвращайтесь к этому входу. С той стороны можно дать сигнал часовому, чтобы Ворота открылись.

— Мне это неинтересно.

Легат пожал плечами.

— Возможно. Но нам тут частенько приходится отправлять возвращающихся в карантин. Будь моя воля, легко оттуда вряд ли бы кто вышел. — Офицера прервал сигнал тревоги. Солдаты, стоявшие рядом, четко развернулись и достали свои бластеры. Страшный зев стационарного бластера возник на крыше караульного помещения и нацелился на Барьер.

Легат, читая написанный на лице у Маккинона вопрос, ответил:

— Подстанция готова открыть Ворота. — Он показал рукой в направлении здания подстанции, потом повернулся лицом к Маккинону. — Поезжайте прямо на центр отверстия. Ограничение стасиса требует гигантского расхода энергии. Если случайно заденете за край, придется собирать вас по кусочкам.

Яркая светящаяся точка возникла у основания Барьера как раз напротив того места, где они стояли. Она превратилась в полуокружность на угольно-черном фоне того, что было ничем. Скоро отверстие стало достаточно большим, и Маккинон смог увидеть то, что лежало за образовавшейся аркой. Он с любопытством туда заглянул.

Отверстие было шириной футов в двадцать. Теперь оно уже больше не увеличивалось, но сквозь него были хорошо видны голые скалистые холмы. Маккинон посмотрел туда и в бешенстве перевел глаза на легата.

— Меня обманули! — закричал он. — На этой земле человек жить не может!

— Перестаньте, — ответил тот. — Хорошая земля дальше, за холмами. И потом, никто ведь не заставлял вас туда ехать. Так что, раз уж решили — вперед.

Маккинон покраснел и нажал на обе рукоятки сразу. Траки пришли в движение, «черепашка» медленно поползла вперед — прямо к Воротам в Ковентри.

Уже проехав несколько футов по территории за Воротами, он обернулся. Барьер поднимался над ним стеной, и нигде даже намек не было на Ворота. Возле того места, откуда он въехал в Ковентри, стоял небольшой сарайчик из листового железа. Маккинон решил, что там-то и находится сигнальное устройство, о котором упоминал легат, но его это совершенно не интере-

совало, и он вернулся к изучению лежащей перед ним местности.

Прямо по ходу, извиваясь между холмами, виднелось что-то вроде дороги. Поверхность ее была без покрытия и явно давно не ремонтировалась, но поскольку дорога шла под уклон, «черепашка» могла выдерживать нормальную скорость. Маккинон двинулся по этой дороге, но не потому, что она ему нравилась, просто это был единственный путь, который вел из местности, абсолютно не подходящей для его целей.

Кроме него, на дороге не было ни души. Маккинона это вполне устраивало. Он не испытывал никакого желания встречаться с людьми, пока не найдет пригодную для жилья землю и не застолбит ее за собой. Расположенные вокруг холмы явно были кем-то обжиты — несколько раз он замечал, что какие-то маленькие зверьки мелькают среди скал, а временами чьи-то блестящие испуганные глаза бросали на него тревожные взгляды.

Маккинону поначалу даже в голову не пришло, что эти маленькие робкие твари, прятавшиеся в свои норки при его приближении, могли пойти ему в пищу — уж слишком они забавно выглядели и, если честно, ощущение, что он здесь не один, хоть как-то согревало его изнутри. Но когда он подумал, что их и вправду можно использовать вместо дичи, то поначалу эта мысль вызвала в нем отвращение — обычай убивать развлечения ради исчез задолго до рождения Маккинона, а промышленный синтез белка, начатый во второй половине прошлого столетия, привел к краху животноводства — сам ссыльный не помнил, чтобы когда-нибудь в жизни он пробовал настоящее мясо.

Но раз такая мысль все же пришла, надо было решать. Он ведь в любом случае собирался сам себе добывать пропитание. Хотя запасенных харчей ему хватило бы на долгое время, самое мудрое было их пока поберечь и воспользоваться тем, что предлагала сама природа. Он подавил свои эстетские предрассудки, твердо решив подстрелить одну из зверюшек при первом удобном случае.

Задумано — сделано. Он достал винтовку, зарядил и положил рядом с собой на сиденье. Как и водится по закону падающего бутерброда, дичь на ближайшие полчаса куда-то вся подевалась. Наконец, когда Маккинон огибал очередной скалистый выступ, он увидел свою добычу. Она выглядывала из-за небольшого валуна, ее хитрые глазки недоверчиво поблескивали, правда, без особого страха. Маккинон остановил «черепашку», тщательно прицелился, положив для уверенности ствол на кокпит. Будущая жертва тут же нахально выскочила на открытое место.

Маккинон нажал на спусковой крючок, невольно напрягая все мышцы и зажмуривая левый глаз. Пуля, естественно, ушла вверх и вправо.

Но сейчас он был слишком ошеломлен, чтобы заметить это. Ему почудилось, что вокруг него взорвался весь мир. Правое плечо онемело, губы были разбиты так, будто кто-то с силой лягул его в рот, в ушах противно звенело. Он страшно удивился, увидев, что ружье в его руках в целости и сохранности.

Маккинон отложил винтовку, выкарабкался из машины и побежал к тому месту, где только что был зверек. Однако ничего похожего на животное там не наблюдалось. Он поискал вокруг — пусто. Удивленный, он вернулся к машине, решив, что винтовка испорчена и надо будет ее хорошенько проверить, прежде чем пускать в дело.

Между тем «жертва» с любопытством наблюдала за странными действиями человека. Животное было не меньше Маккинона удивлено происшедшим, так же не привыкшее к выстрелам, как и он.

Прежде чем снова завести «черепашку», Маккинону пришлось заняться своей губой, которая распухла и сильно болела. Из ссадины на губе сочилась кровь. Это обстоятельство еще больше усилило подозрение, что ружье испорчено. В романтической литературе XIX—XX веков, которую Маккинон обожал, отсутствовали предупреждения о том, что, стреляя из винтовки, следует держать правую руку так, чтобы при отдаче ноготь большого пальца не вонзался вам прямо в рот.

Он воспользовался антисептиком и пластырем и отправился дальше в несколько подавленном настроении.

Ущелье между холмами сделалось шире, сами холмы все чаще были одеты зеленью. Он сделал еще один крутой поворот и увидел перед собой широкую плоскую равнину. Она простиралась до самого горизонта, затянутого прозрачной дымкой.

Большая часть равнины была обработана, и ему даже показалось, что кое-где виднеются человеческие жилища. Маккинон направился в их сторону со смешанным чувством. Встреча с людьми означала некоторое облегчение его жизни, но становилось ясно, что застолбить участок земли здесь будет труднее, чем он думал. И все же... в Ковентри места много!

Он уже выехал с холмов на равнину, когда на дорогу вышли какие-то двое и загородили ему путь. Оба они держали оружие на изготовку. Один из них крикнул:

— Стой!!!

Маккинон повиновался и, когда они подошли, спросил:

— Что вам угодно?

— Таможенный досмотр. Подъезжай к конторе.

Человек указал на небольшое строение, расположенное у самой дороги, которое прибывший раньше не замечал. Он перевел взгляд со здания на говорившего и внезапно почувствовал, как из самых глубин его существа поднимается горячая волна и мозг обволакивает туманом. Когда с ним это случалось, его и без того не слишком-то предсказуемое поведение делалось вовсе уж неразумным.

— Что ты мелешь? — заорал он. — А ну, отойди в сторону, дай проехать!

Второй, что до этого молчал, поднял оружие и наставил его Маккинону прямо в грудь. Первый схватил его за руку и отвел ствол в сторону.

— Не надо убивать этого дурака, Джо, — сказал он недовольно. — Всегда тебе не терпится! — Затем обратился к Маккинону: — Ты оказал сопротивление властям. Давай-ка за нами. Быстро.

— Властям? — Маккинон мрачно усмехнулся и поднял лежавшую на сиденье винтовку. Но не успел он ее донести до плеча, как мужчина, который вел переговоры, лениво выстрелил, даже не беря на себя труд

прицелиться. Винтовка Маккинона вырвалась у него из рук, взлетела в воздух и приземлилась в кювет позади «черепашки».

Тот, что молчал, равнодушным взглядом проследил за полетом винтовки и заметил:

— Неплохой выстрел, Блэки. Ты его даже не задел.

— Случайность, — пробормотал другой, но улыбнулся, довольный комплиментом. — Не попал, так не попал — хоть не придется докладную писать. — Тут он снова принял официальный вид и обратился к Маккинону, который сидел, ничего не понимая, и растирал онемевшие пальцы. — Ну что, приятель, и долго ты собираешься строить из себя крутого? Может, все-таки будешь паинькой, или нам придется обработать тебя всерьез?

Маккинон сдался. Он подъехал, куда ему было велено, и с тоской ожидал дальнейших распоряжений.

— Вылезай и начинай разгружаться, — приказали ему.

Повинуясь силе, он подчинился. По мере того как он сбрасывал с машины свой драгоценный груз, тот таможенник, которого звали Блэки, раскладывал все на две неравные кучи, а Джо записывал что-то в бумагу вполне официального вида. Неожиданно Маккинон заметил, что Джо записывает только то, что попадает в первую кучу. Все стало ясно, когда Блэки приказал ему снова погрузить в «черепашку» вещи, лежавшие в первой куче, а те, что остались во второй, начал сам втаскивать в помещение таможни. Маккинон попробовал было заикнуться...

Джо спокойно и безо всякой злобы дал ему по зубам. Маккинон рухнул на землю, но тут же вскочил, готовый броситься в драку. Он был в таком бешенстве, что мог сразиться с нападающим носорогом. А Джо улучил момент и снова двинул ему в зубы. На этот раз Маккинону скоро подняться не удалось.

Блэки отошел к умывальнику, стоявшему в углу комнаты. Он вернулся, неся мокрое полотенце, и бросил его Маккинону.

— Вытри рожу, приятель. И давай-ка в колясочку, ехать пора.

У Маккинона оказалось достаточно времени, чтобы поразмыслить о будущем, пока он вез Блэки в город. Кроме лаконичной, но невразумительной фразы «призовой суд», ссыльный от своего конвоира так ничего и не услышал; Маккинон же с вопросами лезть не стал, хотя просто места себе не находил от недостатка информации. Губу саднило, голова раскалывалась, но лишний раз нарываться на неприятности из-за какого-нибудь неправильно понятого вопроса ему не хотелось.

Видимо, Ковентри вовсе не находилась в состоянии той первобытной свободы, о которой мечтал Маккинон. Тут, судя по всему, имелось какое-то правительство, хотя оно и не походило ни на одно из тех, с какими ему приходилось сталкиваться раньше. А он-то представлял себе Ковентри страной благородных независимых людей, предоставляющих друг другу полную свободу и преисполненных глубочайшего уважения к согражданам. Нет, мерзавцы там, разумеется, тоже должны попадаться, но с ними разговор короткий и, надо думать, с летальным исходом, стоит только им проявить свою истинную подлую натуру. Маккинон твердо был настроен на то, что в Ковентри добродетель всегда на троне.

И столкнувшись здесь с правительственными служащими, он ожидал, что те станут действовать по законам, к которым он привык с детства: будут честными, терпеливыми, достаточно умелыми и постоянно заботящимися о свободах и правах граждан. Он знал, что чиновники не всегда такие, но сам лично с отклонениями от нормы не сталкивался. Его ожидания были чисто абстрактными, точно так же, как представления о рабстве или канибализме.

Если бы он подумал получше, то, вероятно, понял бы, что гражданских служащих в Ковентри никогда не подвергали экзамену, чтобы определить их психологическую пригодность к исполнению своих обязанностей, и поскольку каждый обитатель Ковентри находился тут — а в этом сомневаться не приходилось — за нарушение Ковенанта и отказ от терапии, то можно было легко предположить, что все они по натуре депоты и непредсказуемы в действиях.

Теперь единственное, на что Маккинон надеялся, так это на суд. Все, чего он сейчас желал, — получить возможность выложить в суде свою историю.

Его надежды на судебную процедуру должны показаться не совсем логичными, ведь прошло не слишком-то много времени, как он отбросил прочь все связи с официальными учреждениями. Однако, хотя он и стряхнул их прах со своих одежд, куда же было деваться от впитанных с молоком матери привычек и представлений? Он мог проклясть суд, унизивший его своим приговором и поставивший его перед выбором, и все же искренне ожидать от суда правосудия. Он мог настаивать на своей полной независимости, но одновременно ожидал, что люди, с которыми ему предстоит столкнуться, будут подчиняться Ковенанту — других-то он никогда не встречал! Он был не в состоянии отбросить прочь собственные рефлексy и привычки, равно как не мог расстаться со своим телом.

Одним словом, в голове у Маккинона был полный туман.

Зазевавшись, Маккинон не успел встать, когда судья вошел в зал заседаний. Приставы быстренько дали ему понять, что к чему, однако злобный взгляд с судейского кресла он все-таки заработать успел. Ни внешний вид судьи, ни его манеры особых надежд не внушали. Это был упитанный красномордый тип, чей садистский характер буквально читался у него на лице и сквозил в каждом движении. Маккинону пришлось обожждать, пока судья расправится подчистую с несколькими мелкими нарушителями спокойствия, причем Маккинон заметил, что все здесь происходящее полностью противоречит закону.

И все-таки он оживился, когда услышал, что его вызывают. Маккинон встал и попытался изложить свое дело. Удар молотка судьи прервал его.

— В чем его обвиняют? — взревел судья, и на лице его проступила сеть мрачных морщин. — Можете не говорить, и так ясно — пьянство и буйное поведение. Я положу конец этому бардаку, даже если на борьбу уйдут последние мои силы! — Он обратился к секретарю: — Раньше судился?

Секретарь что-то зашептал ему на ухо. Судья бросил на Маккинона взгляд, в котором подозрительность смешивалась с негодованием, а затем предложил таможеннику выйти вперед. Блэки изложил дело четко и ясно, с легкостью человека, привыкшего давать показания. Ссадины на лице Маккинона он объяснил тем, что тот оказал сопротивление офицеру, находившемуся при исполнении служебных обязанностей. Он передал суду список, который составил его напарник, но почему-то забыл упомянуть о вещах, изъятых еще до его составления.

Судья повернулся к Маккинону:

— Хочешь чего-нибудь добавить?

— Разумеется, доктор, — начал было тот. — Тут нет ни слова...

Удар молотка прервал его. Пристав подскочил к Маккинону и постарался тому объяснить, как следует обращаться к судье. Объяснение совсем выбило Маккинона из колеи. Он-то всю жизнь считал, что термин «судья» был однозначен с понятием «врач-психиатр, хорошо знающий социальную проблематику». Кроме того, Маккинон не имел ни малейшего представления, что существуют какие-то иные формы судейства. Однако он постарался приноровиться к ситуации...

— С разрешения высокого суда, я заявляю, что этот человек лжет. Он и его компаньон напали на меня и ограбили. Я просто...

— Контрабандисты всегда воят, что их грабят, когда оказываются в руках таможенников, — прогреготал голос судьи. — Сознаешься ли ты, что оказал сопротивление при досмотре?

— Нет, ваша честь, но...

— Хватит! Штраф в размере пятидесяти процентов от суммы положенной пошлины. Плати прямо секретарю.

— Но, ваша честь, я не могу заплатить.

— Не можешь заплатить?

— У меня нет денег. Только имущество.

— Вот как? — Судья повернул лицо к секретарю: — Записывайте решение по делу. Имущество конфисковать. Десять суток за бродяжничество. Общество не может терпеть, чтобы эти нищие иммигранты шлѣались

где попало и нападали на законопослушных граждан. Следующий!

Маккинона уволокли прочь. Только скрежет ключа в замке тюремной камеры объяснил ему, на каком свете он оказался.

— Эй, дружище, как там погодка снаружи?

В тюремной камере с ним оказался еще один обитатель — крепко сбитый мужчина, поднявший глаза от разложенного пасьянса, когда Маккинон вошел. Он сидел верхом на скамье, где лежали карты, и чуть насмешливо разглядывал новичка спокойными, поблескивающими глазами.

— Снаружи более-менее спокойная, не то что в зале суда, — ответил Маккинон, стараясь говорить таким же дурашливым тоном, что и его собеседник, однако получалось это у него плохо — губы саднило и улыбка выходила кривая.

Узник перекинул ногу через скамью и подошел к нему легкой скользящей походкой.

— Слушай, друг, не иначе как ты имел свидание с коробкой передач. — Он осмотрел губу Маккинона. — Болит?

— Болит, — признался тот.

— Пожалуй, надо заняться этим делом. — Заключенный подошел к двери и громко залязгал решеткой. — Эй, Левша! Тут у нас пожар! Давай по-быстрому!

Явился тюремщик и встал у двери.

— Тебе чего, Линялый? — хмуро спросил он.

— Моему старому школьному корешу заехали монтировкой по морде: болит — спасу нет. У тебя есть шанс поправить свои отношения с Господом Богом; сделай доброе дело — сбегай в больничку, возьми там пластырь и гранов пять неоанолина.

По лицу тюремщика нетрудно было понять, каков будет ответ. Линялый состряпал печальный вид.

— Эх, Левша, Левша, — сказал он, — я-то думал, ты прямо ухватишься за возможность совершить благородный поступок. — Потом помолчал и добавил: — Вот что я тебе скажу: если ты сделаешь по-моему, я

покажу тебе, как решается та загадка — сколько лет Энн. Годится?

— Сначала покажи.

— Нет, это слишком долго. Я передам тебе решение в письменном виде.

Когда тюремщик принес, что его просили, новый товарищ по камере заботливо перевязал Маккинона, ни на минуту не переставая болтать.

— Линялый Мэйги, так меня все зовут. А твое какое имя, дружище?

— Дэвид Маккинон. Извини, я не расслышал — как ты себя назвал?

— Линялый, — повторил он и с усмешкой добавил: — Но ты не подумай, что это то самое имечко, которое мне дала мама. Это скорее профессиональный довесок к моей застенчивой и скромной натуре.

Маккинон удивился:

— Профессиональный довесок? А какая у тебя профессия?

Достоинство Мэйги было явно задето.

— Ну, ты даешь, — сказал он, — я же тебя об этом не спрашиваю. Ладно, прощаю, — добавил он погодя, — она у меня такая же, как и у тебя, — самосохранение.

Мэйги был благодарным слушателем, а Маккинон рад случаю излить кому-нибудь свои беды. Он всеми красками расписал, как решил, что лучше отправиться в Ковентри, нежели подчиниться решению суда, и как, не успев он сюда приехать, его схватили и опять потащили в суд.

Мэйги кивнул.

— Ничего удивительного, — сказал он, — «Таможенник тогда работает неплохо, когда в душе он жулик и пройдоха».

— А что будет с моим имуществом?

— Его продадут, чтобы оплатить пошлину и штраф.

— Интересно, а что останется на мою долю?

Мэйги так и уставился на него:

— Останется? А чему там оставаться? Тебе еще, надо думать, придется оплатить судебные издержки...

— А это что еще за штука?

— Это такое мудрое изобретение, когда приговоренный оплачивает собственное повешенье, — коротко, но туманно объяснил Мэйги. — Означает же это, что когда через десять суток твой срок истечет, ты все еще будешь должником суда. А следовательно, тебя закуют в кандалы и заставят работать за доллар в день.

— Линялый, хватит надо мной издеваться.

— А ты подожди, и увидишь. Тебе еще многое предстоит узнать, Дейв.

Ковентри было куда более хитрое место, чем представлял себе Маккинон. Мэйги объяснил ему, что оно состоит из трех независимых, суверенных государств. Тюрьма, в которой они сидели, находилась в так называемой Нью-Америке. У нее имелось правительство, избранное демократическим путем, но обращение, которое Маккинон успел уже испытать на собственной шкуре, было отличным примером того, какова на деле эта администрация.

— Однако эта община — рай по сравнению со Свободным государством, — заявил Мэйги. — Свободное государство управляется чистой воды диктатурой. Я был там... Главарь правящей клики у них некто по прозвищу Освободитель. Их лозунги — «Долг» и «Покорность». Деспотичная дисциплина насаждается так жестоко, что ни о каких свободах и речи быть не может. Государственная идеология заимствована из обрывков старинных коллективистских доктрин. В государстве они видят единый механизм с одной головой, одним мозгом и одной целью. Все, что не разрешено, — запрещено. Честное слово, — говорил Мэйги, — ты ложишься спать, а в постели твоей уже прячется агент госбезопасности. И все же, — продолжал он, — жизнь там легче, чем у Ангелов.

— Ангелов?

— Ну да. У нас они сохранились. Ты же знаешь, что после Революции три-четыре тысячи самых неисправимых Ангелов выбрали Ковентри. Там — в холмах на севере — есть их колония. Во главе ее Воплощенный Пророк, и все такое прочее. Среди них есть вполне неплохие ребята, но и они готовы загнать тебя в рай, даже если ты после этого сдохнешь.

У всех трех государств есть одна общая забавная черта — каждое заявляет, что оно-то и есть единственно законное правительство Соединенных Штатов, каждое спит и видит, как оно присоединит к себе «невостребованную часть», то есть все, что лежит за пределами Ковентри. Ангелы провозгласили, что это событие произойдет, когда Первый Пророк возвратится на Землю и поведет их за собой. В Нью-Америке эта идея используется преимущественно в качестве дежурного предвыборного лозунга, о котором забывают сразу же, как отголосуют. А в Свободном государстве это прочно вбитая в головы политическая цель. И как следствие стремления к этой цели, Свободное государство и Нью-Америка то и дело воюют. «Освободитель» вполне логично считает, что Нью-Америка — тоже «невостребованная территория» и ее следует привести под власть Свободного государства прежде, чем преимущества цивилизации последнего будут распространены на области за Барьером.

Рассказ Мэйги совершенно разрушил иллюзии Маккинона насчет того, что Ковентри — воплощенная анархическая утопия, но все же дать этой иллюзии погибнуть без борьбы он не мог.

— Но послушай, Линялый, — упрямо твердил он, — неужели тут нет местечка, где бы человек мог жить сам по себе?

— Нет... — Линялый задумался. — Пожалуй, что нет... Разве, бежать в холмы. Там, разумеется, жить можно, если держаться подальше от Ангелов. Только со жратвой там туговато — придется переходить на подножный корм. Ты когда-нибудь пробовал так жить?

— Ну... не то, чтобы пробовал... но зато я перечитал всех классиков — Зейна Грея, Эмерсона Хьюфа...

— Что ж, тогда, может, у тебя что-нибудь и получится. Но если ты и в самом деле решил стать отшельником, советую начинать за Барьером, там с этим делом проще.

— Ну уж нет! — Грудь Маккинона гордо выпятилась вперед. — Ни за что! Никогда я не пойду на психологическую переделку только ради того, чтобы меня оставили в покое! Если бы можно было повернуть время вспять и оказаться в тех местах, где

ареста, я, конечно, напрямик отправился бы в Скалистые горы или подыскал себе заброшенную ферму... Но с этим диагнозом, что висит у меня на шее... После того как мне объявили, что я не годюсь для человеческого общества, пока мои эмоции не перекроют и не сделают более подходящими для их затхлого мирка... Нет, никогда! Ведь они первым делом засунут меня в психушку...

— Понятно, — кивнул головой Линялый, — ты за то, чтобы жить в Ковентри, но не согласен с тем, что Барьер отрезает тебя от прочего мира...

— Нет, нет, не так... Хотя, может быть, ты и прав. Слушай, ты тоже думаешь, что со мной нельзя иметь дело, а?

— По мне, так ты парень что надо, — успокоил его Мэйги и усмехнулся, — но пойми, я ведь тоже живу в Ковентри... И какой из меня может быть судья...

— Однако, судя по твоему разговору, не скажешь, что в Ковентри тебе очень нравится. Как ты здесь оказался?

Мэйги предостерегающе поднял палец.

— Тихо! Такие вопросы у нас задавать не принято. Считается, что каждый прибыл сюда потому, что тут славно живет.

— И все же... тебе здесь явно не по душе.

— Во-первых, я тебе такого не говорил. А потом, мне здесь действительно нравится. Есть в этой жизни какая-то изюминка! А все здешние мелкие несообразности меня просто-напросто развлекают. Когда станет очень уж припекать, всегда можно прошмыгнуть за Ворота и отдохнуть в славно уютной больничке, пока тревога не уляжется.

Маккинон снова удивился:

— Припекать? Здесь что, не управляют погодой?

— Да нет, я не погоду имел в виду; в Ковентри ею никто не управляет, погоду делают снаружи. Это я так, в переносном смысле.

— Тогда я ничего не понимаю.

Мэйги улыбнулся:

— Скоро поймешь.

После ужина, состоявшего из хлеба, похлебки в жестяной миске и крохотного яблока, Мэйги посвятил

Маккинона в тайны криббеджа. К счастью, у того не было денег, которые можно было проиграть. Наконец, Мэйги перестал тасовать и отложил колоду.

— Дейв, — сказал он, — как ты относишься к местному гостеприимству? Я имею в виду тюрьму.

— Не так, чтобы очень. А что?

— Предлагаю отсюда выписаться.

— Отличная мысль, но как?

— Об этом-то я сейчас и размышляю. Как ты думаешь, способен ли ты ради доброго дела выдержать еще один тычок в свой многострадальный хлебальник?

Маккинон с опаской пощупал лицо.

— Как тебе сказать... Если для дела — думаю, что смогу. В любом случае, хуже уже не будет...

— Отлично! А теперь слушай... Этот тюремщик — Левша — мало того, что недоумок, он еще крайне чувствителен к мнению посторонних о своей внешности. Когда погасят свет, ты...

— Выпустите меня! Выпустите меня отсюда! — Маккинон колотил по прутьям дверной решетки, визжа изо всех сил. Ответа не было. Заключенный не унимался, голос его звенел истеричным фальцетом. Наконец, дабы выяснить причину переполоха, у решетки появился разъяренный Левша.

— Какого дьявола тебе надо?! — зарычал он, злобно пялясь сквозь прутья.

Маккинон переменял тон и стал слезливо кланяться у надзирателя:

— Левша, голубчик, выпусти меня отсюда! Пожалуйста! Здесь темно, а я не переношу темноты! Ну выпусти, чего тебе стоит... Не оставляй меня одного! — И он бросился, рыдая, на дверь.

Тюремщик выругался.

— Еще один идиот слабонервный! Слушай, ты, заткнись и дрыхни, пока я не вошел и у тебя взаправду не появился повод пустить слезу, — он повернулся, чтобы уйти.

Тут Маккинон впал в справедливый, но непредсказуемый гнев невменяемого.

— Ах ты гнусная обезьяна! Идиотская крысиная морда! Где ты отхватил этот поганый нос?!

Левша вернулся, физиономия его была искажена яростью. Он попробовал что-то сказать, но Маккинон не дал:

— Ага! Ага! — вопил он, кривляясь, словно вошедший в раж мальчишка. — Видно, твоя мамаша загляделась на бородавочника!

Тюремщик ударил между дверных прутьев, целясь Маккинону по лицу. Тот уклонился и одновременно схватил Левшу за руку. Промахнувшись, тюремщик потерял равновесие и грохнулся на решетку, при этом его рука глубоко просунулась в камеру. Пальцы Маккинона скользнули вдоль запястья тюремщика и вцепились в него мертвой хваткой.

Потом Маккинон вместе с надзирателем подался назад, так что тот оказался тесно прижатым к прутьям, а рука, которую Дейв не отпускал, все дальше и дальше уходила в камеру.

Вопль, застрявший в горле Левши, так и не вырвался наружу — тут уже постарался Мэйги. Бесшумные, как смерть, руки Линялого метнулись из темноты и, пройдя сквозь решетку, сжали жирную шею сторожа. Левша рванулся и чуть было не освободился от хватки, но Маккинон подал всем своим весом вправо, выворачивая руку тюремщика, угрожая ей переломом и причиняя невероятную боль.

Маккинону казалось, что весь этот театр, вся эта нелепая борьба безмолвных теней, длится нескончаемо долго. Пульс в его ушах отдавался громовыми ударами, он даже начал бояться, что кто-нибудь этот гром услышит и прибежит на помощь Левше. Наконец Мэйги нарушил молчание.

— Все! — прошептал он. — Обыщи карманы.

Маккинон с трудом справился с этой задачей: руки его дрожали, пальцы свело, действовать через решетку было чертовски неудобно. Но ключи все же нашлись в самом последнем из карманов. Он протянул их Мэйги, но тот сначала дал телу тюремщика сползти на пол и только потом взял у Дейва ключи.

С дверью Мэйги управился быстро. Она распахнулась с пугающе громким лязгом. Дейв перешагнул через тело Левши, но Мэйги наклонился над ним и отстег-

нул от пояса тюремщика полицейскую дубинку. Потом ударил ею Левшу по голове. Маккинон остановился.

— Ты убил его?

— Черта с два! — ответил Мэйги шепотом. — Левша — мой дружок. Пошли.

И они двинулись по тускло освещенному коридору между клетками камер к двери, ведущей в административную часть здания, — к единственной их надежде. Левша по глупости оставил эту дверь приоткрытой — сквозь щель пробивался свет, но когда беглецы осторожно прокрались к выходу, то услышали, как вдалеке гулко застучали шаги. Дейв заглянул за угол. Потом стал смотреть по сторонам, где бы ему укрыться, и не нашел ничего лучшего, как забиться в угол, образованный выступом камеры и стеной. Он поискал взглядом Мэйги, но того нигде не было видно.

Дверь широко распахнулась. Из нее вышел какой-то мужчина, остановился и огляделся. Маккинон увидел в его руке инфракрасный фонарик, а на глазах специальные тепловизорные очки. Он понял, что темнота его теперь не спасет. Инфракрасный луч двинулся в его направлении. Маккинон приготовился к прыжку...

И тут раздался глухой удар. Тюремщик вздохнул, покачнулся и рухнул обмякшей тушей. Над ним уже стоял Мэйги — он покачивался на пятках, оценивая свою работу, в то время как его пальцы поглаживали «рабочий» конец дубинки.

— Пожалуй, с него хватит, — решил он. — Пошли, Дейв.

И не дожидаясь ответа, он первым шмыгнул за дверь. Маккинон следовал по пятам. Освещенный коридор уходил вправо, заканчиваясь двустворчатой дверью, ведущей прямо на улицу. В левой стене, возле самого выхода, находилась низенькая открытая дверца, которая вела в маленькую служебную комнату.

Мэйги притянул к себе Дейва.

— Подфартило, — шепнул он. — Там никого нет, кроме дежурного сержанта. Мы проскочим мимо, а потом — вон в ту дверь... на свежий воздух. — Он сделал Дейву знак, чтобы тот от него не отходил, и осторожно подкрался к дежурке. Потом вытащил из кармашка на поясе небольшое зеркальце, лег на пол и,

прижавшись лицом почти к самому косяку, осторожно выдвинул зеркальце вперед.

Похоже, он остался доволен разведкой, проделанной с помощью самодельного перископа, и, повернув голову так, чтобы Маккинон мог прочесть по губам, выдохнул:

— Порядок! Там только...

И тут двухсотфунтовая Немезида, одетая в тюремную форму, обрушилась на его плечи. По коридору разнесся сигнал тревоги. Мэйги, продолжая сражаться, упал на пол: он был явно слабее противника, а кроме того захвачен врасплох. Единственное, что ему удалось, это высвободить голову из тисков и крикнуть:

— Беги, малыш!

Маккинон слышал топот сапог, но все его внимание было сосредоточено на двух сцепившихся на полу фигурах. Он потряс головой, подобно сбрасывающему сон животному, и изо всех сил ударил ногой в лицо тому из борцов, который был покрупнее. Тот взвыл от боли и ослабил хватку. Маккинон схватил своего компаньона за шиворот и поставил на ноги.

В глазах Мэйги прыгали веселые искорки.

— Хорошо сыграно, сынок! — прокомментировал он. — Хоть и не совсем по-джентльменски. Где это ты так насобачился?

Дейв ничего не ответил — он старался не отстать от размашистого и с виду не такого уж быстрого аллюра Мэйги. Они пересекли улицу, нырнули в переулок, свернули в какую-то щель и помчались между домами.

Что было потом, и много ли прошло времени, Маккинон не помнил. В памяти смутно осталось, как он карабкался по крыше, спускался в темноту двора-колодца, снова оказался на крыше. Запомнились ему и то бесконечное время, когда он, скрючившись, сидел один в вонючем мусорном баке, и тот ужас, который его охватил, когда раздались приближающиеся шаги и сквозь щель в крышке бака в глаза его брызнул свет.

Затихающий грохот башмаков, раздавшийся в ту же секунду, подсказал ему, что Линялый увел погоню за собой. Но когда тот вернулся и открыл крышку бака, Маккинон чуть не придушил его, прежде чем Мэйги успел доказать, кто он такой.

Когда им все-таки удалось уйти от погони, Мэйги повел его через весь город, продемонстрировав глубочайшее знание закоулков и проходных дворов, а также гениальное умение прятаться. Наконец они выбрались на городскую окраину в каком-то полуразрушенном, далеко от центра квартале.

— Вот, малыш, пожалуй, мы и пришли, — сказал Мэйги Дейву. — Если пойдешь по этой улице прямо, скоро окажешься за пределами города. Ты ведь этого хотел, верно?

— Да вроде бы, — как-то неуверенно ответил Маккинон и посмотрел вдоль улицы. Он хотел что-то добавить, повернулся к Мэйги, но того уже нигде не было. Он словно растворился в темноте, исчез, не сказав ни слова, и даже взгляда не бросил на прощание.

Маккинон с тяжелым сердцем двинулся, куда ему было сказано. А почему, собственно, Мэйги должен был с ним остаться? За услугу, которую ему оказал Дейв — если так оценивать тот удачный пинок, — он заплатил с процентами. И все же это был единственный друг, которого он обрел в этом странном мире. И теперь он его потерял. Дейв чувствовал себя одиноким и ужасно несчастным.

Он медленно тащился вперед, стараясь держаться в тени домов, и настороженно всматривался в размытые черные пятна, которые могли оказаться полицейскими патрулями. Пройдя сотню ярдов и уже начиная тревожиться, что до сельских просторов еще далеко, он вдруг онемел от ужаса, когда из темной дыры подъезда послышался громкий шепот.

Он попробовал подавить испуг, рассудив, что полицейские вряд ли будут шептать. Какая-то тень отделилась от черноты подъезда и тронула его за рукав.

— Дейв, — тихо сказала она.

Маккинон обрадовался, как мальчишка:

— Линялый!

— Дейв, я передумал. Копы заметут тебя еще до зари. Ты ж тут ни черта не знаешь... Вот и вернулся.

Дейву было одновременно и хорошо, и обидно.

— Черт побери, Линялый, — запротестовал он. — Нечего тебе за меня бояться. Как-нибудь выберусь.

Мэйги грубовато потряс его за плечо.

— Не будь ослом. Ты же такой младенец, что, пожалуй, еще начнешь кукарекать насчет своих гражданских прав и всего прочего. И снова заработаешь губу всмятку. Слушай, — продолжал он, — я хочу отвести тебя к своим друзьям, поживешь у них, пока не привыкнешь к здешним порядкам. Но они... как бы это тебе сказать... не очень ладят с законом. Так что тебе придется стать всеми тремя священными обезьянами сразу: не видеть зла, раз, не слышать зла, два, и не болтать о зле, это три. Согласен?

— Да, но...

— Никаких «но». Пошли!

Вход был с обратной стороны помещения старинного склада. Ступеньки вели вниз, в полуподвал. Вонючий от сваленного мусора коридор вывел к двери в задней стене склада. Мэйги постучал в филенку тихими условными ударами. Подождал и прислушался. Потом шепнул:

— Т-с-с! Это я, Линялый.

Дверь открылась, и две большие жирные руки обхватили Мэйги за шею. Они оторвали его от пола, после чего владелица рук громко поцеловала Мэйги в щеку.

— Линялый!

— Вот это достойный прием, Матушка! — сказал Мэйги, когда был отпущен на пол. — Позволь представить тебе моего друга. Матушка Джонсон, это Дэвид Маккинон.

— К вашим услугам, — по привычке кивнул Дейв, но в глазах Матушки Джонсон загорелось внезапное подозрение.

— Физиономия у него какая-то подозрительная, — заявила она вдруг. — Его что, сажали на табуретку?

— Нет, Матушка, он из недавних иммигрантов, но я за него отвечаю. Ему тут слегка подпалили задницу, и я привел его сюда, чтоб она малость подостыла.

— Что ж... — она немного смягчилась.

Мэйги игриво ущипнул ее за щеку:

— Моя умница! Когда мы с тобой поженимся?

Она хлопнула его по руке.

— Да будь я даже лет на сорок моложе, я бы сперва подумала, прежде чем выйти за такую балаболку, как ты. Входите, — сказала она, обращаясь к Маккинону, — уж раз вы дружок Линялого. Хотя это как раз вам чести не делает. — Она быстро заковыляла вперед, потом спустилась по лестнице, крикнув кому-то, чтобы открыли нижнюю дверь.

Комната была плохо освещена, основное место в ней занимали длинный стол и множество стульев, на которых сидело около десятка мужчин. Все они выпивали и разговаривали между собой. Маккинону эта сцена показалась очень знакомой. Он вспомнил, что видел нечто подобное на старинных гравюрах с изображениями английских пивных, которые существовали до Краха.

Мэйги встретили взрывом шутилых приветствий.

— Линялый! Как тебе это удалось?! Небось в канализацию просочился? Матушка, давай тащи выпивку! Линялый объявился!

Театральным жестом он отклонил овацию, поприветствовал публику и после повернулся к Маккинону.

— Друзья, — голос его с трудом перекрывал шум, — знакомьтесь, это Дейв. Из всех моих друзей, кому когда-нибудь приходилось давать под зад тюремщикам, он самый лучший. Если б не Дейв, сегодня меня бы тут точно не было.

Очень скоро Дейв обнаружил себя сидящим за столом между двумя мужчинами. В руке его была кружка пива, которую ему сунула очень даже хорошенькая девица. Он начал было ее благодарить, но она убежала на помощь Мамаше Джонсон, не справлявшейся с нахлынувшим потоком заказов.

Против Дейва сидел мрачный парень, который явно от встречи с Линялым особой радости не испытывал. С непроницаемым видом он изучал Маккинона, время от времени лицо его передергивалось от тика, и в такие моменты он часто-часто начинал подмигивать правым глазом.

— Чем занимаешься? — грубо спросил он.

— Оставь его в покое, Алек, — быстро, но вполне дружелюбно вмешался Мэйги. — Он только что из-за Барьера. Я же говорил. С ним все в порядке, — Мэйги

повысил голос, чтобы все слышали. — Он здесь всего сутки, а уже успел сбежать из тюрьмы, избить двух таможенников и наговорить кучу ласковых самому судье Флейшейкеру. Хватит для одного рабочего дня?

Дейв сразу оказался в центре внимания, но парень с тиком по-прежнему от него не отставал.

— Все это, может, и так, но я хочу знать, какой у него рэкет. А вдруг, как у меня — тогда нам с ним говорить не о чем, мне и одному тесно...

— Если та дешевка, которой ты занимаешься, называется рэкетом, — в ней всегда тесно. А он делает совсем другие дела. Его рэкет тебя не касается.

— А сам он почему молчит? — с подозрением в голосе возразил Алек. — Сдается мне, не сажали его на табуретку...

Тут вдруг оказалось, что Мэйги чистит ногти кончиком длинного острого ножа.

— Лучше бы тебе спрятать свой нос в стакан, Алек, — заметил он самым миролюбивым тоном, не поднимая глаз, — а то как бы я его ненароком не отрезал и не окунул туда сам.

Алек уже нервно крутил что-то в руке. Мэйги делал вид, что не замечает, но как бы между прочим сказал:

— Если ты думаешь, что твой вибратор быстрее, чем мой нож, то валяй — это будет интересный эксперимент.

Алек приподнялся, поглядывая на Мэйги, лицо его продолжало дергаться. Матушка Джонсон подошла к нему сзади и, положив руки на плечи, заставила сесть.

— Мальчики! Мальчики! Разве можно так вести себя? Да еще при госте! Линялый, спрячь своего потрошителя лягушек — мне за тебя стыдно!

Нож тут же исчез.

— Ты как всегда права, Матушка, — ухмыльнулся Мэйги. — Попроси-ка Молли налить мне еще стаканчик.

Старик, сидевший от Маккинона справа, следил за происходящим с пьяным любопытством, но, видимо, что-то сообразил, потому что теперь уставился на Дейва в упор залитыми гноем глазами.

— Парень, а ты сидел на табуретке? — Кисло-сладкий запах из его рта ударил Маккинону в нос,

когда старик подался вперед, желая подчеркнуть важность вопроса движением распухшего и дрожащего пальца.

Дейв глянул на Мэйги, не зная, что говорить. Линялый ответил за него:

— Нет, не сидел... Матушка Джонсон знала про это, когда впускала его сюда. Ему нужно убежище, и мы обязаны ему его дать, таков наш обычай.

Комнату наполнил беспокойный гул голосов. Молли перестала разносить выпивку и жадно прислушивалась к разговору. Однако ответ, видимо, удовлетворил старика.

— Верно... все верно... — подтвердил он и выцедил глоток из стакана. — Убежище — оно, конечно, дается... когда надо, ежели... — Речь его перешла в неразборчивое бормотание.

Напряженность спала. Большинство присутствующих подсознательно были настроены так же, как старик, и были готовы простить вторжение, раз уж человеку приперло. Мэйги вновь повернулся к Дейву:

— Я считал, раз ты не знаешь, то и вреда тебе никакого не будет, но сам видишь — они тебя раскусили.

— А что старик имел в виду?

— Дедуля поинтересовался, сидел ли ты на табуретке. Это значит, состоишь ли ты членом древнего и всеми уважаемого сообщества карманников и голово-резов.

Мэйги наблюдал за выражением лица Дейва с насмешливой ухмылкой. Растерявшийся Дейв переводил взгляд с Мэйги на остальных, видел, как они перемигиваются, и все не мог понять, какого же ответа они от него ждут. Молчание нарушил Алек.

— Ну? — громко сказал он. — У вас что, языки отсохли? Или никто его вообще не собирается спрашивать? Выходит, теперь любой кореш такой знаменитости, как Линялый, может заваливаться в наш клуб, не спросясь у нас?

— Кажется, я уже советовал тебе не лезть на рожон, Алек, — совсем тихо ответил Мэйги. — И потом, так здесь дела не делаются... Сначала все наши решают, нужно ли задавать ему этот вопрос или нет.

Какой-то низенький человек, с застывшим в глазах выражением постоянного беспокойства, ответил ему:

— Не думаю, что это правило касается твоего приятеля, Линялый. Если бы он пришел сам или попал к нам как-нибудь по-другому, тогда да. Но сюда его привел ты. Думаю, ребята со мной согласятся, если я скажу, что он должен ответить на наш вопрос. Если желающих нет, я могу задать его сам. — Тут он ненадолго замолчал, выжидающе оглядывая присутствующих. Никто возражать не стал. — Ладно, тогда начнем... Дейв, ты слишком много здесь видел и слишком много знаешь. Так что давай, решай — как ты, уйдешь отсюда, или останешься и поклянешься в верности нашему закону? Сразу тебе скажу, что если мы тебя посадим на табуретку, то это уже на всю жизнь — для предателей у нас одно наказание.

И он провел ладонью по горлу. Старик при этом с хлюпаньем втянул в себя воздух и радостно захихикал. Дейв в смятении оглянулся. Лицо Мэйги не выражало ничего.

— И в чем же я должен поклясться?

Внезапно разговор оборвался. Раздался громкий стук в наружную дверь. Послышались приглушенные голоса, на входе кто-то заорал: «Открывай!»

Мэйги легко вскочил на ноги и скомандовал Дейву:

— Прячемся! Кажется, это за нами!

Он подскочил к массивной старомодной радиоле, которая стояла у стены, нагнулся, что-то нажал и откинул одну из панелей. Дейв увидел, что внутренность радиолы хитрым образом переделана так, чтобы там, скорчившись, мог поместиться человек. Мэйги впихнул его внутрь, панель встала на место, и Дейв остался один.

Его лицо оказалось плотно прижатым к частой проволочной декоративной решетке, которая прикрывала динамик. Он видел, как Молли быстро убрала со стола два лишних стакана, выплеснув содержимое одного прямо на стол, чтобы смыть влажные следы донышек. Еще Маккинон заметил, что Мэйги юркнул под стол и подтянул ноги... Теперь его не было видно — вероятно, каким-то образом он прилепился к нижней поверхности столешницы.

Матушка Джонсон копалась ужасно долго, пока открывала двери. Нижнюю она открыла с великим шумом, потом медленно карабкалась по ступенькам вверх, останавливаясь на каждом шагу, спотыкаясь и громко жалуясь. Дейву было хорошо слышно, как она открывала верхнюю дверь.

— Тоже мне, нашли время! Поднимаете с постелей честных людей! — ругалась она. — И без вас дел полно, еле сводишь концы с концами, работа из рук валится, а тут еще вы...

— Заткнись, старуха! — ответил ей мужской голос. — И води нас вниз. Дело есть.

— Какое такое дело? — не унималась она.

— Может, незаконная торговля спиртным, а может, и что другое.

— Вы мне не это... у меня частный клуб! Вся выпивка принадлежит членам клуба! Я ее только подаю.

— Ну, это еще бабушка надвое сказала. Давай с дороги, и побыстрей! Что-то очень хочется поболтать с членами этого твоего клуба.

Толкаясь, они ввалились в комнату во главе с Матушкой Джонсон, которая все продолжала жаловаться. Главным был полицейский сержант. Его сопровождал постовой. За ними вошли еще двое в форме, но уже в солдатской. Судя по нашивкам на килте, один из них был капрал, другой — рядовой, если предположить, что знаки различия в Нью-Америке были те же, что и в армии Соединенных Штатов.

На причитания Матушки Джонсон сержант внимания не обращал. Он скомаандовал:

— Всем встать к стене!

Присутствующие подчинились — хоть и неохотно, но быстро. Молли и Матушка Джонсон, глядя на них, придвинулись поближе друг к другу. Сержант приказал:

— Капрал, начинай.

Мальчишка-посудомойщик глядел на все круглыми от страха глазами. Из рук у него выпал стакан и, подпрыгнув на каменном полу, издал звук, похожий на звон колокольчика.

Низкорослый человек, тот, что допрашивал Дейва, поинтересовался:

— А в чем, собственно, дело?

Сержант ответил ему с беззлобной улыбкой:

— Призыв — вот в чем. Всех вас на некоторое время забирают в армию.

— Вербовщики! — ахнул кто-то у стены.

Капрал деловито вышел вперед.

— В колонну по два! Становись! — скомандовал он.

Однако коротышка еще не сказал своего последнего слова.

— Что такое? — удивился он. — А как же мир, который мы заключили со Свободным государством всего три недели назад?

— Тебя это не касается, — сказал сержант, — меня тоже. Мы берем всех пригодных к службе, кто не занят в важных отраслях экономики. Двигай!

— Тогда меня брать нельзя.

— Это еще почему?

Низкорослый показал им обрубок руки. Сержант посмотрел, потом перевел взгляд на капрала. Тот неохотно кивнул головой и сказал:

— С тобой все ясно, только зайди утром в участок, зарегистрируйся.

Они уже подходили к двери, когда Алек вырвался из шеренги и с криком забился в угол.

— Не пойду! Не имеете права! — в руке он сжимал вибратор; всю правую половину его лица так скрутило от тика, что в углу рта обнажились зубы.

— Взять его, Стивс! — приказал капрал. Рядовой двинулся было к Алеку, но тут же остановился, когда увидел направленный на него вибратор. Ему вовсе не хотелось получить промеж ребер виброклинок, а в том, что этот впавший в истерику идиот на такое способен, он несколько не сомневался.

Капрал лениво, с деланным равнодушием направил небольшую трубочку в точку прямо над головой Алека. Дейв услышал тихий щелчок, и что-то тоненько зазвенело. Алек с пару секунд стоял неподвижно, лицо его было страшно напряжено, как будто он из последних сил боролся с чем-то невидимым. Затем он медленно соскользнул на пол. Судорога исчезла, выражение лица смягчилось. Теперь он выглядел усталым и чем-то удивленным ребенком.

— Пусть двое возьмут его, — распорядился капитан. — И вперед!

Сержант выходил последним. У двери он задержался и спросил Матушку:

— Линялого давно не видала?

— Линялого? — Она удивилась. — Так он же в тюрьме.

— Ах, да... я и забыл... — и сержант ушел.

Мамаша Джонсон принесла Мэйги стакан, но тот пить отказался. Дейв был удивлен, он еще ни разу не видел Мэйги таким встревоженным, как сейчас.

— Ничего не понимаю, — тихо пробормотал Мэйги и повернулся к безрукому:

— Эд, ты что-нибудь знаешь?

— Да вроде с тех пор, как тебя замели, ничего новенького не происходило. Про договор ты знаешь. Газеты молчат; я думал, на время все как бы и улеглось.

— Я тоже думал. Но, похоже, правительство опять решило ввязаться в войну, раз объявило всеобщую мобилизацию. — Он встал. — Мне нужна информация... Эл!

Поваренок просунул в дверь голову:

— Чего, Линялый?

— Сбегай-ка, потреплись с нищими. Попробуй разыскать их «короля». Знаешь, где его найти?

— Еще бы! За театром.

— Выясни, что тут заваривается, но про меня ничего не говори.

— Я понял, Линялый. До скорого! — мальчишка исчез.

— Молли!

— Что тебе, Линялый?

— Сходи на улицу и порасспрашивай девочек с панели. Может, они что-нибудь слышали от своих клиентов.

Она кивнула. Мэйги продолжал:

— Хорошо бы найти ту рыжую, что ошивается на Юнион-Сквер. Она даже из мертвого выпытает любой секрет. Вот деньги... — он вытащил из кармана пачку и отсчитал ей несколько бумажек. — Лучше держи их

при себе... Может, придется дать взятку копу, чтобы выпустил тебя из ихнего квартала обратно.

Разговаривать Мэйги в этот вечер был больше не расположен и потребовал, чтобы Дейв ложился спать. Тот не стал спорить, ведь он не спал ни минуты с тех пор, как попал в Ковентри. Ему казалось, что с того времени прошла целая жизнь. Устал он жутко. Матушка Джонсон постелила ему в темной и душной комнатке на том же подвальном этаже. Никаких привычных по прежней жизни удобств здесь не было — ни тебе кондиционеров, усыпляющей музыки и гидравлических матрасов, ни звукоизоляции, не говоря уже про авто-массаж. Но Дейв слишком устал, чтобы думать обо всех этих вещах. Впервые в жизни он заснул, даже не раздеваясь.

Проснулся он с головной болью, во рту будто конь ночевал, а сердце ныло от предчувствия надвигающейся беды. Поначалу Дейв никак не мог вспомнить, где он, — думал, что все еще в арестантской камере. Обстановка вокруг показалась ему до тошноты омерзительной. Он хотел уже вызвать служителя и заявить протест, но в этот момент все вспомнил. Дейв вскочил с постели и почувствовал, что кости и мышцы его болят и, что самое страшное, — он был невероятно грязен. От грязи у него чесалось все тело.

Он вышел в общую комнату и увидел сидящего за столом Мэйги.

— Привет, малыш! — поприветствовал тот его. — А я уже собрался тебя будить. Ты проспал почти целый день. Надо бы поговорить.

— Хорошо, только попозже. Где тут можно помыться?

— Вон там.

Обстановка здесь вовсе не походила на знакомые Дейву туалетные комнаты, но несмотря на скользкий от грязи пол, ему хоть как-то удалось привести себя в божеский вид. Помывшись, он обнаружил, что здесь нет сушилки, и пришлось вытираться собственным носовым платком. Смены белья тоже не оказалось. И опять выбор — либо надевать старое, либо ходить голышом. Он вспомнил, что не видал в Ковентри ни

одного обнаженного человека даже в спортивных передачах — надо думать, нравы тут были другие.

Дейв натянул на себя грязную одежду, и от неприятного ощущения по его телу пробежали мурашки.

Матушка Джонсон приготовила ему чудный завтрак. Кофе восстановил его мужество, несколько подорванное рассказом Мэйги. Если верить Линялому, ситуация достаточно серьезна. Нью-Америка и Свободное государство согласились закрыть глаза на взаимные противоречия и заключили союз. Они на полном серьезе собрались прорваться из Ковентри и атаковать Соединенные Штаты.

Маккинон подумал и сказал:

— Бред какой-то. Их же всего ничего. А потом — Барьер.

— Трудно пока утверждать что-нибудь наверняка... Но, видимо, у них есть что-то такое, с помощью чего они рассчитывают через Барьер прорваться. И ходят слухи, это самое неизвестно что может быть использовано как наступательное оружие, с помощью которого даже небольшая армия способна уничтожить все Соединенные Штаты.

Маккинон был поражен.

— Насчет оружия, — сказал он, — о котором никогда не слышал, судить трудно, но Барьер... Я не знаю математической физики, но меня всегда уверяли, что преодолеть Барьер даже в теории невозможно: он же просто ничто, его не пощупаешь руками. Конечно, через него можно перелететь, но и в этом случае для живой материи он смертелен.

— А что, если они изобрели какое-то поле, защищающее от эффекта Барьера? — предположил Мэйги. — Впрочем, для нас это сейчас не главное. Главное — они создали Союз, в который Свободное государство вкладывает технику и командный состав, а Нью-Америка с ее многочисленным населением — людскую силу. А это означает, что нам с тобой и носа не высунуть на улицу — мы глазом не успеем моргнуть, как нас загребут в армию. Так вот, что я предлагаю: как только стемнеет, я выберусь отсюда и попробую пробраться к Воротам раньше, чем они пришлют сюда кого-нибудь,

у кого хватит ума заглянуть под стол. Не хочешь со мной прогуляться?

— Обрато к психотерапевтам? — Услышав такое предложение, Маккинон ушам своим не поверил.

— А почему бы и нет? Что тебе здесь терять? Это гнилое место очень скоро превратится в отделение Свободного государства, и ты, парень, со своим темпераментом тут же угодишь в кипятюк. А что плохого в больничной палате — чисто, спокойно, лежи себе, пока все не успокоится. А на психиатров можно и внимания не обращать — будешь рычать как зверюга всякий раз, когда они сунут нос в твою палату. Им это быстро надоест.

Дейв покачал головой.

— Нет, — медленно сказал он. — Это не по мне.

— Что же ты будешь делать?

— Еще не знаю. Скорее всего, уйду в холмы. А в крайнем случае, подамся к Ангелам, если дело дойдет до петли. Я не против того, чтобы они молились за мою душу, — только б разум не трогали.

Помолчали. Мэйги явно не понравилось ослиное упрямство Дейва, которому предлагались вполне сносные варианты. Дейв же под жареную свинину раздумывал о своем положении. Он отрезал еще кусок.

— Господи, вкусно-то как! — сказал наконец он, чтобы нарушить затянувшееся молчание. — Не помню, чтобы я когда-нибудь ел такую вкуснятину!.. Послушай...

— Что? — Мэйги поднял глаза и увидел на лице Дейва тревогу.

— Эта свинина... она синтетическая или настоящая?

— Конечно, настоящая. А что?

Дейв не ответил. Он успел добежать до туалета прежде, чем процесс расставания с проглоченным пошел на полную катушку.

Перед тем, как уйти, Мэйги поделился с Дейвом деньгами, чтобы тот мог купить себе вещи, необходимые для жизни в холмах. Маккинон хотел было отказаться, но Линялый настоял на своем.

— Не будь дураком, Дейв. Снаружи мне нью-американские деньги ни к чему, а ты в холмах без нужного снаряжения загнешься. Ты тут пересиди несколько

дней, пока Эл или Молли не купят тебе все необходимое, тогда у тебя, возможно, и появится шанс... А может, ты все-таки передумал и пойдешь со мной?

Дейв покачал головой и взял деньги.

Когда Мэйги ушел, Маккинон почувствовал себя совсем брошенным. В заведении оставались только Матушка Джонсон и Молли. Дейв с грустью смотрел на пустые стулья: они напоминали ему о людях, которых заграбастали в армию. Дейву очень хотелось, чтобы кто-нибудь — Дедуля, Безрукий или все равно кто — заглянул на огонек. Сейчас он был бы рад даже Алеку с его жутким нравом. Интересно, что ему сделали за сопротивление вербовщику?

Матушка Джонсон пробовала научить Дейва играть в шашки, пытаясь хоть этим поддержать его дух. Он делал вид, что игра его увлекает, но на самом деле его мысли были далеко-далеко. Со стороны Главного судьи было, конечно, мило посоветовать ему поискать приключений в межпланетных путешествиях, но такая честь выпадала лишь на долю людей с техническим или инженерным образованием. Да, пожалуй, зря он занялся литературой, лучше бы уж наукой или техникой. Жил бы сейчас на Венере, наслаждался борьбой с природой, а не прятался по углам от всякой там сволочи в полицейских мундирах. Вот уж, действительно, несправедливость!

Стоп! Не надо себя обманывать! Фронтир есть фронтир, даже инопланетный, — там нет места специалисту по истории литературы. И дело вовсе не в человеческой несправедливости, просто такой у природы закон, и надо смотреть правде в глаза.

Дейв с горечью подумал о человеке, которому сломал нос, — из-за него-то он и попал в Ковентри. Может, Дейв и на самом деле «паразит на здоровом теле», но воспоминание об оскорбителе вызвало прежнюю вспышку безумной злобы, той, что довела до беды. Он был рад, что своротил тому типу нос — так его и растак! Какое право тот имел шлаться, поглядывая на людей сверху вниз и обзывая их разными словами!

Вдруг Дейв обнаружил, что в таком же мстительном духе он вспоминает и о своем отце, хотя было чертовски трудно объяснить связь между отцом и тем челове-

ком. Связь эта не лежала на поверхности: его родитель никогда не опускался до брани. Нет, он не ругался, он улыбался самой сладостной из своих улыбочек и цитировал что-нибудь этакое — до отвращения приторное и благостное до тошноты. Среди всех мелких тиранов родитель Дейва, пожалуй, многим бы мог дать фору по части порабощения своих близких под личиной добросердечия и любви. Папаша принадлежал к школе «печальников» — «это-огорчает-меня-больше-чем-тебя» — и постоянно умудрялся находить вполне альтруистическое обоснование своим эгоистическим поступкам. Убежденный в своей незыблемой правоте, отец никогда не мог принять точку зрения сына, о чем бы тот ни судил, он просто подавлял его натуру во всем, да еще с высоты моральных принципов.

В результате ему удалось добиться двух одинаково отрицательных последствий: естественное стремление ребенка к независимости, подавляемое дома, превратилось в слепое неприятие дисциплины, власти и любой критики, которые подсознательно ассоциировались с находящейся вне всякой критики отцовской властью. Во-вторых, долголетнее подчинение отцу привело к тому, что Дейв усвоил главный порок последнего — ханжеское право судить о морали других людей.

Когда Дейва арестовали за нарушение основного закона, то есть за атавистическую склонность к насилию, его папаша умыл руки, заявив, что совершил все возможное, чтобы сделать из своего отпрыска «настоящего мужчину», и лично он не заслуживает ни малейшего упрека за то, что сын так плохо воспользовался его заветами.

Осторожный стук в дверь заставил их поспешно убрать шашки. Матушка Джонсон отпираться не торопилась.

— Наши так не стучат, — сказала она, — а шпики не осторожничают — лупят в дверь изо всей силы. Так что готовься прятаться.

Маккинон встал возле тайника в радиоле, которым пользовался накануне, а Матушка Джонсон отправилась на разведку. Он слышал, как она снимает с верхней двери засов, потом раздался ее негромкий, но чрезвычайно взволнованный голос:

— Дейв! Скорее сюда!

У порога лежал Линялый, он был почти без сознания. За ним тянулся кровавый след.

Матушка Джонсон пыталась поднять его неживое тело. Когда подбежал Маккинон, вдвоем им удалось стащить Мэйги вниз и уложить на стол. Устраивая его поудобнее, они заметили, что глаза Линялого на мгновение приоткрылись.

— Привет, Дейв, — прошептал он, пытаясь выжать из себя что-то похожее на улыбку. — Побили моего туза козырем...

— Помолчи, — оборвала его Матушка Джонсон и едва слышно сказала Дейву: — Бедняга... Дейв, его нужно отнести к Доктору.

— ...Не могу... этого... — бормотал Линялый, — ...должен... добраться... — голос его оборвался.

Пальцы Матушки Джонсон работали безостановочно, как будто жили сами по себе. Маленькие ножницы, возникшие из каких-то тайников на ее необъятном теле, уже разрезали на Мэйги одежду — надо было тщательно его осмотреть. Острым взглядом Матушка Джонсон спокойно произвела инвентаризацию ущерба.

— Работа не для меня, — сказала она в результате, — но, прежде чем мы его понесем, ему надо как следует выспаться. Дейв, притащи мне коробку со шприцем из аптечки. Она в туалете.

— Нет, Матушка! — раздался неожиданно сильный, протестующий голос Мэйги. — Лучше дай мне «перечную» пилюлю... там...

— Но, Линялый...

Он оборвал ее:

— Мне действительно нужно к Доктору, но как я до него доберусь, если не могу идти?

— Мы понесем тебя.

— Спасибо, Матушка, — в голосе его послышалась теплота, — я знаю, что вы это сделаете, но полиция сейчас смотрит в оба. Дай мне пилюлю.

Дейв пошел за Матушкой в туалетную и, пока она копалась в аптечке, спросил:

— А почему бы просто не послать за врачом?

— Здесь есть только один врач, которому мы доверяем, — это Доктор. Остальные гроша ломаного не стоят.

Когда они вернулись в комнату, Мэйги снова был без сознания. Матушка Джонсон до тех пор хлопала его по щекам, пока он не пришел в себя и не начал ругаться. Тогда она дала Мэйги пилюлю.

Сильнодействующий стимулятор, незаконный отпрыск каменноугольной смолы, тут же возымел действие. Внешне Мэйги теперь выглядел совершенно здоровым. Он сел и своими длинными чуткими пальцами стал нащупывать на левой руке пульс.

— Работает как часы, — объявил он. — Моторчик вполне выдерживает такую дозу.

Он подождал, пока Матушка Джонсон забинтовала его раны стерильными бинтами, потом начал прощаться. Маккинон взглянул на Матушку. Та кивнула.

— Я иду с тобой, — сказал он Линялому.

— Да ну тебя. Вдвоем только хлопот будет больше.

— Ты не в той форме, чтобы путешествовать одному. Со стимулятором или без — все равно.

— Черта с два! Мне же придется еще и за тобой присматривать.

— Я иду с тобой!

Мэйги, пожав плечами, сдался.

Матушка Джонсон вытерла покрытое бисеринами пота лицо и расцеловала обоих.

Пока они выбирались из города, путешествие очень напоминало Маккинону кошмарное бегство прошлой ночью. Выбравшись, беглецы двинулись по шоссе на северо-запад по направлению к холмам. Порой им приходилось с него сходить и прятаться от редкого в эти часы транспорта. Один раз они чуть было не напали на полицейский патрульный автомобиль, оборудованный инфракрасным прожектором и почти невидимый в темноте, но чутье не подвело Линялого и им удалось укрыться за низким заборчиком, отделявшим дорогу от поля.

Дейв спросил, как это Мэйги догадался о патруле. Тот хмыкнул:

— Будь я проклят, если сам знаю как, но думаю, что унюхаю полицейского, даже если его запрячут в стаде козлов.

По мере того как ночь приближалась к концу, Линялый делался все молчаливей и молчаливей. С его лица сошла привычная оживленность, лицо постарело и покрылось морщинами — эффект прекращения действия стимулятора. Дейву вдруг показалось, что изменившееся и непривычное выражение лица этого человека позволяет глубже проникнуть в его характер, что маска боли и есть истинная сущность Линялого, а вовсе не та беззаботность, которую он по обыкновению демонстрирует на людях. Уже в который раз Дейв задавал себе вопрос, что же такого сделал Линялый, за что суд признал его социально опасным? Этот вопрос он задавал себе всякий раз, когда впервые встречался с кем-нибудь здесь, в Ковентри. В большинстве случаев ответ был ясен и так. Черты душевной неуравновешенности проявлялись слишком уж отчетливо. Вот Матушка Джонсон была для него загадкой, пока сама все не объяснила. Она, оказывается, отправилась сюда вместе с мужем, в Ковентри овдовела, но не захотела расставаться с друзьями, которых успела за это время приобрести. Да и к здешним условиям более-менее попривыкла, так что чего уж теперь менять одну жизнь на другую. Неизвестно еще, какая лучше.

Мэйги сел на обочину.

— Все, малыш, — сказал он. — Я больше не могу.

— Как это не можешь! Я тебя понесу.

Мэйги слабо улыбнулся:

— Нет, я серьезно.

— Далеко еще идти? — Дейв от него не отставал.

— Мили две или три.

— Держись крепче! — Дейв взвалил Мэйги на спину и пошел. Первые несколько сот ярдов дались ему сравнительно просто. Мэйги был легче Маккинона фунтов на сорок. Однако скоро тяжесть дополнительного груза дала о себе знать. Руки, поддерживающие колени Линялого, занемели. Ребра ныли от груза и неудобного положения седока. Дышать было трудно: Линялый крепко обхватил его шею.

...Идти две мили... может — больше... если вес тела переносится вперед... то нога просто выставляется... чтобы ты не упал... это делается машинально... так же, как сжимаются челюсти во время еды... сколько времени занимает мила?... Ракетой — нисколько... на машине — секунд тридцать... на «черепашке» — десять минут... для хорошо тренированного пехотинца — пятнадцать... а если на тебе человек, да еще ухабистая дорога, да еще ты устал как собака?..

...Пять тысяч двести восемьдесят футов... невыносимое число... но каждый шаг уменьшает его на двадцать четыре дюйма... остаток все равно представить нельзя... бесконечность... считай шаги... считай, пока не свихнешься... пока цифры начнут жужжать не в мозгу, а снаружи... и шум... шум... от этих огромных, тяжелых, бесконечных шагов... они отдаются у тебя в черепе... считай их задом наперед... не забудь вычитать по два каждый раз... нет, так еще хуже... все равно остаток невообразим и его нельзя выразить в числах...

...Мир замкнут... нет ни прошлого, ни будущего... ничего нет... совсем ничего... кроме пытки... надо переставлять ноги... одну... другую... выбрасывать их вперед... нет никаких ощущений... разрывается сердце... уходит воля... ничего нет... бессмысленно идти дальше...

Он очнулся внезапно, обнаружив, что руки Мэйги уже не сжимают его шею. Он наклонился, упал на одно колено, чтобы не уронить ношу, затем медленно опустил Мэйги на землю. На мгновение ему показалось, что тот мертв — пульс совсем не прощупывался, лицо Линялого побледнело и весь он, словно покойник, не подавал признаков жизни. Но приложив ухо к его груди, Дейв с облегчением услышал ритмичный стук сердца.

Он связал Мэйги запястья его собственным носовым платком и просунул свою голову в образовавшуюся петлю из рук. Однако из-за страшной усталости Дейв никак не мог взгромоздить безжизненное тело Линялого себе на спину. Пока Дейв пытался справиться с этим делом, Мэйги пришел в сознание.

— Полегче, Дейв! Чего тебе от меня надо? — было первое, что он произнес.

Дейв объяснил.

— Лучше развяжи руки, — сказал Линялый, — думаю, мне хватит силы немного прогуляться пешком.

И он действительно прогулялся — прошел не больше трех сотен ярдов и окончательно выдохся.

— Слушай, Дейв, — сказал он, когда немного пришел в себя, — ты «перечные» таблетки взял?

— Взять-то взял, только тебе их больше нельзя. От новой дозы ты запросто можешь сыграть в ящик.

— Да знаю я, знаю... слышал... Я не про то — что, если ты проглотить одну штучку?

— Господи! Конечно, Линялый! Ну, я и осел!

Теперь Мэйги казался ему не тяжелее летнего пальто. Звезды сияли ярче, силы его, казалось, были неисчерпаемы. Даже когда они свернули с шоссе и двинулись по проселку, который вел к дому Доктора, стоявшему у подножья холмов, путь был вполне сносным, а ноша легкой. Маккинон знал, что стимулятор сжигает его плоть, что ресурсы энергии организма уже давно выработаны и потребуются долгие дни, чтобы восстановиться эту безумную трату. Впрочем, сейчас все это было ему безразлично.

Никакая цена не показалась бы ему слишком высокой, когда наконец он оказался у калитки забора, окружавшего дом Доктора, — на своих двоих и со все еще живым подопечным, который находился к тому же в полном сознании.

Маккинону целых четыре дня не позволяли видаться с Мэйги. Все это время он и сам-то был на положении полуинвалида: восстанавливал потерянные за двое суток двадцать пять фунтов веса и ликвидировал последствия перегрузки на сердце, полученной в ту последнюю ночь. Высококалорийная пища, солнечные ванны, отдых, мирные окрестности плюс его собственное железное здоровье помогли ему быстро восстановить силы и вес. Он был очень доволен собой и, главное, тем, что болен, потому что благодаря болезни он имел возможность постоянно общаться с Доктором и Персефой.

Персефоне было пятнадцать. Дейв никак не мог для себя решить — взрослая она или не очень. Родилась

Персефона уже в Ковентри и всю свою жизнь прожила в доме Доктора, потому что мать ее умерла там при родах. Во многих отношениях она была совершенным ребенком, поскольку не имела опыта жизни в цивилизованном обществе и мало общалась с обитателями Ковентри если не считать пациентов, которые посещали Доктора. Зато ей позволялось без спроса брать книги из домашней библиотеки. Сколько раз Маккинон поражался глубине ее знаний — она знала гораздо больше, чем он. Когда он с ней разговаривал, у него создавалось впечатление, будто рядом пожилой всезнающий матриарх, но стоило ему через секунду услышать от нее какое-нибудь совершенно нелепое замечание о внешнем мире, как он вспоминал, что перед ним всего лишь неопытный ребенок.

Маккинон, пожалуй, немного увлекся ею. Нет! Конечно, ничего серьезного в таком увлечении не было, особенно при ее-то возрасте! Но все же смотреть на нее было приятно, а он совсем истосковался без женщин. Он сам был еще достаточно молод, чтобы чувствовать постоянный интерес к восхитительным различиям, как душевным, так и физическим, между мужчиной и женщиной.

Его гордости был нанесен смертельный удар, сравнимый только с приговором на ссылку в Ковентри, когда выяснилось, что Персефона ставит его на одну доску с прочими обитателями этого места; для нее он лишь жалкий неудачник, заслуживающий самое большее сострадания и помощи, потому что у него не все ладно с головой.

Такое открытие буквально привело его в бешенство. Целый день он хмурился в одиночестве, но чисто человеческое стремление оправдаться и быть за это хоть как-нибудь да обласканным, заставило его отправиться на поиски Персефоны, чтобы убедить девушку в ее неправоте. Он подробно и, может быть, чересчур бурно разъяснил ей причины, которые довели его до суда, разукрасив свой отчет блестками доморощенной философии и остроумными фразочками, после чего доверчиво спросил, поняла ли она, в чем дело, и одобряет ли теперь его поведение.

Никакого одобрения он не услышал.

— Я вас не понимаю, — сказала она. — Человек вам ничего плохого не сделал, а вы ему ломаете нос. И вы хотите, чтобы я это одобрила?

— Но Персефона, — запротестовал он, — ты не понимаешь, он же меня обозвал!

— Не вижу никакой связи, — ответила она. — Губами он произвел звуки и в результате обидел вас словом. Если это слово к вам не подходит, то и звуки лишены смысла. Если же вы и есть то, что означают данные звуки, тогда это слово верно определяет ваши качества. Таким образом, никакого ущерба вам нанесено не было. А вот что сделали вы — тут дело другое. Вы сломали ему нос. Это уже ущерб. Защищая себя, общество должно было отыскать вас и определить, действительно ли вы настолько эмоционально неустойчивы, что можете снова нанести ущерб кому-нибудь из своих сограждан в будущем. Если да, то вас надо отправить в карантин на лечение или же удалить из общества — в зависимости от того, что вы предпочтете.

— Выходит, и ты думаешь, что я псих? — не унимался Дейв.

— Псих? Что вы. Во всяком случае, не в том смысле, в каком это понимаете вы. У вас нет пареза, нет тромба в мозгу или какого-то другого дефекта, который мог бы обнаружить врач. Но с точки зрения вашей семантической реакции, вы столь же социально ненормальны, как какой-нибудь фанатичный охотник за ведьмами.

— Послушай, но ведь все это ужасно несправедливо!

— А что есть справедливость? — Она взяла в руки котенка, с которым играла до этого. — Я пошла домой. Становится прохладно.

И она ушла в дом, бесшумно ступая по траве маленькими босыми ножками.

Если бы наука семантика развивалась так же быстро, как психодинамика и ее производные — искусство пропаганды и управление психологией толпы, Соединенные Штаты, надо думать, никогда не попали бы под власть диктатуры и не были вовлечены во Вторую революцию. Все научные принципы, положенные в ос-

нову Ковенанта, который стал венцом революции, были сформулированы очень давно — еще в первой четверти XX века.

Однако труды пионеров семантики — Ч. К. Огдена, Альфреда Корджибского и других, — были известны лишь малой горстке ученых, в то время как психодинамика, подстегнутая чередой войн и вышедшим из-под контроля производством, набрала большое ускорение и шла вперед мощными рывками.

Семантика, или «значение значений», дала метод, который впервые показал, как научный подход может быть применен к любому факту повседневной жизни. Поскольку семантика — это наука о словах, написанных или сказанных, определяющих поведение человека, то ее сначала восприняли как нечто, интересное лишь для профессионалов, работающих с языком, то есть писателей, специалистов по рекламе и профессуры, интересующейся этимологией. Крошечная группка неортодоксальных ученых попыталась приложить семантику к личным проблемам человека, но их труд был сметен пандемией массовых психов, которые уничтожили Европу и ввергли Соединенные Штаты в эпоху «смутных времен».

Ковенант был первым общественным договором, составленным на научных основах, и здесь мы должны отдать должное его главному автору — доктору Михею Новаку — тому самому Новаку, который был главным психологом революции. Революционеры хотели обеспечить максимум личной свободы для граждан. Но как осуществить это с достаточно большой вероятностью?

Перво-наперво была отправлена на свалку идея справедливости. С точки зрения семантики понятие «справедливость» не является реальностью. Нет такого феномена в континууме «пространство-время-материя», в который можно ткнуть пальцем и сказать: вот она, справедливость. Наука имеет дело лишь с тем, что можно пронаблюдать и измерить. Со справедливостью же ни того, ни другого не сделаешь, а потому она никогда не будет иметь одинакового значения для двух разных людей. А всякие «звуки», произносимые в связи с этим словом, вносят лишь окончательную путаницу.

А вот ущерб от этого — физический или экономический — может быть и указан, и измерен. Ковенант запретил гражданам наносить друг другу ущерб. Любая деятельность, которая не вела к физическому или экономическому ущербу для каждой конкретной личности, объявлялась вполне законной.

Поскольку концепция «справедливости» была отброшена, не могли остаться и основанные на ней типы наказаний. Пенология заняла место рядом с ликантропией и прочими древними поверьями и ворожбой. Но поскольку было бы непрактично разрешать источнику опасности оставаться в обществе, то нарушителей общественного спокойствия подвергали осмотру, и тех, кто были способны на повторение антиобщественного поступка, ставили перед выбором — либо пройти психологическую переориентацию, либо быть изолированными от общества — то есть отправиться в Ковентри.

Ранние проекты Ковенанта содержали в себе пункт, по которому социально нестабильные личности должны были госпитализироваться и принудительно подвергаться переориентации, особенно в связи с тем, что психиатрия стала уже настолько развитой дисциплиной, что могла излечивать все неврожденные невроты, а также почти любые врожденные, но тут Новак встал намертво.

— Нет, — сказал он. — Правительству больше никогда не будет разрешено вмешиваться в деятельность мозга кого-либо из граждан без их согласия, иначе мы получим тиранию почище той, что была когда-то. Каждый гражданин имеет право принять или отвергнуть Ковенант, даже если мы полагаем, что этот гражданин безумен.

В следующий раз, когда Дейв встретился с Персефой, та была чем-то очень взволнована. Его собственная уязвленная гордость была мгновенно забыта.

— Девочка моя, что случилось?

Постепенно выяснилось, что она присутствовала при разговоре Доктора с Мэйги и впервые услышала о задуманной против Соединенных Штатов военной операции. Дейв ободряюще похлопал ее по руке.

— И всего-то? А я уж испугался, что у тебя какая-нибудь неприятность.

— Всего-то!!! Дэвид Маккинон, неужели у вас хватает наглости стоять сейчас здесь передо мной и заявлять, что вы знали об этом давно и вас это ничуть не тревожит?!

— Меня? А с какой стати? Да уж если на то пошло, то я-то что могу сделать?

— Что можете сделать? Вы можете пойти за Барьер и все там рассказать! Вот что вы можете сделать! А что касается «с какой стати», то... Нет, Дейв, вы просто неисправимы... — она залилась слезами и выбежала из комнаты.

Он так и остался стоять с открытым ртом, а затем припомнил позаимствованную у предков мудрость, гласившую, что понять женщину вообще невозможно.

К ленчу Персефона не вышла. Маккинон спросил Доктора, где она.

— Рано позавтракала, — ответил тот между глотками, — а после отправилась к Воротам.

— Что?! И вы ей разрешили?

— Персефона — свободный человек. Да она бы меня и не послушалась. Вы не волнуйтесь, с ней все будет в порядке.

Последних слов Дейв не расслышал — он пулей выскочил из дома и был уже за дверь, ведущей во двор. Он обнаружил Персефону, когда она выводила из сарая свой маленький моноцикл.

— Персефона!

— Что вам угодно? — спросила она с ледяной вежливостью, которая явно не соответствовала ее возрасту.

— Ты не должна этого делать! Линялого ранили именно там!

— Я еду. Пропустите меня.

— Тогда я еду с тобой!

— Зачем?

— Чтобы тебе помочь.

Она сморщила нос:

— Пусть только кто-нибудь попробует меня тронуть!

В том, что она сказала, какая-то доля правды была. Доктор и все члены его семьи пользовались правом личной неприкосновенности, вряд ли еще кто-нибудь в Ковентри мог похвалиться этим. Все дело в том, что из-за сложившейся ситуации в Ковентри почти не было компетентных медиков. Врачи редко когда совершают антиобщественные поступки. А число тех, кто отвергал психиатрическое лечение, было вообще невелико. И то эта малая горстка состояла главным образом из тех, кто был полным профаном в своей профессии. Доктор же был природным целителем, обрекшим себя на добровольное изгнание, чтобы иметь возможность использовать свое искусство в среде, которая интересовала его больше всего. Его мало занимала чистая наука, ему нужны были пациенты, и чем серьезней они были больны, тем интересней было приводить их в порядок.

Он стоял выше здешних обычаев и законов. В Свободном государстве «Освободитель» нуждался в нем, чтобы удерживать себя на грани жизни и смерти с помощью инсулина. В Нью-Америке он имел не менее могущественных пациентов. Даже среди Ангелов Господа Бога сам Пророк безропотно выполнял все указания Доктора.

Но Маккинона это не успокоило. Какой-нибудь дремучий идиот, думал он, мог запросто причинить девочке зло, не зная об ее статусе. Но никакие его протесты так на нее и не подействовали. Неожиданно она завела мотор, и Дейву пришлось отпрыгнуть в сторону. Когда он пришел в себя, Персефона уже пропала из виду. Догонять ее было не на чем.

Не прошло и четырех часов, как Персефона вернулась. Примерно этого он и ожидал. Если уж такой ловкач, как Линялый, не смог добраться до Ворот ночью, то очень сомнительно, чтобы это удалось юной девице днем.

Первым делом он почувствовал облегчение, уж очень о многом ему хотелось с ней поговорить. Пока Персефона отсутствовала, он все снова и снова прокручивал в памяти их недавний разговор. Дейв был абсолютно уверен, что Персефону ждет неудача, но сейчас ему больше всего хотелось перед ней оправдаться; поэтому для себя Дейв решил — что бы ни было, а он ей

поможет, раз дело кажется ей настолько важным: он сам доставит предупреждение наружу.

А может, она попросит его об этом сама? Такое казалось вполне вероятным. Ко времени ее возвращения Дейв уже убедил себя, что она попросит его обязательно. Он согласится... со спокойным достоинством... и пойдет... и, может быть, будет ранен... или даже убит... и станет героем... если не повезет.

В воображении он представлял себя смесью из Сидни Картона, Белого Рыцаря и того человека, который отнес послание к Гарсии. Плюс чуточку Д'Артаньяном.

Но она ни о чем не стала его просить. Она даже не дала ему времени побыть с ней наедине.

К ужину Персефона не вышла. После ужина она заперлась с Доктором у него в кабинете. Оттуда она напрямик отправилась в свою комнату. В конце концов Дейв решил, что дальше ждать смысла нет и пора отправляться спать.

Завалиться в постель, уснуть, а утром попробовать все сначала... Нет! Не так это просто! Враждебно глядели на него стены. Та часть мозга, которая всегда выступала против, явно решила не дать ему сегодня заснуть. Болван! Не нужна ей твоя помощь! Зачем она ей? Если уж Линялый не смог, ты-то что можешь сделать? Да он лучше тебя в сто раз! Ты для нее всего лишь один из множества психов, от которых каждый день прохожу нет в этом доме.

Нет, никакой я не псих! То, что я не пожелал подчиниться диктату большинства, еще не делает меня психом. Или делает? Если все остальные в этих местах «с приветом», то чем ты от них отличаешься? Хотя нет, не все... Вот Доктор, Матушка Джонсон... Они же здесь не поэтому. Их не приговаривали. А Персефона родилась тут.

А Мэйги? Этот уж точно умный, или так только кажется? Дейв вдруг обнаружил, что мысль о несомненной психической устойчивости Мэйги вызывает в нем неприязнь. Как он смеет отличаться от нас?

От нас? Значит, он уже не отличает себя от прочих обитателей Ковентри? Ладно, ладно, признайся, идиот, ты ведь такой, как они. Тебя вышибли... Приличные люди не захотели иметь с тобой дела, а ты теперь

упрямишься как осел, не желая признать себя нуждающимся в лечении.

Мысль о лечении бросила его в дрожь и снова заставила вспомнить отца. К чему бы это? Он припомнил, как Доктор говорил ему несколько дней назад: «Что тебе надо, сынок, так это поглядеть в глаза своему папаше и послать его в задницу. Очень жаль, что детям не всегда удается послать туда своих пап и мам».

Он зажег свет и попробовал читать. Без толку. И почему это Персефона так тревожится за судьбу тех, что живут снаружи? Она же ведь их не знает. Друзей у нее там нет. Уж если он не чувствует себя ничем им обязанным, то ей-то какое может быть до них дело? Погоди, разве у тебя нет перед ними обязательств? А сколько лет ты жил легкой и сладкой жизнью? И все, что они за это просили, — вести себя по их правилам. Если уж говорить честно, где бы ты, Дейв Маккинон, сейчас был, если бы Доктор задумался и спросил себя, а обязан он тебе чем-нибудь или нет?

Маккинон все еще пережевывал горькую краюху самопознания, когда первый бесцветный утренний луч вполз в комнату. Дейв встал, накинул халат и через холл прошлепал в комнату Мэйги. Дверь была открыта. Он просунул голову внутрь и шепнул:

— Линялый, ты спишь?

— Входи, малыш, — так же тихо ответил Мэйги. — Что у тебя? Не спится?

— Нет.

— Мне тоже. Понесем наше знамя вместе...

— Линялый, я хочу сматываться. Пойду за Барьер.

— Э-э-э... Когда?

— Прямо сейчас.

— Рискованное дело, малыш. Обожди несколько дней, я постараюсь пойти с тобой.

— Нет, я не могу ждать, когда ты поправишься. Я должен предупредить Соединенные Штаты.

Глаза Мэйги широко раскрылись, но голос нисколько не изменился:

— Похоже, этой малолетней пройдохе удалось втемяшить в тебя кое-какие из своих убеждений?

— Нет. Ну... почти нет. Я делаю это ради самого себя. Мне это необходимо. Слушай, Линялый, что ты

знаешь об этом оружии? У них действительно есть что-то, чем можно угрожать Штатам?

— Боюсь, да, — ответил Мэйги, — я знаю об этом очень мало, но вроде бы бластеры по сравнению с ним — просто ерунда. Дальность у него куда больше. Не знаю, что они собираются делать с Барьером, но сам видел, еще до того как меня замели, что они тянут к нему линии электропередач. Послушай, если тебе действительно удастся выбраться отсюда, найди там одного парня, он может пригодиться. Обязательно его разыщи. — Мэйги что-то нацарапал на клочке бумаги, сложил его и отдал Дейву. Тот не глядя сунул листок в карман.

— Линялый, — спросил Дейв, — как охраняются Ворота?

— Через Ворота не пройдешь, это точно. Вот что тебе надо сделать... — Мэйги оторвал еще один листок и начал на нем что-то чертить, одновременно давая пояснения.

Перед тем как уйти, Дейв крепко пожал Мэйги руку.

— Попрощайся тут за меня, ладно? И поблагодари Доктора. Мне лучше уйти, пока они еще спят.

— Конечно, малыш, — ответил Мэйги.

Маккинон, скорчившись, сидел за кустом и осторожно следил за группой Ангелов, входивших в свою суровую и, честно говоря, довольно неприглядную церковь. Он сидел и дрожал — от боязни, что его обнаружат, и от холодного утреннего ветра. Однако нужда пересилила чувство страха. У этих изуверов была пища, он должен был ее получить.

Первые два дня после ухода из дома Доктора прошли сравнительно легко. Правда, он успел простудиться, ночуя на холодной земле. Простуда засела в бронхах и здорово мешала идти. Но сейчас это не имело значения, надо было только держаться, чтобы не выдать себя, закашлявшись или чихнув, пока верующие не скроются в храме. Он смотрел, как они проходят — суровые мужчины, женщины в юбках, подметающие подолами дорогу, с лицами, изрезанными морщинами и

наполовину скрытыми платками, заморенные работой и многочисленными детьми. Лица у всех были мрачны и не улыбки. Даже ребятишки смотрели угрюмо.

Последний из прихожан скрылся за воротами храма, один пономарь продолжал заниматься во дворе какими-то своими делами. Прошло еще несколько минут, показавшихся Маккинону бесконечными, — все это время ему приходилось прижимать пальцем верхнюю губу, чтобы удержаться от чиха, пока пономарь наконец не вошел в церковь и не закрыл за собой дверь.

Тогда Маккинон выбрался из своего убежища и помчался к дому, который наметил заранее. Дом стоял на краю расчистки и от церкви был дальше других.

Собака поначалу вела себя настороженно, но он ее успокоил. Дом был заперт, однако задняя дверь легко ему поддалась. У него голова закружилась, когда он увидел пищу — черствый хлеб и твердое пресное масло, приготовленное из козьего молока.

Из-за неверного шага, сделанного два дня назад, ему пришлось выкупаться в холодном горном ручье. Ничего страшного в этом не было, но вскоре Дейв обнаружил, что все питательные таблетки размокли и превратились в месиво. Он, конечно, питался ими весь день, но к вечеру они заплесневели и таблетки пришлось выбросить.

Хлеба ему хватило на три ночевки, но масло скоро растаяло и нести его дальше было нельзя. Он пропитал им, как мог, зачерствевший хлеб, а остальное просто слизал с пальцев языком. Потом его долго мучила жажда.

Через несколько часов после того, как Дейв съел последнюю крошку украденного хлеба, он достиг первой своей цели — главной реки, в которую впадали все остальные реки Ковентри. Где-то ниже по течению она уходила под Барьер, а потом текла в океан. Ворота были закрыты и охранялись, и река оставалась единственной дорогой для бегства, открытой одинокому храбrecу.

Но сейчас для него это была просто вода. Дейва мучила жажда, простуда у него еще не прошла. Однако, чтобы напиться, придется ждать темноты: вдали на

берегу были люди, некоторые, как ему показалось, носили форму. Один из них привязывал к причалу легкое каноэ. На каноэ Маккинон сразу же положил глаз и ревниво следил за ним, уже считая своей собственностью. Суденышко все еще стояло на месте, когда наступили сумерки.

Первый луч солнца защекотал в носу, и Маккинон чихнул. Он проснулся мгновенно, поднял голову и осмотрелся. Каноэ, которое он украл, плыло по середине реки. Весел не было. Он никак не мог вспомнить — были они вообще или нет? Течение быстро несло лодку вперед. Похоже, при такой скорости он мог добраться до Барьера и за ночь. А может, он уже за Барьером? Нет, этого просто не может быть.

И тут он увидел Барьер — всего лишь в миле от него, — черный и грозный. И все же это было самое удивительное зрелище из всех, что попадались ему в пути за последние дни. Маккинон был слишком слаб: болезнь еще не прошла, поэтому не было сил радоваться, но от одного вида Барьера решимость его окрепла — она-то и заставляла все это время, не останавливаясь, идти вперед.

Маленькое суденышко царапнуло днищем песок. Течение в излучине пригнало каноэ к берегу. Дейв с трудом вылез из лодки: мышцы затекли, суставы отчаянно ныли. Он вытащил нос лодки на песок. Потом передумал и изо всех сил, которые у него еще оставались, отпихнул ее от берега. Он долго смотрел, как челнок исчезает за поворотом: лодка — это улика, а никто не должен знать, что он высадился на берег.

Большую часть дня он проспал; проснулся всего лишь раз, чтобы уползти с солнцепека. Но солнце выгнало холод, скопившийся у него в костях, и он почувствовал себя много лучше.

Хотя Барьер был от Дейва примерно в миле, ему понадобилась чуть ли не вся ночь, чтобы, следуя извилам реки, до него добраться. О том, что Барьер близко, он узнал по столбам пара, поднимавшимся над водой. Когда солнце взошло, Маккинон принялся думать, что делать дальше. Барьер пересекал реку поперек, но

место, где он сходил с водой, было скрыто за облаками пара. Где-то под поверхностью — но как глубоко, он не знал — Барьер кончился. И его нижний край, приходя в соприкосновение с водой, заставлял реку кипеть.

Медленно, неохотно и без всякого героизма Маккинон начал стаскивать с себя одежду. Время действовать наступило, но торопить его он не хотел. На глаза попался обрывок бумаги, тот, что дал ему Мэйги; Дейв решил посмотреть, что там написано. Но купание в горной речке превратило бумагу в кашу, и прочесть ее было нельзя. Впрочем, сейчас ему все уже казалось неважным.

Тело его охватила крупная дрожь, хотя солнце гре-ло по-прежнему. А потом думать стало уже и вовсе не о чем — на том берегу появился патруль. Может, они заметили его, может — нет. Он нырнул.

...Глубже, глубже, насколько хватает сил... еще глубже, и попробуй достать до дна, лишь тогда можно быть уверенным, что ты опустился ниже этого ревущего смертельного основания Барьера... вот уже пальцы коснулись ила... теперь поднырни под Барьер... может, это тоже смертельно, как и попытка перелететь его сверху... скоро ты это узнаешь... и в какую сторону плыть?.. тут ведь нет указателей...

Он держался под водой, пока терпели измученные легкие. Затем стал всплывать и лицом почувствовал кипяток. В бесконечные мгновения отупляющей тоски и одиночества он понял, что оказался в ловушке между жаром и холодом воды — в ловушке под Барьером.

Двое солдат лениво болтали, сидя на палубе маленького плавучего дока неподалеку от Барьера. Смотреть на реку, вырывавшуюся из-под Барьера, им давно уже было неинтересно. Они столько на нее насмотрелись за долгие дни опостылевшей службы. За спиной прозвучал сигнал, заставивший их насторожиться. Тревога!

— В каком секторе, Джек?

— На нашем берегу. Да вот же он, видишь?

К тому времени, когда они его вытащили и положили на палубу, прибыл сержант в сопровождении рядового.

— Жмурик или еще живой? — спросил он.

— Вроде, кончился, — сказал тот, которому как раз подошла очередь делать искусственное дыхание.

Сержант расплылся в улыбке, выглядевшей, мягко говоря, странно на его грубом лице.

— Ни хрена себе! А я заказал «Скорую». Ладно, все равно пусть везут в больницу.

Медсестра пыталась его успокоить, но Маккинон поднял такой крик, что ей пришлось вызвать дежурного хирурга.

— Спокойно, спокойно. Это еще что такое? — уговаривал его медик, одновременно нащупывая пульс. Дейву все же удалось убедить дежурного, что он не утихомирится и не позволит сделать себе укол, пока ему не дадут высказаться.

Сошлись они наконец на том, что Маккинону говорить разрешат (только покороче, идет?), — так и быть, доктор замолвит словечко перед начальством в обмен на укол, который Дейву сделают после.

На следующее утро два человека, не назвавшие своих фамилий, явились к Дейву в палату в сопровождении хирурга. Они выслушали его рассказ и уточнили некоторые детали. В полдень Маккинона на машине доставили в штаб соединения. Там его допросили еще раз. Он быстро набирал силы, но вся эта болтовня скоро ему надоела. Дейва волновало одно — воспринято его донесение всерьез или нет. Последний из допрашивающих заверил:

— Сегодня днем вас примет Командующий.

Командующий оказался приятным невысоким человеком с быстрыми, немного птичьими жестами, совершенно не походивший на военного. Он серьезно выслушал, как Маккинон повторял свой рассказ (пятый раз по подсчетам Дейва). Когда Маккинон кончил, генерал утвердительно кивнул:

— Будьте спокойны, Дэвид Маккинон, все необходимые шаги уже предприняты.

— Но как быть с их оружием?

— Об этом мы тоже позаботились, а что касается Барьера, то пробиться через него будет не так просто, как полагают наши соседи. Но ваши усилия принесли свои плоды. Могу я быть вам чем-нибудь полезен?

— Нет, мне... у меня там остались два друга... Там... — и он попросил, чтобы помогли Мэйги, а Персефоне разрешили выйти из Зоны, если она захочет.

— Об этой девушке я уже слышал, — сказал генерал. — Мы с ней свяжемся. Если она захочет принять гражданство, это можно будет устроить. Что же касается Мэйги, то тут дело другое... — Он нажал кнопку на видеофоне. — Пригласите ко мне капитана Рэндела.

Легкой походкой в кабинет вошел ладно скроенный человек, одетый в форму капитана армии Соединенных Штатов. Маккинон бросил на него вежливо-безразличный взгляд, каким встречают обычно случайного посетителя, но тут же выражение его лица изменилось.

— Линялый! — заорал он.

Радость, с которой они набросились друг на друга, вряд ли подходила для обстановки личного кабинета Командующего, но генерал, по-видимому, не возражал. Когда они успокоились, Маккинон задал вопрос, задать который собирался уже давно.

— Слушай, Линялый, я ничего не понимаю... — он замолчал, подумал и укоризненно поднял палец: — Понял! Ты из Секретной Службы!

Линялый довольно ухмыльнулся.

— А ты думал, — ответил он, — что Армия Соединенных Штатов оставит это чумное место без призора?

В разговор встрял генерал:

— Что вы думаете делать дальше, Дэвид Маккинон?

— Я? Пока у меня нет никаких планов... — Потом подумал и повернулся к своему другу: — Знаешь, Линялый, а пойду-ка я, пожалуй, на эту самую психологическую переориентацию... Раз ты снаружи...

— Думаю, в этом не будет необходимости, — вмешался генерал.

— Не будет? Почему, сэр?

— Вы уже излечились сами. Возможно, вы и не знали, но вас проверяли четыре психотехника. И я с

удовольствием сообщая, что статус свободного гражданина будет вам возвращен, если, конечно, вы этого пожелаете.

Генерал и капитан Рэндел-Линялый тактично решили, что на этом пора с интервью кончать. Рэндел вместе со своим другом вернулись в лазарет. Дейв требовал немедленного ответа сразу на тысячу вопросов.

— Линялый, ты же наверняка прибыл сюда еще до меня?

— За день или за два.

— Значит, все, что я делал, было впустую?

— Я бы так не сказал, — ответил Рэндел. — Я ведь мог и не прорваться. А уж если по правде, то многое знали и до нас. Там же был не один я... Во всяком случае, — продолжал он, — теперь, когда ты уже здесь, надо бы тебе подыскать подходящее занятие.

— Мне? Рано пока об этом говорить. Во всяком случае, классической литературой я больше заниматься не стану, это точно... Вот если бы я не был таким тупым в математике, то можно было бы подумать насчет межпланетных...

— Ладно, вечером об этом поговорим, — предложил Линялый, посмотрев на свое хроно. — Сейчас мне пора бежать. Я заскочу попозже, сходим вместе в столовку.

И он выскользнул в дверь с непостижимой для Маккинона быстротой, напомнившей ему воровскую малину в Ковентри. Дейв поглядел ему вслед и неожиданно крикнул:

— Эй! Линялый! А не мог бы и я поступить в Секретную...

Но Линялого уже не было, и Маккинону пришлось задать этот вопрос себе самому.

НЕУДАЧНИК

*...в целях сохранения и развития
средств межпланетного общения,
а также для обеспечения занято-
сти молодежи нашей планеты...*

(Выдержка из законодательного ак-
та № 7118 Палаты Представителей
об учреждении Космического строи-
тельного корпуса.)

— Стройся! — рыкающий голос старшего сержан-
та космической пехоты разорвал туман серенького,
слякотного утра в Нью-Джерси. — Когда называют
ваше имя, отвечайте «здесь», выходите вперед с веща-
ми и поднимайтесь на борт. Кому не ясно? Ну, начали:
Аткинс!

— Здесь!

— Остин!

— Здесь!

— Эйрис!

Один за другим пехотинцы выходили из строя, вски-
дывали на плечи вещмешки — не более ста тридцати
фунтов личного имущества на человека — и карабка-
лись по трапу. Они были молоды: ни одного старше

«Misfit»

© А. Тюрин, перевод, 1993.

двадцати двух, и порой поклажа превышала вес новобранца.

— Каплан!

— Здесь!

— Кейт!

— Здесь!

— Либби!

— Здесь!

Долговязый и тощий белобрысый паренек вывалился из строя, поспешно вытер нос и схватился за свои шмотки. Крякнув, взвалил набитый холщовый мешок на плечо и, ухватив свободной рукой чемодан, затрусил, как дворняжка, к трапу. Новобранец преодолел всего лишь несколько нижних ступенек, когда чемодан двинул его по коленкам. Пошатнувшись, он натолкнулся на крепкую невысокую фигуру в зеленовато-голубом мундире космического флота. Сильные пальцы вцепились в плечо паренька и не дали ему упасть.

— Не падай, сынок, не надо. Ты не так старайся, и все будет в порядке, — могучая рука поправила холщовый мешок новобранца.

— Ой, простите, — смутился юнец, насчитав четыре полосы под метеором на серебряном галуне. — Капитан, я не...

— Соберись, сынок, и дуй на борт.

— Есть, сэр!

На борту парня встретил полумрак. Когда глаза Либби начали что-то различать, он увидел корабельного старшину, который большим пальцем через плечо показал в сторону одного из люков.

— Тебе сюда. Найди там свой рундучок и жди.

Либби поспешил выполнить указание. В широком, сплюснутом отсеке он обнаружил скопище людей и вещей. Слабый свет неоновых ламп вдоль переборки и гудение вентиляторов создавали мягкий фон человеческим голосам. Либби перебрался через груды чьих-то вещей и нашел свой рундучок под номером «семьдесят». Он сорвал пломбу с замочка, набрал шифр и открыл крышку. Рундук находился во втором ярусе и был совсем небольшим. Либби стал прикидывать, как ему затолкать в него свои пожитки. Но тут динамик заглушил болтовню и потребовал всеобщего внимания.

— Слушай мою команду! Первое отделение — по местам. Старт через двенадцать минут. Задраить люки. За две минуты до старта выключить вентиляторы. Закрепить на палубе все тяжелые предметы и лечь, когда зажжется красная сигнальная лампа. Лежать до объявления отбоя. Старшинам проверить исполнение команды.

Тут же заглянул старшина, осмотрелся и принялся руководить размещением багажа. Тяжелые вещи были принаитовлены к палубе. Крышки рундуков закрыты. К назначенному времени каждый пехотинец нашел себе местечко на палубе, а старшина даже пристроил под голову подушку. Лампы загорелись красным светом, и динамик гаркнул:

— Всем внимание! Старт корабля! Приготовиться к вертикальному ускорению.

Старшина спешно прилег на два вещмешка, не забывая пронзительным взглядом озирать со своего лежака отсек. Вентиляторы зашелестели, останавливаясь. На две минуты наступила тишина. Либби почувствовал, как всполошилась его сердечная мышца. Две минуты тянулись бесконечно. Но вот палуба задрожала, и грохот — такой бывает при сбросе пара из котла высокого давления — ударил по барабанным перепонкам. Тело вдруг налилось свинцом, тяжесть, навалившись на грудь, сдавила сердце. Спустя некоторое время сигнальные лампы вспыхнули белым и динамик промычал:

— Занять места согласно табельному расписанию. Первое отделение, приступить к несению вахтенной службы.

Вентиляторы снова загудели. Старшина встал, сосредоточенно почесал задницу, хлопнул в ладоши и сказал:

— Порядок, парни.

После чего прошелся по отсеку и отдраил люк в коридор.

Либби встал, наткнулся на переборку и чуть не рухнул. Его руки и ноги сильно затекли. Кроме того он чувствовал неприятную легкость, как будто сбросил по меньшей мере половину своего и так-то не ахти какого великого веса.

Следующие несколько часов он был слишком занят, чтобы размышлять или скучать по дому. Чемоданы, ящики и мешки надо было перетащить в трюм и при-

найтовить, подстраховываясь от углового ускорения. По ходу дела Либби выискал химический галъюн и изучил принцип его действия. Он познакомился со своей койкой и узнал, что она принадлежит ему лишь восемь часов в сутки: еще двое новобранцев, каждый в свое время, должны на ней же давить клопа. Три отделения уминали свои пайки в три смены — всего было девять смен: двадцать четыре парня и старшина за одним длинным столом, который целиком заполнял узкий отсек возле камбуза.

После ленча Либби решил лучше уложить свои вещички в рундуке. Он долго стоял, вглядываясь в фотокарточку, которую собирался прилепить к внутренней стороне крышки, когда по отсеку пронеслось:

— Сми-р-на!

У входа стоял капитан, рядом с ним старшина. Старший офицер заговорил:

— Вольно, садитесь. Маккой, сообщите на центральный пост управления, чтобы подключили ваш отсек к дымовому фильтру.

Старшина кинулся к коммутатору на переборке и, нажав кнопку вызова, зашептал в микрофон приказ. Жужжание вентиляторов немедленно поднялось на пол-октавы.

— Теперь можно курить. Я собираюсь потолковать с вами, ребята. Вам предстоит провернуть большое дело, может быть, самое большое за всю вашу жизнь. Теперь вы — крутые мужики и перед вами одна из самых трудных работ, за которую когда-либо брались люди. То, что вам предстоит сделать, является частью громадного плана. Вы, и сотни тысяч таких, как вы, должны переоборудовать Солнечную систему — чтобы люди могли использовать ее куда лучше.

При этом вы получите отличную возможность стать полноценными и счастливыми гражданами Федерации. По той или иной причине на Земле вам не везло. Одни стали ненужными, потому что их профессия была отменена техническим прогрессом. Другие не смогли правильно распорядиться своим досугом и попали в беду. Короче, вы все были неудачниками. Вас наверняка называли трудными детьми, и ваши характеристики были украшены множеством черных пятен.

Но теперь вы должны обо всем этом забыть. Жизнь начинается снова. Единственная запись в вашем досье — фамилия на чистом листе бумаги. И от вас зависит, что на нем появится дальше.

Теперь о работе. Нам не светит заурядная ремонтная или восстановительная операция на Луне, с уик-эндами в Луна-Сити и прочими домашними удобствами. Не сядем мы на планету с сильной гравитацией, где можно хорошо закусить, наверняка зная, что обед не вывалится из желудка обратно на стол.

Наша задача — причалить к астероиду HS-5388 и превратить его в космическую станцию ЗМ-3. Он не может похвастаться атмосферой, и сила тяжести на нем составляет не более нескольких процентов от привычной земной. Вы будете порхать над ним как мухи по меньшей мере полгода, без девчонок, без телевизора, без всякого веселья — кроме того, что вы придумаете сами, — ну и, конечно, тяжкий труд каждый божий день. Вы сполна изведаете космическую болезнь, тоску по земным лужайкам, полянкам и прочее, возможно, узнаете страх перед космическим пространством. Если не станете осторожничать, то рискуете обгореть на солнце. Желудок ваш будет подавать «SOS», жратва бросаться туда, откуда пришла, — в общем, вы сильно пожалеете, что завербовались.

Но если вы переборете себя и послушаетесь советов опытных космонавтов, то вернетесь на Землю сильными, здоровыми парнями, хоть и с небольшими счетами в банке, но зато со знаниями и умениями, которые вам не приобрести на Земле и за сорок лет. Вы станете настоящими мужчинами и будете этим гордиться.

И последнее. Довольно неуютно будут чувствовать себя те, кто сразу не привыкнет к такой жизни. Будьте внимательны друг к другу, и все будет хорошо. Если у вас появятся какие-нибудь проблемы, с которыми вам не справиться в одиночку, — обращайтесь ко мне. Ну, вот и все. Вопросы есть?

Один из новобранцев поднял руку.

— Сэр? — несмело обратился он.

— Говори, юноша, но сперва назови себя.

— Роджерс, сэр. У нас будет возможность получать письма из дома?

— Да, только не слишком часто. Раз в месяц или около того. Почту будет привозить капеллан, а также инспекционные и грузовые суда.

И тут, заревев, вклинился динамик:

— Слушай мою команду. Приготовиться к невесомости. Через десять минут — переход в режим свободного полета.

Старшина проверил страховочные тросы. Все незакрепленные вещи были ловко принайтовлены и каждому пехотинцу выданы целлофановые пакеты.

Едва все это было сделано, как Либби почувствовал, что становится легким — что-то подобное он уже испытывал при внезапной остановке поднимающегося экспресс-лифта в каком-нибудь небоскребе. Разница заключалась в том, что чувство не пропадало, а все нарастало и нарастало. Сперва это можно было назвать приятной новизной ощущений, но потом быстро приелось и стало утомлять. Кровь застучала в ушах, а ноги начали зябнуть и леденеть. Слюна стала выделяться с бешеной скоростью — он попытался ее проглотить, но поперхнулся и отчаянно закашлял. Потом его желудок судорожно сжался и выбросил вон полупереваренный ленч. После первого приступа рвоты Либби услышал вопль Маккоя.

— Эй, оболтус, трави в пакет. Не дай этой дряни угодить в вентилятор.

До Либби с трудом дошло, что это обращаются к нему. Он нащупал свой пакет как раз перед тем, как его настиг второй приступ, и, прежде чем выплеснуть струю, успел поднести пакет ко рту. Когда тошнота отпустила, Либби обнаружил, что парит почти у самого потолка лицом к входному люку. Как раз в этот момент появился главный старшина и обратился к Маккою:

— Как тут у вас?

— Близко к норме. Правда, кое-кто из парней стравил мимо пакета.

— Ладно, это дело убрать. Воспользуйтесь шлюзом правого борта. — Распорядившись, главный старшина ушел.

Маккой потянул Либби за рукав.

— Ну, свинтус, раз отличился, давай лови теперь своих бабочек, — старшина протянул ему ветошь, сам

тоже взял и аккуратно подхватил шарик из блевотины, который парил перед ним.

— Запасной пакет у тебя есть? Если опять затошнит — остановись и пережди, пока не пройдет.

Либби подражал ему как только мог. Через несколько минут они на пару выловили большую часть летучей блевотины. Маккой осмотрелся и удовлетворенно произнес:

— Теперь снимайте грязные шмотки и смените пакеты. Трое или четверо, тащите все к шлюзу.

Пакеты были уложены в шлюз правого борта, потом внутренний люк задраили, а внешний — наоборот, открыли. Когда внутренний люк открыли снова — в шлюзе уже ничего не было: пакеты выдуло в космос напором воздуха.

«Свинтус» обратился к старшине:

— Грязные робы тоже выбросим?

— Разбежался. Мы их космосом почистим. Эй, пехота, неси заблеванные мундиры в шлюз и крепи их там на переборочных крючьях. Привязывай покрепче.

На сей раз шлюз не открывали минут пять. Когда же люк распахнулся, робы были совершенно сухие — вся влага в вакууме испарилась. Единственное, что осталось от позора, — стерильный, измельченный в пудру осадок. Маккой остался доволен.

— Сойдет. Несите обратно в отсек. И почистите как следует щеточкой перед вытяжкой.

Следующие несколько дней были отданы беспросветным страданиям. Всякая тоска по дому перечеркивалась муками космической болезни. Капитан соглашался лишь на пятнадцать минут небольшого ускорения для каждой из девяти камбузных смен, но после такой передышки болезнь только усиливалась.

Обычно Либби отправлялся на обед слабый, но с волчьим аппетитом. Однако пища оставалась в желудке лишь до возобновления свободного полета, когда болезнь скручивала новобранцев по новой.

Как-то на четвертый день полета он сидел, прислонившись к переборке, и наслаждался оставшимися минутами тяжести в конце обеденной смены. К нему подошел Маккой и уселся рядом. Старшина приладил к

физиономии дымовой фильтр и закурил. После первой глубокой затяжки он принялся разглагольствовать:

— Ну, как оно, земляк?

— Да вроде бы ничего. Но эта раскосмическая болезнь, итти ее налево... Маккой, как вам удалось к ней привыкнуть?

— И ты скоро справишься. Тело само выработает новые рефлексy — так и у меня было. Как только научишься лопать, не задыхаясь и не срыгивая, будет полный порядок. Тебе даже понравится. Невесомость ведь успокаивает и расслабляет. За четыре часа сна высыпаешься как за десять.

Либби удрученно покачал головой:

— Наверно, мне не привыкнуть.

— Привыкнешь. Во всяком случае, тебе самому будет лучше, если привыкнешь. На этом сраном астероиде считай что нет никакой силы тяжести. Главный геодезист говорит, она не больше двух процентов от нормальной земной. Этого будет маловато, чтобы вылечить твою космическую болячку. Учти, там даже во время священного обряда жратвы никто не станет включать ускорение.

Либби испустил стонущий звук и обхватил руками голову.

Найти нужный астероид среди тысяч других — так же просто, как с земной орбиты разглядеть в Лондоне Трафальгарскую площадь. Вы ведь стартуете со скоростью около девятнадцати миль в секунду, что примерно равно скорости самой Земли. И пытаетесь выписать траекторию, которая не только пересечет орбиту крошечного быстро несущегося тела, но и обеспечит свидание. Астероид HS-5388 — «восемьдесят восьмой» — лежал от Солнца на расстоянии около двух десятых астрономической единицы, что составляло чуть больше двухсот миллионов миль. Когда корабль стартовал, он находился в трехстах миллионах миль от астероида, причем с противоположной стороны от Солнца. Капитан Дойл распорядился, чтобы штурманы рассчитали базовый эллипс, по которому корабль должен был двигаться в свободном полете вокруг Солнца примерно триста сорок миллионов миль. Принцип расчета был похож на тот, что применяется охотником, который

стреляет утку «влет», вводя элемент опережения. Но представьте себе, что во время выстрела дневное светило слепит вам глаза, птицу с вашей «огневой позиции» не видно и у вас для прицела нет ничего, кроме нескольких пыльных отчетов о том, как двигалась цель, когда ее наблюдали в последний раз.

На девятый день капитан Дойл отправился в штурманскую рубку и начал мучить клавиатуру массивного вычислительного комплекса. Затем он послал дневального за штурманом. Через несколько минут внушительная фигура всплыла в дверь, зафиксировалась с помощью троса и поприветствовала капитана, пристегнутого ремнями к своему креслу:

— Утро доброе, шкипер.

— Привет, Блэки, — старый космический волк поднял глаза от экрана. — Я как раз проверяю твои расчеты по «обеденным» ускорениям.

— Может, отправим за борт всех этих крысят, сэр? Вместе с очередной порцией мусора. Тогда ни вам, ни мне заниматься ерундой больше не придется.

— К сожалению, это лишь мечты. А в жизни, если мы не дадим ребятам проглотить свою пайку, то доведем до астероида кучку доходяг. С десяти по корабельному времени я собираюсь приступить к торможению. Какие у нас были скорость и координаты на восемь вечера?

Штурман достал из кителя блокнот.

— Скорость — триста пятьдесят восемь миль в секунду; курс: прямое восхождение — пятнадцать часов, восемь минут, двадцать семь секунд; склонение — минус семь градусов, три минуты; расстояние до Солнца — сто девяносто два миллиона четыреста восемьдесят тысяч миль. Наше радиальное положение — двенадцать градусов над курсом и почти нулевое на курсе по прямому восхождению. Солнечные координаты нужны?

— Пока что обойдемся без них. — Капитан склонился к компьютеру, принял озабоченный вид и, пока шли расчеты, сосредоточенно жевал кончик языка. — Я хочу, Блэки, чтобы ты покончил с ускорением за один миллион миль до орбиты «восемьдесят восьмого». Меня трясет от злости, когда я трачу топливо, но в

поясе астероидов столько всякого хлама, да еще этот наш чертов булыжник такой крохотный, что придется закладывать поисковую кривую. За эти двадцать часов торможения кое-что надо будет сделать. На восьмом часу начинай изменение курса влево. примени асимптотическое приближение. К шести утра наш доблестный звездолет должен быть неподалеку от «восемьдесят восьмого», на круговой траектории, параллельной его орбите. Если меня не забудут разбудить, я поднимусь в три.

— Есть, сэр.

— Когда получишь окончательные расчеты, забрось их мне. Журнал распоряжений пришлю тебе попозже.

Корабль ускорялся по расписанию. Вскоре после трех утра капитан появился в рубке и устался в забортную темноту. Солнце все еще пряталось за корпусом корабля, и непроглядная мгла пробивалась только голубыми просверками приборов, да лучиком света из-под крышки приборной доски. Услышав знакомые шаги, штурман повернулся.

— Доброе утро, капитан.

— Надеюсь, доброе, Блэки. Он уже виден?

— Еще нет. Мы изучили с полдюжины камней, но ни один не был похож на наш «восемьдесят восьмой».

— Что-нибудь есть поблизости?

— Не так, чтобы очень. Разве что горсточка песка — время от времени мы на такие натываемся.

— Это вряд ли нам повредит — мы же заходим им в хвост. Если бы все навигаторы хорошо понимали, что астероиды движутся всегда по определенной траектории на фиксированной скорости — ни у кого бы не было неприятностей. — Капитан остановился, чтобы прикурить. — Говорят, что космос опасен, и я этого отрицать не стану. Однако, перебирая все аварийные ситуации за последние двадцать лет, я вижу, что проблемы возникают только из-за беспечности.

— Вы как всегда правы, шкипер. Между прочим, в столешнице под приборной доской — кофе.

— Спасибо, я уже попил кофейку у себя в каюте.

Капитан, присоединившись к вахтенным у стереоскопов и радаров, стал всматриваться в мерцающую

черноту. Три с сигаретами спустя ближайший к нему вахтенный рывкнул:

— Вижу свет.

— В каком направлении?

Помощник капитана снял показания с индикаторов стереоскопа:

— Ноль точка два, к корме — один точка три. Легкое смещение вперед. — Помощник придвинулся к радару и добавил: — Дистанция — семь девять ноль четыре три.

— Это проверить можно?

— Вполне, сэр.

— Каков диаметр диска? — раздался оглушительный голос штурмана.

Первый вахтенный стал поспешно крутить ручки прибора, но капитан легонько отодвинул его в сторону.

— Я сам справлюсь, сынок. — Дойл приложился к двухглазому окуляру, чтобы рассмотреть серебристый шарик. Затем стал осторожно разводить светящиеся кресты окуляров, пока они не коснулись верхнего и нижнего краев диска.

— Засекайте!

Показания были записаны и переданы штурману.

— Это наш малыш, кэп.

— Я рад.

— Мне сделать визуальную триангуляцию?

— Пусть вахтенный помощник займется этим. А ты иди вздремни. Мы будем ее делать, когда подойдем достаточно близко, чтобы применить оптический дальномер.

— Спасибо. Тогда я пошел.

Весть о том, что «восемьдесят восьмой» уже виден, облетела весь корабль за несколько минут. Либби вскоре оказался на десантной палубе, где протиснулся сквозь возбужденную толпу сотоварищей, чтобы разглядеть через иллюминатор будущий дом. Маккой охлаждал пыл собравшихся.

— К тому времени, когда эта штука разбухнет настолько, что начнет мозолить глаза, мы все будем отды-

хоть на наших посадочных местах. А что вы хотите, у него диаметр всего сто миль.

Через какое-то время в корабельных динамиках раздалось:

— Слушай мою команду. Всем занять свои места. Задраить люки. Приготовиться к отключению вентиляторов по сигналу.

Следующие два часа бдительный Маккой не давал подняться никому из своего отделения. Толчки маневровых двигателей чередовались с тошнотворными периодами невесомости. Лопасты вентиляторов замерли, и клапаны затворов с щелчком встали на свои места. Всего несколько мгновений корабль находился в свободном падении. Последний толчок двигателя, еще пять секунд падения — и корпус слегка тряхнуло. Из динамика донесся трубный звук, и вентиляторы снова загудели.

Маккой без труда взмыл вверх и, побалансировав на носках, твердо встал на ноги.

— Все, бойцы, приехали. Конечная остановка.

Коренастый парнишка, который был чуть моложе остальных, без особой ловкости подражая старшине, подскочил к люку, едва Маккой удался, и заорал:

— Братва, на выход. Кто не прочь прогуляться снаружи?

Голова старшины просунулась в отсек:

— Притормози, малыш. Собираясь на прогулку, учитьвай, что за бортом нет никакого воздуха. Ты там превратишься в ледышку или сгоришь, а если повезет — лопнешь, как спелый помидор... Командир отделения, выдели шесть человек, чтобы принесли скафандры. Остальным оставаться на местах.

Шестерка быстро вернулась, навьюченная несколькими дюжинами здоровенных пакетов. Либби выпустил из рук те четыре, которыми нагрузился, и смотрел, как они медленно опускаются на палубу. Маккой вынул из упаковки один скафандр и начал инструктаж:

— Это стандартная рабочая модель «Марк-4» серийного выпуска второй модификации. — Старшина взял скафандр за плечи и встряхнул так, что тот развернулся и стал похож на пару нижнего белья. Шлем при этом беспомощно свесился вниз. — Скафандр будет

поддерживать вашу жизнедеятельность в течение восьми часов; соответственно, на это время имеется и запас кислорода. Есть также баллон с азотом для обеспечения нормального состава дыхательной смеси и кассетный фильтр, поглощающий водяные пары и углекислоту.

Старшина уныло бубнил, дословно повторяя инструкцию с описанием и правилами пользования скафандром. Маккой знал такие скафандры как свои пять пальцев, и это знание уже не однажды спасало ему жизнь.

— Скафандр соткан из стекловолокна и имеет асбестоцеллюлозную пропитку. Такая ткань гибка, очень прочна и отражает любые лучи, какие только могут быть в Солнечной системе за орбитой Меркурия. Надевают такой костюмчик поверх обычной одежды. Однако обратите внимание на закрепленные проволокой складки в виде гармошек у основных стыков. Они для того, чтобы сохранять постоянным внутренний объем скафандра при сгибании рук и ног. В противном случае внутреннее давление газа превратит скафандр в пузырь, пользоваться которым будет довольно затруднительно.

Шлем отлит из прозрачного силикона, освинцован и поляризован, чтобы отражать часть лучевой энергии. Его можно оснастить фильтрами нужного типа. На данный момент есть приказ носить фильтр не слабее, чем «янтарный» номер два. Дополнительную защиту дает свинцовая пластина, которая прикрывает голову и спускается вниз по спине скафандра, полностью экранируя позвоночник.

Скафандр оснащен двусторонним телефоном. Если ваше радио заглохнет, то можно пообщаться, соприкоснувшись шлемами. Вопросы есть?

— А как есть и пить все эти восемь часов?

— Никто вас не станет заставлять носить скафандр восемь часов подряд. Вы, парни, всегда будете лопать свою пайку на базе, а кроме того, чтобы заморить червячка, в шлеме имеется капсула с сахарными шариками. Что касается воды — в том же самом шлеме у рта есть соска, которую можно ухватить, повернув голову влево. Но не дуйте много жидкости, прежде чем влезть

в скафандр. Сортиром, к сожалению для некоторых, он не оборудован.

После столь подробных разъяснений каждый получил по скафандру. Как его натягивать, Маккой показал на личном примере. Для начала облачение нужно было разложить на палубе и расстегнуть переднюю молнию, тянущуюся от шеи к причинному месту. Затем сесть на середину скафандра и натянуть его нижнюю часть на свои ноги, совсем как колготки. Далее втиснуться в каждый рукав так, чтобы кисти рук влезли в тяжелые, но гибкие рукавицы. Наконец, надо было сгорбиться и откинуть голову назад, чтобы она попала в шлем.

Либби аккуратно повторял все движения Маккой и поэтому смог подняться в полном оснащении вслед за старшиной. Затем проверил молнию, которая отвечала за герметичность скафандра. По краям она была снабжена двумя мягкими уплотнениями, которые соединялись застежкой и припечатывались давлением воздуха изнутри. Выдыхать необходимо было только в пластиковый мундштук, который соединялся с фильтром.

Маккой суетился вокруг новобранцев, проверяя застежки, подтягивая там и сям пояса и поясня, как пользоваться элементами оснащения, которые находились у скафандра снаружи. И вот, удовлетворенный, он доложил на центральный пост, что его отделение прошло основной инструктаж и полностью готово к выходу на поверхность астероида. Разрешение на получасовую прогулку для акклиматизации было получено.

Группами по шесть человек Маккой проводил своих пехотинцев через воздушный шлюз на поверхность астероида. Либби первым делом зажмурился от непривычного блеска скал. Солнце находилось в добрых двухстах миллионах миль отсюда и купало планетку в радиации, равной лишь пятой части того, что расточалось на старушку Землю. Однако поверхность астероида нестерпимо блистала из-за полного отсутствия атмосферы. И Либби был весьма рад своему янтарному фильтру. Солнце, скукожившееся до размеров одноцентовой монетки, сияло над головой на совершенно черном небе, немигающие звезды теснили не только друг друга, но и само верховное светило.

В наушниках Либби раздался голос одного из товарищей:

— Ух ты. Горизонт-то совсем на носу. Спорим, что он не дальше мили отсюда.

Либби глянул на голую, совершенно плоскую равнину и машинально прикинул.

— Меньше, чем треть мили, — выдал он.

— С чего ты взял, Свинтус? И кто тебя вообще спрашивал?

В ответ на грубость Либби решил быть еще точнее.

— На самом деле — одна тысяча шестьсот семьдесят футов, учитывая, что мои глаза — на высоте пяти футов и трех дюймов.

— Придурок ты, Свинтус. Чего ты все пыжишься, все доказываешь, что только у тебя одного котелок варит.

— А чего тут пыжиться, — ответил Либби. — Если астероид круглый и имеет диаметр в сто миль, то горизонт, само собой, *должен* находиться как раз на таком расстоянии.

— Ой-ой. Чья бы корова мычала.

Маккой прекратил перебранку, обратившись к обидчику:

— Ну-ка, утомонись. Скорее прав Либби, а не ты.

— Либби прав на все сто, — раздался незнакомый голос. — Я получил такую же цифру, делая вычисления для штурмана, прежде чем уйти из рубки.

— Серьезно? — снова подал голос Маккой. — Ну, если главный геодезист говорит, что ты прав, Либби, значит — ты прав. Снимаю шляпу. Только как ты узнал?

Либби слегка зарумянился.

— Черт его знает. В общем, это единственно правильное решение.

Старшина и геодезист устали на него, но все-таки не решились продолжать эту тему.

К концу «дня» по корабельному времени (для «восемьдесят восьмого» период вращения составлял восемь с половиной часов) работа уже вовсю кипела. Корабль был посажен у гряды приземистых холмов. Капитан выбрал небольшую смахивающую на чашу долину, нескольких тысяч футов длиной и вдвое меньше

шириной, чтобы разбить в ней постоянный лагерь. Его должны были снабдить крышей, загерметизировать и наполнить воздухом.

Внутри холма, который отделял корабль от долины, предстояло устроить кубрики, кают-компанию, офицерские квартиры, лазарет, комнату отдыха, штабные помещения, каптерки и прочее. Через холм надо было прорыть туннель, соединяющий все эти помещения и переходящий в герметичную трубу, плотно состыкованную с шлюзом правого борта корабля. Трубу и туннель планировалось оснастить конвейерным транспортером для перемещения людей и грузов.

Либби был приписан к команде кровельщиков. Он помогал специалисту по металлоконструкциям, таскаясь по холму с переносным атомным нагревателем. С этой штуковиной на Земле было бы нелегко — там бы она тянула на восемьсот фунтов, а здесь весила всего лишь шестнадцать. Остальная часть команды расправляла и готовилась устанавливать вручную гигантский прозрачный купол, который должен был послужить «небом» долины.

Главный кровельщик отыскал на склоне, ведущем в долину, отметки, наладил нагреватель и начал вытесывать в скальной породе глубокую выемку, похожую на ступеньку. Он двигался вперед, держась одного и того же уровня с помощью линии, прочерченной мелом вдоль всей скалистой стены. Либби решил выяснить, кто это так сноровисто сделал разметку.

— Элементарно, — стал объяснять ему напарник кровельщика. — Два или три геодезиста взяли теодолит, установили на высоте ровно в пятьдесят футов над дном долины и прикрепили к нему поисковый прожектор. Затем один из них, как метеор, промчался по кругу, чиркая мелом на высоте, которую показывал луч.

— Наша крыша будет точно на высоте пятьдесят футов?

— Скорее, на высоте сто футов в среднем. Из-за давления воздуха она примет форму колокола.

— Нормального земного давления?

— Половинного.

Либби на мгновение сосредоточился, затем на его физиономии отразилось недоумение.

— Но послушайте, эта долина имеет тысячу футов в длину и более шестисот в ширину. При половине от давления сто пятьдесят фунтов на квадратный дюйм и учитывая, что крыша будет в виде арки, нагрузка составит одну целую восемь десятых миллиона фунтов. Какая ткань выдержит такое напряжение?

— Паутина.

— Паутина?

— Да, паутина. Крепчайшая штука в мире, прочнее лучшей стали. Синтетический паучий шелк. Марка, которую мы используем для крыши, имеет прочность на разрыв в четыре тысячи фунтов на погонный дюйм.

Либби, ненадолго задумавшись, выложил:

— Ага, при периметре около ста восьмидесяти тысяч дюймов максимальное давление на верхнюю точку свода будет около шестисот двадцати пяти фунтов на дюйм. Хороший запас.

Главный кровельщик облокотился на нагреватель и кивнул.

— Что-то вроде того. Да ты, малыш, я вижу, силен в арифметике.

Либби был потрясен таким мнением и стал оправдываться:

— Я только хочу знать все точно.

Они быстро продвигались по склону, делая ровную канавку, в которой «паутина» будет закорена и настолько «притерта» к скале, что купол окажется вполне герметичным. Белая, пышущая зноем лава извергалась из-под резца нагревателя и неторопливо стекала под гору. Коричневый дым, в который превращалась испаряющаяся скальная порода, почти мгновенно конденсировался в вакууме и оседал белым порошком. Главный кровельщик показал на него:

— Эта пылица запросто вызовет силикоз, если мы оставим ее здесь и потом станем ею дышать.

— А как можно убрать порошок? — Либби был озадачен.

— Втянем его пневмоустановкой.

Либби использовал это высказывание как повод для следующего вопроса:

— Мистер...

— Давай без мистера. Меня зовут Джонсон.

— Хорошо, Джонсон. Откуда мы возьмем столько воздуха, чтобы хватило на всю долину, не говоря уж о туннелях? Я подсчитал: нам потребуется двадцать пять миллионов кубических футов или даже больше. Мы что, станем его делать прямо тут?

— Нет уж, это слишком хлопотно. Мы захватили его с собой.

— На корабле?

— Именно. Под давлением в полста атмосфер. Так что не волнуйся.

Либби учел и это.

— Сдается мне, что для его транспортировки понадобится бы емкость длиной в восемьдесят футов.

— Угадал. Он запрессован в три специальных трюма, вернее, гигантские резервуары. Этот корабль в свое время возил воздух на Ганимед. Я был на нем тогда новобранцем, но только в воздушной команде.

Через три недели постоянный лагерь был готов, и все необходимое с корабля выгружено. Склады ломились от инструментов и съестных припасов. Капитан Дойл перевел свой офис под землю и передал командование кораблем старшему помощнику, доверив ему возвращение на Землю с сильно сократившимся экипажем.

Либби выбрал на склоне холма удобное место и наблюдал оттуда за стартом корабля. Тут-то его и прихватила ностальгия. Вернется ли он когда-нибудь домой? В тот момент он искренне хотел сменить остаток жизни на тридцать минут, проведенных вместе с мамой и Бетти.

Спускаясь с холма, он направился к входу в главный туннель. Так или иначе, на корабле его письмо к родным, и, если повезет, капеллан вскоре доставит ответ с Земли. В ближайшие дни будет не до развлечений. Ему понравилась работа в наземной команде, но завтра он вернется к своему отделению. Либби не очень-то хотелось этого. Парни там были вполне нормальные, но он все равно чувствовал себя не в своей тарелке.

А вскоре рота Космического строительного корпуса приступила к своему основному делу — стала долбить на «восемьдесят восьмом» ракетные шахты. С их помощью капитан Дойл должен был столкнуть этот стомильный шарик с его обычной орбиты и загнать на новую траекторию вращения — между Землей и Марсом. И тогда он превратится в космическую станцию — убежище для аварийных кораблей, гавань для спасательных катеров, заправочную базу и форпост Военно-космических сил.

Либби приставили к нагревателю у шахты Н-16. Теперь его обязанностью было устройство аккуратных ямок, куда саперы потом закладывали взрывчатку. На Н-16 было поставлено две команды под общим руководством пожилого старшины. Тот сидел на краю шахты, держа в руках чертеж, и время от времени занимался вычислениями с помощью круглой логарифмической линейки, висевшей у него на шее.

Либби только что закончил возиться с одним мудреной формы углублением для трехфазного направленного взрыва и поджидал саперов, когда вдруг поймал своими наушниками распоряжение старшины относительно величины заряда. Новобранец тут же нажал кнопку передатчика.

— Мистер Ларсен! Вы ошиблись!

— Кто это сказал?

— Это я, Либби. Вы ошиблись в величине заряда. Если такой взорвется, он разнесет и шахту, и нас вместе с ней.

Старшина, покрутив диски линейки, возразил:

— Зря волнуешься, сынок. Заряд рассчитан правильно.

— Не зря, сэр, — не мог утомониться Либби. — Вы умножили там, где должны были разделить.

— Ты когда-нибудь этим занимался?

— Нет, сэр.

— Закладывайте заряд, — обратился Ларсен к саперам.

И те принялись исполнять приказ. У Либби пересохло в горле, он глотнул и облизал губы. Он знал, что ему надлежит сделать, но не сразу смог преодолеть робость. В два неуклюжих прыжка Либби оказался перед

саперами, вклинился между ними и вырвал провод из детонатора. Пока он трудился, над ним мелькнула тень, и опустившийся рядом Ларсен схватил его за руку.

— А вот этого уже не стоило делать, сынок. Прямое нарушение приказа. Я должен буду о тебе доложить. — И старшина принялся восстанавливать цепь.

Уши Либби сделались багровыми от смущения, но он снова произнес с отвагой загнанного зверя:

— Я обязан был это сделать, сэр. Вы ошиблись.

Ларсен, помедлив, скользнул взглядом по упрямой физиономии новобранца.

— Ладно. Хотя это и пустая трата времени, но мне не хочется держать тебя перед зарядом, которого ты боишься.

Капитан Дойл чувствовал себя в своих апартаментах как дома. Ноги его отдыхали на пульте, капитанский взор упирался в опорожненный стакан.

— Недурственное пиво, Блэки. Как думаешь, сможем мы сварить еще, когда наши запасы кончатся?

— Не знаю, капитан. Разве мы захватили дрожжи?

— Вот и узнай. — Капитан повернулся к дорожному мужчине, расплывшемуся в третьем кресле. — Ну, Ларсен, я чертовски рад, что обошлось без беды.

— Все равно меня гнетет то, что я смог так облажаться. Я же дважды пересчитывал. Если бы это был динамит, я сразу бы сообразил, что ошибся. Не всполошись тот паренек, ну и рвануло бы...

Капитан Дойл похлопал старого сержанта по плечу.

— Забудь, дружище Ларсен. Ты и при желании не сможешь больше никому навредить — я распорядился, чтобы из шахты даже при небольших зарядах убивали всех людей. Эта изотопная взрывчатка — хитрая bestия. Посмотри, что случилось в шахте А-9. Десятидневный труд улетел в тартарары из-за одного заряда. Но я хочу повидать этого паренька. Как, ты сказал, его зовут?

— Либби Э. Дж.

Дойл нажал кнопку на пульте. В дверь тут же постучали. В ответ на капитанское «войдите» появился парень с нарукавной повязкой дневального.

— Рядового Либби — ко мне.

— Есть, сэр.

Через несколько минут Либби доставили в каюту капитана. Он с волнением огляделся и заметил Ларсена. Это его порядком смутило. Новобранец доложил едва слышным голосом:

— Рядовой Либби по вашему приказанию прибыл.

Капитан взглянул на него.

— Ну, Либби, я слышал, ты и мистер Ларсен разошлись сегодня утром во мнениях. Расскажи-ка об этом поподробнее.

— Я... я ничего плохого не делал, сэр.

— А кто говорит, что делал? Наоборот, ты оказал нам всем неоценимую услугу. Все-таки, как ты узнал, что в вычислениях оказалась ошибка? У тебя есть опыт саперной работы?

— Нет, сэр. Я только понял, что мистер Ларсен сделал расчет неправильно.

— Но как?

Либби помялся, переступил с ноги на ногу.

— Ну, сэр, он просто показался мне неверным. И все.

— Секундочку. Я вклинюсь, капитан. Можно, я задам этому молодому человеку пару вопросов? — подавал голос капитан третьего ранга Блэки Родс.

— Конечно, давай.

— Ты тот самый малыш, которого зовут Свинтусом? Либби зарумянился:

— Да, сэр.

— Я слышал кое-что об этом парне.

Родс вытащил свою внушительную фигуру из кресла, подошел к книжной полке и взял оттуда толстенный том. Он полистал его, а затем, остановившись на какой-то странице, стал задавать Либби вопросы.

— Квадратный корень из девяноста пяти?

— Девять целых семьсот сорок семь тысячных.

— А кубический?

— Четыре целых пятьсот шестьдесят три.

— Логарифм?

— Что, сэр?

— Бог мой! Можно ли в наши дни выйти из школы, не имея об этом понятия?

Либби почувствовал себя совсем неудобно.

— Я не очень-то долго учился. Мои предки не признавали Ковенанта, и только после папиной смерти я немного походил в школу.

— С тобой ясно. Логарифм — это показатель степени, в которую надо возвести какое-нибудь число, называемое основанием, чтобы получить число, логарифм которого ты ищешь. Усек?

— Не совсем, сэр.

— Я попробую опять. Если ты возведешь десять во вторую степень — в квадрат — получишь сто. Следовательно, логарифм ста по основанию десять — два. Соответственно, логарифм тысячи по основанию десять — три. Ну так, логарифм девяноста пяти?

— Я не могу извлечь его точно. Это дробь.

— Ладно.

— Только приблизительно — это будет одна целая девятьсот семьдесят восемь, или около того.

Родс повернулся к капитану:

— По-моему, дальнейшие вопросы излишни.

Пребывающий в задумчивости Дойл кивнул:

— Да, у паренька, похоже, большие интуитивные способности к математике. Но давайте посмотрим, что он еще может.

— Боюсь, мы должны отправить его на Землю, чтобы там тщательно исследовали это дело.

Либби ухватил смысл последней фразы.

— Сэр, не надо отсылать меня домой. Мама будет ужасно расстроена.

— Ничего такого с тобой не случится, — поспешил его успокоить Дойл. — Когда закончишь службу, тогда и проверим тебя в психометрической лаборатории. А пока я с тобой не расстался бы и за трехмесячное жалованье. Мне легче бросить курить. Но давай-ка мы еще тебя погоняем.

Целый час капитан и штурман слушали, как Либби, во-первых, выводит теорему Пифагора, во-вторых, получает законы Ньютона и Кеплера на основании тех данных, которыми пользовались первооткрыватели, в-третьих, безошибочно оценивает на глаз размеры: протяженность, площадь и объем. И когда Либби, схватив суть теории относительности и непрямолинейно-

сти пространственно-временного континуума, начал изливать знания быстрее, чем мог говорить, — капитан Дойл притормозил его, подняв руку.

— Достаточно, сынок, не то у тебя будет жар. Сейчас иди спать, а утром явишься ко мне. Я снимаю тебя с полевых работ.

— Есть, сэр.

— Между прочим, как твое полное имя?

— Эндрю Джексон Либби, сэр.

— Теперь понятно, почему твои предки никак не могли подписать Ковенант. Ну, спокойной ночи.

После ухода Либби два старших офицера принялись обсуждать свое открытие.

— И что вы обо всем этом думаете, шкипер?

— Ну, он, ясное дело, гений, из тех, что появляются раз в сто лет. Я дам ему свои книги и посмотрю, что из этого получится. Не удивлюсь, если он окажется вдобавок и скоротеем.

— Надо же, кого только среди этих мальчишек не отыщешь — а ведь все они на Земле были ребята как ребята, ничего особенного.

Дойл кивнул:

— В том-то и беда. Эти пацаны не чувствовали себя там нужными.

«Восемьдесят восьмой» прошел еще несколько миллионов миль вокруг Солнца. За это время оспины на его «физиономии» сделались куда глубже. Шахты были выложены изнутри дюритом — лабораторным продуктом с плотной кристаллической решеткой, которая гасит даже атомный распад. Затем «восемьдесят восьмой» получил порцию мягких толчков, направивших его по курсу к новой орбите. Через несколько недель реактивные выбросы из шахт сделали свое дело, и «восемьдесят восьмой» прочно встал на траекторию, ведущую к Солнцу.

Когда он достигнет базовой точки — в одну целую и три десятых расстояния от Солнца до Земли, — новая серия толчков выведет его на круговую орбиту. С этого момента имя ему станет ЗМ-3, то есть третья космическая станция «Земля—Марс».

В сотнях миллионов миль от него еще две роты Космического строительного корпуса заставляли пару других астероидов сойти с проторенной колеи и начать вращаться вокруг Солнца между Землей и Марсом. В итоге все три астероида должны были оказаться на одной орбите. Один из них мчался бы по этой орбите ста двадцатью градусами впереди «восемьдесят восьмого». Другой — ста двадцатью градусами позади. Когда ЗМ-1, ЗМ-2 и ЗМ-3 встанут на свои места, ни один путешественник, терпящий бедствие между Землей и Марсом, не окажется брошенным на произвол судьбы.

В течение тех месяцев, пока «восемьдесят восьмой» летел к Солнцу, капитан Дойл сократил трудовой день членов экипажа и перевел их на сравнительно легкие работы: постройку отеля и превращение долины под куполом в крытый сад. Искошенная скала стала вполне плодородной землей, в которую внесли удобрения и культуры анаэробных бактерий. Затем космическая пехота посадила растения, приспособившиеся в Луна-Сити за тридцать с лишним поколений к малой тяжести, и стала нежно о них заботиться. Если не принимать во внимание низкую гравитацию, «восемьдесят восьмой» стал парням почти что родным домом.

Но когда астероид вышел на траекторию, касательную к будущей орбите ЗМ-3, рота опять вернулась к распорядку, характерному для маневрирования, когда команда живет в напряженном ритме: вахта—отдых, вахта—отдых, а капитан держится на одном кофе и ловит минуты сна прямо в штурманской рубке.

Либби был приписан к баллистическому вычислительному комплексу — трем тоннам думающего металла, господствующим в штурманской рубке. Либби помогал настраивать и обслуживать его. Он очень уважал этот компьютер, наверное, потому, что бесхитростно думал о машине, как о человеке, причем похожем на него самого.

В последний день маневрирования залпы из шахт стали более частыми. Либби занимал правое кресло у пульта комплекса, бормоча расчетные показатели для следующих толчков и при этом не забывая восхищаться точностью, с которой машина просчитывала курс.

Капитан нервно крутился возле компьютера, время от времени тормозя, чтобы заглянуть через плечо штурмана. Конечно, цифры не врут, и все-таки даже подумать страшно, что может произойти, если думающая техника откажет. Никто никогда еще не передвигал такой большой массы. А вдруг она полетит сама собой дальше и дальше. Бред, конечно. Однако, капитан был весьма рад, когда астероид сбавил скорость.

Космический пехотинец аккуратно коснулся капитанского локтя.

— Сообщение с флагмана, сэр.

— Читай.

— «Флагман — „восемьдесят восьмому“. Лично Дойлу. Нахожусь поблизости, буду любоваться вашим прибытием. Кирни».

Дойл ослабился. Любезно со стороны старикашки, ничего не скажешь. Когда астероид наконец делается станцией, стоит пригласить адмирала «приземлиться» на обед и показать ему сад.

Следующий толчок был мощнее прежних. Рубку сильно затрясло. Через мгновение посыпались сообщения наблюдателей.

— Шахта девять — в норме!

— Шахта десять — в норме!

Внезапно прекратилось привычное бормотанье Либби. Дойл повернулся к нему:

— Что случилось, парень? Ты заснул? Быстренько запроси полярные координаты. Я должен знать параллакс.

— Капитан... — голос Либби едва не сорвался.

— Ну... шевели губами, не тяни!

— Капитан, машина не просчитывает курс.

— Спайерс!

Седая голова главного наводчика тут же вынырнула с другой стороны вычислительного комплекса.

— Сэр, позвольте доложить вам через минуту.

Голова опять скрылась, прошло несколько мучительных минут, прежде чем она появилась снова.

— Гироскоп сбился. Калибровка займет по меньшей мере часов двенадцать.

Капитан, ничего не сказав, развернулся и направился в дальний угол рубки. Штурман внимательным взгля-

дом проследил за ним. Дойл наконец прошел обратно, посмотрел на хронометр и обратился к штурману:

— Ну, Блэки, если через семь минут у меня не будет данных для залпа, мы все пропали. Какие будут умные предложения?

Родс уныло покачал головой. И тут Либби робко подал голос:

— Капитан...

— Да? — резко крутанул головой Дойл.

— Данные следующего залпа для шахты тринадцать — семь целых шестьдесят три сотых; для шахты двенадцать — шесть целых девяносто сотых; для шахты четырнадцать — шесть целых восемьдесят девять сотых.

Дойл уперся взглядом в лицо Либби.

— Ты уверен, сынок?

— Они должны быть такими, капитан.

Дойл будто окаменел. Он не смотрел на Родса, его взгляд уходил куда-то вперед. Затем капитан сделал пару глубоких затяжек, стряхнул пепел и твердым голосом приказал:

— Ввести данные. Огонь — по команде.

Четыре часа спустя Либби все еще бубнил залповые данные, лицо его посерело, глаза были прикрыты. Однажды он даже впал в обморочное состояние, но когда его привели в чувство, то снова принялся выдавать цифры. Время от времени капитан и штурман подменяли друг друга, но Либби замены не было.

Залпы теснились один к другому, но толчки стали уже слабее.

После очередного хиленького залпа Либби открыл глаза, посмотрел в потолок и сказал:

— Это все, капитан.

— Запросите полярные координаты, — окликнул Дойл вахтенного помощника.

Тот вскоре доложил:

— Параллакс — постоянный, угловой солнечный коэффициент — постоянный.

Капитан потянулся в своем кресле.

— Ну, Блэки, мы сделали это — благодари Либби.

Вдруг Дойл заметил беспокойный и внимательный взгляд пехотинца.

— Что случилось, парень? Мы промазали?

— Капитан, вы как-то сказали, что хорошо бы иметь в саду нормальную земную силу тяжести?

— Ну, говорил.

— Если та книжка по гравитации, которую вы мне дали почитать, не вранье, то мне, похоже, понятно, как это сделать.

Капитан посмотрел на Либби так, будто видел его впервые.

— Я уже устал удивляться. Ты можешь притормозить поток своих умных мыслей для того, чтобы пообедать с адмиралом?

— Отличная идея, капитан!

Грубым голосом динамик провозгласил информацию узла связи:

— Сообщение с флагмана: «Хорошо сделано, „восемьдесят восьмой“».

Дойл наградил всех улыбкой.

— Приятное подтверждение того, что мы не промахнулись.

Динамик загрохотал вновь:

— Сообщение с флагмана: «Отмена последнего сообщения. Ждите поправку».

На лице Дойла появилось удивление и беспокойство. Динамик вскоре продолжил:

— Сообщение с флагмана: «Хорошо сделано, ЗМ-3».

ПОВЕСТЬ О НЕНАПИСАННЫХ ПОВЕСТЯХ

Я обращаюсь в первую очередь к тем, кто уже прочел первые два тома моих сочинений со столь впечатляющим названием «История будущего».

Первый том, «Человек, который продал Луну», охватывает события от наших дней до конца двадцатого столетия и завершается первыми неуверенными шагами человека в космосе. Читатель смог убедиться, что некоторые рассказы, относящиеся к нашему времени, благополучно устарели. Могу объяснить это тем, что писатель-фантаст сталкивается с трудностями, схожими с проблемами синоптиков и гадалок.

Том второй, «Зеленые холмы Земли», посвящен героическим будням освоения Солнечной системы, и все включенные в него вещи относятся к рубежу двадцатого и двадцать первого веков.

Если заглянуть в таблицу, приложенную ко второму тому, то вам покажется, что время действия всех этих историй укладывается в двадцатипятилетний промежуток. Но это лишь оптическая иллюзия, порожденная требованиями полиграфического дела. Указанную последовательность историй тоже не надо принимать за чистую монету. Многие сюжеты пересекаются во вре-

«Concerning Stories Never Written: Postscript»

© А. Тюрин, перевод, 1993.

мени, однако в них заняты разные персонажи в разных точках пространства.

Предлагаемый вашему вниманию третий том начинается примерно через три четверти века после событий, описанных в последнем рассказе предыдущего тома. Внушительный кусок «Истории будущего» уложился в этот временной разрыв.

«Зеленые холмы» завершились тем, что Соединенные Штаты стали ведущей державой в широкомасштабной космической экспансии, охватившей все пригодные для жизни планеты Солнечной системы. Но на первой же странице третьего тома мы видим Соединенные Штаты погруженными во тьму нового Средневековья. Страну, забывшую про космос, отгороженную железным занавесом даже от остальной Земли, находящуюся под гнетом теократии, столь же тотальной, как и коммунизм.

Вам может показаться, что вы читаете одну из плохо отредактированных журнальных повестей с продолжением. В предыдущем номере герой висит над кишащей змеями ямой в обществе злодея, который отпускает шуточки в его адрес. А в следующей главе мы видим его прогуливающимся в полном здравии и прекрасном настроении по Пятой Авеню.

Я мог бы, конечно, извиниться перед читателями. Дескать, мои произведения не планировались на роль подлинной истории будущего — о которой мне известно столько же, сколько и публике, — не являются они и частями большого сериала, поскольку сюжетно не зависят друг от друга. Мол, эги вещи были написаны, чтобы развлечь читателя и доставить автору средств на пропитание.

Однако же я считаю, что раз уж вы потратились на третий том, то имеете полное право на авторское разъяснение: почему все-таки он позволил себе столь большой временной разрыв между второй и третьей книгой.

В таблице между «Зелеными холмами» и первой вещью следующего тома можно увидеть три взятых в скобки названия. Как раз истории с этими названиями, будь они написаны, охватили бы пропущенные три четверти столетия и составили еще один том собрания.

Время действия первой из ненаписанных повестей — «Шум его крыльев» — начиналось бы незадолго перед событиями «Логике империи» и заканчивалось через несколько лет после них. В ней рассказывалось бы о юности и карьере телевизионного проповедника Негемии Скаддера, о его взлете на политический Олимп, о судьбе этого «Первого Пророка», Президента Соединенных Штатов, разрушителя американской конституции и основателя теократического режима.

Вторая повесть — «Затмение» — являлась бы в значительной степени аналогом истории Американской Революции и распада колониальной системы в XX веке, но речь в ней пошла бы о земных колониях на Марсе и Венере, которые, добившись экономической и политической независимости, порвали бы с матушкой-Землей. Что, в свою очередь, привело бы к почти полному прекращению межпланетных сообщений. В «Логике империи» показаны некоторые процессы, ведущие к остановке в освоении космоса. Если материнская планета не в состоянии больше эксплуатировать колонии, торговля и связь с ними сходят на нет, межпланетные сообщения делаются необычайно дорогими. Сами же освободившиеся от колониализма планеты могут даже законодательно оформить запрещение контактов с бывшей метрополией.

«Каменная подушка» заполнила бы брешь между учреждением теократического режима и его свержением Второй Американской Революцией. Эта история поведала бы о создании революционного подполья. История названа в честь камней, на которых отдыхали бы мученики подполья и в тюрьме, и вне ее. Эти революционеры находились бы почти в столь же безвыходном положении, что и антикоммунисты в СССР. Но «Каменная подушка» показала бы превосходство в иных случаях ножа над атомной бомбой и неразумность охоты на комаров с помощью топора.

Все три произведения, вероятно, никогда не будут написаны. «Затмение» касается тем, которые не укладываются в прокрустово ложе «Истории будущего». Было бы скучно и для вас и для меня заново пережевывать эти темы. Что касается двух других пропущенных историй, то основными их недостатками являются ми-

норность тона и печальный конец. Я не против трагедий и написал их прорву, но нынче их и без того слишком много в газетных заголовках. В общем, не хочу я сейчас писать трагедию и сомневаюсь, что у вас возникло бы желание ее прочитать. Может, потом, в более благоприятные времена, когда мы все будем чувствовать себя по-другому.

Даже Карузо, Клеопатра и Санта-Клаус могут надоесть публике, а что говорить обо мне с моей псевдо-историей будущего, которая уже заслужила больше свиста и топота, чем криков «браво».

Я отчетливо сознаю, что кратко сформулированные темы ненаписанных историй не проработаны достаточно тщательно, чтобы выглядеть убедительными. Особенно это относится к вещам, рассказывающим о прекращении межпланетных перелетов и установлении в США диктатуры, базирующейся на суевериях. Но достаточно вспомнить открытия викингов тысячелетней давности, их поселения, основанные в Америке. Ведь труды скандинавских мореплавателей оказались напрасными и Колумбу пришлось начать все сначала. Космические же перелеты в ближайшем будущем, вероятнее всего, будут сомнительным предприятием, субсидируемым военным ведомством. Они могут отмереть и возродиться вновь уже на новой технологической базе и из новых экономических и политических соображений. Я не утверждаю, что так обязательно будет, но думаю, так может быть.

Что касается идеи о возможном уничтожении свободы волной религиозной истерии, то я, хоть и приношу извинения за такую мысль, но все же считаю подобное развитие допустимым, хотя и не слишком вероятным. В нашей культуре существует глубоко спрятанный слой религиозного фанатизма, это явление укоренено в американской истории и не раз уже прорывалось в прошлом. Сейчас оно тоже дает о себе знать. В последние годы в нашей стране наблюдался резкий рост влияния евангелических сект, среди которых есть и такие, что придерживаются крайне теократических, антинаучных, антилиберальных воззрений.

Общеизвестно, что любая секта, экстремистский культ или религия станут возводить свою веру в закон,

если приобретут достаточно политической власти. И будут сопровождать это подавлением оппозиции, превращением образования в машину для промывания мозгов, истреблением и преследованием еретиков. Совершенно все равно, называется вера коммунизмом или холироллеризмом. В любом случае фанатики будут поступать именно так. «Хранители истинной веры» никогда не согласятся на мирное сосуществование с еретиками.

Тем не менее в нашей стране попытки возвести религиозные убеждения в статус закона лишь изредка были успешными. В отдельных штатах принимались законы о закрытии увеселительных заведений по воскресеньям, о контроле за деторождением; можно вспомнить федеральный «сухой» закон и такие теократические анклавы, как Сион Воливы, Нову Смита и кое-что еще. Наша страна образует столь немыслимую смесь верований и сект, что некоторая степень терпимости всегда соблюдается. Но если религиозные меньшинства объединятся, то наверняка будут сильнее, чем даже самая крупная из главенствующих сект.

Может ли положение измениться? Получит ли какая-нибудь секта достаточное большинство голосов на выборах, чтобы захватить власть над всей страной? Скорее всего, нет. Однако соединение энергичного проповедника с мощью телевидения, большими деньгами, современной техникой рекламы и пропаганды может дать результат, настолько превосходящий усилия Билли Санди, насколько сеть универмагов «Сирс Робак» превосходит какую-нибудь лавчонку. Добавьте сюда экономическую депрессию, обещания Царства Божия на земле, хорошие дозы антисемитизма, антикатолицизма, расизма, ксенофобии плюс приличные порции антиинтеллектуализма для домашнего употребления — и итоги могут быть весьма устрашающими. Особенно если учесть нашу избирательную систему, при которой теоретическое меньшинство, распространенное в достаточном количестве штатов, может завоевать в Вашингтоне практическое большинство.

Я представляю себе Негемию Скаддера как проповедника из захолустья, соединяющего в себе черты Кальвина, Савонаролы, судьи Резерфорда и Хьюи Лон-

га. Его влияние не будет носить общенационального характера, пока не умрет г-жа Рэйчел Битс, ранее обращенная в его веру, дама с единственным достоинством — сказочными деньгами, оказавшимися у нее после кончины мужа-миллионера, отнюдь не разделявшего ее убеждений. Эти деньги она завещает Брату Скаддеру, а он создаст с их помощью телестанцию. Затем объединит усилия с бывшим сенатором от своего штата. Они наймут крупное рекламное агентство и вступят на путь, ведущий к славе и богатству. Затем им понадобятся штурмовые отряды, они возродят Ку-Клукс-Клан во всем, кроме названия, вместе с балахонами, паролями, тайными знаками. Эта атрибутика еще раз сыграет свою роль. Потом будет кровь на избирательных участках и на улицах, но Скаддер выиграет выборы. А следующие выборы ему уже не понадобятся.

Такое невозможно? А вспомните Клан двадцатых годов, они далеко пошли даже без энергичного лидера. Вспомните Карла Маркса — его антинаучная ахинея под названием «Капитал» уничтожила свободу мысли на доброй половине планеты Земля, а ведь при этом даже не использовались эмоциональные каналы воздействия, присущие религии.

Способность человека поглощать чепуху, превращая ее в насилие и репрессии, пока не знала никаких ограничений.

Нет, должно быть, я никогда не создам истории Негемии Скаддера, я его слишком не люблю. Но надеюсь, вы со мной согласитесь, что она могла быть написана. Хотя бы для того, чтобы рассказы, следующие за ней по времени действия, были достоверны. Но независимо от того, поверите ли вы в предпосылки, на которых основываются эти истории, или нет, я надеюсь, что мои сочинения придутся вам по вкусу. В противном случае мне останется одно: зарабатывать на хлеб чем-то другим. И это в мои-то годы...

Роберт Э. ХАЙНЛАЙН
Колорадо-Спрингс, Колорадо

Содержание

Испытание космосом. <i>Пер. И. Оранского</i>	9
Зеленые холмы Земли. <i>Пер. Ян Юа</i>	27
Логика империи. <i>Пер. М. Ермашевой</i>	41
Угроза с Земли. <i>Пер. Б. Иванова</i>	100
На Луне ничего не случается. <i>Пер. Б. Иванова</i>	132
Если это будет продолжаться... <i>Пер. Ю. Михайловского</i>	165
Ковентри. <i>Пер. В. Ковалевского, Н. Штуцер</i>	305
Неудачник. <i>Пер. А. Тюрин</i>	366
Повесть о ненаписанных повестях. <i>Пер. А. Тюрин</i>	393

МИРЫ РОБЕРТА ХАЙНЛАЙНА

**Полное собрание фантастических произведений
в двадцати пяти томах**

Книга двадцать третья

Составитель А. Новиков

Главный редактор А. Захаренков

Ответственный за выпуск Е. Чутов

Редактор М. Проворова

Технический редактор К. Козаченко

Корректоры Г. Бочарова, А. Хиршфелде

Оператор компьютерной верстки Н. Жук

Художественное оформление серии: М. Захаренкова

Оформление: Л. Булыкина, В. Ковалев

ЛР № 082455 от 23.03.93

Подписано в печать с готовых диапозитивов 25.08.94.

Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типогр.

Гарнитура Балтика. Печать высокая.

Усл. печ. л. 20,7. Усл. кр.-отг. 21,7. Уч.-изд. л. 19,8.

Тираж 25 000 экз. Заказ № 4-302.

Издательская фирма «Полярис»

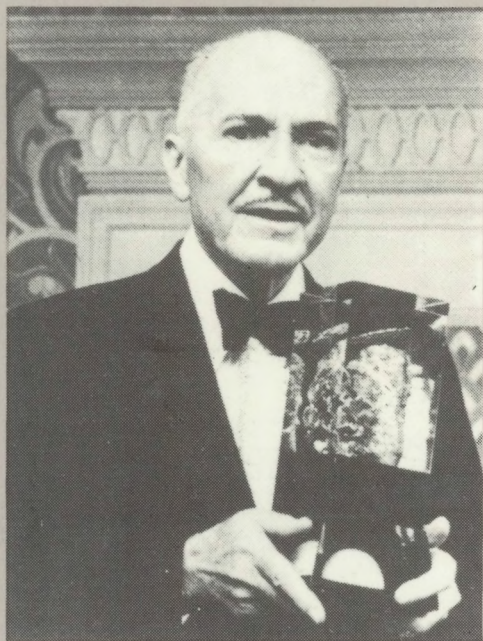
Латвийская Республика, LV—1039, Рига, а/я 22.

Книжная фабрика им. М. В. Фрунзе

310057, Харьков, ул. Донец-Захаржевского, 6/8.

**Миры Роберта Хайнлайна кн. 23 / Пер. с англ.— Рига: Полярис,
1994.—399 с.**

VERBA VOLANT, SCRIPTA MANENT

POL RIS
publishers